

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С
И
Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПУБЛИЦИСТИКА—ФИЛОСОФИЯ—ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПЕРЕПИСКА

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

XIX

ЧАСТЬ II

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1947

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**КНИГА III: ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ**

ПЕРЕВОД

**И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА,
ПРОВЕРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ**

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

Для настоящего издания второй части XIX тома в основу взят текст русского перевода И. И. Степанова-Скворцова. Этот перевод был заново сверен с подготовленным Энгельсом изданием III тома «Капитала» (1894 г.). При сверке были устранены вкравшиеся в прежний перевод ошибки и неточности. Особое внимание было обращено на уточнение экономической терминологии.

Ряд мест из II части III тома «Капитала», цитированных В. И. Лениным, включен в текст в ленинском переводе. Отдельные места немецкого издания 1894 г. сверены с имеющейся в ИМЭЛ рукописью Маркса, а также с первоисточниками. При этом в издании 1894 г. были обнаружены некоторые опечатки. В подобных случаях в текст вносились исправления и делались соответствующие оговорки в редакционных примечаниях.

Том подготовил Ф. И. Михалевский.

**РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ,
ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.**

(ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВОГО КАПИТАЛА.

Теперь мы должны рассмотреть ближе, из чего состоит банковый капитал.

Мы только что видели, что Фуллартон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как средством платежа (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между обращением (*currency*) и капиталом.

Своеобразная роль, которую здесь играет капитал, приводит к тому, что с такой же старательностью, с какой просвещенная экономия пыталась внушить, что деньги не капитал, — с такою же старательностью эта экономия банкиров внушает, что деньги — действительно капитал *par excellence* [по преимуществу].

В дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с *moneyed capital* в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как в первом смысле денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую в отличие от других форм капитала: от товарного капитала и производительного капитала.

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: торговые бумаги, текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира; и общественные ценные бумаги как государственные бумаги, свидетельства казначейства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены также ипотекы. Капитал, составляющийся из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и вклады, составляющие его *banking capital* [банковский капитал], или

капитал, полученный им в ссуду. В банках, выпускающих банкноты, последние также относятся сюда. Вклады и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же вклады, т. е. капитал других людей. Разделение капитала на части остается неизменным, независимо от того, ведет ли банкир дело только при помощи своего собственного капитала или же только при помощи капитала, составившегося из вкладов.

Форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого процент возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — именно, представляется капитальной суммой (*principal*), в противоположность проценту, который она может приносить или приносит в действительности.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы 25 ф. ст. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 ф. ст. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 ф. ст. — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как например земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определенный процент за занятый капитал. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать свое долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблен, затрачен государством. Он более не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 ф. ст.; 2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, т. е. на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%; 3) может продать это долговое обязатель-

ство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платежеспособность государства не возбуждает сомнений, то владелец *A* может, вообще говоря, продать долговое обязательство *B* за 100 ф. ст., потому что для *B* совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. за 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 ф. ст. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора *A* причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет процент на его капитал. — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная взаймы, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для *A* возможность вернуть основную сумму. Что касается *B*, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела *B* только стал на место *A* и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь мы рассмотрим рабочую силу в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — как и вообще капитал, приносящий проценты, есть мать всех нелепо извращенных форм, так что, напр., долги в представлении банкира могут казаться товарами. Заработная плата рассматривается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, напр., годовая заработная плата = 50 ф. ст., а размер процента — 5%, то годовая рабочая сила считается равной капиталу в 1 000 ф. ст. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того, чтобы возрастание стоимости капитала объяснять эксплуатацией рабочей силы, производительность рабочей

силы объясняется, наоборот, тем, что сама рабочая сила — такая же мистическая вещь, капитал, приносящий проценты. Во второй половине XVII века (напр., у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни оно со всей серьезностью используется отчасти вульгарными экономистами, отчасти же и главным образом немецкими статистиками¹. К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятно опровергающие это бессмысленное представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. В действительности годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, результат ее возрастания. При системе рабства рабочий представляет сам капитальную стоимость, имеет покупную цену. И если его отдают в наем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и кроме того возместить ежегодное снашивание капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход = 100 ф. ст. и размер процента = 5%, то 100 ф. ст. составляют годовой процент на 2 000 ф. ст., и эти 2 000 ф. ст. считаются теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности на ежегодный доход в 100 ф. ст. Для того, кто купил этот титул собственности, 100 ф. ст. действительно представляют процент на капитал, вложенный из 5%. Таким образом утрачиваются последние следы зависимости от действительного процесса возрастания капитала, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не является представителем чисто иллюзорного капитала, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги

¹ «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процентный доход... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получится средняя стоимость одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии 1 500 талеров, для Пруссии — 1 500, для Англии — 3 750, для Франции — 2 000, для внутренней России — 750 талеров» (Von Reden, «Vergleichende Kulturstatistik», Berlin 1848, стр. 434).

чисто иллюзорная. Мы видели выше, каким образом кредит создает ассоциированный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал. Акции железнодорожных, горных, паровозных и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммой, авансированной участниками с целью затратить ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключена возможность, что акции представляют одно лишь мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, *pro rata* [пропорционально], на реализуемую им прибавочную стоимость. *A* может продать титул *B*. *B* может продать его *C*. Такие сделки ничего не изменяют в существе дела. *A* или *B* превращает в таком случае свой титул в капитал, а *C* свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных фондов, но и акций — подтверждает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с изменением возрастания этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость акций колеблется вместе с высотой и надежностью доходов, на которые они дают право. Если номинальная стоимость акции, т. е. действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если предприятие вместо 5% стало приносить 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при процентной ставке в 5% поднимается до 200 ф. ст., потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 ф. ст. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, так как она определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но при

том условии, если возрастание стоимости действительного капитала является постоянным, или же, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, если ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, цена этих ценных бумаг будет подниматься и падать в направлении обратном движению процента. Если процентная ставка повышается с 5 до 10%, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 ф. ст., будет представлять капитал только в 50 ф. ст. Если же процентная ставка понижается до $2\frac{1}{2}\%$, — та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 ф. ст. Ее стоимость есть всегда лишь капитализированный доход, т. е. доход, исчисленный на иллюзорный капитал в соответствии с существующей процентной ставкой. Таким образом в периоды стеснения на денежном рынке эти ценные бумаги должны вдвойне падать в цене: во-первых, потому, что повышается процентная ставка и, во-вторых, потому, что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, если доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как при государственных фондах, и в том случае, если возрастание действительного капитала, представляемого бумагами, будет затронуто нарушениями процесса воспроизводства, — как это может случиться с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, бумаги снова достигают своего прежнего уровня, поскольку они не представляют предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества².

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг независимо от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него. «К 23 октября 1847 г. публичные фонды и акции каналов и

² {Непосредственно после Февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и совершенно не находили покупателей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г. Р. Цвильхенбарт (рассказавший этот случай моему отцу) обратил в деньги все, что можно было, отправился с этой наличностью в Париж и обратился к Ротшильду с предложением совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него и, бросившись к нему, схватил его за оба плеча: «Avez-vous de l'argent sur vous?» — «Oui, M. le baron!» — «Alors vous êtes mon homme!» [«А у вас есть деньги?» — «Да, г. барон!» — «Ну, тогда вы тот, кого мне нужно!»]. — И оба они сделали блестящую аферу. — Ф. Э.}

железных дорог упали уже в стоимости на 114 725 225 ф. ст.» (Моррис, управляющий Английским банком, показание в отчете о Commercial Distress [торговом кризисе] 1847—1848). Поскольку их обеспечение не выражало действительного застоя производства и движения по железным дорогам и каналам, или прекращения уже начатых предприятий, или напрасной траты капитала на предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что полопались эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как при государственных долгах, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или *moneyed capital* в этой форме. И под накоплением денежного капитала большею частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это — собственно часть резервного капитала, который не функционирует в собственно банковом деле. Наиболее значительная часть состоит из векселей, т. е. платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для лица, ссужающего деньги, векселя эти являются процентными бумагами, т. е., покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока платежа. Это и есть то, что называют учетом. Таким образом величина вычета из суммы, представляемой векселем, зависит от высоты процентной ставки в данное время.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент должны быть выданы по требованию вкладчика. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но, извлеченные одним, они возмещаются другим, так что в периоды нормального хода дел их средняя величина мало колеблется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причем часть этого последнего

опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому большая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в нескороаемых шкафах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет большею частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая с процентами или без них вкладывает его в банк.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги, или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двойную роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках³. Большая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

А. Смит говорит следующее относительно той роли, которую играет капитал при денежных ссудах: «Даже в денежно-ссудном деле деньги играют роль как бы свидетельства, при помощи которого капиталы, не находящие себе применения у своего владельца, переносятся из рук в руки. Эти капиталы могут почти неограниченно превышать по своей величине денежную сумму, служащую орудием их передачи; те же самые монеты последовательно служат при многих различных займах, точно так же, как и при многих различных

³ {Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря, например, финансовым трестам, занимающим уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для приобретения известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных бумаг, английских городских или американских государственных облигаций, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем в 2 млн. ф. ст., собирается путем подписки на акции; дирекция приобретает соответственные ценности или же более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда. Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: *preferred* и *deferred* [привилегированные и второочередные]. Акции *preferred* приносят фиксированный процент, скажем 5%, конечно, при том условии, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается некоторый избыток, он распределяется между акциями *deferred*. Таким путем «солидные» вложения капитала в *preferred* более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с *deferred*. Но так как отдельные крупные предприятия не желают подчиняться этой новой моде, то начали образовываться общества, которые, вложив один или несколько миллионов ф. ст. в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, но уже наполовину *preferred*, наполовину *deferred*. В таких случаях первоначально выпущенные акции удваиваются, так как они служат основанием для нового выпуска акций. — Ф. Э.}

покупках. Например, *A* ссужает *W* 1 000 ф. ст., на которые *W* тотчас же покупает у *B* товаров на 1 000 ф. ст. Так как *B* не находит применения для денег, он ссужает те же монеты *X*, а *X* при их помощи опять-таки немедленно покупает у *C* товаров на 1 000 ф. ст. Таким же образом и на том же основании *C* ссужает свои деньги *Y*, который снова покупает на них товары у *D*. Таким образом одни и те же деньги, золотые или бумажные, могут в течение немногих дней послужить посредниками для трех различных займов и трех различных покупок, причем каждая из этих сделок по своей стоимости равна всей сумме этих денег. Владельцы денег *A*, *B* и *C* передали трем заемщикам *W*, *X* и *Y* только власть совершить эти покупки. В этой власти состоит как ценность, так и польза этих займов. Капитал, данный в ссуду тремя капиталистами, равен стоимости товаров, которые могут быть на него куплены, и втрое больше, чем стоимость денег, при помощи которых совершаются эти покупки. Тем не менее все эти ссуды могут быть вполне обеспечены, так как товары, купленные должниками на занятые деньги, употребляются таким способом, что в свое время они возвращают свою стоимость с прибылью в золотых или бумажных деньгах. И подобно тому как одни и те же монеты могут служить средством для различных займов, превышающих в общей сложности их стоимость в три или даже в тридцать раз, равным образом они могут последовательно послужить средством для обратного возвращения этих займов» ([A. Smith, «Wealth of Nations»] кн. II, гл. IV).

Так как одна и та же единица денег может совершить несколько различных покупок, смотря по быстроте ее обращения, то она может также совершить несколько различных займов, потому что купля передает ее из одних рук в другие, а заем есть не что иное, как передача из рук в руки, совершающаяся без посредства купли. Для каждого из продавцов деньги представляют превращенную форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют поочередно различные капиталы, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовать различные товарные стоимости. Наряду с этим деньги служат как средство обращения для того, чтобы перемещать вещные капиталы из одних рук в другие. При займе деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках заемщика, они в его руках не средство обращения, а форма существования стоимости его капитала. И в этой форме он передает их при займе третьему лицу. Если бы *A* ссудил

деньги *B*, а *B* ссудил их *C* без посредства купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только *одну* капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто они функционируют как форма стоимости различных товарных капиталов.

То, что А. Смит говорит о ссудах вообще, приложимо и к вкладам, которые представляют лишь особое название ссуд, предоставляемых публикой банкиру. Одна и та же сумма может служить в качестве орудия для любого числа вкладов.

«Бесспорно справедливо, что 1 000 ф. ст., помещенные кем-либо как вклад сегодня у *A*, завтра будут выданы обратно и образуют вклад у *B*. День спустя, выплаченные *B*, они могут образовать вклад у *C* и т. д. до бесконечности. Поэтому одна и та же денежная сумма в 1 000 ф. ст. может путем ряда передач умножиться, образуя абсолютно неопределимую сумму вкладов. Возможно поэтому, что $\frac{9}{10}$ всех вкладов Соединенного королевства существуют только в виде удостоверяющих их записей в книгах банкиров, которые с своей стороны проводят по ним взаимные расчеты... Так, например, в Шотландии, где количество денег, находящихся в обращении, никогда не превышало 3 млн. ф. ст., сумма вкладов достигает 27 млн. И если не возникает паники, когда все требуют обратно свои вклады из банков, то те же самые 1 000 ф. ст., проделывая свой обратный путь, с прежней легкостью могут снова произвести платежи на такую же неопределенно большую сумму. Так как те же самые 1 000 ф. ст., которыми некто уплатил долг мелкому торговцу, завтра могут послужить для погашения долга этого последнего купцу, а еще через день покрывают долг купца банку и т. д. до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст., переходя из рук в руки, из банка в банк, могут оплатить всякую сумму вкладов, какую только можно себе представить» («The Currency Question Reviewed», стр. 162, 163).

И так как в этой кредитной системе все удваивается, утрачивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «резервному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто солидное.

Послушаем опять г. Морриса, управляющего Английским банком: «Резервные фонды частных банков находятся в руках Английского банка в форме вкладов. Отлив золота может, повидимому, сначала затронуть лишь Английский банк; в действительности, однако, отлив золота в такой же степени затронул бы и резервы других банков, так как он означал бы отлив части резервов, которые они имеют в нашем банке. Совершенно такое же влияние оказал бы

он на резервы всех провинциальных банков) («Commercial Distress» 1847—1848). Итак, в конце концов резервные фонды растворяются в резервном фонде Английского банка ⁴. Но и этот резервный фонд существует опять-таки в двойной форме. Резервный фонд banking department* равняется избытку количества банкнот, которое банк имеет право выпустить над тем их количеством, которое находится в обращении. Установленный законом максимум банкнот, подлежащих выпуску = 14 млн. (для которых не требуется металлического запаса; это равняется приблизительно величине государственного долга банку) плюс сумма банковского запаса благородного металла. Таким образом, если этот запас = 14 млн. ф. ст., то банк имеет право выпустить на 28 млн. ф. ст. банковых билетов, и если из этой суммы 20 млн. находятся в обращении, то резервный фонд banking department = 8 млн. Эти 8 млн. банкнотами составляют в таком случае

⁴ {Насколько широкое развитие получила с тех пор эта практика, доказывают следующие заимствованные из «Daily News» от 15 декабря 1892 г. официальные данные относительно резервов в пятнадцати крупнейших лондонских банках в ноябре 1892 г.

Название банка	Пассив	Наличные резервы	В процентах
City	9 317 629 ф. ст.	746 331 ф. ст.	8,01
Capital and Counties	11 392 744 "	1 307 483 "	11,47
Imperial	3 987 400 "	447 137 "	11,22
Lloyds	23 800 937 "	2 966 806 "	12,46
Lon. and Westminster	24 671 359 "	3 818 883 "	13,50
Lon. and S. Western	3 370 268 "	812 353 "	14,58
London Joint Stock	12 127 993 "	1 288 977 "	10,62
London and Midland	8 814 499 "	1 127 280 "	12,79
London and County	37 111 033 "	3 600 374 "	9,70
National	11 163 829 "	1 426 225 "	12,77
National Provincial	41 907 384 "	4 614 780 "	11,01
Parrs and the Alliance	12 794 489 "	1 532 707 "	11,98
Prescott and Co	4 041 038 "	538 317 "	13,07
Union of London	13 502 618 "	2 300 084 "	14,84
Williams, Deacon, and Manchester, and Co	10 432 381 "	1 317 628 "	12,60
Итого	232 633 823 "	27 843 807 "	11,97

Из этих почти 28 млн. резерва по меньшей мере 25 млн. помещены вкладом в Английский банк, и самое большее 3 млн. имеются наличными деньгами в кассах самих 15 банков. Между тем наличный запасной фонд банкового отделения Английского банка в том же ноябре 1892 г. ни разу не достигал полных 16 млн.! — Ф. Э.}

* Банкового отдела. *Ред.*

законный банкирский капитал, которым банк может распоряжаться, и в то же время резервный фонд для его вкладов. Если теперь наступит отлив золота, уменьшающий металлический запас на 6 млн., — причем банк на эту же сумму должен уничтожить банкнот, — то резерв banking department упадет с 8 млн. до 2 млн. С одной стороны, банк повысил бы значительно свою процентную ставку, с другой стороны, значительно уменьшился бы резервный фонд, обеспечивающий вклады банков и других вкладчиков. В 1857 г. четыре крупнейших акционерных банка в Лондоне угрожали, что, если Английский банк не добьется правительственного распоряжения о временной отмене банкового акта 1844 г.⁵, они потребуют назад свои вклады, что привело бы к банкротству banking department. Таким образом, banking department может, как в 1847 г., обанкротиться, в то время как в issue department* лежат многие миллионы (например, в 1847 г. — до 8 млн.) как обеспечение разменности обращающихся банкнот. Но и это последнее, в свою очередь, иллюзорно.

«Большая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers (буквально вексельных маклеров, по существу дела — полубанкиров), которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже дисконтированные ими для разных лиц в Лондоне или провинции. Billbroker ответственен перед банкиром за уплату этого money at call (деньги, которые должны быть возвращены по первому требованию); и этого рода операции совершаются в таких огромных размерах, что г. Нив, теперешний управляющий банком {Английским}, говорит в своем свидетельском показании: «Нам известно, что один broker [маклер] имел 5 млн., и мы имеем основание предположить, что у другого было 8—10 млн.; один имел 4, другой 3½, третий более 8 млн. Я говорю о вкладах, перешедших в руки brokers» («Report of Committee on Bank Acts», 1857—1858, стр. 5, отдел № 8).

«Лондонские billbrokers... вели свои колоссальные операции без всякого наличного резерва; они рассчитывали на получения по имеющимся у них векселям, сроки которых мало-помалу истекают,

⁵ Приостановка банкового акта 1844 г. позволяет банку выпускать любое количество банкнот, не заботясь о покрытии их находящимся в руках банка золотым запасом, следовательно, позволяет создавать любые количества бумажного фиктивного денежного капитала и при помощи последнего давать ссуды банкам и вексельным маклерам, а через них и торговле.

* Эмиссионном отделе. *Ред.*

или, в случае нужды, на возможность получить ссуду из Английского банка под обеспечение дисконтированных ими векселей». — Две фирмы лондонских billbrokers приостановили платежи в 1847 г.; обе впоследствии возобновили дело. В 1857 г. они снова приостановили платежи. Пассив одной фирмы в 1847 г. был в круглых цифрах 2 683 000 ф. ст. при капитале в 180 000 ф. ст.; ее пассив в 1857 г. был 5 300 000 ф. ст., в то время как капитал равнялся, по всей вероятности, не более чем одной четверти того, что она имела в 1847 г. Пассивы другой фирмы колебались в обоих случаях между 3 и 4 млн. при капитале, не превышавшем 45 000 ф. ст.» (там же, стр. XXI, абзац № 52).

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.
**ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ
КАПИТАЛ. I.**

Единственные трудные вопросы в исследовании кредита, к которым мы теперь подходим, суть следующие:

Во-первых, накопление собственно денежного капитала. В какой мере оно является и в какой не является признаком действительного накопления капитала, т. е. воспроизводства в расширенном масштабе? Есть ли так называемая *plethora* — избыток капитала — выражение, применяемое только к капиталу, приносящему проценты, т. е. к денежному капиталу, — лишь особый способ выражения промышленного перепроизводства, или же она образует особое явление наряду с этим последним? Совпадает ли этот избыток, это избыточное предложение денежного капитала с наличностью денежных масс (слитков, золотых денег и банкнот), находящихся в состоянии застоя, и можно ли поэтому рассматривать этот избыток действительных денег как выражение и форму проявления указанного избытка ссудного капитала?

И, во-вторых, в какой степени денежное стеснение, т. е. недостаток ссудного капитала, выражает недостаток действительного капитала (товарного капитала и производительного капитала)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег, как таковых, с недостатком средств обращения?

Поскольку мы рассматривали до сих пор специфическую форму накопления денежного капитала и денежного имущества вообще, мы видели, что эта форма накопления сводится к накоплению привязаний собственности на труд. Накопление капитала государственного долга означает, как оказалось, лишь увеличение класса кредиторов государства, которые получают право присваивать себе известные суммы из общей массы налогов⁶. В том факте, что даже накопление

⁶ Государственные фонды суть не что иное, как воображаемый капитал, представляющий часть ежегодного дохода, предназначенную для уплаты долга. Соответствующий капитал был растрочен; он определил собой сумму займа,

долгов может принять вид накопления капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение реальных отношений, которое имеет место в системе кредита. Эти долговые свидетельства, выданные за первоначально взятый взаймы и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными для продажи товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал.

Правда, мы также видели, что титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и т. п. являются фактически титулами на действительный капитал. Однако они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридически санкционированное притязание на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом. Но и эти титулы становятся бумажными дубликатами действительного капитала; дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость рядом с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Ибо действительный капитал существует рядом с ними и, конечно, не переходит в другие руки оттого, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты, не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому также, что при продаже за них можно получить обратно деньги как за капитальные стоимости. Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение окладного листа, например, на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут быть продаваемы как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать

но не его представляют государственные бумаги, ибо капитал этот уже совершенно не существует. Между тем новые богатства должны быть созданы промышленным трудом; каждый год часть этих богатств заранее предназначается для тех, кто ссудил уничтоженные богатства; часть эта при помощи налога отнимается у производителей богатства, чтобы быть отданной кредиторам государства, причем, сообразно обычному для данной страны отношению между капиталом и процентом, предполагается воображаемый капитал, равновеликий тому, который мог бы порождать ежегодную ренту, причитающуюся кредиторам (Sismondi, «Nouveaux principes», II, стр. 230 [см. Сисмонди, «Новые начала политической экономии», т. II, Соцэкгиз, 1937, стр. 111—112]).

совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются. Величина их стоимости, т. е. их курс на бирже, необходимо имеет тенденцию повышаться с падением уровня процента, поскольку последнее, независимо от специфического движения денежного капитала, является простым следствием тенденции нормы прибыли к понижению. Таким образом уже в силу одной этой причины с развитием капиталистического производства это воображаемое богатство возрастает вследствие роста стоимости каждой из его пропорциональных частей, имеющих определенную первоначальную номинальную стоимость⁷.

Выигрыш и потеря благодаря колебаниям цен этих титулов собственности, как и их централизация в руках железнодорожных королей и т. п., по самой природе дела все более и более становятся результатом игры, которая оказывается вместо труда первоначальным способом приобретения капиталистической собственности, а также становится на место прямого насилия. Этот вид фиктивного денежного имущества составляет весьма значительную часть не только денежного имущества частных лиц, но также и банкирского капитала, как мы уже упоминали выше.

Можно было бы, — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом, — под накоплением денежного капитала разуметь также накопление богатства в руках банкиров (заимодавцев по профессии) как посредников между частными денежными капиталистами, с одной стороны, и государством, общинами и воспроизводящими заемщиками — с другой; причем все колоссальное расширение кредитной системы, вся вообще совокупность кредита, эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти молодцы имеют капиталы и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление состояний в этом классе может совершаться в направлении, весьма отличном от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что класс этот прибирает к рукам добрую долю последнего.

⁷ Часть накопленного денежного капитала, служащего для ссуд, в действительности является простым выражением промышленного капитала. Так, например, когда Англия в 1857 г. вложила в американские железные дороги и другие предприятия 80 млн. ф. ст., то это совершилось почти исключительно за счет вывоза английских товаров, которые американцам вовсе не пришлось оплачивать. Английские экспортеры выписывали взамен этих товаров векселя на Америку, которые раскупались английскими подписчиками на акции и посылались обратно в Америку в качестве уплаты за стоимость акций.

Сведем рассматриваемый вопрос к более узким пределам. Государственные фонды, равно как и акции и всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы вложения для ссужаемого капитала, для капитала, предназначенного приносить проценты. Они суть формы отдачи его в ссуду. Но сами они не суть тот ссудный капитал, который в них вкладывается. С другой стороны, поскольку кредит играет прямую роль в процессе воспроизводства, необходимо иметь в виду следующее: когда промышленник или купец хочет дисконтировать вексель или заключить заем, ему нужны не акции или государственные бумаги. Ему нужны деньги. Поэтому он закладывает или продает эти ценные бумаги, если иным способом не может добыть себе денег. Вот о накоплении *этого-то* ссужаемого капитала у нас и идет речь, и притом специально о накоплении ссужаемого денежного капитала. Мы не говорим здесь о ссуде домов, машин и иного основного капитала. Мы не говорим также о тех ссудах, которые промышленники и торговцы делают друг другу товарами и в пределах круга процесса воспроизводства, хотя и этот пункт нам предварительно придется еще рассмотреть ближе; мы говорим исключительно о денежных займах, которые совершаются промышленниками и купцами через банкиров как посредников.

Итак, анализируем сначала коммерческий кредит, т. е. кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определенным сроком платежа, *document of deferred payment**. Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечемся пока от банкирского кредита, который образует совершенно иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя в свою очередь обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей от одного к другому, без посредства учета, это — лишь перенесение долгового требования с *A* на *B*, что совершенно не изменяет соотношений в целом. Одно лицо только ставится на место другого. Но даже и в этом случае ликвидация может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик *A* должен уплатить по векселю хлопковому маклеру *B*, а этот последний — импортеру *C*. Если *C* в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у *A*

* Документ об отсроченном платеже. *Ред.*

пряжи, а прядильщик *A* погашает свой долг маклеру *B* собственным векселем последнего, полученным *A* в счет платежа от *C*, причем деньгами приходится уплатить самое большое только сальдо. Результатом всей этой сделки является лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортер представляет только прядильщика, хлопковый маклер — плантатора, разводящего хлопок.

Относительно кругооборота этого чисто коммерческого кредита необходимо отметить два момента:

Во-первых: погашение этих взаимных долговых требований зависит от обратного притока капитала, т. е. от акта *T—D*, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то последний может уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего агента, то агент может уплатить деньги, если тем временем ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом эти уплаты зависят от бесперебойности воспроизводства, т. е. процесса производства и потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит от платежеспособности другого; ибо векселедатель, выдавая свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое в течение данного срока должно уплатить ему по векселю. Если оставить в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только за счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для выполнения своих обязательств в случае замедленного возврата капитала.

Во-вторых: эта кредитная система не устраняет необходимости уплаты наличными. Прежде всего значительная часть затрат должна всегда производиться наличными: заработная плата, налоги и т. д. Далее, пусть, например, *B*, получивший от *C* вместо платежа вексель, сам должен до истечения срока этого векселя уплатить *D* по векселю, для которого уже наступил срок платежа, а для этого ему нужны наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между плантатором, возделывающим хлопок, и прядильщиком, и наоборот, может составить только исключение; кругооборот должен постоянно прерываться во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства (кн. II, отдел III)* мы видели, что производители постоянного капитала

* См. *К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, отдел III; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, отдел III. Ред.*

частично обменивают постоянный капитал между собою. Вот почему векселя могут более или менее взаимно покрываться. То же самое имеет место в восходящей линии производства, где, например, торговец хлопком выписывает вексель на прядильщика, прядильщик — на фабриканта ситца, этот последний — на экспортера, экспортер — на импортера (быть может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь нет кругооборота сделок, а следовательно, — и замыкающегося круга требований. Например, требование прядильщика к ткачу не компенсируется требованием поставщика угля к машиностроителю; прядильщик в своем предприятии никогда не может создать встречного требования к машиностроителю, так как его продукт, пряжа, никогда не может войти в качестве элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны погашаться деньгами.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать самих по себе, таковы: 1) богатство промышленников и купцов, т. е. резервный капитал, находящийся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самый этот обратный приток. Последний может замедлиться на некоторое время, или товарные цены могут в течение этого периода времени упасть, или вдруг может оказаться, что товар вследствие застоя на рынке не находит сбыта. Чем долгосрочнее вексель, тем больше, во-первых, должен быть резервный капитал и тем значительнее возможность уменьшения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка обуславливалась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно, однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) все сильнее должен господствовать в сделках спекулятивный элемент. Производство в крупном масштабе и для отдаленных рынков бросает весь продукт в руки торговли; невозможно, однако, чтобы капитал нации удвоился, так что торговцы сами по себе были бы в состоянии закупить на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен — кредит, объем которого возрастает вместе с ростом стоимости производства и сроки которого удлиняются по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растет вместе с размерами самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; капиталы, данные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, например, хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель — в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, последний, в обмен на вексель, передает его купцу в Индии, который продает его, покупая взамен индиго и т. д. В течение этого перехода из одних рук в другие хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства опосредствуются здесь кредитом, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопка, фабрикант ситца — пряжи, купец — ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства и переход этот осуществляется посредством кредита. Но как только хлопок получил в производстве свою заключительную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые транспортируют его на отдаленный рынок и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого посредством кредита осуществляются действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго — лишь переход из рук одного купца в руки другого, куда включается и транспорт, т. е. осуществляется акт $T - D$. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в известной фазе процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме,

в которой он для своего владельца является просто товарным капиталом, т. е. капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь посредством кредита осуществляется метаморфоз товара: не только $T—D$, но также $D—T$ и действительный процесс производства. Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает обилия свободных капиталов, предлагаемых в ссуду и ищущих прибыльного помещения, — оно означает занятость большого количества капитала в процессе воспроизводства. Итак, посредством кредита осуществляется здесь: 1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку дело идет о купцах, — транспорт и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар.

Максимум кредита означает здесь наиболее полное вовлечение промышленного капитала в производство, т. е. крайнее напряжение его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, оно тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает бесперебойно, а потому обратный приток капитала остается обеспеченным, этот кредит держится прочно и расширяется, причем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой вследствие замедленного обратного притока, переполненных рынков, понизившихся цен, появляется избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой последний не в состоянии выполнять свои функции. Масса товарного капитала, но он не находит сбыта. Масса основного капитала, но вследствие застоя воспроизводства он по большей части находится без дела. Кредит сокращается: 1) потому что этот капитал не занят, т. е. остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своего метаморфоза, 2) потому что подорвано доверие к бесперебойному течению процесса воспроизводства, 3) потому что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщику, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, негачем покупать хлопок в кредит. Купцу

незачем покупать в кредит товары, так как их у него и без того более, чем достаточно.

Итак, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальное напряжение процесса воспроизводства, вместе с тем появляется и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность в продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда у каждого есть что продать, но никто не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, масса капитала — не свободного и ищущего помещения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее также недостаток в кредите (и потому всего выше учетная ставка при банковском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается целыми массами незанятым, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики не работают, сырые материалы накапливаются, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел недостатку производительного капитала. Как раз в этот период имеется избыток производительного капитала частью по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, частью по сравнению с пониженным потреблением.

Представим себе, что все общество состоит только из промышленных капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне изменения цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним соотношениям и неизбежно должны вызывать временные явления всеобщего застоя при той всеобщей зависимости между различными частями процесса воспроизводства, какая развивается в особенности благодаря кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные обороты, поощряемые кредитом. Тогда кризис можно было бы объяснить только несоразмерностью производства в различных отраслях и несоразмерностью между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от потребительной способности непродуцированных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы

с прибылью для класса капиталистов. Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может идти лишь при всеобщих неурожаях либо главных пищевых средств, либо важнейших промышленных сырых материалов.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. При дисконтировании векселя ссуда является лишь номинальной. Фабрикант продает свой продукт под вексель и дисконтирует последний у *billbroker's* *. В действительности последний ссужает лишь кредит своего банкира, который в свою очередь ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами промышленники и купцы, а также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), равно как получатели земельной ренты и прочие непроизводительные классы. Таким образом для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала. Но с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря торговым предприятиям, имеющим целью простую фабрикацию векселей, весь процесс настолько усложняется, что видимость очень солидного предприятия с бесперебойным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время после того, как в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти преувеличенно здоровый вид. Лучшее доказательство этому дают например «*Reports on Bank Acts*» 1857 и 1858 гг., где все директора банков, купцы, одним словом, все приглашенные в качестве экспертов, с лордом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием дел, — как раз за месяц до того, как в августе 1857 г. разразился кризис. И Тук в своей «*History of Prices*» поразительным образом поддается снова

* Вексельного маклера. *Ред.*

и снова этой иллюзии при историческом описании каждого отдельного кризиса. Предприятия всегда в высшей степени здоровы, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается крах.

Теперь мы возвратимся к накоплению денежного капитала.

Не всякое увеличение ссужаемого денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за пережитым кризисом, когда ссудный капитал массами лежит без дела. В те моменты, когда процесс производства сокращается (в английских промышленных округах после кризиса 1847 г. производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своей нижней точки, когда дух предприимчивости парализован, в такие моменты господствует низкий уровень процента, который в данном случае указывает лишь на увеличение количества ссужаемого капитала как раз вследствие сокращения и парализованности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги частью при помощи отлива золота, частью при помощи банкротства, нет уже надобности в добавочных деньгах для функции мировых денег; наконец, объем операций по учету векселей сокращается вместе с сокращением числа и валюты самих этих векселей. — все это очевидно само собою. Спрос на ссужаемый денежный капитал — и как на средства обращения и как на средства платежа — таким образом уменьшается (о новых затратах капитала еще нет речи), и потому количество ссужаемого капитала становится сравнительно обильным. Но в то же время, как будет показано впоследствии, и предложение ссужаемого денежного капитала при таких обстоятельствах положительно увеличивается.

Так, после кризиса 1847 г. господствовало «сокращение оборотов и большой избыток денег» («Comm. Distress» 1847—1848. Показание № 1664), уровень процента был очень низок вследствие «почти совершенного уничтожения торговли и почти полного отсутствия возможности поместить деньги» (там же, стр. 45. Показание Ходжсона, директора Royal Bank of Liverpool [Королевского банка в Ливерпуле]). Какие нелепости сочиняют эти господа (а Ходжсон еще один из лучших), чтобы объяснить себе это, видно из следующей

фразы: «Стеснение (1847 г.) возникло вследствие действительного уменьшения денежного капитала в стране, которое было вызвано отчасти необходимостью оплачивать золотом ввоз из всех стран света, отчасти превращением оборотного капитала (*floating capital*) в основной». Каким образом превращение оборотного капитала в основной может уменьшить денежный капитал страны, совершенно нельзя понять; ибо, например, при постройке железных дорог, куда в то время главным образом вкладывался капитал, ни золото, ни бумажки не употребляются как материал для устройства виадуков или изготовления рельсов, а деньги, вырученные за железнодорожные акции, поскольку они депонировались просто в порядке внесения платежей, функционировали, как и всякие другие депонированные в банке деньги, и, как было показано выше, даже увеличивали на некоторое время количество ссужаемого денежного капитала; поскольку же деньги действительно затрачивались на постройку, они циркулировали в стране как покупательные и платежные средства. Денежный капитал мог бы быть затронут превращением оборотного капитала в основной лишь постольку, поскольку основной капитал не является предметом, пригодным для экспорта, так что вследствие невозможности вывоза отпадает и свободный капитал, который образуется от получений за вывезенные предметы, а следовательно, отпадают и получения наличными деньгами или слитками. Но в рассматриваемый период и предметы английского экспорта массами лежали в складах на заграничных рынках, не находя покупателей. У купцов и фабрикантов Манчестера и других мест, прочно вложивших часть нормального капитала своих предприятий в железнодорожные акции и потому попавших в дальнейшем ведении своего дела в зависимость от заемного капитала, действительно *floating capital* оказался закрепленным, последствия чего и пришлось им нести. Но результат получился бы тот же самый, если бы капитал, принадлежащий их предприятиям, но извлеченный из них, они вложили не в железные дороги, а например, в горное дело, продукты которого — железо, уголь, медь и т. д. — сами представляют *floating capital*. — Действительное уменьшение свободного денежного капитала вследствие неурожая, ввоза зерна и вывоза золота, само собою разумеется, было фактом, не имевшим никакого отношения к железнодорожным спекуляциям. — «Почти все торговые дома начали более или менее истощать свои предприятия, чтобы вложить деньги в железные дороги». — «Столь обширные ссуды, данные железным дорогам торговыми домами, побудили эти последние слишком сильно опираться на банки путем

учета векселей для дальнейшего ведения своих торговых дел» (тот же Ходжсон, там же, стр. 67). «В Манчестере в результате железнодорожных спекуляций многие потерпели громадные убытки» (Р. Гарднер, неоднократно цитированный в кн. I, гл. XIII, 3, с* и других местах; показание № 4884, там же).

Главной причиной кризиса 1847 г. было колоссальное переполнение рынка и безграничная спекуляция в торговле ост-индскими товарами. Но и другие обстоятельства привели к краху очень богатые фирмы этой отрасли: «Они имели обильные средства, но не могли сделать их ликвидными. Весь их капитал был закреплен в земельной собственности на о. Маврикия или в индиговых и сахарных заводах. Когда они затем взяли на себя обязательства в размере 5 — 600 000 ф. ст., у них не оказалось никаких свободных средств для оплаты своих векселей, и в конце концов выяснилось, что для оплаты своих векселей они всецело должны рассчитывать на кредит» (Ч. Тэрнер, крупный ост-индский купец в Ливерпуле, № 730, там же). Далее мы имеем показания Гарднера (№ 4872, там же): «Тотчас же по заключении китайского договора для страны открылись столь широкие перспективы колоссального расширения нашей торговли с Китаем, что вдобавок ко всем нашим уже существующим фабрикам многие крупные фабрики были построены специально с целью изготовлять наиболее ходкие на китайском рынке хлопчатобумажные ткани. — 4874. Чем же кончилось это дело? — Величайшим разорением, не поддающимся описанию; я не думаю, чтобы за весь вывоз 1844—45 гг. в Китай было выручено обратно более $\frac{2}{3}$ всей суммы; так как чай является главным предметом обратного экспорта и так как нас сильно обнадеживали, то мы, фабриканты, с уверенностью рассчитывали на крупное понижение пошлины на чай». И вот перед нами наивно выраженное характерное *credo* [символ веры] английских фабрикантов: «Наша торговля на иностранном рынке не ограничивается способностью последнего покупать товары, но она ограничена здесь, в нашей стране, нашей способностью потреблять продукты, которые мы получаем в возврат за наши промышленные изделия». (Сравнительно бедные страны, с которыми ведет торговлю Англия, могли бы, естественно, оплатить и потребить любое количество английских фабрикатов, а вот богатая Англия, к сожалению, не способна переварить продукты, полученные в обмен за ее экспорт.) «4876. Я сначала вывез некоторые свои товары, которые были

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. XIII, 3, с; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. XIII, 3, с. *Ред.*

проданы с убытком около 15%; при этом я был вполне убежден, что агенты мои закупают чай по такой цене, при которой перепродажа здесь даст прибыль, достаточно большую для покрытия этого убытка; но вместо прибыли я терпел порой убыток в 25 и даже 50%. — 4877. Экспортируют ли фабриканты за свой счет? — Преимущественно; купцы, как видно, быстро убедились, что из этого дела ничего не выходит, и более поощряли фабрикантов к самостоятельной отправке продуктов, чем сами принимали в ней участие». — Напротив, в 1857 г. убытки и банкротства выпали преимущественно на долю купцов, так как на этот раз фабриканты предоставили им переполнять чужие рынки «за собственный счет».

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банкового дела (см. ниже пример Ипсвича, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 г. вклады фермеров учетверились) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в сужаемый капитал. Такое возрастание денежного капитала столь же мало выражает собою рост производительного капитала, как, например, увеличение вкладов в лондонских акционерных банках после того, как эти банки начали платить проценты по вкладам. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие сужаемого денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкий уровень процента.

Если затем процесс воспроизводства снова достигает состояния расцвета, предшествующего чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которое в таком случае действительно имеет вновь «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При таком состоянии дел уровень процента все еще низок, хотя и превышает свой минимум. Это *единственный* период, когда в самом деле можно сказать, что низкий уровень процента и, следовательно, относительное обилие сужаемого капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и правильность обратного притока капитала, в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, предложение ссудного капитала и препятствует повышению уровня процентной ставки. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль те рыцари наживы, которые ведут дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала и потому оперируют

всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще крупный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых обширных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, кредит внезапно иссякает, платежи прекращаются, процесс воспроизводства парализуется и, за упомянутыми выше исключениями, наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездейственного промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкий, но превышающий свой минимум уровень процента совпадает с «улучшением» и с растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда он достигает своей средней величины — середины, одинаково удаленной от минимума и максимума, — только эти два момента выражают совпадение между обилием ссудного капитала и большим расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкий уровень процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокий процент совпадает с избытком промышленного капитала. Низкий уровень процента, сопровождающий «улучшение», свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковом кредите, так как он все еще стоит на своих собственных ногах.

С этим промышленным циклом дело обстоит так, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот должен периодически воспроизводиться⁸. В состоянии депрессии [Abspannung] производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис. При

⁸ {Как уже упомянуто в другом месте, со времени последнего большого всеобщего кризиса здесь наступил некоторый поворот. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила, повидимому, место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, вялого улучшения дела сравнительно долгого, неразрешающегося угнетения. Возможно, однако, что мы имеем перед собой лишь увеличение продолжительности цикла. В период младенчества мировой торговли, 1815—1847 гг., промежуток между последовательными кризисами можно указать приблизительно в пять лет; за время с 1847 по 1867 г. цикл является определенно десятилетним. Не находимся ли мы в периоде подготовки нового мирового краха неслыханной силы? На это, повидимому, указывает многое. Со времени последнего всеобщего кризиса 1867 г. наступили крупные изменения. Колоссальный рост средств сообщения —

расцвете — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В период перепроизводства и мошенничеств оно в высшей степени напрягает производительные силы за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Очевидно само собою, что в период кризиса недостает средств платежа. Метаморфозы векселей заступили место метаморфоза самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм оперировало только в кредит. Невежественное и нелепое банковое законодательство — вроде законов 1844 — 1845 гг. — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковое законодательство не может устранить кризиса.

При такой системе производства, когда все взаимоотношения процесса воспроизводства покоятся на кредите, если кредит внезапно прекращается и силу имеет только платеж наличными, должен очевидно наступить кризис, необычайная погоня за средствами платежа. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности лежит в конце концов в основе всего кризиса. Однако наряду с этим громадная масса этих векселей представляет просто дутые операции, которые теперь обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, спекуляции, предпринятые с чужим капиталом и потерпевшие крушение; наконец, товар-

океанские пароходы, железные дороги, электрические телеграфы. Суэцкий канал — впервые создали действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала промышленность, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; для вложения избыточного европейского капитала во всех странах света раскрылись бесконечно более обширные и разнообразные области, так что капитал распределяется гораздо шире и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинство старых очагов кризиса или поводов к кризису устранено или сильно ослаблено. Наряду с этим конкуренция на внутреннем рынке отступает назад перед картелями и трестами, в то время как на внешнем рынке она ограничивается таможенными пошлинами, которыми оградили себя все большие промышленные страны, кроме Англии. Но сами эти таможенные пошлины суть не что иное, как оружие для заключительной всеобщей промышленной войны, которая должна решить вопрос о господстве на мировом рынке. Таким образом, каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса. — Ф. Э. }

ные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который никогда уже не может осуществиться. Всю эту искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, например, Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит всех спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости. Впрочем здесь все представляется в искаженном виде, так как в этом бумажном мире нигде не выступают реальная цена и ее реальные моменты, а фигурируют лишь слитки, металлические деньги, банкноты, векселя, ценные бумаги. Это извращение особенно сказывается в центрах, где скучены денежные предприятия страны, каков, например, Лондон; весь процесс становится непонятным; уже в меньшей степени это наблюдается в центрах промышленности.

Впрочем по поводу чрезмерного изобилия промышленного капитала, обнаруживающегося во время кризисов, следует заметить: товарный капитал есть в себе [an sich] одновременно и денежный капитал, т. е. определенная сумма стоимости, выраженная в цене товара. Как потребительная стоимость, он есть определенное количество определенных предметов потребления, и последние в момент кризиса оказываются в избытке. Но как денежный капитал в себе [an sich], как потенциальный денежный капитал он подвержен постоянным расширениям и сокращениям. Накануне кризиса и в продолжение его товарный капитал в своем качестве потенциального денежного капитала сокращается. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векселей и займов) он представляет меньше денежного капитала, чем в тот период, когда он был куплен и когда совершались основанные на нем учетные и залоговые операции. Если именно таков смысл утверждения, что денежный капитал страны в период угнетения уменьшается, то это тождественно с констатированием того, что цены товаров упали. Впрочем такое крушение цен только уравнивает их прежний вздутый подъем.

Доходы непроизводительных классов и всех тех, кто живет на счет фиксированных доходов, остаются по большей части неизменными в период вздутия цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительная способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была бы войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается.

Относительно ввоза и вывоза необходимо заметить, что одна за другой все страны втягиваются в кризис, и тогда обнаруживается, что все они, за немногими исключениями, слишком много вывезли и ввезли и, следовательно, *платежный баланс неблагоприятен для всех* и что таким образом причина заключается в действительности не в платежном балансе. Например, Англия страдает от отлива золота. Она слишком много ввезла. Но в то же время все другие страны переполнены английскими товарами. Следовательно, они также слишком много ввезли или в них ввезли слишком много. (Конечно, есть разница между страной, которая вывозит в кредит, и странами, которые мало или вовсе не вывозят в кредит. Но последние зато ввозят в кредит; это не имеет места лишь в том случае, если товары посылаются туда на комиссию.) В первую голову кризис может разразиться в Англии, в стране, которая больше всего оказывает кредита и меньше всего использует его, ибо платежный баланс, баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть ликвидированы, для нее *неблагоприятен*, хотя общий торговый баланс *благоприятен*. Это последнее обстоятельство объясняется отчасти оказываемым ею кредитом, отчасти массой ссуженных ею за границей капиталов, вследствие чего имеет место большой обратный приток в товарах независимо от обратного притока, обусловленного собственно торговыми операциями. (Иногда кризис начинался также в Америке, стране, которая более всех других пользуется английским торговым и капитальным кредитом.) Крах в Англии, начинающийся и сопровождающийся отливом золота, уравнивает платежный баланс Англии частью путем банкротства ее импортеров (о чем ниже), частью тем, что за границу по дешевым ценам выбрасывается часть ее товарного капитала, частью путем продажи иностранных ценных бумаг, купли английских бумаг и т. д. Но вот настает очередь какой-либо другой страны. Платежный баланс для нее в данный момент был благоприятен; но разница в сроках, существующая в обычное время между платежным и торговым балансом, теперь отпадает или во всяком случае сокращается благодаря кризису: все платежи должны быть произведены сразу. Та же история повторяется теперь здесь. В Англию теперь приливает золото, из другой страны — отливает. То, что в одной стране проявляется как избыточный ввоз, в другой оказывается избыточным вывозом, и наоборот. Но избыточный ввоз и избыточный вывоз имел место во всех странах (мы говорим здесь не о неурожаях и т. п., а о всеобщем кризисе), т. е. имело место перепроизводство, которому способствовал кредит и сопровождающее последний всеобщее вздутие цен.

В 1857 г. кризис разразился в Соединенных Штатах. Произошел отлив золота из Англии в Америку. Но как только вздутие [Aufblähung] в Америке лопнуло, последовал кризис в Англии и отлив золота из Америки в Англию. То же самое произошло между Англией и континентом. Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но этот неблагоприятный платежный баланс всегда, как при стрельбе взводами, обнаруживается у одной нации вслед за другой, когда до нее доходит очередь платежа, и кризис, лишь только он разразился в какой-либо стране, например, в Англии, втискивает эти сроки в очень короткий период времени. Тогда-то и выясняется, что все эти нации одновременно и слишком много вывезли (следовательно, перепроизвели) и слишком много ввезли (следовательно, переторговали), что во всех них цены были чрезмерно вздуты, а кредит перенапряжен. И везде происходит одинаковый крах. Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах по порядку и именно своею всеобщностью доказывает: 1) что отлив золота представляет лишь феномен кризиса, а не причину его, 2) что тот порядок, в котором он наступает у различных наций, лишь отмечает время, когда для каждой из них приходит очередь закончить свои счета с небом, когда у них наступает срок кризиса и скрытые элементы его приходят к взрыву.

Для английских экономических писателей характерно, — а заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о суррепсу [денежном обращении], кредите, кризисах, — что они рассматривают вывоз благородных металлов в период кризиса, вопреки изменению всеобщего курса, исключительно с точки зрения Англии как чисто национальное явление и совершенно закрывают глаза на тот факт, что когда их банк в период кризиса повышает процентную ставку, то и все другие европейские банки делают то же самое, и что если сегодня в Англии раздаются вопли по поводу отлива золота, то завтра они раздадутся в Америке, послезавтра — в Германии и Франции.

В 1847 г. «нужно было погасить текущие обязательства Англии» {главным образом за хлеб}. «К несчастью, они по большей части погашались путем банкротства». {Богатая Англия развязала себе руки при помощи банкротства по отношению к континенту и Америке.} «А поскольку с ними не было покончено путем банкротства, их погашали вывозом благородных металлов» («Report of Committee on Bank Acts», 1857). Итак, поскольку кризис в Англии обостряется

банковым законодательством, законодательство это является средством для того, чтобы в период голода надувать нации, вывозящие хлеб, сначала на хлебе, а потом на деньгах за хлеб. Таким образом запрещение вывоза хлеба в такое время является для стран, которые сами более или менее страдают от дороговизны, очень рациональным средством борьбы с этим планом Английского банка «погашать обязательства», вызванные ввозом хлеба, «посредством банкротства». Гораздо лучше, если производители хлеба и спекулянты потеряют часть своей прибыли к выгоде страны, чем если они потеряют свой капитал к выгоде Англии.

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время промышленного застоя в значительной степени теряет свое свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента цена их падает. Она падает, далее, вследствие общего недостатка кредита, который заставляет их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Наконец, цена акций падает, частью вследствие уменьшения доходов, удостоверениями на получение которых они являются, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса этот фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем для его владельцев уменьшается возможность получить под него деньги на рынке. Уменьшение денежных наименований этих ценных бумаг в курсовом бюллетене совершенно не затрагивает, однако, того действительного капитала, который они представляют, но весьма сильно затрагивает платежеспособность их владельцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. II.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

Мы все еще не покончили с вопросом, в какой степени накопление капитала в форме ссужаемого денежного капитала совпадает с действительным накоплением, с расширением процесса воспроизводства.

Превращение денег в ссужаемый денежный капитал — история гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам приходится здесь различать две вещи:

- 1) простое превращение денег в ссудный капитал;
- 2) превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в свою очередь в ссужаемый капитал.

Только при условии, указанном в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала.

1) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ.

Мы уже видели, что возможно скопление, чрезмерное изобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в обратном отношении. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих формах — производительного и товарного капитала — сокращается, следовательно, в начале цикла после кризиса; и, во-вторых, в период, когда началось улучшение, но коммерческий кредит еще мало прибегает к банковому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, находящий применение в возрастающих размерах, но по очень низкой процентной ставке, так как теперь промышленный и торговый капиталист диктует условия денежному капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает застой промышленного капитала, во втором случае — сравнительную независимость

коммерческого кредита от банковского кредита, покоящуюся на беспрепятственном обратном притоке капитала, кратких сроках кредита и преобладающем ведении дела собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой кредитный капитал, еще не выступили в поход; люди, ведущие дело на собственный капитал, еще далеки от операций, ведущихся почти целиком в кредит. В первой фазе избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во второй фазе он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, хотя бы только относительно, по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что низкий процент, который в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором — с медленно растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательскую прибыль. В еще большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут хотя процент и возрастает, но не в такой степени, как прибыль.

С другой стороны, мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банковского дела, экономное использование резерва обращения или также резервного фонда принадлежащих частным лицам платежных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который потому и называется также текучим капиталом (*floating capital*), сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно так же лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой его доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о займах на годы, но лишь о краткосрочных займах под векселя и залоги) на самом деле растет совершенно независимо от действительного накопления.

В. С. 1857. Вопрос 501. «Что разумеете вы под *floating capital*?» {Г-н Вегелин, управляющий Английским банком:} «Это капитал, употребляемый для денежных ссуд на короткие сроки... (502) банкноты Английского банка... провинциальных банков и сумма денег, находящихся в стране. — {Вопрос:} Если вы разумеете под *floating capital* активное обращение {именно банкноты Английского банка},

то, судя по тем показаниям, которые имеются по этому поводу у комиссии, в этом активном обращении не происходит, повидимому, очень значительных колебаний? {Однако большая разница — кто именно авансировал это активное обращение, денежный кредитор или сам воспроизводящий капиталист. — Ответ Вегелина:} Я включаю в floating capital резервы банкиров, в которых наблюдаются значительные колебания». Это значит, следовательно, что имеют место значительные колебания той части вкладов, которую банкиры не употребили для ссуд, но которая фигурирует как их резерв, а большею частью как резерв Английского банка, куда они вложены. Наконец, тот же самый господин говорит, будто floating capital есть bullion, т. е. слитки и металлические деньги (503). Поразительно вообще, насколько иной смысл и иную форму приобретают все категории политической экономии в этой кредитной тарабарщине денежного рынка. Floating capital является здесь иным выражением для circulating capital [оборотного капитала], что, конечно, совершенно не то, и money [деньги] есть capital, и bullion [слитки] есть capital, и банкноты суть circulation [обращение], и капитал есть a commodity [товар], и долги суть commodities [товары], и fixed capital [основной капитал] есть деньги, вложенные в трудно продаваемые бумаги!

«Лондонские акционерные банки... увеличили свои вклады с 8 850 774 ф. ст. в 1847 г. до 43 100 724 ф. ст. в 1857 г. ...Данные и показания, имеющиеся в комиссии, позволяют сделать заключение, что значительная часть этой громадной суммы взята из источников, которые раньше не могли быть использованы для этой цели, и что обычай открывать счет у банкира и помещать у него вклады распространился на многочисленные классы, которые раньше не применяли своего капитала (!) таким образом. Г-н Родуэлл, президент ассоциации провинциальных частных банков» {в отличие от акционерных банков} «делегированный ею, чтобы давать показания перед комиссией, сообщает, что в районе Ипсвича среди фермеров и мелких торговцев этого округа практика эта в последнее время увеличилась раза в четыре; что почти все фермеры, даже те из них, которые уплачивают всего 50 ф. ст. годовой арендной платы, имеют теперь вклады в банках. Масса этих вкладов находит, конечно, себе путь к употреблению в дело и тяготеет в особенности к Лондону, центру коммерческой деятельности, где она прежде всего находит применение в учете векселей и других ссудах клиентам лондонских банкиров. Однако значительная часть этих вкладов, в которой банкиры непосредственно не нуждаются, попадает в руки billbrokers,

выдающих банкирам взамен этого торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне и провинциях» (В. С. 1858, стр. V).

Когда банкир дает ссуду billbroker'у под векселя, которые этот billbroker уже раз учел, то фактически он их еще раз переучитывает, однако в действительности многие из этих векселей уже были переучтены самими billbroker'ами, и на те же самые деньги, которыми банкир переучитывает векселя billbroker'а, последний переучитывает новые векселя. Вот к чему это приводит: «Расширение фиктивного кредита было создано учетом дружеских векселей и бланковым кредитом, что значительно облегчалось образом действий провинциальных акционерных банков, которые учитывали также векселя и переучитывали их затем у billbroker'ов на лондонском рынке, причем полагались исключительно на кредитоспособность банка и совершенно оставляли без внимания все прочие качества векселей» (там же).

Относительно этого переучета и поощрения кредитных спекуляций при помощи такого чисто технического увеличения ссужаемого денежного капитала интересно следующее место из «Economist'a»: «В течение ряда лет в некоторых округах страны накопление капитала {именно ссужаемого денежного капитала} шло быстрее, чем он мог найти применение, в то время как в других округах возможности его применения росли быстрее, чем сам капитал. В то время как в земледельческих округах банкиры лишены были возможности поместить прибыльно и надежно свои вклады на местах, у банкиров промышленных округов и торговых городов спрос на их капитал был больше, чем они могли предложить. Результатом этих различных условий в различных округах явилось за последние годы возникновение и стремительно быстрое расширение нового класса фирм, занятых распределением капитала, — фирм, которые, хотя и называются обыкновенно billbrokers, в действительности являются банкирами крупнейшего масштаба. Фирмы эти занимаются тем, что, взяв на определенный срок и за определенные проценты избыточный капитал у банкиров таких округов, где капитал этот не находит себе применения, а также средства акционерных обществ и крупных торговых домов, лежащие временно без дела, ссужают полученные таким образом деньги за более высокий процент банкам тех округов, где спрос на капитал значительнее, обыкновенно путем переучета векселей их клиентов... Таким образом Lombardstreet* стала боль-

* — Улица в Лондоне, на которой были сосредоточены банкирские конторы. *Ред.*

шим центром, в котором совершается перенесение праздного капитала из одной части страны, где он не может найти прибыльного применения, в другую, где существует на него спрос; причем это относится как к различным частям страны, так и к отдельным лицам, находящимся в аналогичном положении. Первоначально эти предприятия ограничивались почти исключительно ссудами и займами под обычные банковые обеспечения. Но по мере того, как капитал страны быстро возрастал и все более и более экономпзировался благодаря учреждению банков, фонды, находящиеся в распоряжении этих учетных фирм, стали настолько велики, что указанные фирмы перешли к ссудам, сначала под dock warrants (квитанции на товары, хранящиеся в доках), а потом и под накладные, представляющие продукты, которые еще вовсе не получены, но под которые тем не менее зачастую, хотя и не как общее правило, уже выписывались векселя на товарных маклеров. Такая практика скоро изменила весь характер английской коммерции. Облегчения, предоставляемые таким образом со стороны Lombardstreet, чрезвычайно усилили положение товарных маклеров на Mincing Lane*; товарные маклеры в свою очередь предоставили все преимущества купцам-импортерам; эти последние воспользовались ими настолько широко, что в то время как 25 лет тому назад заем под накладную или хотя бы под dock warrants совершенно подорвал бы кредит данного купца, теперь такая практика приняла настолько всеобщий характер, что она является уже правилом, а не редким исключением, как это было 25 лет тому назад. Мало того, система эта распространилась настолько широко, что в Lombardstreet крупные суммы берутся под векселя, выписанные под находящийся еще *на корню* урожай отдаленных колоний. Результат таких облегчений кредита был тот, что купцы-импортеры расширили свои заграничные операции и закрепили свой текущий (floating) капитал, при помощи которого они до сих пор вели дело, в самых ненадежных из всех предприятий, в колониальных плантациях, которые они могут лишь в ничтожной степени или даже вовсе не могут контролировать. Мы видим таким образом непосредственное сцепление кредитов. Капитал страны, собранный в наших земледельческих округах, вносится в качестве вкладов мелкими суммами в провинциальные банки и централизуется для употребления в дело на Lombardstreet. Но использовался он, во-первых, для расширения дела в наших горных и промышленных

* — Улица в Лондоне, где была сосредоточена оптовая торговля колониальными товарами. *Ред.*

округах путем переучета векселей тамошним банкам; во-вторых, для обеспечения больших льгот импортерам заграничных продуктов при помощи ссуд под dock warrants и накладные, вследствие чего «законный» капитал торговых фирм в заграничных и колониальных предприятиях освобождается и может таким образом употребляться для самого плохого применения в заокеанских плантациях» («Economist», 1847, стр. 1334). Таково это «прекрасное» сцепление кредитов. Сельский вкладчик воображает, что он дает вклад лишь своему банкиру, воображает, далее, что если банкир дает ссуду, то лишь известным ему частным лицам. Но он не имеет ни малейшего представления о том, что его банкир отдает его вклады в распоряжение лондонского billbroker'a, операции которого совершенно ускользают от контроля их обоих.

Мы уже видели, как крупные общественные предприятия, например, железнодорожное строительство, могут на время увеличивать ссудный капитал, оставляя на известные сроки в распоряжении банкиров вносимые акционерами суммы до их действительного применения.

Впрочем масса ссудного капитала совершенно отлична от количества обращения. Под количеством обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине резерв банков.

«12 ноября 1857 г. {дата временной приостановки действия банкового акта 1844 г.} запас Английского банка вместе со всеми его отделениями составлял в общей сложности всего 580 751 ф. ст.; сумма вкладов равнялась в то же время 22½ млн. ф. ст., из которых около 6½ млн. принадлежало лондонским банкирам» (В. А. 1858, стр. LVII).

Колебания уровня процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия уровня процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, например, прочность кредита и т. п.), т. е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной

форме, ссужается при помощи коммерческого кредита между самими агентами воспроизводства.

И все-таки масса этого ссужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Если, например, 20 ф. ст. будут даны в ссуду пять раз в день, то в ссуду дан денежный капитал в 100 ф. ст., и это означало бы в то же время, что эти 20 ф. ст., по меньшей мере, 4 раза функционировали как покупательные или платежные средства; ибо, если бы не посредствующая роль купли и платежа, так что 20 ф. ст. не представляли бы по меньшей мере четыре раза превращенную форму капитала (товара, включая сюда и рабочую силу), то они составили бы не капитал в 100 ф. ст., а лишь пять требований на 20 ф. ст. каждое.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, который может быть употреблен для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у лиц, ссужающих деньги. По крайней мере это справедливо для дела в общем и целом. К тому же в периоды хорошего положения дел, пока еще не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при легкости кредита и возрастающем доверии большая часть функций обращения выполняется простой передачей кредита, без посредства металлических или бумажных денег.

Простая возможность большой суммы вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, выполняемых одной и той же единицей денег;

2) числа его обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем его повторная функция платежного и покупательного средства осуществляется при посредстве возобновленного превращения в банковый вклад. Например, розничный торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 ф. ст. деньгами; банкир выплачивает им часть вклада фабриканта; последний платит им своим рабочим; рабочие платят им розничному торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные розничным торговцем 100 ф. ст. послужили таким образом, во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для платежа самому розничному торговцу, в-четвертых, для того, чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; таким образом, если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при помощи одних и тех же 100 ф. ст. достигнет 2000 ф. ст.

В какой степени этот денежный капитал остается незанятым, показывает лишь прилив и отлив резервного фонда банков. Отсюда г. Вегелли, в 1857 г. управляющий Английским банком, выводит заключение, что золото в Английском банке является «единственным» резервным капиталом: «1258. По моему мнению, учетная ставка фактически определяется количеством незанятого капитала, имеющегося в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Поэтому, когда золото отливают, уменьшается количество незанятого капитала в стране, и вследствие этого повышается стоимость остальной его части. — 1364. Золотой запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или запас наличных денег, на основе которого ведутся все дела страны... На этом-то запасе, или резервуаре, всегда сказывается влияние заграничного вексельного курса» («Report on Bank Acts». 1857).

Масштаб для накопления действительного, т. е. производительного и товарного, капитала дает статистика вывоза и ввоза. И тут всегда обнаруживается, что для периодов развития английской промышленности движущихся десятилетними циклами (1815—1870) максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, а затем поднимается до нового, гораздо более высокого максимума.

Действительная или объявленная стоимость продуктов, вывезенных из Великобритании и Ирландии в 1824 г., который был годом расцвета, составляла 40 396 300 ф. ст. С наступлением кризиса 1825 г. размер вывоза падает ниже этой суммы и колеблется между 35—39 млн. в год. При возобновлении расцвета в 1834 г. он превосходит предыдущий высший уровень, поднимаясь до 41 649 191 ф. ст., и в 1836 г. достигает нового максимума в 53 368 571 ф. ст. В 1837 г. он снова падает до 42 млн., так что новый минимум стоит уже выше старого максимума и колеблется затем между 50 и 53 млн. Возврат расцвета поднимает затем в 1844 г. размеры вывоза до 58½ млн., что опять-таки далеко превышает максимум 1836 г. В 1845 г. вывоз достигает 60 111 082 ф. ст., затем падает до 57 с лишком миллионов в 1846 г., почти 59 млн. в 1847 г., 53 млн. в 1848 г., повышается в 1849 г. до 63½ млн., в 1853 г. почти 99 млн., в 1854 г. — 97 млн., в 1855 г. — 94½ млн., в 1856 г. — почти 116 млн. и в 1857 г. достигает максимума в 122 млн. В 1858 г. вывоз падает до 116 млн., но уже в

1859 г. повышается до 130 млн., в 1860 г. почти 136 млн., в 1861 г. — всего 125 млн. (здесь новый минимум опять выше предшествующего максимума), в 1863 г. — 146 $\frac{1}{2}$ млн.

То же самое могло бы быть, конечно, доказано и по отношению к ввозу, который является показателем расширения рынка; здесь мы имеем дело лишь с масштабом производства. {Само собой разумеется, это справедливо по отношению к Англии лишь в эпоху фактической промышленной монополии; но это справедливо также по отношению ко всей вообще совокупности стран с современной крупной промышленностью, пока мировой рынок еще расширяется. — Ф. Э.}

2) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА ИЛИ ДОХОДА В ДЕНЬГИ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ.

Мы рассматриваем здесь накопление денежного капитала, поскольку оно не является выражением приостановки в потоке коммерческого кредита или же экономного использования как действительно функционирующих средств обращения, так и резервного капитала агентов, занятых в воспроизводстве.

Кроме обоих этих случаев, накопление денежного капитала может возникнуть благодаря необычному притоку золота, как это имело место в 1852 и 1853 гг. вследствие открытия новых золотых приисков в Австралии и Калифорнии. Это золото помещалось вкладами в Английский банк. Вкладчики брали вместо него банкноты, которые непосредственно вслед затем не вкладывались ими в банки. Таким образом чрезвычайно увеличилось количество средств обращения. (Показания Вегелина, В. С. 1857, № 1329.) Банк старался использовать эти вклады, понизив учетную ставку до 2%. Накопленная в банке масса золота в течение шести месяцев 1853 г. возросла до 22—23 млн.

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собою понятно, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путем увеличения элементов самого воспроизводительного капитала. Таким образом развитие кредита и колоссальная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должны уже сами по себе ускорять накопление ссужаемого капитала как отличную от действительного накопления форму. Это быстрое развитие ссудного капитала потому есть результат действительного накопления, что оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль,

образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь вычет из прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же время присвоение части процентов на *чужие* сбережения). Ссудный капитал накапливается одновременно за счет промышленников и купцов. Мы видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла уровень процента может подняться настолько высоко, что он временно совершенно поглощает прибыль некоторых отраслей, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных фондов и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене до своего нормального уровня и выше. Тогда бумаги эти снова сбываются, и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остается на руках скупивших их капиталистов, приносит им более высокие проценты, так как эти бумаги куплены по пониженной цене. Но всю прибыль, получаемую денежными капиталистами и превращаемую обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего как отличное от действительного накопления, хотя и порожденное им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и т. д., как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расширении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Если уровень процента низок, то это обесценение денежного капитала падает главным образом на вкладчиков, а не на банки. До развития акционерных банков в Англии $\frac{3}{4}$ всех вкладов лежали, не принося процентов. Если в настоящее время за них и уплачивается процент, то последний по меньшей мере на 1% ниже уровня процентной ставки данного дня.

Что касается накопления денег остальными классами капиталистов, то мы оставим в стороне ту часть, которая вкладывается в процентные бумаги и накапливается в этой форме. Мы рассматриваем только ту часть, которая выбрасывается на рынок как ссужаемый денежный капитал.

Здесь мы имеем прежде всего часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится на первых порах употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она состав-

вляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем мы будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна оставаться в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-помалу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал у банкира. Таким образом даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно повторяющемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, т. е. потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это верно по отношению ко всем доходам, поскольку они потребляются мало-помалу, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непродизводительных классов и т. д. Все они в известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены во вклады, а тем самым и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, верно то положение, что доход есть превращенная в деньги часть стоимости товарного капитала, а следовательно — выражение и результат действительного накопления, а не самый производительный капитал. Если прядильщик обменял свою пряжу на хлопок, а часть, составляющую доход, — на деньги, то действительное бытие его промышленного капитала — это пряжа, перешедшая теперь в руки ткача или, быть может, индивидуального потребителя, и притом пряжа — предназначена ли она для воспроизводства или для потребления — есть бытие как капитальной стоимости, так и прибавочной стоимости, которая в ней заключается. Величина прибавочной стоимости, превратившейся в деньги, зависит от величины прибавочной стоимости, заключающейся в пряже. Но раз прибавочная стоимость превратилась в деньги, последние являются лишь стоимостным бытием этой прибавочной стоимости [das Werthdasein dieses Mehrwerths]. И как таковое они становятся моментом ссудного капитала. Для этого требуется только, чтобы они были превращены во вклад, если только они уже не выданы в ссуду самим их собственником. Напротив, чтобы превратиться обратно в производительный капитал, они должны достигнуть сначала известной минимальной границы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. III.

(ОКОНЧАНИЕ.)

Масса денег, подлежащих такому обратному превращению в капитал, есть результат массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный капитал, она не является самою массою воспроизводительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (причем мы оставляем в стороне рабочего, так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающийся от действительного накопления промышленного капитала, потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, отнюдь не становится капиталом. Часть ее *возмещает* капитал, а именно, постоянный капитал производителей средств потребления, но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простым посредникам потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей средств потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежащего возмещению постоянного капитала в натуре. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растет с расширением процесса воспроизводства. Однако временно они выполняют функции сужаемых денег, т. е. денежного капитала. Следовательно, с этой стороны накопление денежного капитала всегда должно отражать в себе более значитель-

ное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссужаемого денежного капитала отчасти выражает лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые *авансируют* агенты воспроизводства, а денег, которые они *занимают*; таким образом, то авансирование денег, которое должно происходить в процессе воспроизводства, представляется авансированием занятых денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, в свою очередь ссужает их другой части агентов воспроизводства, причем банкир этот оказывается в роли источника благодати, и в то же время в качестве посредника совершенно забирает в свои руки распоряжение этим капиталом.

Нам остается лишь указать некоторые особые формы накопления денежного капитала. Капитал освобождается, например, вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и т. д. Если промышленник не может непосредственно расширить свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссужаемый денежный капитал. Но кроме того, капитал освобождается в денежной форме, особенно у купца, когда наступают перерывы в ходе дела. Если купец совершил ряд операций и вследствие таких перерывов может начать новый ряд операций лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссужаемого денежного капитала. В первом случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное освобождение части раньше связанного капитала, следовательно, возможность расширения процесса воспроизводства при тех же самых денежных средствах. Во втором случае — простой перерыв потока сделок. Но в обоих случаях деньги превращаются в ссужаемый денежный капитал, представляют накопление этого

последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и уровень процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором — препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, успешно завершив свои дела, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем больше число таких людей. Тут накопление ссужаемого денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (по своим относительным размерам), с другой стороны, только размеров превращения промышленных капиталистов в простых денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение дела в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить от двух причин. Или потому, что данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или потому, что накопленная сумма для того, чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых вложений капитала в данном определенном предприятии. Поэтому накопленная сумма превращается сначала в ссужаемый денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей созданной прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же это новое накопление наталкивается в своем применении на трудности, на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток ссужаемого денежного капитала указывает лишь на ограниченность *капиталистического* производства. Наступающий затем кредитный ажиотаж обнаруживает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие вследствие законов возрастания капитала, вследствие тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо переизобилие или хотя бы только недостатка сфер для приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже по одному тому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток должен развиваться по мере развития кредита. Вместе с этим избытком должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы: избыточная торговля, избыточное производство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и т. п., то здесь излишне останавливаться на этом вопросе. Следует подчеркнуть лишь тот момент, что благодаря разделению труда в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания (собирателей сокровищ), поскольку оно доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, например, рабочие при крахе банков. С одной стороны, промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны, денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занимающиеся воспроизводством, и который дает им публика, превращает в источник своего частного обогащения. Вместе с тем рушится последняя иллюзия капиталистической системы, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется, состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного

капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.

Нам остается сделать еще несколько замечаний относительно кредитного капитала.

Насколько часто одна и та же денежная единица может фигурировать в качестве ссудного капитала, всецело зависит, как было показано выше, от того,

1) насколько часто она реализует товарные стоимости в процессе продажи и платежа, перенося таким образом капитал, и от того, далее, насколько часто она реализует доход. Насколько часто она переходит в другие руки в качестве реализованной стоимости, все равно капитала или дохода, зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии платежей и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимного сцепления и быстроты действия кредитов, благодаря которым деньги, осевши в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выходят в другом — в виде займа.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра — товаров, вещество которых служит мерилем стоимостей, — то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, т. е. простым титулом стоимости, совершенно так же, как знаки стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они хотя в известный момент и образуют денежный капитал, однако, не превращаются в ссужаемый денежный капитал, но или обмениваются на элементы производительного капитала, или же ими расплачиваются как средством обращения при реализации дохода и, следовательно, они не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал и одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал, ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, происходит из действительного накопления, т. е. из превращения стоимости товарного капитала и т. д. в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости, как таковое, отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего накопления (нового процесса производства), которое осуществляется благодаря выдаче денег в ссуду.

Prima facie* ссудный капитал всегда существует в форме денег⁹, а позже в форме права на деньги, ибо деньги, в виде которых он первоначально существует, находятся теперь в руках заемщика в действительной денежной форме. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Просто деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом благодаря одному акту ссуды, благодаря превращению их во вклад, если рассматривать общую форму при развитой кредитной системе. Вклад есть денежный капитал для вкладчика. Однако в руках банкира он может быть лишь потенциальным денежным капиталом, лежащим

* В. А. 1857. Показание банкира Туэллса: «4516. Как банкир, ведете ли вы операции с капиталом или с деньгами? — Мы торгуем деньгами. — 4517. Как вносятся вклады в ваш банк? — Деньгами. — 4518. Как выплачиваются они? — Деньгами. — Следовательно, можно ли сказать, что они представляют нечто отличное от денег? — Нет».

Оверстон (см. гл. XXVI [*К. Маркс: «Капитал», т. III, 1936, ч. I, гл. XXVI; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, гл. XXVI*]) постоянно путает «capital» и «money» [«капитал» и «деньги»]. Value of money [стоимость денег] означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массой денег; value of capital [стоимость капитала] должна обозначать процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью. Он говорит: «4140. Слово «капитал» следует употреблять с осторожностью. — 4148. Вывоз золота из Англии означает уменьшение количества денег в стране, что должно, конечно, вообще говоря, вызывать увеличенный спрос на денежном рынке {следовательно, по его мнению, не на рынке капитала}. — 4112. По мере того как деньги уходят из страны, количество их в стране уменьшается. Это уменьшение количества денег, остающихся в стране, вызывает повышение стоимости этих денег» {первоначально по его теории это означало повышение стоимости денег как денег сравнительно со стоимостью товаров, вызванное сокращением обращения, причем это повышение стоимости денег равняется, следовательно, понижению стоимости товаров. Но так как в дальнейшем даже для него стало несомненным, что масса обращающихся денег не определяет цен, то теперь уменьшение количества денег как орудия обращения является для него причиной повышения их стоимости как капитала, приносящего проценты, и, следовательно, повышения самого размера процента.} «И это возрастание стоимости еще остающихся денег задерживает дальнейший отлив их и продолжается до тех пор, пока оно не привлечет обратно столько денег, сколько их необходимо, чтобы опять восстановить равновесие». Продолжение о противоречиях, в которые впадает Оверстон, — ниже.

* Это часто употребляемое Марксом латинское выражение означает в зависимости от контекста: первоначально, в первую очередь, с первого взгляда может показаться и т. п. *Ред.*

без употребления в его кассе вместо того, чтобы лежать в кассе собственника этого капитала¹⁰.

С ростом вещественного богатства растет класс денежных капиталистов; с одной стороны, растет число и богатство капиталистов, уходящих от дел, рантье; а во-вторых, это способствует развитию кредитной системы, в связи с чем растет число банкиров, заимодавцев, финансистов и т. п. С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, масса процентных бумаг, государственных бумаг, акций и т. д. Но вместе с тем увеличивается и спрос на свободный денежный капитал, причем биржевики, спекулирующие этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке. Если бы все покупки и продажи этих бумаг были лишь выражением действительных вложений капитала, то мы имели

¹⁰ Здесь-то и выступает путаница, состоящая в том, что «деньгами» является и то и другое: и вклад как требование на платеж со стороны банкира. и депонированные деньги в руках банкира. Банкир Туэллс, давая показания перед банковской комиссией 1857 г., приводит следующий пример: «Я начинаю свое дело с 10 000 ф. ст. На 5 000 ф. ст. я покупаю товаров и помещаю их в свой склад. Остальные 5 000 ф. ст. я помещаю у банкира вкладом, чтобы пользоваться ими по мере надобности. Но я все-таки рассматриваю всю сумму как мой капитал, хотя из нее 5 000 ф. ст. находятся в форме вклада или денег (4528)». Отсюда возникают следующие занятные дебаты: «4531. Следовательно, вы передали ваши 5 000 ф. ст. в банкнотах кому-то другому? — Да. — 4532. Тогда этот другой имеет вклад в 5 000 ф. ст.? — Да, конечно. — 4533. Но и вы имеете вклад в 5 000 ф. ст.? — Совершенно верно. — 4534. Он имеет 5 000 ф. ст. деньгами, и вы имеете 5 000 ф. ст. деньгами? — Конечно. — 4535. Но это в конце концов только деньги? — Нет». — Путаница происходит здесь отчасти по следующей причине: *A*, который сделал вклад в 5 000 ф. ст., может выписывать на них требования, распорядиться ими совершенно так же, как если бы эти деньги находились еще у него. В этом смысле они функционируют для него как потенциальные деньги. Но каждый раз, как он пользуется ими, он *pro tanto* [соответственно] уничтожает сумму своего вклада. Если он берет из банка действительные деньги, причем его деньги уже отданы в новую ссуду, то ему платят не его собственными деньгами, но деньгами, вложенными в банк кем-либо другим. Если он уплачивает *B* долг чеком на своего банкира, причем *B* вкладывает этот чек у своего банкира и банкир вкладчика *A* также имеет чек на банкира вкладчика *B*, так что оба банкира только обмениваются чеками, то деньги, вложенные *A*, дважды выполнили денежную функцию: во-первых, в руках того, кто получил деньги, вложенные *A*, и, во-вторых, в руках самого *A*. Другая функция состояла в погашении долговых требований (долговое требование *A* на своего банкира и долговое требование последнего на банкира *B*) без посредства денег. Здесь вклад дважды функционирует как деньги, именно: один раз как действительные деньги и другой раз — как право на получение денег. Простое право на получение денег может замещать деньги лишь путем выравнивания долговых требований.

бы право сказать, что они не могут влиять на спрос ссудного капитала, так как если *A* продает свои бумаги, то он извлекает при этом ровно столько же денег, сколько *B* вкладывает в бумаги. Между тем даже там, где бумага хотя и существует, но уже не существует того капитала (по крайней мере как денежного капитала), который она первоначально представляла, она всегда вызывает pro tanto [соответственно] новый спрос на такой денежный капитал. Но во всяком случае это денежный капитал, которым раньше располагал *B*, а теперь располагает *A*.

В. А. 1857. № 4886: «Будет ли это, по вашему мнению, правильным указанием причин, определяющих высоту учета, если я скажу, что она регулируется количеством находящегося на рынке капитала, который может быть употреблен для учета торговых векселей, в отличие от других видов ценных бумаг? — {Чэпман:} Нет; я держусь того взгляда, что на процент влияют все легко превращаемые в деньги процентные бумаги (all convertible securities of a current character); было бы неправильно ограничивать вопрос только учетом векселей, потому что, если существует большой спрос на деньги под {залог} консолей или даже под свидетельства казначейства, как это в сильной степени имело место в последнее время, и притом под проценты, значительно превышающие торговую процентную ставку, то было бы абсурдно сказать, что наш торговый мир не затрагивается этим; он весьма существенно затрагивается этим. — 4890. Если на рынке имеются хорошие и ходкие ценные бумаги, признаваемые банкирами как таковые, и если собственники хотят получить под них деньги, то это, без всякого сомнения, окажет влияние на торговые векселя; я не могу, например, ожидать, что мне дадут под торговый вексель деньги из 5%, если эти деньги можно в данное время ссудить под консоли и т. п. за 6%; такое же влияние это оказывает и на нас; никто не может требовать от меня, чтобы я учел его вексель из 5½%, раз я могу ссудить мои деньги из 6%. — 4892. Относительно людей, которые на 2 000 ф. ст., 5 000 ф. ст. или 10 000 ф. ст. покупают ценные бумаги в качестве прочного помещения капитала, мы не скажем, что они оказывают существенное влияние на денежный рынок. Если вы меня спрашиваете о процентной ставке на ссуды {под залог} консолей, то я имею в виду людей, которые совершают операции на сотни тысяч, так называемых jobbers [маклеров], которые подписываются на публичные займы на большие суммы или покупают их на рынке, а затем вынуждены держать эти бумаги, пока можно будет сбыть их с прибылью; эти люди должны для этой цели занимать деньги.»

С развитием кредитного дела создаются крупные концентрированные денежные рынки вроде Лондона, которые в то же время являются главными пунктами торговли этими бумагами. Банкиры предоставляют в распоряжение шайки таких торговцев громадные массы денежного капитала публики, и благодаря этому растет это отродье игроков. «На фондовой бирже деньги обыкновенно дешевле, чем где бы то ни было», говорил в 1848 г. тогдашний управляющий Английским банком, давая показания перед тайным комитетом лордов (С. D. 1848, напечатано в 1857, № 219).

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средний процент для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, — не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент.

Было также указано, что и для колебаний торгового процента — процента, исчисляемого в пределах торгового мира для учета и ссуд капиталистами, ссужающими деньги, — в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда уровень процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую он впоследствии превышает), причем движение это является результатом повышения прибыли, — и это было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых: если уровень процента в течение продолжительного времени держится высоко (мы говорим об уровне процента в определенной стране, например, в Англии, где дана за более или менее продолжительный период средняя процентная ставка, находящая себе выражение и в том проценте, который уплачивается по займам на более или менее продолжительное время и который можно назвать частным процентом), то это *prima facie* доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это еще вовсе не доказывает, что высока и норма предпринимательского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент. Возможность устойчивого высокого уровня процента, — мы не говорим здесь о фазе угнетения в собственном смысле, — дается высокой нормой прибыли. Возможно, однако, что эта высокая норма прибыли за вычетом высокой нормы процента оставляет лишь низкую норму предпринимательского дохода. Последний может сокращаться, в то время как высокая норма прибыли

продолжает существовать. Это возможно благодаря тому, что предприятия, раз они пущены в ход, необходимо продолжать во что бы то ни стало. В рассматриваемой фазе многое делается исключительно за счет кредитного (чужого) капитала; и высокая норма прибыли местами может быть чисто спекулятивной, предвосхищающей виды на будущее. Высокая норма процента может выплачиваться при высокой норме прибыли, но уменьшающемся предпринимательском доходе. Она может выплачиваться, — и это отчасти имеет место в периоды спекуляции, — не из прибыли, а из самого занятого чужого капитала, что может долго продолжаться.

Во-вторых: положение, что спрос на денежный капитал, а стало быть, и норма процента, растет вследствие того, что норма прибыли стоит высоко, не тождественно с тем, что спрос на промышленный капитал растет, а потому норма процента высока.

В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и норма процента, достигает своего максимума; норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал, почти совершенно исчезает. В такое время каждый занимает лишь для того, чтобы платить, чтобы ликвидировать уже принятые на себя обязательства. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать и чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. И он требуется тогда или промышленным капиталистом или купцом. Промышленный капиталист вкладывает его в средства производства и в рабочую силу.

Растущий спрос на рабочую силу сам по себе отнюдь еще не является основой для повышения уровня процента, поскольку последний определяется нормой прибыли. Более высокая заработная плата никогда не бывает причиной более высокой прибыли, хотя в известные фазы промышленного цикла может быть одним из его последствий.

Спрос на рабочую силу может повышаться вследствие того, что эксплуатация труда совершается при особо благоприятных условиях, но повышающийся спрос на рабочую силу и, следовательно, на переменный капитал сам по себе не увеличивает прибыли, а уменьшает ее *pro tanto* [соответственно]. И тем не менее благодаря этому может возрастать спрос на переменный капитал, а потому и спрос на денежный капитал, что способно повышать уровень процента. Рыночная цена рабочей силы поднимается тогда выше своей средней величины, работу находит более чем среднее число рабочих, и одновременно растет уровень процента, так как при таких

обстоятельствах повышается спрос на денежный капитал. Повышающийся спрос на рабочую силу удорожает этот товар, как всякий другой, повышает ее цену, но не повышает прибыли, которая основывается главным образом на относительной дешевизне как раз этого товара. Но в то же время — при предположенных обстоятельствах — он повышает норму процента, потому что повышает спрос на денежный капитал. Если бы денежный капиталист, вместо того чтобы давать свои деньги в ссуду, превратился в промышленника, то сам по себе тот факт, что ему приходится теперь платить дороже за труд, не повысил бы его прибыли, а понизил бы *pro tanto* [соответственно]. Общая конъюнктура может сложиться так, что прибыль его все-таки возрастает, но отнюдь не потому, что он дороже оплачивает труд. Однако последнего обстоятельства, поскольку оно повышает спрос на денежный капитал, достаточно для того, чтобы повысить норму процента. Если бы по каким-либо причинам повысилась заработная плата при конъюнктуре, в прочих отношениях неблагоприятной, то рост заработной платы понизил бы норму прибыли, но повысил бы уровень процента в той мере, в какой он увеличил бы спрос на денежный капитал.

То, что Оверстон называет «спросом на капитал», если оставить в стороне труд, состоит лишь в спросе на товары. Спрос на товары повышает их цену как в том случае, если спрос этот поднимается выше средней, так и в том случае, если предложение падает ниже средней. Если, например, промышленный капиталист или купец должен уплатить теперь 150 ф. ст. за ту же массу товаров, за которую он раньше платил 100 ф. ст., то ему придется занять 150 ф. ст. вместо обычных 100 ф. ст. и, следовательно, при 5% придется платить 7½ ф. ст. процентов вместо прежних 5 ф. ст. Масса уплачиваемых им процентов увеличится, так как увеличится масса занятого капитала.

Попытка г. Оверстона всецело сводится к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тождественными, между тем как его банковый акт рассчитан именно на то, чтобы использовать разницу этих интересов к выгоде денежного капитала.

В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товары может и не поглощать больше денежного капитала, чем прежде. Приходится уплачивать ту же самую, быть может, даже меньшую сумму за общую стоимость товаров, но за ту же сумму получают теперь меньшее количество потребительных стоимостей. В этом случае спрос на сужаемый денежный капитал остается неизменным, и, следовательно, уровень процента не повышается, хотя спрос на товар по сравнению с его предложением, а

потому и цена товара повышается. Уровень процента может быть затронут лишь в том случае, если возрастает общий спрос на ссудный капитал, а при вышеуказанных предположениях это не имеет места.

Возможен, однако, и такой случай, что предложение известного товара падает ниже среднего уровня, как это бывает, например, при неурожае хлеба, хлопка и т. п., но спрос на ссудный капитал растет, потому что имеет место спекуляция на еще большее повышение цен, а простейшее средство повысить цены состоит в том, чтобы временно устранить с рынка часть предложения. Для того же, чтобы оплатить купленный товар, не продавая его, добываются деньги при помощи коммерческих «вексельных операций». В таком случае возрастает спрос на ссудный капитал, и уровень процента может повыситься в результате такой попытки искусственно помешать доступу товара на рынок. Более высокий уровень процента выражает тогда искусственное уменьшение предложения товарного капитала.

С другой стороны, спрос на известный продукт может возрасти вследствие того, что возросло его предложение и цена товара упала ниже своего среднего уровня.

В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как на ту же самую сумму денег может быть приобретено большее количество товаров. Может, однако, появиться и спекулятивное образование запасов, частью чтобы использовать благоприятный момент для целей производства, частью в ожидании позднейшего повышения цен. В этом случае спрос на ссудный капитал может возрасти, и повышенный уровень процента будет свидетельствовать о затратах капитала на образование избыточных запасов из элементов производительного капитала. Мы рассматриваем здесь лишь спрос на ссудный капитал, поскольку на него влияют спрос и предложение товарного капитала. Уже ранее было показано, каким образом меняющееся в фазах промышленного цикла состояние процесса воспроизводства влияет на предложение ссудного капитала. Тривиальное положение, что рыночная норма процента определяется предложением и спросом (ссудного) капитала, Оверстон хитро спутывает со своим собственным предположением, согласно которому ссудный капитал тождествен с капиталом вообще, и старается таким образом превратить ростовщика в единственного капиталиста, а его капитал — в единственный вид капитала.

В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на средства платежа и ничего более; отнюдь не спрос на деньги как покупательные средства. Уровень процента может подняться при этом очень высоко независимо от того, имеется ли реальный капитал —

производительный и товарный — в избытке или же его мало. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что может быть превращено в *деньги*; поскольку же этого нет, следовательно, поскольку авансирование средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму*, но и нехваткающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на *денежный капитал*. Это тот пункт, в котором по вопросу о кризисах одинаково правы и неправы оба противоположные мнения ходячей теории. Все утверждающие, что существует лишь недостаток в средствах платежа, или имеют в виду только лиц, владеющих *bona fide* обеспечением *, или же настолько глупы, что приписывают банкам силу и обязанность превращать путем выпуска бумажек всех обанкротившихся спекулянтов в солидных, платежеспособных капиталистов. Те, кто говорит, что существует просто недостаток в капитале, или занимаются простой игрой слов, так как в действительности в такое время, вследствие избыточного ввоза и перепроизводства, имеется всегда обилие капитала, *не могущего превратиться в деньги*, или же они говорят лишь о тех рыцарях кредита, которые действительно попадают в условия, когда они больше не получают чужого капитала, чтобы хозяйствовать при его помощи, и потому требуют, чтобы банк не только помог им возратить утраченный капитал, но и дал возможность продолжать спекуляции.

Основу капиталистического производства составляет то, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром *par excellence* [по преимуществу] в противоположность всем другим товарам. Это должно обнаруживаться в двояком направлении, особенно у капиталистически развитых наций, которые в широких размерах замещают деньги, с одной стороны, кредитными операциями, с другой стороны, — кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит суживается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, т. е.

* Обеспечением, в солидности которого нет основания сомневаться. *Ред.*

в их собственную совершенно фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги суть деньги лишь постольку, поскольку они в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги. Вместе с отливом золота становится проблематичной возможность превратить их в деньги, т. е. их тождество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение процентной ставки и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото. Это может быть доведено до крайности при помощи ошибочного законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации интересами торговцев деньгами, Оверстонов и компании. Но основа дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (не говоря уже об утрате ими денежных свойств, утрате, впрочем, лишь мнимой) распатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неизбежно при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются. Пока *общественный* характер труда выступает как *денежная форма существования* товаров, т. е. как *вещь*, существующая вне действительного производства, неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. С другой стороны, ясно, что, пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путем изъятия их увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри страны было организовано, то металлы требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

По отношению к двум лицам было бы смешно сказать, что в своих сношениях оба они имеют платежный баланс против себя. Если каждый из них является и должником и кредитором по отношению к другому и если требования их не уравниваются взаимно,

то ясно, что в конце концов лишь один оказывается должником другого на сумму разницы. Но дело обстоит иначе, раз речь идет о нациях. И что оно обстоит иначе, признают все экономисты, принимая положение, согласно которому платежный баланс данной нации может быть благоприятен и неблагоприятен для нее, несмотря на то, что ее торговый баланс в конце концов должен уравновеситься. Платежный баланс тем отличается от торгового баланса, что он есть торговый баланс, платеж по которому приходится на определенное время. Кризисы же сводят разницу между торговым и платежным балансом к короткому промежутку времени; и известные явления, развивающиеся у нации, которая охвачена кризисом и для которой, значит, теперь наступает время платежей, — эти явления уже сами по себе вызывают сокращение периода, в течение которого должно быть произведено уравнение платежей. Во-первых, отсылка благородных металлов, затем распродажа по пониженной цене товаров, взятых на комиссию, экспорт товаров с целью сбыть их или добыть под них денежную ссуду внутри страны, повышение уровня процента, востребование кредитов, падение ценных бумаг, распродажа иностранных ценных бумаг, привлечение иностранного капитала для вложения в эти обесцененные бумаги, наконец, банкротство, погашающее массу требований. При этом зачастую металл отправляется в страну, в которой разразился кризис, так как векселя на нее ненадежны и наиболее верным представляется платеж звонкой монетой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к Азии все капиталистические нации оказываются обыкновенно одновременно ее прямыми или косвенными должниками. Как только эти различные обстоятельства окажут свое полное влияние на другую заинтересованную нацию, тотчас же и у последней начинается экспорт золота и серебра, короче, наступает период платежей, и те же самые явления повторяются снова.

При коммерческом кредите процент, как разница между ценой в кредит и ценой на наличные деньги, лишь постольку входит в цену товаров, поскольку сроки векселей продолжительнее обыкновенных сроков. В противном случае это не имеет места. Объясняется это тем, что каждый одной рукой получает такой кредит, другой оказывает его. {Это не согласуется с моими наблюдениями. — Ф. Э.} Поскольку же в этой форме здесь применяется учет, он регулируется не таким коммерческим кредитом, а денежным рынком.

Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие уровень процента, были тождественны со спросом и предложением

действительного капитала, как это утверждает Оверстон, то процент должен был бы одновременно стоять и низко и высоко в зависимости от того, какой товар имеется в виду, или по отношению к одному и тому же товару в различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт). В 1844 г. процентная ставка Английского банка колебалась между 4% (от января до сентября) и 2½—3% от ноября до конца года. В 1845 г. она была 2½, 2¾, 3% от января до октября, между 3 и 5% в последние месяцы. Средняя цена хлопка fair Orleans * была в 1844 г. 6¼ пенса, а в 1845 г. — 4⅞ пенса. 3 марта 1844 г. запас хлопка в Ливерпуле составлял 627 042 кипы, а 3 марта 1845 г. — 773 800 кип. Если судить по низкой цене хлопка, то в 1845 г. уровень процента должен был бы стоять низко, что фактически и наблюдалось в течение большей части этого периода. Но если судить по цене пряжи, то процент должен был бы стоять высоко, так как цены были относительно, а прибыли абсолютно высоки. Из хлопка по 4 пенса за фунт в 1845 г. можно было с 4 пенсами издержек прядения выпрясть пряжу (№ 40 хороший secunda mule twist**), которая прядильщику обошлась бы таким образом в 8 пенсов и которую он в сентябре и октябре 1845 г. мог бы продать по 10½ или 11½ пенсов за фунт. (См. ниже показания Вили.)

Весь вопрос разрешается следующим образом:

Спрос и предложение ссудного капитала были бы тождественны со спросом и предложением капитала вообще (хотя последняя фраза нелепа: для промышленника или купца товар есть форма его капитала, тем не менее он никогда не нуждается в капитале как таковом, но всегда лишь в специальном товаре как таковом, покупает и оплачивает его как товар — хлеб или хлопок — независимо от той роли, которую товар сыграет в кругообороте его капитала) лишь в том случае, если бы вовсе не существовало денежных заимодавцев, но зато ссужающие капиталисты владели бы машинами, сырыми материалами и т. п. и отдавали бы эту свою собственность в ссуду или в наем, — подобно тому как теперь сдаются дома, — промышленным капиталистам, которые сами являются собственниками части этих предметов. При таких обстоятельствах предложение ссудного капитала было бы тождественно с предложением элементов производства промышленным капиталистам или товаров купцам. Но совершенно ясно, что в этом случае распределение прибыли между кредитором и заемщиком всецело определялось бы в первую

* Сорт хлопка. *Ред.*

** Сорт пряжи. *Ред.*

очередь отношением между капиталом, данным в ссуду, и капиталом, составляющим собственность того, кто его применяет к делу.

По словам г. Вегелина (В. А. 1857), процентная ставка определяется «массою незанятого капитала» (252); есть «лишь показатель массы незанятого капитала, ищущего приложения» (271); позже этот незанятый капитал называется у него *floating capital* (485), причем под последним он понимает «банкноты Английского банка и другие средства обращения в стране, например, банкноты провинциальных банков и имеющуюся в стране монету... я разумею под *floating capital* также запасы банков» (502, 503), а позже он сюда же относит золото в слитках (503). Тот же Вегелин утверждает, что Английский банк оказывает сильное влияние на уровень процента в те периоды, «когда мы {Английский банк} фактически имеем в своих руках большую часть незанятого капитала» (1198), между тем как, согласно выше цитированным показаниям г. Оверстона, Английский банк «не место для капитала». Далее Вегелин говорит: «По моему мнению, учетная ставка регулируется количеством незанятого капитала в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически есть металлический резерв. Таким образом, если запас благородного металла уменьшается, то это уменьшает количество незанятого капитала в стране и, следовательно, повышает стоимость остающейся его части» (1258). Дж. Стюарт Милль говорит (2102): «Для поддержания дееспособности своего *banking department* банк вынужден делать все возможное, чтобы пополнить резерв этого *department*; поэтому, как только он замечает, что наступает отлив, он должен обеспечить себе резерв и либо сократить учетные операции, либо продавать ценные бумаги». — Резерв, поскольку дело идет только о *banking department*, есть резерв исключительно для вкладов. По мнению Оверстонов, *banking department* должен действовать просто как банкнот, не считаясь с «автоматическим» выпуском банкнот. Но в периоды действительного угнетения Английский банк независимо от запаса в *banking department*, состоящего исключительно из банкнот, очень зорко следит за состоянием металлического запаса и должен следить, если он не хочет потерпеть крах. Ибо в той же самой степени, в какой исчезает металлический запас, исчезает и запас банкнот, и г. Оверстону, который столь мудро устроил это своим банковым актом 1844 г., это должно бы быть известно лучше, чем кому-либо другому.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ ПРИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ.

«Кредит есть великий регулятор быстроты обращения. Отсюда понятно, почему период острого угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с наполненным обращением» («The Currency Question Reviewed», стр. 65). Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы экономного использования средств обращения построены на кредите. Но с другой стороны: возьмем для примера банкноту в 500 ф. ст. *A* отдает ее сегодня *B* в уплату по векселю; *B* вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для *C*; *C* уплачивает ее своему банку, банк отдает ее billbroker'у в виде ссуды и т. д. Быстрота, с которой обращается здесь банкнота, служа для покупок и платежей, обуславливается той быстротой, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада и затем опять переходит в другие руки в форме ссуды. Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House [Расчетной палате] в простом обмене векселей, которым истек срок, и в преобладающей функции денег как средства платежа для выравнивания одних излишков. Но самое существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, а следовательно, и действенность этого метода выравнивания платежей. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как средства платежа, покоящейся в свою очередь на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей): встречные долговые требования, представленные векселями и чеками, либо взаимно погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счета одного на счет другого, либо различные банкиры погашают их в своих расчетах между

собою ¹¹. Концентрация 8—10 млн. векселей в руках одного billbroker'a, например, фирмы Оверенд, Гарней и К^о, была одним из главных средств локально расширить масштаб такого погашения платежей. Посредством этого экономизирования повышается эффективность средств обращения, поскольку требуется меньшее их количество, исключительно для уплаты разниц по балансу. С другой стороны, быстрота движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит обуславливает и тем самым повышает быстроту обращения. Так, например, отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждой отдельной руке, если *A*, ее первоначальный владелец, делает покупку у *B*, *B* у *C*, *C* у *D*, *D* у *E*, *E* у *F*, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие вызывается лишь действительными покупками и продажами. Если же *B* помещает деньги, уплаченные ему *A*, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их *C*, дисконтируя его вексель, *C* делает покупку у *D*, *D* снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их *E*, который совершает покупку у *F*, то самая быстрота движения денег в качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: депозитной операцией *B* у его банкира, учетной операцией последнего для *C*, депозитом *D* у его банкира и учетной операцией последнего для *E*, — следовательно, четырьмя кредитными операциями. Без этих кредитных операций данная монета не была бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другой пять отдельных покупок. Благодаря тому, что данная единица денег переходила из рук в руки — в качестве вклада и при учете векселей — без посредства действительных покупок и продаж, ускорился ее переход из рук в руки в ряде действительных торговых актов купли-продажи.

¹¹ Среднее число дней, в течение которых находилась в обращении банкнота:

Г о д ы	Банкнота в 5 ф. ст.	10 ф. ст.	20—100 ф. ст.	200—500 ф. ст.	1 000 ф. ст.
1792	?	236	209	31	22
1818	148	137	121	18	13
1846	79	71	34	12	8
1856	70	58	27	9	7

(Подсчеты кассира Английского банка Маршалла в «Report on Bank Acts», 1857, Приложение II, стр. 300—301.)

Мы только что видели, что одна и та же банкнота может образовывать вклады у различных банкиров. Равным образом она может образовывать различные вклады у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель *B* банкнотой, вложенной *A*, *B* уплачивает *C*, *C* вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который ее выдал.

При рассмотрении простого денежного обращения (кн. I, гл. III, 2)* было уже показано, что масса действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок. Тот же самый закон действителен и для обращения банкнот.

В следующей таблице указана для каждого года средняя годовая сумма обращающихся билетов Английского банка, поскольку они находились в руках публики, причем показаны суммы 5- и 10-фунтовых банкнот, 20-100-фунтовых и банкнот высшего, 200-1 000-фунтового достоинства; равным образом приведено процентное отношение каждой рубрики к общему количеству обращающихся билетов. Суммы даны в тысячах фунтов стерлингов, для чего последние три цифры зачеркнуты**.

Годы	Банкноты в 5—10 ф. ст.	Про- центное отно- шение	Банкноты в 20—100 ф. ст.	Про- центное отно- шение	Банкноты в 200—1000 ф. ст.	Про- центное отно- шение	Всего ф. ст.
1844	9 263 ф. ст.	45,7	5 735 ф. ст.	28,3	5 253 ф. ст.	26,0	20 241 ф. ст.
1845	9 698 »	46,9	6 082 »	29,3	4 942 »	23,8	20 722 »
1846	9 918 »	48,9	5 778 »	28,5	4 590 »	22,6	20 286 »
1847	9 591 »	50,1	5 498 »	28,7	4 066 »	21,2	19 155 »
1848	8 732 »	48,3	5 046 »	27,9	4 307 »	23,8	18 085 »
1849	8 692 »	47,2	5 234 »	28,5	4 477 »	24,3	18 403 »
1850	9 164 »	47,2	5 587 »	28,8	4 646 »	24,0	19 398 »
1851	9 362 »	48,1	5 554 »	28,5	4 557 »	23,4	19 473 »
1852	9 839 »	45,0	6 161 »	28,2	5 856 »	26,8	21 856 »
1853	10 699 »	47,3	6 393 »	28,2	5 541 »	24,5	22 653 »
1854	10 565 »	51,0	5 910 »	28,5	4 234 »	20,5	20 709 »
1855	10 628 »	53,6	5 706 »	28,9	3 459 »	17,5	19 793 »
1856	10 680 »	54,4	5 645 »	28,7	3 323 »	16,9	19 648 »
1857	10 659 »	54,7	5 567 »	28,6	3 241 »	16,7	19 467 »

* *К. Маркс*: «Капитал», т. I, 1936, гл. III, 2; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVII, гл. III, 2. *Ред.*

** Данная таблица воспроизведена по фотокопии указанного Марксом источника. В ней не все абсолютные числа верны. *Ред.*

(В. А. 1858, стр. XXVI). Итак, за период с 1844 по 1857 г. общая сумма обращающихся банкнот положительно уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем удвоился. Сумма мелких банкнот в 5 ф. ст. и в 10 ф. ст. увеличилась, как видно из таблицы, с 9 263 000 ф. ст. в 1844 г. до 10 659 000 ф. ст. в 1857 г. И это одновременно с тем сильным увеличением золотого обращения, которое как раз имело тогда место. Напротив, сумма банкнот более высоких достоинств (в 200—1 000 ф. ст.) упала с 5 856 000 в 1852 г. до 3 241 000 ф. ст. в 1857 г. Следовательно, уменьшение более чем на 2½ млн. ф. ст. Это объясняется следующим образом: «8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры допустили к участию в работе Clearing House акционерные банки, и вскоре после этого окончательная операция сведения счетов [clearing] была введена в Английском банке. Ежедневный расчет совершается путем переписывания по счетам, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты высшего достоинства, которыми раньше банки пользовались для погашения взаимных счетов» (В. А. 1858, стр. V).

К какому минимуму сводится применение денег в оптовой торговле, видно из таблицы, которая напечатана в кн. I, гл. III, прим. 103* и которая была доставлена банковской комиссией фирмой Моррисон, Диллон и К^о, одной из тех крупнейших лондонских фирм, где розничный торговец может закупить весь нужный ему запас товаров всякого рода.

Согласно показанию В. Ньюмарча перед банковской комиссией 1857 г. № 1741, экономии средств обращения способствовали еще и другие обстоятельства: почтовая такса в 1 пенни, железные дороги, телеграфы, одним словом, улучшение средств сообщения; благодаря всему этому Англия может в настоящее время почти при том же самом обращении банкнот делать в пять и шесть раз большие обороты, чем раньше. Те же самые причины сильно способствовали вытеснению из сферы обращения банкнот более чем 10-фунтового достоинства. Здесь же Ньюмарч видит естественное объяснение того, что в Шотландии и Ирландии, где циркулируют даже билеты в 1 ф. ст., обращение банкнот возросло почти на 31% (1747). Сумма всех обращающихся в Соединенном королевстве банкнот, включая и банкноты в 1 ф. ст., составляет, по его словам, 39 млн. ф. ст. (1749).

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. III, прим. 103; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. III, прим. 103, стр. 156. *Ред.*

Сумма обращающегося золота = 70 млн. ф. ст. (1750). В Шотландии в 1834 г. было в обращении банкнот на 3 120 000 ф. ст.; в 1844 г. — на 3 020 000 ф. ст.; в 1854 г. — на 4 050 000 ф. ст. (1752).

Уже отсюда вытекает, что от произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот до тех пор, пока эти банкноты могут быть во всякое время обменены на деньги. {О неразменных бумажных деньгах здесь вообще нет речи; неразменные банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, например, в настоящее время в России. Они подпадают таким образом под действие указанных выше (кн. I, гл. III, 2, с: монета, знак стоимости) * законов, управляющих движением неразменных государственных бумажных денег. — Ф. Э.}

Количество обращающихся банкнот подчиняется в своем движении потребностям оборота, и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению. Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее хождение как законное средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь незначительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков.

В своих показаниях перед банковской комиссией 1858 г. г-н Нив, управляющий Английским банком, говорит: «№ 947. (Вопрос:) Какие бы меры вы ни принимали, количество банкнот в руках публики остается, по вашим словам, тем же самым, т. е. приблизительно 20 млн. ф. ст.? В обычное время для потребностей публики нужно, повидимому, приблизительно 20 млн. В известные, периодически повторяющиеся времена года, сумма эта повышается на 1 или 1½ млн. Если публике требуется больше, то она может, как я сказал, всякий раз получить их из Английского банка. — 948. Вы сказали, что во время паники публика не позволяла вам уменьшать сумму банкнот; не потрудитесь ли вы объяснить это? — В периоды паники публика, как мне кажется, имеет полную возможность получать банкноты; и, конечно, пока банк имеет обязательства, публика может по этим обязательствам извлекать из банка банкноты. — 949. Таким образом, повидимому, неизменно существует потребность приблизительно в 20 млн. ф. ст. банкнотами Английского банка? — 20 млн. ф. ст. банкнотами на руках у публики; сумма эта меняется. Бывает

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. III, 2, с; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. III, 2, с. *Ред.*

18¹/₂, 19, 20 млн. и т. д., но в среднем вы можете сказать: 19 — 20 млн.»

Показание Томаса Тука перед комиссией лордов относительно Commercial Distress [торгового кризиса] (С. D. 1848/57); № 3094: «Банк не имеет возможности произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся в руках публики; он имеет возможность уменьшить количество банкнот в руках публики, но лишь при помощи некоторой весьма насильственной операции».

Дж. К. Райт, в течение 30 лет банкир в Ноттингаме, обстоятельно выяснив, что провинциальные банки совершенно не в состоянии сохранять в обращении большее количество банкнот, чем то, в котором нуждается и которого хочет публика, говорит о билетах Английского банка (С. D. 1848/57) № 2844: «Мне неизвестны какие-либо пределы (выпуска банкнот) для Английского банка, но всякий избыток обращения превратится во вклады и, таким образом, примет пную форму».

То же самое относится и к Шотландии, где обращается почти исключительно бумага, так как здесь, как и в Ирландии, допущены билеты однофунтового достоинства и так как «the scotch hate gold» [«шотландцы ненавидят золото»]. Кэннеди, директор одного шотландского банка, заявляет, что банки не в состоянии сократить обращение своих банкнот, и «придерживается того взгляда, что, пока сделки внутри страны требуют для своего осуществления банкнот или золота, банкиры должны доставлять столько средств обращения, сколько нужно для этих сделок, — по требованию ли своих вкладчиков, или как-либо иначе... Шотландские банки могут ограничить свои операции, но они не в состоянии контролировать выпуск банкнот» (там же, № 3446—48). В том же духе высказывается Андерсон, директор Union Bank of Scotland (там же, № 3578). «Препятствует ли система взаимного обмена банкнотами {между шотландскими банками} чрезмерному выпуску банкнот со стороны какого-либо отдельного банка? — Конечно; но мы имеем в своих руках средство более действительное, чем обмен банкнотами» {который в действительности не имеет к указанной цели никакого отношения, хотя и обеспечивает обращение билетов каждого отдельного банка по всей Шотландии}, «и это всеобщий обычай в Шотландии — иметь счет в банке; каждый, имеющий какие бы то ни было деньги, имеет также и счет в каком-либо банке и ежедневно вносит туда все деньги, в которых он не нуждается сам в данный момент, так что к концу каждого делового дня в банках оказываются все деньги за исключением тех, которые каждый имеет в кармане».

Так же обстоит дело и в Ирландии, см. показания перед той же самой комиссией управляющего Ирландским банком Макдонелла и директора провинциального банка Ирландии Мёррея.

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает обмен этих банкнот. «18 сентября 1846 г. билетов Английского банка находилось в обращении на сумму 20 900 000 ф. ст., а его металлический запас составил 16 273 000 ф. ст.; 5 апреля 1847 г. сумма обращающихся билетов была 20 815 000 ф. ст.; металлический запас — 10 246 000 ф. ст. Следовательно, несмотря на вывоз 6 млн. ф. ст. благородного металла, обращение банкнот несколько не сократилось» (J. G. Kinnear, «The Crisis and the CURRENCY», London 1847, стр. 5). Однако само собой разумеется, что это верно лишь при условиях, господствующих в настоящее время в Англии, да и там лишь постольку, поскольку законодательство не установит иного отношения между выпуском банкнот и металлическим запасом.

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел. Здесь, прежде всего, следует принять во внимание периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет «в определенный месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц стоит низко, в третий определенный месяц оно стоит на средней точке» (Ньюмарч, В. А. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов, по большей части золотом, уходит из Английского банка во внутреннее обращение для оплаты издержек по урожаю; так как здесь речь главным образом идет о выдаче заработных плат, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. До окончания года эти деньги снова притекают в банк. В Шотландии вместо соверенов имеются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях расширяется на 3—4 млн. обращение банкнот, именно два раза в год, в мае и ноябре; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, там же, № 3595—3600).

Обращение билетов Английского банка испытывает, кроме того, четыре раза в год преходящее колебание в связи с тем, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», т. е. проценты по государственному долгу, для чего банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются в публику; но очень

быстро они опять притекают обратно. Вегелин (В. А. 1857, № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания обращения банкнот в $2\frac{1}{2}$ млн. Напротив, г. Чэпмэн, представитель пресловутой фирмы Оверенд, Гарней и К^о, оценивает вызываемое этим нарушение на денежном рынке значительно выше. «Если вы извлекаете из обращения в виде налогов 6 или 7 млн., чтобы выплатить ими дивиденды, то должен быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму» (В. А. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах обращающихся средств, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Вот что говорит об этом другой associé [участник] той же фирмы, достопочтенный квакер Сэмюэль Гарней (С. D. 1848/57, № 2645): «В конце октября (1847 г.) в руках публики было банкнот на 20 800 000 ф. ст. В то время можно было лишь с большими трудностями получить банкноты на денежном рынке. Причиной этого являлось всеобщее опасение, что вследствие ограничений банковского акта 1844 г. нельзя будет получать банкноты в достаточном количестве. В настоящее время {март 1848 г.} в руках публики находится банкнот... 17 700 000 ф. ст., но так как теперь нет никакой коммерческой паники, это гораздо больше, чем нужно. В Лондоне нет ни одного банкира или торговца деньгами, который не имел бы банкнот больше, чем он может использовать. — 2650. Сумма банкнот... вне Английского банка является совершенно недостаточным показателем активного состояния обращения, если наряду с ним не принять во внимание... состояние торгового мира и кредита. — 2651. Если в настоящее время чувствуется, что при данных размерах обращения в руках публики имеется избыток банкнот, то это в значительной степени объясняется современным состоянием большого застоя. При высоких ценах и оживлении дел эти же 17 700 000 ф. ст. вызывали бы у нас ощущение недостаточности денег в обращении.

{Пока положение дел таково, что обратный приток сделанных авансирований совершается правильно и, следовательно, кредит остается непоколебленным, расширение и сокращение обращения регулируются просто потребностями промышленников и купцов. Так как золото, по крайней мере в Англии, не играет роли в оптовой торговле и так как обращение золота, если оставить в стороне сезонные колебания, может рассматриваться как величина весьма постоянная в течение более или менее продолжительного времени, то обращение билетов Английского банка является достаточно точным показателем масштаба этих перемен. В период затишья

после кризиса размеры обращения всего меньше; с новым оживлением спроса возрастает также потребность в средствах обращения, увеличивающаяся вместе с ростом расцвета; высшей точки масса средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения и чрезмерной спекуляции, — тогда разражается кризис и разом исчезают с рынка еще накануне столь обильные банкноты, а вместе с ними дисконтеры векселей, лица, ссужающие под залог ценных бумаг, покупатели товаров. Английский банк призывается на помощь, но и его силы скоро исчерпываются, банковый акт 1844 г. принуждает его ограничить обращение его банкнот как раз в такой момент, когда все вопят, требуя банкнот, когда товаровладельцы не могут продать и все же должны платить, а потому готовы на всякие жертвы, только бы раздобыть банкнот. «Во время паники, — говорит упомянутый выше банкир Райт (там же, № 2930), — стране нужно средств обращения вдвое больше, чем в обычное время, так как банкиры и другие лица создают себе запасы средств обращения».

Как только разражается кризис, дело идет лишь о средствах платежа. Но так как в поступлении этих средств платежа каждый зависит от других и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за средствами платежа, находящимися на рынке, т. е. за банкнотами. Каждый припрятывает столько банкнот, сколько ему удастся получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения именно тогда, когда потребность в них всего острее. Для октября 1847 г. Сэмюель Гарней (С. D. 1848/57, № 1116) оценивает количество таких банкнот, находившихся под замком в момент паники, в 4—5 млн. ф. ст. — *Ф. Э.* }

В этом отношении особенно интересны показания компаньона Гарнея, упомянутого выше Чэпмена, перед банковской комиссией 1857 г. Я передаю главное содержание их в данной связи, хотя некоторые затронутые там пункты лишь позднее будут подлежать нашему исследованию.

Показание г. Чэпмена гласит:

«4963. Я без малейшего колебания заявляю также, что не считаю правильным, чтобы денежный рынок находился во власти любого индивидуального капиталиста (каких немало в Лондоне), имеющего возможность вызвать колоссальный недостаток в деньгах и стесненное положение как раз в то время, когда размеры обращения очень низки... Это возможно... имеется не один капиталист, который для своих целей может извлечь из сферы обращения 1 или 2 млн. ф. ст.

банкнотами, если это ему выгодно». 4965*. Крупный спекулянт может продать на 1 или 2 млн. консолей и таким образом извлечь деньги с рынка. Нечто подобное имело место недавно, результатом чего явилось «в высшей степени острое угнетение».

4967. В таком случае банкноты, конечно, непроизводительны: «Но это не важно, раз достигается великая цель: его великая цель — вызвать падение цены фондов, создать безденежье, и он имеет полную возможность достигнуть этого». Вот пример: однажды на фондовой бирже обнаружился сильный спрос на деньги; никто не знал причины; некто обратился к Чэпмэну с просьбой ссудить 50 000 ф. ст. из 7%. Чэпмэн был поражен: его процентная ставка была гораздо ниже; он согласился. Немедленно вслед за этим тот же человек явился снова, взял новые 50 000 ф. ст. из $7\frac{1}{2}\%$, затем 100 000 ф. ст. из 8% и изъявил желание занять еще более крупную сумму из $8\frac{1}{2}\%$. Тогда даже Чэпмэном овладели опасения. Впоследствии обнаружилось, что значительная сумма денег была внезапно извлечена с рынка. Однако, рассказывает Чэпмэн, «я все же ссудил значительную сумму из 8%; итти дальше я опасался; я не знал, что из этого может выйти».

Хотя от 19 до 20 млн. ф. ст. банкнот более или менее постоянно находится будто бы в руках публики, тем не менее не следует забывать, что постоянно и значительно изменяется отношение между той частью этих банкнот, которая действительно обращается, и той их частью, которая как резерв лежит неподвижно в банках. Если этот резерв велик и, следовательно, уровень действительного обращения низок, то, с точки зрения денежного рынка, это означает, что сфера обращения наполнена (the circulation is full, money is plentiful [обращение наполнено, денег много]); если резерв мал, следовательно, действительное обращение наполнено, денежный рынок называет его низким (the circulation is low, money is scarce [обращение низко, денег мало]); в действительности незначительны размеры той части, которая представляет незанятый ссудный капитал. Действительное, независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения, — причем, однако, сумма, которая требуется публикой, остается неизменной, — имеет место лишь вследствие чисто технических причин, например, в сроки уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский банк сверх обычной меры и фактически сокращают обращение независимо от потреб-

* В изд. 1894 г. — № 4995. *Ред.*

ностей последнего. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с целью добыть средства обращения. Во втором случае процентная ставка в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это не имеет никакого касательства к абсолютной сумме средств обращения; дело касается только банковской фирмы, которая фактически пускает эти средства в обращение; для нее этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, и она, следовательно, кладет в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравнивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов за четверть года или выдачи дивидендов за такой же срок выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выпущенные таким образом сверх обычного банкноты сначала восполняют тот недостаток, который получается вследствие уплаты налогов, между тем как погашение указанных ссуд немедленно возвращает банку излишек банкнот, попавший в руки публики благодаря выплате дивидендов.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, т. е. орудием займов.

С другой стороны, если, например, благодаря притоку золота в Английский банк увеличивается число соответственно выпущенных банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают назад в виде платежей по займам, так что абсолютная масса обращающихся банкнот увеличивается лишь на короткий срок.

Если обращение полно вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то уровень процента может стоять сравнительно высоко благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и умножившимися новыми капиталовложениями. Если уровень обращения низок вследствие сокращения дел или вследствие большей легкости получения кредита, то уровень процента может стоять низко даже и при высоких ценах. (См. Хёббард.)

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на уровень процента только в периоды угнетения. При этом спрос на расширенное обращение (оставляя в стороне уменьшение скорости, с которой обращаются деньги и с которой одни и те же денежные единицы [Geldstücke] снова и снова превращаются в

ссудный капитал) выражает собою или только спрос на средства образования сокровищ вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 г., когда приостановка банкового акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий припрятанные банкноты и бросить их в обращение. Или же, при известных обстоятельствах, может действительно потребоваться большее количество средств обращения, как в 1857 г., когда после приостановки банкового акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других же случаях абсолютная величина обращения не влияет на уровень процента, так как она, предполагая экономию и быстроту обращения постоянными, во-первых, определяется ценою товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и, наконец, состоянием кредита, а отнюдь не определяет последнее, так как, во-вторых, цены товаров и уровень процента не находятся ни в какой необходимой зависимости.

При действии Bank Restriction Act'a (1797—1820) имел место избыток суртенсу [средств обращения], уровень процента стоял всегда много выше, чем в то время, когда был восстановлен обмен банкнот. Позже, с сокращением выпуска банкнот и повышением вексельных курсов, он быстро упал. В 1822, 1823, 1832 гг. общий уровень обращения был низок, уровень процента был также низок. В 1824, 1825, 1836 гг. обращение стояло высоко, уровень процента повысился. Летом 1830 г. обращение стояло высоко, а уровень процента был низок. После открытия новых месторождений золота денежное обращение расширилось во всей Европе, уровень процента повысился. Уровень процента не зависит, таким образом, от количества обращающихся денег.

Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в действительном процессе производства. Мы видели (кн. II, отдел III) *, каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств рабочих, из части их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и от организации кредитного дела очень зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую

* К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, отдел III; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, отдел III. *Ред.*

неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, например, между средствами потребления и средствами производства средств потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одною или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена всегда снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого промышленного капитала (см. кн. II, гл. XX)*. При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние и являются, по крайней мере номинально, той стороной, которая авансирует деньги. Такое авансирование касается лишь денег, находящихся в обращении. Это — авансирование средств обращения, а не авансирование капиталов, приводимых благодаря этому в обращение.

Чэпмэн: «5062. Может наступить период, когда банкноты в большом количестве находятся в руках публики и тем не менее их невозможно достать». Деньги имеются и во время паники; но тогда каждый остерегается превращать их в ссужаемый капитал, в ссужаемые деньги; каждый удерживает их на случай действительной необходимости платить.

«5099. Посылают ли банки сельских округов свои свободные остатки вам и другим лондонским фирмам? — Да. — 5100. С другой стороны, дисконтируют ли у вас векселя для своих коммерческих целей фабричные округа Ланкашира и Йоркшира? — Да. — 5101. Так что благодаря этому избыточные деньги одной части страны могут быть использованы для потребностей другой части страны? — Совершенно верно».

Чэпмэн утверждает, что обычай банков употреблять избыточный денежный капитал на короткие сроки для покупки консолей и свидетельств казначейства стал практиковаться менее часто за последнее время, когда вошло в обычай ссужать эти деньги at call (со дня на день, до востребования в любое время). Сам он считает покупку такого рода бумаг для своего предприятия в высшей степени нецелесообразной. Поэтому он помещает деньги в надежные векселя, для части которых ежедневно наступает срок, так что он всегда знает, на какое количество свободных денег он может в каждый данный день рассчитывать. {5001—5005.} —

* К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, гл. XX; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, гл. XX. *Ред.*

Даже увеличение вывоза проявляется — более или менее во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, причем, однако, спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь во времена застоя. В периоды, когда вывоз растет, британскими фабрикантами под английские фабрикаты, посланные за границу для продажи на комиссионных началах, выписываются обыкновенно долгосрочные векселя на экспортных торговцев (5126). «5127. Не так ли обстоит дело, что существует договоренность, чтобы время от времени возобновлять такого рода векселя? — {Чэпмэн.} Это они держат от нас в тайне; мы бы не приняли такого векселя... Конечно, это может случаться, но я о чем-либо подобном ничего не могу сказать». {Невинный Чэпмэн.} — «5129. Если имеет место большое увеличение вывоза, как, например, теперь, когда за один только прошлый год вывоз увеличился на 20 млн. ф. ст., не приводит ли это само собою к увеличенному спросу на капитал для учета векселей, представляющих этот вывоз? — Несомненно. — 5130. Так как Англия, как правило, оказывает кредит за границей по всему своему экспорту, то не может ли это вызывать поглощения соответственного добавочного капитала на все время, пока длится этот кредит? Англия оказывает огромный кредит, но взамен этого она получает кредит по нужным ей сырым материалам. Америка выписывает на нас всегда векселя на 60 дней, другие страны — на 90 дней. С другой стороны, мы оказываем кредит; когда мы отсылаем товары в Германию, кредит этот длится 2 или 3 месяца».

Вильсон спрашивает Чэпмэна (5131), не выписываются ли векселя на Англию под эти импортируемые сырые материалы и колониальные товары уже одновременно с их погрузкой и не получают ли они одновременно с накладными? Чэпмэн полагает, что это так, но не знает ничего об этих «купеческих» делах и рекомендует спросить более осведомленных людей. — При экспорте в Америку, говорит Чэпмэн, «товары символизируются в транзите»; эта тарабарщина должна означать, что английский экспортер-купец выписывает под товары четырехмесячный вексель на одну из крупных американских банковых фирм в Лондоне, а банк получает покрытие из Америки.

«5136. Не ведутся ли, как правило, дела с отдаленными странами при помощи купцов, которые дожидаются возвращения своего капитала, пока не будут проданы товары? — Быть может, и существуют фирмы настолько богатые, что они могут вкладывать в товары свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары; однако

в большинстве случаев эти товары превращаются в ссуды при посредстве акцепта известных фирм. — 5137. Такие фирмы находятся в Лондоне, Ливерпуле и других местах. — 5138. Итак, безразлично, должен ли фабрикант затратить свои собственные деньги, или же он находит в Лондоне или Ливерпуле купца, который ссужает ему деньги; во всяком случае мы имеем дело с авансом, данным в Англии? — Совершенно верно. Фабрикант лишь в немногих случаях имеет к этому какое-либо отношение» {между тем, в 1847 г. так было почти во всех случаях}. «Торговец фабрикатами, например, в Манчестере, закупает товары и отправляет их за море при помощи солидной лондонской фирмы; как только лондонская фирма убедилась, что погружено все, согласно условию, торговец выписывает на лондонскую фирму шестимесячный вексель под эти направляемые в Индию, Китай или другую страну товары; тогда в это дело включается банковый мир и дисконтирует ему этот вексель, так что к тому времени, когда торговцу необходимо платить за купленные им товары, он уже имеет деньги, полученные путем учета этого векселя. — 5139. Но если он и имеет эти деньги, то банкиру все же пришлось их авансировать? — *Банкир имеет вексель; банкир купил вексель*; он применяет свой банковый капитал в этой форме, в форме учета торговых векселей». {Следовательно, и Чэпмэн рассматривает учет векселей не как ссуду, а как покупку товара. — Ф. Э.} — «5140. Однако это все же образует часть спроса на лондонском денежном рынке? — Без сомнения; в этом существенное занятие денежного рынка и Английского банка. Английский банк с такою же охотою принимает такие векселя, как и мы, так как он знает, что это хорошее помещение денег. — 5141. По мере того как растет экспортное дело, растет и спрос на денежном рынке? — По мере того как возрастает процветание страны, и мы {Чэпмэны} принимаем в нем участие. — 5142. Итак, если эти различные области приложения капитала внезапно расширяются, то естественным последствием является рост уровня процента? — Без всякого сомнения».

5143. Для Чэпмэна («не совсем понятно, каким образом при нашем большом вывозе мы находили такое широкое применение для золота».

5144. Достопочтенный Вильсон спрашивает: «Не может ли случиться, что мы даем большие кредиты по нашему вывозу, чем получаем по нашему ввозу? — Я лично сомневаюсь, чтобы это было так. Если кто-либо дает для акцепта вексель за манчестерский товар, направленный в Индию, то нельзя акцептовать на срок меньше чем 10 месяцев. Нам приходится — и это уже во всяком случае — платить Америке за ее хлопок несколько раньше, чем мы получаем

платежи из Индии; но выяснить, какое влияние это оказывает, не так-то легко. — 5145. Если мы, как это было в прошлом году, имеем прирост вывоза мануфактурных товаров на 20 млн. ф. ст., то раньше мы должны были иметь очень значительный прирост ввоза сырых материалов {и уже в этом обнаруживается тожество избыточного вывоза и избыточного ввоза, избыточного производства и избыточной торговли}, чтобы произвести это увеличенное количество товаров? — Несомненно; мы должны были предварительно выплатить очень значительный баланс, т. е. неизбежно было, что в течение этого времени баланс был против нас; но в целом вексельный курс в сделках с Америкой оказывается в нашу пользу, и мы в течение довольно продолжительного времени получали из Америки значительное количество благородного металла».

5148. Вильсон спрашивает архиростовщика Чэпмэна, не рассматривает ли он свой высокий процент как признак большого процветания и высокого уровня прибыли. Чэпмэн, явно пораженный наивностью этого сикофанта, отвечает, разумеется, утвердительно, но в то же время он достаточно чистосердечен, чтобы сделать следующую оговорку: «Для некоторых нет иного выхода; они имеют обязательства, которые они должны выполнить все равно, прибыльно ли это или нет; но если бы он {высокий уровень процента} оказался устойчивым, то это свидетельствовало бы о промышленном расцвете». Оба забывают, что это может свидетельствовать и о том, что, как это было в 1857 г., кредит страны расшатывается странствующими рыцарями, которые могут платить высокие проценты, так как платят их из чужого кармана (однако при этом они способствуют определению процентной ставки для всех) и пока что живут на широкую ногу за счет ожидаемых прибылей. Впрочем, как раз это может доставить для фабрикантов и т. д. действительно очень прибыльное дело. Обратный приток капиталов благодаря системе ссуд становится совершенно обманчивым. Этим объясняются следующие явления, которые, поскольку дело касается Английского банка, не нуждаются ни в каком объяснении, так как Английский банк при высоком уровне процента дисконтирует по более низкой ставке, чем другие.

«5156. Я могу утверждать, — говорит Чэпмэн, — что в настоящий момент, когда у нас в течение столь продолжительного времени был высокий уровень процента, сумма нашего учета достигает своего максимума». {Это Чэпмэн говорил 21 июля 1857 г., за несколько месяцев до краха.} — «5157. В 1852 г.» {когда процент был ни-

зок} «она далеко не была так велика». Так как в то время положение дел действительно было еще много нормальнее.

«5159. Если бы на рынке был крупный избыток денег... и банковская ставка была бы низка, у нас уменьшилось бы число векселей... в 1852 г. мы находились в совершенно иной фазе: вывоз и ввоз страны были тогда совершенно несравнимы с теперешними. — 5161. При этой высокой норме учета мы учли на такую же сумму, как и в 1854 г.» {Когда процент был 5—5¹/₂.}

В показаниях Чэпмэна в высшей степени забавно, что люди подобного сорта действительно считают деньги публики своей собственностью и уверены, что они имеют право во всякое время обменивать дисконтированные ими векселя на деньги. Наивность вопросов и ответов поразительна. Законодательству вменяется в обязанность обеспечить постоянный обмен на деньги векселей, акцептованных крупными фирмами; позаботиться о том, чтобы Английский банк при всяких обстоятельствах переучитывал их billbroker'ам. А между тем в 1857 г. три таких billbroker'а обанкротились приблизительно на 8 млн., причем их собственный капитал представлял по сравнению с этим долгом совершенно ничтожную величину. — «5177. Хотите ли вы этим сказать, что, по вашему мнению, они {акцепты Барингов или Лойдов} должны подлежать обязательному учету, вроде того, как в настоящее время билеты Английского банка подлежат обязательному размену на золото? — Я того мнения, что было бы весьма плачевно, если бы их нельзя было учитывать; было бы в высшей степени странно, если бы кто-нибудь вынужден был прекратить платежи только потому, что он имеет акцепты фирм Смит, Пэйн и К^о или Джонс, Лойд и К^о и не в состоянии их учесть. — 5178. Но разве акцент Баринга не есть обязательство уплатить известную сумму денег, когда истечет срок векселю? — Это совершенно верно; но господа Баринги, когда они принимают на себя такое обязательство, как и каждый купец, принимающий на себя обязательство этого рода, вовсе и не думают о том, что им придется оплатить его соверенами; они рассчитывают, что оплата произойдет в Clearing House [Расчетной палате]. — 5180. Полагаете ли вы, что следует придумать особого рода механизм, при помощи которого публика имела бы право получать деньги до истечения срока векселю вследствие того, что кто-нибудь другой должен был бы учесть его? — Нет, не акцептант; но если вы хотите этим сказать, что мы не должны иметь возможности осуществлять учет торговых векселей, то мы должны изменить весь порядок вещей. — 5182. Итак, вы полагаете, что для него {торгового векселя}

должно быть обеспечено превращение в деньги совершенно так же, как для банкноты Английского банка должен быть обеспечен обмен на золото? — Именно так, при известных условиях. — 5184. Вы, значит, думаете, что положением о сиргенсу [денежном обращении] должно быть предусмотрено, чтобы торговые векселя несомненной солидности обменивались на деньги так же легко, как и банкноты? — Да, я так думаю. — 5185. Вы не идете, однако, настолько далеко, чтобы утверждать, что Английский банк или кого бы то ни было следует обязать законом обменивать их? — Я во всяком случае иду достаточно далеко для того, чтобы утверждать, что, раз мы будем составлять закон, регулирующий сиргенсу, мы должны принять меры, которые предотвратили бы возможность наступления такого положения, когда безусловно солидные и правильные отечественные торговые векселя не могут быть обращены в деньги». — Это значит: обмен торгового векселя по примеру размена банкноты.

«5189. Торговцы деньгами фактически представляют только публику», — как впоследствии заявил г. Чэпмэн перед ассизами в деле Дэвисона. См. «Great City Frauds».

«5196. Каждую четверть года {когда выплачиваются дивиденды} абсолютно необходимо прибегать к содействию Английского банка. Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 млн. государственных доходов ввиду предстоящей уплаты дивидендов, то должен же быть кто-нибудь, кто в промежуточное время доставил бы соответственную сумму». — {Следовательно, в этом случае дело идет о предложении денег, а не капитала или ссудного капитала.}

«5169. Каждый, знакомый с нашим торговым миром, должен знать, что при том положении дел, когда обязательства казначейства не находят покупателей, когда облигации Ост-индской компании становятся совершенно бесполезными, когда самые лучшие векселя не могут быть дисконтированы, каждый знает, что в такой период сильная тревога должна господствовать среди тех, кого дела обязывают немедленно, по простому требованию, платить обычными средствами обращения, — а в таком положении находятся все банкиры. Результат получается тот, что каждый удваивает свои резервы. Представьте же теперь себе, как это отзовется на всей стране, если каждый провинциальный банкир, — а их имеется около 500, — должен будет поручить своему лондонскому корреспонденту перевести ему 5000 ф. ст. банкнотами. Даже если взять за среднее эту малую сумму, — что уже само по себе абсурдно, — то и тогда мы получим 2½ млн. ф. ст., которые должны быть извлечены из обращения. Каким образом возместить их?»

С другой стороны, частные капиталисты и т. п., располагающие деньгами, не отдают их ни за какой процент, потому что, по примеру Чэпмена, они рассуждают: «5194. Нам лучше не получать никаких процентов, нежели сомневаться, получим ли мы деньги, если они нам потребуются».

«5173. Наша система такова: мы имеем на 300 млн. ф. ст. обязательств, уплата которых в монете, обращающейся в стране, может быть потребована в один какой-либо определенный момент. Между тем сумма всей этой монеты, даже если мы ее используем всю, составляет 23 млн. ф. ст. или что-нибудь в этом роде; разве такое положение дел не угрожает нам ежеминутно потрясениями?» Отсюда во время кризисов внезапное превращение кредитной системы в монетарную систему.

Оставляя в стороне панику внутри страны в период кризиса, о количестве денег речь может идти лишь постольку, поскольку имеется в виду металл, мировые деньги. Но как раз их исключает Чэпман, он говорит лишь о 23 млн. *банкнотами*.

Тот же Чэпман: «5218. Первоначальная причина расстройства на денежном рынке { в апреле и позднее в октябре 1847 г. } заключалась без сомнения в том, что масса денег потребовалась для регулирования вексельного курса вследствие чрезвычайных размеров ввоза в этом году».

Во-первых, этот запас денег мирового рынка был сведен тогда к своему минимуму. Во-вторых, он служил в то же время обеспечением размена кредитных денег, банкнот. Он выполнял, таким образом, сразу две совершенно различные функции, которые, однако, обе вытекают из природы денег, так как действительные деньги всегда являются деньгами мирового рынка, а кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка.

В 1847 г. без приостановки действия банковского акта 1844 г. «Clearing Houses [расчетные палаты] были бы не в состоянии справиться со своим делом (5221)».

Чэпман имел все же некоторое предчувствие предстоящего кризиса. «5236. Бывают известные положения на денежном рынке (и теперешнее положение не особенно далеко от этого), когда деньги очень трудно достать и приходится прибегать к банку».

«5239. Что касается сумм, взятых нами из банка в пятницу, субботу и понедельник, 19, 20 и 22 октября 1847 г., то в ближайшую среду мы были бы лишь в высшей степени благодарны, если бы могли получить обратно векселя; деньги тотчас же стали приливать к нам обратно, как только миновала паника». — Во вторник,

23 октября, действие банкового акта было приостановлено и тем самым кризис был сломлен.

Чэпмэн полагает (5274), что сумма текущих векселей на Лондон во всякий момент составляет 100—120 млн. ф. ст. Сюда не включены местные векселя на провинциальные пункты.

«5287. Хотя в октябре 1856 г. сумма банкнот, находящихся в руках публики, возросла до 21 155 000 ф. ст., тем не менее было чрезвычайно трудно получить деньги; несмотря на то, что в руках публики их было так много, мы не могли добыть их». Именно вследствие тревоги, вызванной стесненным положением, в котором некоторое время (март 1856 г.) находился Eastern Bank.

5190—92. Как только паника миновала, «все банкиры, получающие свою прибыль из процента, начинают пускать в дело свои деньги».

5302. Чэпмэн объясняет беспокойство, вызываемое уменьшением банкового резерва, не страхом за вклады, а тем, что все те, кто внезапно может оказаться в необходимости уплатить крупные денежные суммы, прекрасно знают, что при стесненном положении на денежном рынке они, быть может, окажутся вынужденными обратиться к банку как к последнему прибежищу, и «если у банка очень небольшой резерв, он отнюдь не будет рад этому нашему обращению, совсем напротив».

Интересно, между прочим, как банковый резерв исчезает в качестве фактической величины. Банкиры держат частью у себя, частью в Английском банке минимальные суммы, необходимые для их текущих дел. Billbroker'ы держат «свободные банковые деньги страны», не имея резерва. И Английский банк имеет в обеспечение обязательств по вкладам лишь резерв банкиров и других вместе с public deposits [общественными вкладами] и т. д.; этому резерву он дает снизиться до самой низшей точки, например, до 2 млн. ф. ст. Таким образом, за исключением этих 2 млн. ф. ст. в бумаге, в периоды стеснения (а последнее уменьшает резерв, так как банкноты, поступающие взамен отливающего металла, необходимо аннулировать) вся эта махинация не имеет никакого иного резерва, кроме металлического запаса, и каждое уменьшение последнего вследствие отлива золота усиливает кризис.

«5306. Если бы не оказалось денег для того, чтобы уплатить разницу при расчетах в Clearing House [Расчетной палате], то, на мой взгляд, нам не оставалось бы ничего другого, как собраться вместе и произвести наши платежи первоклассными векселями, векселями на казначейство, на фирмы Смит, Пэйн и К^о и т. д. — 5307. Следо-

вательно, в том случае, если бы правительство не было в состоянии снабдить вас средствами обращения, вы сами создали бы их для себя? — Что же мы можем сделать? Приходит публика и берет у нас из рук средство обращения; оно не существует более. — 5308. Итак, вы сделали бы в Лондоне лишь то, что ежедневно делается в Манчестере? — Вот именно».

Очень недурен ответ Чэпмэна на вопрос, который предложил ему Кейли (Birmingham-man аттвудовской школы *), имея в виду оверстоновское представление о капитале: «5315. Перед комиссией высказано было мнение, что в период стесненного положения, подобный тому, который имел место в 1847 г., люди ищут не денег, а капитала; что вы думаете по этому поводу? — Я вас не понимаю; мы торгуем только деньгами; я не понимаю, что вы хотите сказать. — 5316. Если вы под этим {под коммерческим капиталом} понимаете сумму собственных денег предпринимателя, вложенных в предприятие, — если вы это называете капиталом, то я должен заметить, что это в большинстве случаев составляет лишь ничтожную долю тех денег, которыми распоряжается в своих делах предприниматель благодаря кредиту, который ему оказывает публика», т. е. через посредство господ Чэпмэнов.

«5339. Свидетельствует ли это о недостатке богатства, если мы приостанавливаем обмен банкнот? — Отнюдь нет... у нас нет недостатка в богатстве, но мы движемся в рамках в высшей степени искусственной системы, и если мы имеем угрожающий (superincumbent) колоссальный спрос на наши средства обращения, то могут возникнуть обстоятельства, вследствие которых мы будем лишены возможности получить эти средства обращения. Неужели же вследствие этого должна быть парализована вся коммерческая деятельность страны? Неужели мы должны закрыть всякий доступ к работе? — 5338. Если бы возник вопрос, что мы должны сохранить: обмен банкнот или промышленность страны, то я уже знал бы, чем следует пожертвовать».

Относительно накопления банкнот «с целью обострить стесненное положение и извлечь из последствий этого выгоду» {5358} он говорит, что такое явление легко может иметь место. Трех крупных банков было бы достаточно для этого. «5383. Не известно ли вам как человеку, близко знакомому с крупными оборотами нашей столицы, что капиталисты пользуются этими кризисами, чтобы извлечь огромные прибыли из разорения тех лиц, которые падают жертвою

* Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 68. *Ред.*

кризиса? — В этом не может быть сомнения». И г. Чэпмэну в данном случае мы вполне можем поверить, хотя он в конце концов и сломал себе шею — в коммерческом смысле этого слова — при попытке «извлечь огромные прибыли из разорения жертв кризиса». Ибо если его компаньон Гарней говорит: всякое изменение в ходе дел выгодно для сведущего человека, — то Чэпмэн говорит: «Одна часть общества ничего не знает о другой; вот, например, фабрикант, экспортирующий на континент или импортирующий свой сырой материал, — он ничего не знает о том, кто оперирует с золотыми слитками» (5046). Так и случилось, что в один прекрасный день сами Гарней и Чэпмэн оказались «несведущими» и потерпели постыдное банкротство.

Мы уже видели выше, что выпуск банкнот не всегда означает ссуду капитала. Нижеследующее показание Тука перед С. D.* комиссией лордов в 1848 г. доказывает только, что ссуда капитала даже в том случае, если она осуществляется банком при помощи выпуска новых банкнот, не означает еще непременно увеличения количества обращающихся банкнот.

«3099. Полагаете ли вы, что, например, Английский банк мог бы значительно расширить свои ссуды без того, чтобы это повлекло за собой увеличение выпуска банкнот? Факты, доказывающие это, имеются в избытке. Один из наиболее ярких примеров имел место в 1835 г., когда банк использовал вест-индские вклады и заем у Ост-индской компании для того, чтобы увеличить ссуды публики; сумма банкнот, находящихся в руках публики, в это же время фактически несколько уменьшилась... Нечто аналогичное наблюдалось и в 1846 г., в то время, когда вносились в банк железнодорожные вклады; ценные бумаги {учтенные и принятые в обеспечение} повысились приблизительно до 30 млн., что не оказало никакого заметного влияния на сумму банкнот в руках публики».

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения: векселя. Г-н Чэпмэн показал нам, насколько существенно для правильного хода дел, чтобы надежные векселя принимались в уплату всегда и при всяких условиях: *gilt nicht mehr der Tausves Jontof, was soll gelten, Zeter, Zeter!*** Как же относятся друг к другу оба эти средства обращения?

* Назначенной для исследования вопроса о кризисе. *Ред.*

** Если Таусфес Ионтов силы не имеет,

Что ж тогда имеет силу? Караул! Караул!

Из стихотворения Гейне: «Disputation». *Ред.*

Джилльбарт говорит относительно этого: «Сокращение обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя бывают двоякого рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят: «Пишите на нас вексель, и мы акцептуем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (J. W. Gilbert, «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.», стр. 31).

В несколько видоизмененной форме это подтверждает и Ньюмарч, В. А. 1857, № 1426:

«Не существует никакой зависимости между колебаниями количества находящихся в обращении векселей и банкнот... единственный более или менее постоянный результат сводится к тому... что, как только на денежном рынке наступает хотя бы ничтожное стеснение, обнаруживаемое повышением учетного процента, размеры обращения векселей значительно увеличиваются, и обратно».

Однако векселя, выписанные в такие периоды, отнюдь не являются исключительно краткосрочными банковскими векселями, о которых упоминает Джилльбарт. Напротив: это по большей части «дружеские» векселя, не представляющие никакой действительной операции или представляющие операции, которые были предприняты только для того, чтобы можно было выписать под них вексель; мы дали достаточное количество примеров векселей того и другого рода. Поэтому «Economist» (Вильсон), сравнивая обеспеченность таких векселей и банкнот, пишет: «Банкноты, оплачиваемые по предъявлению, никогда не могут оставаться в избытке вне банка, так как избыток неизбежно притекал бы обратно в банк для размена; между тем двухмесячные векселя могут быть выпущены в значительном избытке, так как нет средства контролировать их выпуск, пока не наступит срок платежа, а к этому моменту они могут быть уже снова замещены другими векселями. Для нас совершенно непонятно, почему нация должна признавать обеспеченность обращения векселей, подлежащих оплате в будущий срок, и в то же время подвергать сомнению обращение бумажных денег, размениваемых по предъявлению» («Economist», 1847, стр. 575).

Таким образом количество обращающихся векселей, точно так же как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения; в 50-х годах в обычное время в Соединенном

королевстве находилось в обращении, наряду с 39 млн. в банкнотах, около 300 млн. векселей, в том числе 100—120 млн. только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает никакого влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно отказывается служить; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет, по крайней мере до настоящего времени в Англии, способность к обращению, так как за Английским банком стоит нация со всем своим богатством.

Мы видели, что даже г. Чэпмэн, который в 1857 г. сам был магнатом на денежном рынке, горько жалуется на то, что в Лондоне имеются некоторые крупные денежные капиталисты, достаточно сильные для того, чтобы в известный момент привести в расстройство весь денежный рынок и таким постыднейшим способом пустить кровь более мелким торговцам деньгами. Так имеется несколько таких крупных акул, которые в состоянии значительно обострить стесненное положение, продав на 1—2 млн. консолей и взяв таким образом с рынка соответственное количество банкнот (и вместе с тем свободного ссудного капитала). Чтобы превратить путем подобного маневра стесненное положение в панику, было бы достаточно совместного действия трех крупных банков.

Крупнейшая сила капитала в Лондоне — это, конечно, Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения он не имеет возможности проявлять свое господство столь грубым образом. Однако и он — особенно со времени банковского акта 1844 г. — знает достаточно средств и путей для того, чтобы соблюсти свою выгоду.

Английский банк имеет капитал в 14 553 000 ф. ст. и располагает, кроме того, приблизительно 3 млн. ф. ст. «остатков», т. е. нераспределенных прибылей, равно как и всеми деньгами, которые поступают к правительству в виде налогов и т. д. и должны вкладываться в Английский банк, пока не наступит нужда в них. Если причислить сюда еще сумму остальных вкладов (в обычное время около 30 млн. ф. ст.) и банкнот, выпускаемых без покрытия, то придется признать, что Ньюмарч дает еще сравнительно умеренную оценку, когда он утверждает следующее (В. А. 1857, № 1889): «я убедился, что общая сумма фондов, постоянно занятых на {Лондон-

ском} денежном рынке, должна быть определена приблизительно в 120 млн. ф. ст.; и из этих 120 млн. Английский банк располагает очень значительною частью, около 15—20%».

Поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическим сокровищем, находящимся в его подвалах, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал доставляет банку добавочную прибыль. — Вильсон спрашивает Ньюмарча (В. А. 1857): «1563. Обращение собственных банкнот какого-либо банка, т. е. средняя сумма их, остающаяся в руках публики, образует добавление к действующему капиталу этого банка, не правда ли? — Совершенно верно. — 1564. Итак, вся та прибыль, которую извлекает банк из этого обращения, есть прибыль, происходящая от кредита, а не от капитала, которым банк действительно владеет? — Совершенно верно».

То же самое относится, конечно, и к тем частным банкам, которые выпускают банкноты. В своих ответах №№ 1866—1868 Ньюмарч рассматривает две трети всех этих выпускаемых частными банками банкнот (для одной трети эти банки обязаны иметь металлическое покрытие) как «создание равновеликого капитала», так как сберегается звонкая монета на такую же сумму. Прибыль банкира вследствие этого может и не быть больше, чем прибыль других капиталистов. Но факт тот, что банкир извлекает прибыль из этого национального сбережения звонкой монеты. То обстоятельство, что национальное сбережение оказывается прибылью частного лица, несколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение национального труда. Может ли быть что-либо более нелепое, чем, например, Английский банк 1797—1817 гг., банкноты которого пользовались кредитом лишь благодаря государству и который вместе с тем заставлял государство, стало быть публику, оплачивать в форме процентов по государственным займам данную ему государством же силу превращать эти банкноты из бумаги в деньги и затем ссужать их государству?

Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Ньюмарча, провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновение посылать свои избыточные фонды (т. е. банкноты Английского банка) лондонским *billbroker*'ам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных

от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не сделались известными в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того, чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если они не предпочтут потребовать от банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для того, чтобы производить платежи в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, например в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка (там же, 1568—1574).

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) производя платежи дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего местного округа — создается передаточной надписью банка.

Сила Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную норму процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не в состоянии предотвратить умеренный отлив золота из своего металлического запаса путем повышения нормы дисконта¹², так как потребность в средствах платежа удовлетворяется частными и акционерными банками и bill-broker'ами, сила которых в отношении капитала [Kapitalmacht] возросла в последние 30 лет. Ему приходится применять тогда другие средства. Но для критических моментов все еще верно то, что банкир Глин (из фирмы Глин, Миллс, Керри и К^о) показывал перед С. D. 1848/57: «1709. В периоды сильного стеснения в стране Английский банк диктует уровень процента. — 1710. В периоды чрезвычай-

¹² На общем собрании акционеров Union Bank of London 17 января 1894 г. председатель г. Ритчи сообщил, что Английский банк повысил в 1893 г. учетный процент с 2¹/₂ (в июле) до 3 и 4 (в августе) и затем, так как он, несмотря на это, потерял в течение 4 недель целые 4¹/₂ млн. ф. ст. золотом, повысил до 5%, после чего золото стало притенать обратно, и банковая норма в сентябре была понижена до 4, в октябре до 3%. Но эта банковая норма не была признана на рынке. «Когда банковая норма была 5%, учетная норма была 3¹/₂%, а норма для денег 2¹/₂%; когда банковая норма упала до 4%, учетный процент был 2³/₈% и денежная норма 1³/₄%; когда банковая норма стала 3%, учетный процент был 1¹/₂%, денежная норма немного ниже» («Daily News», 18 янв. 1894). — Ф. Э.

ного стеснения... когда дисконты частных банков или broker'ов сравнительно сокращаются, они ложатся на Английский банк, и он тогда имеет силу устанавливать рыночную норму процента».

Во всяком случае, он как публичный институт, пользующийся покровительством государства и государственными привилегиями, не может использовать эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия. Поэтому Хэббард и говорит перед банковской комиссией (В. А. 1857): «2844. {Вопрос:} Не правда ли, когда учетный процент достигает максимальной высоты, Английский банк обслуживает всего дешевле, когда же учетный процент спускается до минимума, всего дешевле берут брокеры? — {Хэббард:} Это действительно всегда так, потому что Английский банк никогда не понижает норм учета до такой степени, как его конкуренты, и когда норма стоит на высшем уровне, никогда не поднимает ее так высоко, как они».

Тем не менее для делового мира является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период стесненного положения начинает, выражаясь ходячим термином, подвинчивать гайку, т. е. поднимает еще выше уровень процента, уже перешедший среднюю норму. «Как только Английский банк начинает подвинчивать гайку, прекращаются всякие закупки для вывоза за границу... Экспортеры дожидаются, пока понижающиеся цены достигнут низшей точки, и только тогда они покупают, не раньше. Но когда этот пункт достигнут, курс уже снова урегулирован, — золото перестает отливать за границу ранее, чем достигнута эта низшая точка падения цен. Закупки товаров для экспорта могут, быть может, вернуть назад часть посланного за границу золота, но они совершаются слишком поздно для того, чтобы воспрепятствовать отливу» (J. W. Gilbert, «An Inquiry into the Causes of the Pressure on the Money Market», London 1840, стр. 35). «Другой результат регулирования средств обращения посредством заграничного вексельного курса состоит в том, что в периоды стесненного положения он влечет за собою огромное повышение процента» (там же, стр. 40). «Издержки, которых требует восстановление вексельного курса, падают на производительную промышленность страны, между тем в течение этого процесса прибыль Английского банка положительно возрастает благодаря тому, что он продолжает свое дело с меньшим количеством благородного металла» (там же, стр. 52).

Но, говорит наш приятель Сэмюэль Гарней, «эти большие колебания уровня процента выгодны для банкиров и торговцев деньгами — всякие колебания в ходе дел выгодны для сведущих

людей). И хотя господа Гарней снимают сливки беззастенчивой эксплуатацией деловых затруднений, тогда как Английский банк не может позволить себе такой свободы, тем не менее и на его долю выпадают очень недурные барыши, — не говоря уже о тех частных прибылях, которые сами плывут в руки господ директоров вследствие исключительно благоприятных возможностей, которые они имеют для получения сведений об общем состоянии дел. По данным комиссии лордов, в 1817 г., при возобновлении размена банкнот, эти прибыли Английского банка за весь период 1797—1817 гг. составляли:

Bonuses and increased dividends [Премии и возросшие дивиденды]	7 451 136
New Stock divided among proprietors [Новые акции, распределенные между акционерами]	7 276 500
Increased value of capital [Возросшая стоимость капитала]	14 553 000
Итого	29 280 636

на капитал в 11 642 100 ф. ст. за 19 лет (D. Hardcastle, «Banks and Bankers», 2nd ed., London 1843, стр. 120). Если мы по тому же принципу определим общую прибыль Ирландского банка, который также приостановил платежи наличными в 1797 г., то получится следующий результат:

Dividends as by returns due 1821 [Дивиденды по отчетам до 1821 г.]	4 736 085
Declared bonus [Объявленные премии]	1 225 000
Increased assets [Возросшие активы]	1 214 800
Increased value of capital [Возросшая стоимость капитала]	4 185 000
Итого	11 360 885

на капитал в 3 млн. ф. ст. (там же, стр. 363—364) *.

А еще говорят о централизации! Кредитная система, имеющая свой центральный пункт в так называемых национальных банках и группирующихся вокруг них крупных торговцах деньгами и ростовщиках, есть гигантская централизация, и она дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически громить промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться

* В издании 1894 г. — 163. *Ред.*

в действительное производство, — а эта банда ничего не знает о производстве, не имеет с ним ничего общего. Акты 1844 и 1845 гг. служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и stockjobbers [маклеры, торгующие процентными бумагами].

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих эксплуатируемых, то он почерпнет истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров. «Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец отворачивался от общества шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как старается он сохранить доброе мнение о нем банкира, быть всегда респектабельным! Наморщенный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем уничтожен! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (Г. М. Белл, управляющий банком в Шотландии. «The Philosophy of Joint Stock Banking», London 1840, стр. 46, 47).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

CURRENCY PRINCIPLE И АНГЛИЙСКОЕ БАНКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1844 г.

{В одной из прежних работ¹³ была исследована теория стоимости денег Рикардо в отношении к ценам товаров; поэтому мы можем здесь ограничиться лишь самым необходимым. По Рикардо, стоимость денег — металлических — определяется овеществленным в них рабочим временем, однако, лишь до тех пор, пока количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше этого отношения, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже правильного отношения, то стоимость их повышается; товарные цены падают — при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно расценивается выше его стоимости, в то время как недооцененные товары направляются оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам. Так как при таких предпосылках «само золото — в монете ли, в слитках ли — может стать знаком стоимости металла большей или меньшей, чем его собственная стоимость, то само собою понятно, эту судьбу разделяют с ним и находящиеся в обращении размениваемые банкноты. Хотя банкноты подлежат размену и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, тем не менее вся масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes) может повыситься в цене или обесцениться, смотря по тому, поднимается ли по вышеуказанным причинам их общее количество выше или падает ниже уровня, определяемого меновой стоимостью обращающихся товаров и стоимостью золота как металла... Это обесценение не бумаги по сравне-

¹³ К. Маркс: «Zur Kritik der politischen Oekonomie», Berlin 1859, стр. 150 и далее [К. Маркс: «К критике политической экономии», Огиз, 1939, стр. 117 и далее].

нию с золотом, а золота и бумаги вместе, другими словами, обесценение всей массы средств обращения данной страны есть одно из главных изобретений Рикардо, которое лорд Оверстон и К^о заставили служить им и положили в основу банкового законодательства сэра Роберта Пиля в 1844 и 1845 гг.» (там же, стр. 155).

Нам нет надобности повторять здесь приведенное там же доказательство ложности этой теории Рикардо. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо были переработаны школой банковых теоретиков, продиктовавшей упомянутые банковые акты Пиля.

«Торговые кризисы XIX века, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития рикардовской теории денег, но дали повод для ее нового применения. Это были уже не такие единичные экономические явления, как при Юме обесценение благородных металлов в XVI и XVII веках или при Рикардо обесценение бумажных денег в XVIII и начале XIX века, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжается столкновение всех элементов буржуазного процесса производства, и корень, равно как и средство предотвращения которых, хотят найти в самой поверхностной и самой абстрактной сфере этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа экономических заклинателей погоды, фактически сводится только к догмату, что Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось только подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

«Наиболее общее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов есть внезапное общее падение товарных цен, следующее за более или менее продолжительным общим их повышением. Общее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а общее повышение цен, наоборот, как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление только констатируется, но не объясняется... Различная фразеология столь же мало подвигает вперед решение вопроса, как, например, перевод его с немецкого языка на английский. Теория денег Рикардо явилась поэтому как нельзя более кстати, так как она придает тавтологии видимость отношения причинности. Чем объясняется периодическое общее падение товарных цен? Периодическим повышением относительной стоимости денег. Наоборот, чем объясняется периодическое общее повышение товарных цен? Периодическим падением относительной стоимости денег. Столь же правильно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен проистекает из их периодического

повышения и падения... Раз допущено превращение тавтологии в отношении причинности, все остальное выводится легко. Повышение товарных цен вызывается падением стоимости денег, а падение стоимости денег, как нам сообщает Рикардо, — переполнением обращения, т. е. тем, что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Равным образом и наоборот: общее падение товарных цен вызывается повышением стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие того, что обращение недостаточно наполнено. Итак, цены повышаются и падают периодически, так как периодически обращается слишком много или слишком мало денег. Если бы даже было показано, что повышение цен совпало с пониженным обращением денег, а падение цен с повышенным обращением денег, то все же можно было бы утверждать, что вследствие некоторого, хотя и статистически недоказуемого, уменьшения или увеличения массы обращающихся товаров количество обращающихся денег увеличилось или уменьшилось, правда, не абсолютно, а лишь относительно. Мы видели, что по Рикардо общие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но тут они благодаря своему чередованию уравниваются таким образом, что, например, недостаточно полное обращение вызывает падение товарных цен, вывоз товаров за границу, этот вывоз вызывает в свою очередь ввоз золота в страну, а такой прилив денег влечет за собою опять повышение товарных цен. Обратное — при переполненном обращении, когда товары ввозятся, а золото вывозится. А так как, несмотря на эти общие колебания цен, вытекающие из самой природы рикардовского металлического обращения, их бурная, насильственная форма, форма кризиса, относится к периоду развитой кредитной системы, то ясно, как день, что выпуски банкнот не вполне регулируются законами металлического обращения. Металлическое обращение имеет свое лекарство в импорте и экспорте благородных металлов, которые немедленно вступают в обращение как монета и своими приливами и отливами понижают или повышают товарные цены. Такое же влияние на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки, подражая законам металлического обращения. Если деньги приливают из-за границы, то это показывает, что обращение недостаточно полно, стоимость денег слишком высока и товарные цены слишком низки; следовательно, в обращение должны быть брошены банкноты соразмерно с количеством вновь ввезенного золота. Наоборот, они должны быть извлечены из обращения соразмерно отливу

золота из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться импортом и экспортом благородных металлов или вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, что золото есть только монета и, следовательно, всякий импорт золота увеличивает количество обращающихся денег и таким образом повышает цены, всякий экспорт золота уменьшает количество монеты и потому понижает цены, — эта теоретическая предпосылка превращается здесь в *практический эксперимент, состоящий в том, чтобы оставлять в каждый данный момент столько монеты в обращении, сколько имеется в наличности золота*. Лорд Оверстон (банкир фирмы Джонс Лойд), полковник Торренс, Нормэн, Клэй, Арбутнот и ряд других писателей, известных в Англии под именем школы «Currency principle» [«Принцип денежного обращения»], не только проповедывали эту доктрину, но при помощи банковых актов сэра Р. Пиля (1844 и 1845 гг.) сделали ее основой английского и шотландского банкового законодательства. Ее позорнейшее фиаско, теоретическое и практическое, после экспериментов в грандиознейшем национальном масштабе, может быть разобрано нами лишь в учении о кредите (там же, стр. 165—168).

Критика этой школы была дана Томасом Туком, Джемсом Вильсоном (в «Economist's» 1844—1847 гг.) и Джоном Фуллартоном. Насколько недостаточно понимали и эти писатели природу золота, как смутно представляли они себе соотношение между деньгами и капиталом, мы видели уже неоднократно, особенно в главе XXVIII этой книги *. Здесь мы приведем еще несколько данных из трудов комиссии нижней палаты 1857 г. относительно банковых актов Пиля (В. С. 1857). — Ф. Э. }

Дж. Г. Хэббард, бывший управляющий Английским банком, показывает: «2400. — Действие вывоза золота... абсолютно не имеет отношения к товарным ценам. Но вывоз золота оказывает весьма значительное влияние на цены фондов, так как в той мере, в какой изменяется процент, неизбежно затрагивается и стоимость товаров, воплощающих этот процент». Он приводит две таблицы, относящиеся к 1834—1843 и 1845—1853 ** гг., показывающие, что движение цен пятнадцати наиболее важных предметов торговли происходило совершенно независимо от отлива и прилива золота и от уровня процента. Но зато они свидетельствуют о тесной зависимости между отливами и приливами золота, которое действительно является

* К. Маркс: «Капитал», т. III, 1936, ч. I, гл. XXVIII; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, гл. XXVIII. *Ред.*

** В издании 1894 г. — [18]56. *Ред.*

«представителем нашего ищущего помещения капитала», и уровнем процента. — «В 1847 г. очень большая сумма американских ценных бумаг была вывезена обратно в Америку, точно так же русские ценные бумаги отливали в Россию, а другие континентальные бумаги — в страны, из которых мы получаем наш хлеб».

Пятнадцать главных предметов торговли, положенные в основу приводимых ниже таблиц Хёббарда, — следующие: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, бумажные ткани, шерсть, сукно, лен, полотно, индиго, чугун, жезь, медь, сало, сахар, кофе, шелк.

I. С 1834 по 1843 г.

Время	Металлический запас банка	Рыночная норма дисконта	Из 13 главных предметов торговли		
			повысились в цене	упали	остались без перемены
1834, 1 марта . . .	9 104 000 ф. ст.	2 ³ / ₄ %	—	—	—
1835, 1 » . . .	6 274 000 »	3 ³ / ₄ %	7	7	1
1836, 1 » . . .	7 918 000 »	3 ¹ / ₄ %	11	3	1
1837, 1 » . . .	4 079 000 »	5 ⁰ / ₀	5	9	1
1838, 1 » . . .	10 471 000 »	2 ³ / ₄ %	4	11	—
1839, 1 сентября .	2 684 000 »	6 ⁰ / ₀	8	5	2
1840, 1 июня . . .	4 571 000 »	4 ³ / ₄ %	5	9	1
1840, 1 декабря . .	3 642 000 »	5 ³ / ₄ %	7	6	2
1841, 1 » . . .	4 873 000 »	5 ⁰ / ₀	3	12	—
1842, 1 » . . .	10 603 000 »	2 ¹ / ₂ %	2	13	—
1843, 1 июня . . .	11 566 000 »	2 ¹ / ₄ %	1	14	—

II. С 1844 по 1853 г.

Время	Металлический запас банка	Рыночная норма дисконта	Из 13 главных предметов торговли		
			повысились в цене	упали	остались без перемены
1844, 1 марта . . .	16 162 000 ф. ст.	2 ¹ / ₄ %	—	—	—
1845, 1 декабря . .	13 237 000 »	4 ¹ / ₂ %	11	4	—
1846, 1 сентября .	16 366 000 »	3 ⁰ / ₀	7	8	—
1847, 1 » . . .	9 140 000 »	6 ⁰ / ₀	6	6	3
1850, 1 марта . . .	17 126 000 »	2 ¹ / ₂ %	5	9	1
1851, 1 июня . . .	13 705 000 »	3 ⁰ / ₀	2	11	2
1852, 1 сентября .	21 853 000 »	1 ³ / ₄ %	9	5	1
1853, 1 декабря . .	15 093 000 »	5 ⁰ / ₀	14	—	1

Хэббард делает к этому такое примечание: «Как за десятилетие 1834—1843, так и за 1844—1853 колебания золотой наличности банка каждый раз сопровождались возрастанием или уменьшением ссудной стоимости денег, выдаваемых под учет; а, с другой стороны, изменения товарных цен внутри страны обнаруживают полную независимость от размеров обращения, поскольку последние проявляются в колебаниях золотого запаса Английского банка» («Bank Acts Report», 1857, II, стр. 290 и 291).

Так как спрос и предложение товаров регулируют их рыночные цены, то здесь становится очевидным, насколько ошибочно оверстонское отождествление спроса на ссужаемый денежный капитал (или скорее отклонений предложения от спроса), как он проявляется в норме учетного процента и спроса на действительный «капитал». Утверждение, что товарные цены регулируются колебаниями в размерах обращения, скрывается теперь за фразой, что колебания нормы учетного процента выражают собою колебания спроса на действительный вещественный капитал, в отличие от денежного капитала. Мы видели, что и Нормэн и Оверстон действительно утверждали это перед тою же самой комиссией; мы видели также, к каким жалким уверткам они вынуждены были при этом прибегать, в особенности Оверстон, пока он совсем не попался (гл. XXVI)*. В самом деле, это старая увертка, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то согласно этой теории *сurgensu*** цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта страны, вывозящей золото, на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время как стоимость экспортируемых товаров возрастает на их родине, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь уровень процента, тогда как увеличение его понижает последний; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.

В том же отчете Н. Александер, глава одной крупной фирмы, ведущей дела в Индии, следующим образом высказывается

* См. *К. Маркс: «Капитал», т. III, 1936, ч. I, гл. XXVI; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, гл. XXVI. Ред.*

** Денежного обращения. *Ред.*

относительно сильного отлива серебра в Индию и Китай, имевшего место в половине 50-х годов, частью вследствие китайской гражданской войны, которая затруднила сбыт английских тканей в Китай, частью вследствие болезни шелковичных червей в Европе, значительно сократившей итальянское и французское шелководство.

«4337. Происходит ли отлив в Китай или в Индию? — Вы посылаете серебро в Индию и на значительную часть его покупаете опиум, который весь идет в Китай, чтобы образовать фонд для закупки шелка; и состояние рынков в Индии (несмотря на накопление там серебра) таково, что купцу выгоднее посылать туда серебро, чем ткани и другие английские фабрикатy. — 4338. Не имел ли место крупный отлив из Франции, вследствие чего мы получили серебро? — Конечно, он был очень велик. — 4344. Вместо того, чтобы вывозить шелк из Франции и Италии, мы посылаем его туда в значительных количествах — как бенгальский, так и китайский».

Итак, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (Англия), а потому, что они упали — упали благодаря чрезмерному ввозу — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По теории суггенсу при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, а в Индии и Китае — повыситься.

Другой пример. Перед комиссией палаты лордов (С. Д. 1848/1857) Вили, один из первых ливерпульских купцов, дает следующие показания: «1994. В конце 1845 г. не было более выгодного дела, которое давало бы столь же высокие прибыли {как бумагопрядение}. Запас хлопка был велик, и хороший, пригодный к делу хлопок можно было получить по 4 пенса за фунт, причем из такого хлопка можно было выпрясть хороший *secunda mule twist* № 40* с затратой также в 4 пенса, следовательно, с общим расходом на прядильщика приблизительно в 8 пенсов. В сентябре и октябре 1845 г. эта пряжа продавалась большими массами и заключались столь же крупные контракты на поставку по 10½ и 11½ пенсов за фунт, и в некоторых случаях прядильщики реализовали прибыль, равную покупной цене хлопка. — 1996. Дело оставалось прибыльным до начала 1846 г. — 2000. 3 марта 1844 г. запас хлопка {627 042 кипы} более чем вдвое превышал его теперешнюю величину {7 марта 1848 г., когда запас равнялся 301 070 кипам} и тем не

* Сорт пряжи. *Ред.*

менее цена была на $1\frac{1}{4}$ пенса выше на фунт». { $6\frac{1}{4}$ против 5 пенсов.} Вместе с тем пряжа — хороший *secunda mule twist* № 40 — упала с $11\frac{1}{2}$ — 12 пенсов до $9\frac{1}{2}$ пенса за фунт в октябре и до $7\frac{3}{4}$ пенса в конце декабря 1847 г.; пряжа продавалась по покупной цене хлопка, из которого она выпрядена (там же №№ 2021, 2022). Это обнаруживает в истинном свете своекорыстную мудрость Оверстона, согласно которой деньги должны быть «дороги» потому, что капитал «редок». 3 марта 1844 г. банковая процентная ставка была 3%; в октябре и ноябре 1847 г. она достигла 8 и 9% и 7 марта 1848 г. еще была равна 4%. Цены хлопка благодаря полной приостановке сбыта и панике, с соответствующим ей высоким размером процента, упали гораздо ниже той цены, которая соответствовала размерам предложения. Результатом этого было, с одной стороны, уменьшение ввоза в 1848 г. и, с другой стороны, уменьшение производства в Америке; отсюда новое повышение цен хлопка в 1849 г. По Оверстону, товары были слишком дороги потому, что в стране было слишком много денег.

«2002. Недавнее ухудшение положения дел в хлопчатобумажной промышленности нельзя приписать недостатку сырого материала, так как цена понизилась, несмотря на то, что запасы хлопка-сырца значительно сократились». Как мило у Оверстона смешение цены — соответственно стоимости — товара и стоимости денег, т. е. уровня процента. В своем ответе на вопрос 2026 Вили высказывает свое общее мнение о теории *surgensu*, согласно которой Кардуэлл и сэр Чарльз Вуд в мае 1847 г. «настаивали на необходимости проводить банковый акт 1844 г. во всем его объеме». «Эти принципы, по-моему, таковы, что они должны придавать деньгам искусственно высокую стоимость, а всем товарам искусственную, разорительно низкую стоимость». — Он говорит далее о влиянии этого банкового акта на общее положение дел: «Так как лишь с большими жертвами можно было учесть четырехмесячные векселя, которыми являются обычные тратты фабричных городов на купцов и банкиров за купленные и предназначенные для Соединенных Штатов товары, то выполнение заказов было в значительной мере затруднено вплоть до правительственного распоряжения от 25 октября (приостановка банкового акта), когда снова возможно стало учитывать эти четырехмесячные векселя» (2097). Следовательно, и в провинции приостановка банкового акта ощущалась как избавление. — 2102. В прошлом октябре {1847 г.} почти все американские покупатели, закупающие здесь товары, немедленно же, насколько возможно, сократили свои заказы; и когда в Америку пришло известие о вздорожании денег, все новые заказы

прекратились. — 2134. Хлеб и сахар представляли особый случай. На хлебный рынок оказывали влияние виды на урожай, на сахар оказывали влияние огромные запасы и ввоз. — 2163. Из наших платежных обязательств по отношению к Америке... многие были ликвидированы путем принудительной продажи отправленных на комиссию товаров и многие, боюсь, были аннулированы здешними банкротствами. — 2196. Если память не изменяет мне, на нашей фондовой бирже в октябре 1847 г. процентная ставка доходила до 70%.

{Кризис 1837 г. с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 г. присоединился еще настоящий добавочный кризис [Nachkrise] и своекорыстное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии оно — нелепость и невозможность! — вызвали, наконец, ту путаницу в головах, которая позволила школе сурренсу применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковое законодательство 1844—1845 гг. прошло в парламенте.

Банковый акт 1844 г. делит Английский банк на эмиссионное и банковое отделения. Первое получает обеспечений — главным образом свидетельств государственного долга — на 14 млн. и весь металлический запас, который может состоять из серебра не более чем на $\frac{1}{4}$, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для ежедневных потребностей монеты (около одного миллиона) всегда готовый резерв банкового отделения. Эмиссионное отделение выдает публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные дела с публикой ведет банковое отделение. Частные банки, имевшие в 1844 г. право выпускать собственные банкноты в Англии и Уэльсе, сохранили за собою это право, только выпуск их банкнот был ограничен контингентом; если такой банк прекращает выпуск собственных банкнот, Английский банк имеет право увеличить сумму своих непокрытых банкнот на $\frac{2}{3}$ освободившегося контингента; таким путем сумма эта к 1892 г. повысилась с 14 до $16\frac{1}{2}$ миллионов ф. ст., точнее до 16 450 000 ф. ст.

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банкового запаса, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в запас, выпускается в обращение новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно подчиненное законам

металлического обращения, и благодаря этому, по утверждению сторонников школы сургенсу, кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение банка на два независимых отделения лишало дирекцию возможности свободно располагать в решительные моменты всеми доступными ей средствами, так что могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло нетронутыми миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное положение дел могло наступать тем легче, что почти каждый кризис имеет период, когда происходит сильный отлив золота за границу, который приходится покрывать главным образом за счет металлического запаса банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих тогда за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом, банковый акт 1844 г. прямо провоцирует весь торговый мир к тому, чтобы когда разражается кризис, пока еще есть время, откладывать запасы банкнот и, следовательно, ускорять и обострять кризис; таким наступающим в решительный момент искусственным повышением спроса на денежные ссуды, т. е. на средства платежа, при одновременном ограничении их предложения, он вздувает во время кризиса уровень процента до неслыханной до того времени высоты; итак, вместо того чтобы устранить кризисы, он их усиливает до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь промышленный мир, либо банковый акт. Два раза, 25 октября 1847 г. и 12 ноября [1857 г.] кризис достиг этой высоты; тогда правительство освободило банк от ограничений в выпуске банкнот, приостановив действие акта 1844 г., и оба раза этого было достаточно для того, чтобы сломить кризис. В 1847 г. достаточно было уверенности в возможности снова получать банкноты под первоклассное обеспечение, чтобы извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4—5 миллионов; в 1857 г. было выпущено без малого 1 миллион банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что законодательство 1844 г. хранит еще следы воспоминания о первых двадцати годах столетия — времени приостановки размена банкнот и обесценения последних. Опасение, что может быть потеряно доверие к банкнотам, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 г. выпуск найденного старого запаса

однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, сломил кризис и тем самым доказал, что, даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия, доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно; ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем своим кредитом. — Ф. Э.]

Выслушаем теперь несколько показаний о влиянии банкового акта. Дж. Ст. Милль полагает, что банковый акт 1844 г.* сдерживал спекуляцию. Сей мудрый муж по счастливой случайности выступил как раз 12 июня 1857 г. Четыре месяца спустя разразился кризис. Милль буквально поздравляет «банковых директоров и коммерческую публику вообще» с тем, что они «понимают теперь много лучше, чем раньше, природу торгового кризиса и тот очень большой вред, который они причиняют сами себе и публике, поддерживая чрезмерную спекуляцию» (В. С. 1857, № 2031).

Мудрый Милль полагает, что если выпускаются однофунтовые банкноты, «как ссуды фабрикантам и др., выплачивающим заработные платы... то банкноты эти могут попасть в руки других лиц, которые затратят их на цели потребления, и в этом случае банкноты сами по себе создают спрос на товары и могут временно иметь тенденцию содействовать повышению цен». Следовательно, г. Милль допускает, что фабриканты будут выдавать более высокую заработную плату, если они будут расплачиваться бумагой вместо золота? Или же он думает, что если фабрикант получит свою ссуду стофунтовыми банкнотами и разменяет затем последние на золото, то заработная плата образует меньший спрос, чем в том случае, если бы она выдавалась прямо однофунтовыми банкнотами? И разве он не знает, что, например, в некоторых горных округах заработная плата выдавалась банкнотами местных банков, так что несколько рабочих получали вместе одну пятифунтовую банкноту? Увеличивает это их спрос? Или, быть может, мелкими банкнотами банкиры легче дадут капиталистам ссуду и на большую сумму, чем крупными?

{Этот необычайный страх Милля перед однофунтовыми банкнотами был бы совершенно необъясним, если бы вся его работа по политической экономии не обнаруживала эклектизма, не останавливающегося ни перед какими противоречиями. С одной стороны, он во многом согласен с Туком против Оверстона, с другой стороны, верит в то, что товарные цены определяются количеством имеющихся денег. Следовательно, он отнюдь не убежден, что вместо каждой выпущенной банкноты — при прочих равных условиях —

* В изд. 1894 г. напечатано — 1847 г. *Ред.*

в запас банка поступает один соверен; он опасается, что масса средств обращения может увеличиться и вследствие этого обесцениться, т. е. поднять товарные цены. Только это скрывается за приведенными выше опасениями и ничего больше. — Ф. Э.]

О разделении банка на два отделения и чрезмерной заботливости относительно обеспечения размена банкнот Тук высказывается следующим образом перед С. Д. 1848/57:

Более крупные колебания уровня процента в 1847 г. по сравнению с 1837 и 1839 гг. вызваны только разделением банка на два отделения (3010). — Обеспеченность банкнот не была затронута ни в 1825, ни в 1837, ни в 1839 гг. (3015). — Спрос на золото в 1825 г. имел целью лишь заполнить пустое место, образовавшееся вследствие полного дискредитирования однофунтовых банкнот провинциальных банков; это пустое место могло быть заполнено только золотом, пока Английский банк не выпустил в свою очередь однофунтовые банкноты (3022). — В ноябре и декабре 1825 г. не наблюдалось ни малейшего спроса на золото для вывоза (3023).

«Что касается дискредитирования банка внутри страны и за границей, то приостановка выдачи дивидендов и вкладов имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем приостановка размена банкнот (3028)»:

«3035. Не сказали ли бы вы, что каждое обстоятельство, угрожающее в последнем счете разменности банкнот. могло бы в момент коммерческого угнетения создать новые и серьезные затруднения? — Отнюдь нет».

В течение 1847 г. «увеличенный выпуск банкнот, быть может, способствовал бы обратному наполнению золотого запаса банка, как это имело место в 1825 г.» (3058).

Перед В. А. 1857 Ньюмарч говорит: «1357. Первое дурное последствие... этого разъединения двух отделений (банка) и неизбежно вытекающего отсюда разделения золотого запаса состояло в том, что банковые операции Английского банка, т. е. вся та отрасль его операций, которая приводит его в непосредственную связь с торговлей страны, могли вестись лишь с половиной суммой прежнего запаса. Вследствие этого разделения запаса получилось такое положение вещей, что при малейшем уменьшении резерва банкового отдела банк вынужден был повышать норму учетного процента. Такое уменьшение резерва вызвало поэтому ряд скачкообразных изменений в норме учетного процента. — 1358. Таких изменений с 1844 г. {до июня 1857} было около 60, тогда как до 1844 г. за такой же период времени они едва ли составили дюжину».

Особенно интересны показания перед С. Д. комиссией лордов (1848/57) Пальмера, бывшего с 1811 г. директором и в течение некоторого времени управляющим Английского банка:

«828. В декабре 1825 г. в банке оставалось золота всего на 1 100 000 ф. ст. Он, несомненно, потерпел бы полное банкротство, если бы этот акт {1844 г.} существовал в то время. В декабре банк выпустил, как я думаю, на 5 или 6 миллионов банкнот в одну неделю, и это значительно смягчило тогдашнюю панику.

«825. Первый момент {с 1 июля 1825 г.}, когда современное банковое законодательство потерпело бы крах, если бы банк попытался довести до конца раз начатые операции, имел место 28 февраля 1837 г.; банк тогда имел от 3 900 000 до 4 млн. ф. ст., и он сохранил бы всего 650 000 ф. ст. в своем резерве. Другой такой период был в 1839 г. и продолжался с 9 июля до 5 декабря. — 826. Каковы были размеры резерва в этом случае? На 5 сентября резерв состоял из дефицита на сумму 200 000 ф. ст. (the reserve was minus altogether 200 000 ф. ст.). 5 ноября он возрос приблизительно до 1—1½ млн. — 830. Акт 1844 г. воспрепятствовал бы банку в 1837 г. оказать поддержку торговле с Америкой. — 831. Три главнейших американских фирмы обанкротились. Почти все фирмы, ведущие дела с Америкой, лишились кредита, и если бы в то время банк не пришел им на помощь, то я не думаю, что устояло бы более одной или двух фирм. — 836. Стесненное состояние в 1837 г. нельзя сравнивать со стеснением 1847 г. Действие первого ограничивалось почти исключительно американскими операциями». — 838. (В начале июня 1837 г. в дирекции банка дискутировался вопрос, какими мерами облегчить стеснение.) «Некоторые защищали то мнение... что наиболее правильным принципом было бы повысить процентную ставку, вследствие чего упали бы товарные цены, словом, удорожить деньги и удешевить товары, что и дало бы возможность выполнить заграничные платежи (by which the foreign payment would be accomplished). — 906. Введение искусственного ограничения полномочий банка актом 1844 г. вместо старой и естественной границы его полномочий, а именно действительных размеров его металлического запаса, создает искусственное затруднение в ходе дел и тем самым оказывает такое влияние на товарные цены, которого можно было бы избежать без этого акта. — 968. При действии акта 1844 г. нельзя при обычных условиях понизить металлический запас банка значительно ниже 9½ млн. Это оказало бы давление на цены и кредит, которое вызвало бы такое изменение заграничных вексельных курсов, что ввоз золота возрос бы и увеличил сумму золота в эмиссионном отделении. — 996. При

теперешнем ограничении вы» {банк} «лишены той возможности управлять движением серебра, которая необходима в моменты, когда серебро требуется для воздействия на заграничный курс. — 999. Какова была цель предписания, ограничившего серебряный запас банка $\frac{1}{5}$ общей суммы его металлического запаса? — На этот вопрос я не могу ответить».

Цель была удорожить деньги; та же самая цель, которая, независимо от теории currency, преследовалась при разделении банка на два отделения и при установлении для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золота для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы. Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность исправлять неблагоприятный вексельный курс. К повышению процента направлены все следующие постановления: Английский банк имеет право выпускать банкноты на сумму большую, чем 14 млн. ф. ст., не иначе, как при покрытии их золотым запасом; банковый отдел должен управляться, как обычный банк, понижая процентную ставку в периоды избытка денег, вздувая ее в периоды утнетения; ограничение серебряного запаса, главного средства для регулирования вексельного курса с континентом и Азией; предписания относительно шотландских и ирландских банков, которым никогда не нужно денег для экспорта и которые теперь должны хранить их в запасе под предлогом обеспечения в действительности совершенно плюзорного размена банкнот. Факт тот, что акт 1844 г. впервые вызвал в 1857 г. массовый натиск на шотландские банки с требованием золота. Новое банковое законодательство не делает также никакого различия между отливом золота за границу и внутрь страны, хотя, само собою разумеется, последствия того и другого совершенно различны. Отсюда постоянные сильные колебания рыночной нормы процента. Два раза, в ответ на вопросы 992 и 994, Пальмер говорит, что Английский банк может покупать на банкноты серебро лишь в том случае, если вексельный курс благоприятен для Англии и, следовательно, серебро излишне; потому что: «1003. Единственная цель, из-за которой можно держать значительную часть металлического запаса в серебре, состоит в стремлении облегчить заграничные платежи в периоды, когда вексельный курс неблагоприятен для Англии. — 1004. Серебро есть товар, который, являясь деньгами для всего остального мира, оказывается наиболее подходящим товаром... для этой цели» {заграничных платежей}. «Лишь Соединенные Штаты за последнее время брали только золото».

По его мнению, в периоды угнетения Английскому банку не было надобности повышать процентную ставку выше старой нормы в 5%, пока неблагоприятный вексельный курс не отвлекает золото за границу. Если бы не было акта 1844 г., то банк мог бы без всякого затруднения учесть все первоклассные векселя (first class bills), которые были ему предложены {1018—1020}. Но при акте 1844 г. и при том положении, в котором находился банк в октябре 1847 г., «не было такого процента, которого банк потребовал бы от кредитоспособных фирм и который они не готовы были бы уплатить, чтобы не прекращать платежей». А эта высокая процентная ставка составляла как раз цель акта.

«1029. Я считаю необходимым строго различать влияние процентной ставки на заграничный спрос {на благородные металлы} и повышение процента с целью предотвратить натиск на банк в период недостатка в кредите внутри страны. — 1023. До акта 1844 г., когда курсы были благоприятны для Англии, а в стране царствовало беспокойство и даже положительная паника, не было поставлено никакой границы для выпуска банкнот, который один только мог облегчить это стесненное состояние».

Так высказывается человек, который целые 39 лет сидел в дирекции Английского банка. Послушаем теперь частного банкира Туэлса, который с 1801 г. участвовал в фирме Спунер, Атвуд и К°. Это единственный из всех свидетелей, опрошенных В. С. 1857 г., который дает возможность бросить взгляд на действительное состояние страны и который видит приближающийся кризис. В остальном он представляет разновидность бирмингемского сторонника little shilling [уменьшенного шиллинга], подобно своим компаньонам, братьям Атвудам, которые являются основателями этой школы (см. «Zur Kritik der pol. Oek.» [1859 г.], стр. 59 *). Он говорит: «4488. Какое влияние, по вашему мнению, оказал акт 1844 г.? — Если я должен отвечать как банкир, то я скажу, что закон оказал самое превосходное действие, так как банкирам и {денежным} капиталистам всякого рода он доставил богатую жатву. Но он имел очень плохие результаты для честных трудолюбивых представителей делового мира, которые нуждаются в устойчивой норме учета, чтобы с уверенностью вести свои дела... закон сделал ссуду денег в высшей степени прибыльным занятием. — 4489. Он {банковский акт} позволяет лондонским акционерным банкам выплачивать акционерам 20—22%? —

* См. К. Маркс: «К критике политической экономии», Огиз, 1939, стр. 51. *Ред.*

Один из них выплатил недавно 18%, а другой, насколько мне известно, 20%; они имеют все основания самым решительным образом защищать акт. — 4490. Мелкие деловые люди и уважаемые купцы, не обладающие крупным капиталом... их он сильно ущемляет... Единственное средство, при помощи которого я могу узнать это, состоит в том, что я вижу поразительную массу их акцептов, остающихся неоплаченными. Эти акцепты всегда малы, приблизительно в 20—100 ф. ст., многие из них не оплачиваются и вследствие этого возвращаются назад во все части страны, что всегда служит признаком угнетенного положения среди... мелких торговцев». — 4494. Он заявляет, что в настоящее время коммерция не приносит достаточной прибыли. Следующие его замечания важны потому, что он видел кризис в скрытом состоянии, когда никто из остальных еще не предчувствовал его.

«4494. Цены на Mincing Lane* еще более или менее держатся, но уже ничего не продается, нельзя продать ни за какую цену; цены держатся номинальные». — 4495. Он рассказывает один случай: некий француз посылает маклеру на Mincing Lane товары на сумму в 3 000 ф. ст. для продажи по определенной цене. Маклер не может получить назначенной цены, француз не может продать дешевле. Товар остается без движения, но французу нужны деньги. Маклер ссужает ему поэтому 1 000 ф. ст. таким способом, что француз под обеспечение товаров выписывает на маклера вексель на 1 000 ф. ст. сроком на 3 месяца. По истечении 3 месяцев наступает срок платежа, а товары все еще не могут быть проданы. Маклер должен тогда оплатить вексель, и хотя он имел покрытие в 3 000 ф. ст., он не был в состоянии реализовать его и вследствие этого попал в затруднительное положение. Таким образом один увлекает с собою на дно другого. — 4496. «Что касается большого вывоза... если дела внутри страны находятся в угнетенном состоянии, то это неизбежно вызывает усиленный вывоз. — 4497. Полагаете ли вы, что потребление внутри страны уменьшилось? — *Очень значительно... чрезвычайно...* мелкие торговцы являются в этом отношении самым надежным авторитетом. — 4498. И все же ввоз очень велик; не указывает ли это на сильное потребление? — Конечно, *если только вы имеете возможность продать*; но многие товарные склады переполнены этими предметами; в том примере, который я только что приводил, товары на 3 000 ф. ст. были импортированы и остались непроданными.

* См. примечание к стр. 39 настоящего издания. *Ред.*

«4514. Если деньги дороги, — не скажете ли вы, что тогда капитал дешев? — Да». — Следовательно, этот человек отнюдь не придерживается мнения Оверстона, что высокий размер процента — то же самое, что дорогой капитал.

Как ведутся теперь дела: 4616 ...«Другие сильно зарываются, делают с вывозом и ввозом гигантские дела, значительно более крупные, чем позволяет их капитал, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Это может удаться; благодаря какому-либо счастливому случаю они могут нажить большое состояние и со всеми расплатиться. Такова во многих случаях система, по которой в настоящее время ведется значительная часть дел. Такие люди охотно теряют 20, 30 и 40% на одной отправке товара; следующая операция может вернуть им все потерянное. Но если они терпят неудачу два раза подряд, тогда им конец; и как раз за последнее время мы очень часто наблюдали такие случаи; торговые фирмы банкротились, не оставляя ни одного шиллинга в активе.

«4791. Пониженный уровень процента {за последние 10 лет} во всяком случае неблагоприятен для банкиров, но без предъявления вам торговых книг мне было бы очень трудно объяснить, насколько теперешняя прибыль {его собственная} выше по сравнению с прежним временем. Когда процент низок вследствие чрезмерного выпуска банкнот, мы имеем значительную сумму вкладов; если размер процента высок, это приносит нам прямую прибыль. — 4794. Если деньги можно получить по умеренной процентной ставке, мы имеем большой спрос на них; мы больше ссужаем; таков результат {для нас, банкиров} в этом случае. Если процент повышается, мы получаем за ссуды больше, чем следует по справедливости; мы получаем больше, чем мы должны бы получать».

Мы уже видели, что все компетентные люди считают кредит билетов Английского банка непоколебимым. Несмотря на это, банковый акт для обеспечения их размена абсолютно закрепляет от 9 до 10 млн. золотом. Святость и неприкосновенность этого сокровища осуществляется совершенно иначе, чем у собирателей сокровищ прежнего времени. В. Браун (Ливерпуль) показывает перед С. Д. 1847/58, «2311. Что касается той пользы, которую эти деньги» {металлический запас эмиссионного отделения} «приносят тогда, то с таким же успехом можно было бы бросить их в море; ведь даже ничтожнейшей части их нельзя было пускать в дело, не нарушая парламентского акта».

Предприниматель строительной промышленности Э. Кэппс, уже цитированный нами выше, тот самый, из показаний которого заим-

ствовано описание современной лондонской строительной системы (кн. II, гл. XII)*, следующим образом резюмирует свое мнение о банковом акте 1844 г. {В. А. 1857} «5508. Следовательно, в общем вы того мнения, что современная система {банковского законодательства} является очень ловким приспособлением для того, чтобы перекладывать периодически в кошелек ростовщиков прибыли промышленности? — Да, таково мое мнение. Я знаю, что в строительном деле влияние было таково».

Как уже было упомянуто, шотландские банки банковым актом 1845 г. были вынуждены принять систему, приближающуюся к английской. На них было возложено обязательство иметь золотое покрытие для выпусков банкнот свыше суммы, установленной для каждого банка. Какие последствия это имело, видно из приводимых ниже показаний перед В. С. 1857.

Кэннеди, управляющий одного шотландского банка: «3375. Имелось ли до введения акта 1845 г. в Шотландии что-либо заслуживающее названия золотого обращения? — Ничего подобного. — 3376. А с того времени увеличилось ли количество золота в обращении? — Нисколько; публика не любит золота (the people dislike gold)». — 3450. Приблизительно 900 000 ф. ст. золотом, которые шотландские банки должны держать в запасе с 1845 г., по его мнению, приносят лишь вред, так как «бесприбыльно поглощают соответственную часть капитала Шотландии».

Далее идет Андерсон, управляющий Union Bank of Scotland: «3558. Единственный случай сильного спроса на золото, предъявленного Английскому банку со стороны шотландских банков, имел место под влиянием иностранного вексельного курса? — Совершенно верно; и этот спрос не уменьшился оттого, что мы держим золото в Эдинбурге. — 3590. Пока мы имеем ту же самую сумму ценных бумаг в Английском банке {или в частных банках Англии}, у нас остается та же, что и раньше, возможность вызвать отлив золота из Английского банка».

В заключение процитируем еще одну статью (Вильсона) из «Economist'a»: «Шотландские банки держат свободную наличность у своих лондонских агентов; последние держат ее в Английском банке. Это дает шотландским банкам возможность в пределах этих сумм распоряжаться металлической наличностью Английского банка, и здесь она всегда готова к услугам, когда приходится производить

* К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, гл. XII; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, гл. XII, стр. 247—248. *Ред.*

заграничные платежи». Эта система была нарушена актом 1845 г. «В результате шотландского акта 1845 г. за последнее время имел место сильный отлив золотой монеты из Английского банка для удовлетворения в Шотландии спроса, который являлся лишь возможным и, быть может, никогда не наступил бы на самом деле... С этого времени значительная сумма неизменно закреплена в Шотландии, и другая значительная сумма постоянно путешествует туда и обратно между Лондоном и Шотландией. Если наступает время, когда шотландский банкир ожидает повышенного спроса на свои банкноты, то из Лондона посылаются ящик с золотом; раз это время миновало, тот же самый ящик, обыкновенно даже не вскрытый, отсылается обратно в Лондон» («Economist», 23 октября 1847 г.).

{Что же говорит по поводу всего этого отец банкового акта, банкир Сэмюэль Джонс Лойд, alias [иначе называемый] лорд Оверстон?

Он уже в 1848 г. повторил перед С. D. комиссией лордов, что «стесненное положение с деньгами и высокая норма процента, вызванные недостатком капитала, не могут быть облегчены путем усиленного выпуска банкнот» (1514), хотя уже одного *разрешения* правительственным указом от 25 октября 1847 г. увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы сломить острие кризиса [der Krise die Spitze abzubrechen].

Он остается при своем, что «высокая норма процента и подавленное состояние фабричной промышленности являются неизбежным результатом уменьшения *материального* капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604). А между тем угнетенное положение фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев состояло как раз в том, что материальный товарный капитал в избытке наполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому материальный производительный капитал целиком или наполовину бездействовал, чтобы не производить еще больше товарного капитала, не находящего покупателей.

А перед банковской комиссией 1857 г. он говорил следующее: «Благодаря строгому и быстрому выполнению принципов акта 1844 г. все совершалось регулярно и легко, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 г. с каждым днем усиливается. Если комиссия желает дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то верный и достаточный ответ таков: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение дел в нашей

стране; посмотрите на довольство народа; посмотрите на богатство и процветание всех классов общества, — и после всего этого комиссия будет в состоянии решить, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (В. С. 1857, № 4189).

На этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, ответила 12 ноября того же года антистрофа в виде письма к дирекции банка, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 г., дабы спасти то, что еще можно было спасти. — Ф. Э.]

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ И ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС.

1. ДВИЖЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА.

Относительно накопления банкнот в периоды стеснения следует заметить, что здесь повторяется образование сокровищ в благородном металле, которое наблюдалось в тревожные времена на самых ранних стадиях существования общества. Влияние акта 1844 г. представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства обращения; он хочет отождествить отлив золота с сокращением, прилив золота с расширением количества средств обращения. Применение акта экспериментально доказало обратное. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящихся в обращении банкнот Английского банка после 1844 г. никогда не достигала того максимума, который банк имел право выпускать. И кризис 1857 г. показал, с другой стороны, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 г. в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488 830 ф. ст. больше этого максимума (В. А. 1858, стр. XI). Законный максимум был тогда 14 475 000 ф. ст. плюс сумма металлического запаса в подвалах банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать, с одной стороны, передвижение металла взад и вперед в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, поток золота и серебра от источников их производства через различные другие страны и распределение этого добавочного металла между этими странами.

С начала текущего века — до тех пор, пока не оказали свое влияние русские, калифорнийские и австралийские золотые прииски, — привоза хватало лишь для возмещения снашивающейся монеты, для обычного употребления в качестве материала для предметов роскоши и для вывоза серебра в Азию.

Однако с того времени вместе с ростом азиатской торговли Америки и Европы чрезвычайно возрос, во-первых, вывоз серебра в Азию. Серебро, вывезенное из Европы, в значительной своей части замещалось добавочным золотом. Далее, часть вновь приливающего золота поглощалась внутренним денежным обращением. Считают, что до 1857 г. приблизительно 30 млн. добавочного золота вступило во внутреннее обращение Англии¹⁴. Затем, после 1844 г. средний уровень металлических запасов во всех центральных банках Европы и Северной Америки повысился. В то же время рост внутреннего денежного обращения привел к тому, что по миновании паники, в следующий за нею период затишья, банковый запас стал возрастать быстрее, так как увеличилась масса золотой монеты, вытолкнутой внутренним обращением и иммобилизованной. Наконец, после того как были открыты новые месторождения золота, поднялось потребление благородного металла для предметов роскоши вследствие возросшего богатства.

Во-вторых, между странами, не производящими золота и серебра, благородный металл всегда циркулирует туда и обратно; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конечном счете, имеет ли место прилив или отлив, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, когда обращают внимание на конечный результат, упускают из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело воспринимается всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла есть лишь результат и выражение соотношения между ввозом и вывозом товаров,

¹⁴ Как подействовало это на денежный рынок, видно из следующего показания Ньюмарча: «1509. К концу 1853 г. публика была охвачена серьезными опасениями; в сентябре Английский банк трижды, раз за разом, повышал учетный процент... в первых числах октября... обнаружили значительное беспокойство и паника среди публики. Эти опасения и это беспокойство были большей частью устранены к концу ноября и почти совершенно исчезли с прибытием 5 млн. благородного металла из Австралии. То же самое повторилось осенью 1854 г., когда — в октябре и ноябре — прибыли почти 6 млн. благородного металла. То же самое повторилось в осень 1855 г., — как известно период возбуждения и беспокойства, — благодаря прибытию в течение сентября, октября и ноября около 8 млн. благородного металла. В конце 1856 г. мы видим опять то же самое. Одним словом, я вполне мог бы сослаться на опыт почти каждого члена комиссии в подтверждение того, что мы привыкли при каждом финансовом затруднении видеть естественное и решительное спасение в прибытии кррабля с золотом».

тогда как он в то же время выражает соотношение между независимым от товарной торговли ввозом и вывозом самого благородного металла.

В-третьих, преобладание ввоза над вывозом, и наоборот, измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. Большая или меньшая точность этого мерила зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковое дело вообще централизовано. Ибо от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет вообще национальный запас металла. Но если даже это и так, указанное мерило все же не точно, так как при известных условиях добавочный ввоз всасывается внутренним обращением и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться внутренним обращением и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых, вывоз металла принимает форму отлива (drain), если движение в сторону уменьшения продолжается долгое время, так что уменьшение становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия для размена банкнот и т. п. в различных случаях оказывается различным. Относительно количественных границ, которых такой отлив может достигнуть в Англии, Ньюмарч говорит перед В. А. 1857, показание № 1494: «Если судить на основании опыта, то представляется в высшей степени неправдоподобным, чтобы отлив металла, вследствие какого-либо колебания в делах с заграницей мог превысить 3 или 4 млн. ф. ст.». В 1847 г. наиболее низкий уровень золотого запаса в Английском банке, имевший место 23 октября, показывает по сравнению с 26 декабря 1846 г. уменьшение на 5 198 156 ф. ст., а по сравнению с наивысшим уровнем в 1846 г. (29 августа) уменьшение на 6 453 748 ф. ст.

В-пятых, металлический резерв т. н. национального банка имеет тройное назначение; причем назначение резерва отнюдь не является единственным регулятором его величины, ибо он может возрасти вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны. Это тройное назначение таково: 1) Резервный фонд для международных платежей, короче, резервный фонд мировых денег. 2) Резервный фонд для внутреннего металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Резервный фонд для пла-

тежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и никакого отношения не имеет к функции денег как таковых. Металлический запас может поэтому затрагиваться теми условиями, которые касаются каждой из этих трех функций; следовательно, он может быть затронут: как международный фонд — платежным балансом, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как резервный фонд внутреннего металлического обращения — расширением или сокращением этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обуславливает, правда, самостоятельного движения металлического запаса, но влияет двояко. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мериллом стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная в пункте 2. И часть благородного металла, служившая для этой цели, будет надолго уходить за границу. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периодически усиливать металлический запас, иммобилизуя часть превращенного в монету и обращающегося металла. Далее, если необходимо при всяких обстоятельствах удерживать в запасе известный минимум для уплаты по вкладам и размена банкнот, то это особенным образом сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть запаса, которую банк обязан удерживать при всяких обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банковского дела банк также должен был бы рассматривать свой металлический запас как гарантию для уплаты по своим вкладам, и при отливе золота могла бы наступить паника, подобная той, которая была в 1857 г. в Гамбурге.

В-шестых, за исключением разве только 1837 г., действительный кризис всегда разражался уже после поворота вексельного курса, т. е. в тот момент, когда ввоз благородного металла снова приобретал преобладание над вывозом.

В 1825 г. наступил настоящий крах после того, как прекратился отлив золота. В 1839 г. отлив золота имел место, не приведя к краху. В 1847 г. отлив золота прекратился в апреле, а крах наступил в октябре. В 1857 г. отлив золота за границу прекратился с начала ноября, и лишь позднее, в ноябре, наступил крах.

Особенно отчетливо выступает это в кризисе 1847 г., когда отлив золота прекратился уже в апреле, вызвав сравнительно легкий предварительный кризис [Vorkrise], а затем лишь в октябре разразился промышленный кризис [Geschäftskrise] в собственном смысле слова.

Приводимые ниже показания были даны перед Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress [Секретной комиссией палаты лордов по вопросу о торговом кризисе] 1848; показания свидетелей (evidence) были отпечатаны только в 1857 г. (мы их цитировали также под обозначением С. D. 1848/57).

Показания Тука. В апреле 1847 г. возникло угнетение, которое, строго говоря, было равносильно панике, но продолжалось сравнительно короткое время и не сопровождалось сколько-нибудь значительными коммерческими банкротствами. В октябре стеснение было гораздо интенсивнее, чем в какой-либо момент апреля, причем имело место почти неслыханное количество банкротств (2196). — В апреле вексельный курс — в особенности с Америкой — принудил нас экспортировать значительное количество золота для оплаты чрезвычайно большого импорта; только путем крайне сильного напряжения банк приостановил отлив золота и добился повышения курса (2197). — В октябре вексельный курс был благоприятен Англии (2198). — Поворот вексельного курса начался на третьей неделе апреля (3000). — Он колебался в июле и августе; с начала августа он все время был благоприятен для Англии (3001). — Отлив золота в августе возник благодаря спросу для внутреннего обращения.

Дж. Моррис, управляющий Английским банком: Хотя с августа 1847 г. вексельный курс сделался благоприятным для Англии и вследствие этого имел место ввоз золота, тем не менее металлический запас банка уменьшился. «2 200 000 ф. ст. золотом ушли из банка в страну вследствие внутреннего спроса» (137). — Это объясняется, с одной стороны, увеличением числа занятых рабочих на железнодорожных постройках, с другой стороны, «желанием банкиров в период кризиса иметь собственный запас золота» (147).

Пальмер, бывший управляющий и с 1811 г. директор Английского банка: «684. За весь период с половины апреля 1847 г. до дня приостановки банкового акта 1844 г. вексельные курсы были благоприятны для Англии».

Следовательно, отлив металла в апреле 1847 г., вызвавший самостоятельную денежную панику, был здесь, как и везде, лишь предтечей кризиса и успел уже смениться обратным движением раньше, чем разразился этот последний. В 1839 г. при сильной

подавленности в делах имел место значительный отлив металла для уплаты за хлеб и т. п. — однако без кризиса и денежной паники.

В-седьмых, как только всеобщие кризисы заканчиваются, золото и серебро — оставляя в стороне прилив нового благородного металла из стран его производства — распределяются снова в тех соотношениях, в которых они существовали как особое сокровище различных стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, которая имела часть благородных металлов больше нормальной, они отливают в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение между сокровищами различных наций. Однако такое перераспределение осуществляется посредством влияния различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельных курсов. Как только нормальное распределение снова восстановлено, то, начиная с этого момента, наступает сначала рост, затем новый отлив. {Это последнее положение, само собою разумеется, относится только к Англии как центру мирового денежного рынка. — Ф. Э.}

В-восьмых, отливы металла являются по большей части симптомами перемены в положении внешней торговли, а эта перемена есть в свою очередь предвестник того, что общее положение дел снова созревает для кризиса ¹⁵.

В-девятых, платежный баланс может быть благоприятен Азии и неблагоприятен Европе и Америке ¹⁶.

¹⁵ По Ньюмарчу, отлив золота за границу может вызываться тройного рода обстоятельствами, а именно: 1) причинами чисто коммерческого характера, т. е. вследствие превышения ввоза над вывозом, как это было между 1836 и 1844 гг. и затем снова в 1847 г. главным образом вследствие большого ввоза хлеба; 2) необходимостью создать средства для вложения английского капитала за границей, как, например, в 1857 г. для железных дорог в Индии; и 3) окончательным расходом капитала за границей, как, например, в 1853 и 1854 гг. для военных целей на Востоке.

¹⁶ 1918. Ньюмарч. «Если вы возьмете Индию и Китай вместе, если вы примете во внимание обороты между Индией и Австралией и еще более важные обороты между Китаем и Соединенными Штатами, — а в этих случаях торговые дела являются трехсторонними и окончательные расчеты совершаются при нашем посредничестве... — тогда окажется правильным, что торговый баланс был не только против Англии, но также против Франции и Соединенных Штатов». — (В. А. 1857.)

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно в два периода. С одной стороны, в первой фазе низкого уровня процента, которая следует за кризисом и выражает собою сокращение производства; и затем во второй фазе, когда уровень процента повышается, но еще не достигает своей средней высоты. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит обилен и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах, при сравнительном обилии ссудного капитала, избыточный приток капитала в форме золота и серебра, т. е. в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал, должен оказывать влияние на уровень процента, а тем самым и на тон всей деловой жизни.

С другой стороны, отлив, непрерывный сильный вывоз благородного металла наступает, когда обратный приток капитала уже затруднен, рынки переполнены и мнимое процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень усиленный спрос на ссудный капитал и потому уровень процента достигает по меньшей мере своей средней высоты. При этих условиях, отражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного ухода капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссужаемый денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на уровень процента. Но вместо того, чтобы ограничивать кредитные операции, повышение уровня процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Вследствие этого такой период предшествует краху.

Ньюмарчу ставят вопрос (В. А. 1857): «1520. Итак, количество обращающихся векселей повышается вместе с уровнем процента? — Повидимому, да. 1522. В спокойные, обычные времена главная книга есть действительное орудие обмена; но когда наступают затруднения, когда, например, при обстоятельствах, указанных мною, поднимается норма банкового учета... тогда операции сами собою сводятся к выписыванию векселей; векселя эти не только более пригодны для того, чтобы служить законным доказательством заключенной сделки; они удобнее также для совершения дальнейших закупок и прежде всего применимы как орудие кредита для получения капитала». — К этому присоединяется еще то обстоятельство, что раз банк при сколько-нибудь угрожающих условиях поднимает норму своего учета — благодаря чему в то же время становится вероятным, что банк ограничит сроки учитываемых им векселей, —

наступает всеобщее опасение, что это будет идти crescendo [будет все более усиливаться]. Каждый, и прежде всего рыцарь кредита, стремится поэтому учесть будущее [die Zukunft zu diskontieren] и получить в данный момент в свое распоряжение столько средств кредита, сколько возможно. Таким образом из указанных выше причин вытекает, что одно только количество как ввезенного, так и вывезенного благородного металла оказывает влияние не само по себе; но что, с одной стороны, оно оказывает свое влияние благодаря специфическому характеру благородного металла как капитала в денежной форме, а с другой стороны, оно влияет, как перышко, которое, будучи прибавлено к нагрузке весов, оказывается достаточным, чтобы окончательно склонить на одну сторону колеблющиеся весы; оно влияет благодаря тому, что наступает при условиях, когда всякое прибавление в ту или другую сторону имеет решающее значение. Без этих причин было бы совершенно непонятно, каким образом может оказать сколько-нибудь заметное влияние отлив золота, скажем, на сумму в 5—8 млн. ф. ст., а, как показывает опыт, эта граница до сих пор не переступалась; это ничтожное увеличение или уменьшение капитала, совершенно незначительное даже по сравнению с 70 млн. золота, циркулирующими в среднем в Англии, является, конечно, исчезающе малой величиной при размерах производства подобных английским¹⁷. Но именно развитие кредитной и банковской системы, которая, с одной стороны, стремится поставить весь денежный капитал на службу производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и, с другой стороны, на известной фазе цикла сводит металлический запас к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции, — именно эта развитая кредитная и банковая система и создает чрезмерную чувствительность всего организма. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение сокровища по сравнению с его средней величиной — явление сравнительно безразличное. Равным образом даже очень значительный отлив золота оказывает сравнительно

¹⁷ См., например, комичный ответ Вегелина, который говорит, что отлив 5 млн. золота означает уменьшение капитала на ту же сумму, и старается объяснить этим такие явления, которые не наступают при бесконечно более крупном повышении цен или обесценении, расширении или сокращении действительного промышленного капитала. Не менее комичной является, с другой стороны, попытка объяснить эти явления как непосредственные симптомы расширения или сокращения массы реального капитала (рассматриваемого со стороны его вещественных элементов).

ничтожное влияние, раз он имеет место не в критический период промышленного цикла.

При данном выше объяснении мы отвлеклись от тех случаев, когда отлив металла наступает вследствие неурожая и т. д. Здесь крупное и внезапное нарушение равновесия производства, выражением которого является отлив золота, не нуждается в дальнейшем объяснении своих последствий. Последствия эти тем значительнее, чем ближе момент такого нарушения совпадает с периодом, когда производство работает под высоким давлением.

Мы отвлеклись, кроме того, от функции металлической наличности как гарантии размена банкнот и оси всей кредитной системы. Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка¹⁸. Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно, как это уже было указано в кн. I, гл. III* при исследовании средства платежа. И Тук и Лойд-Оверстон одинаково признают необходимость величайших жертв реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис. Спор вращается лишь около некоторого плюса или минуса, около более или менее рационального образа действия по отношению к этой неизбежности¹⁹. Некоторое, по сравнению со всем производством, незначительное количество металла признается краеугольным камнем всей системы. Не говоря уже об ужасающем проявлении во время кризисов этого его характера «оси», отсюда вытекает очень милый теоретический дуализм. Пока просвещенная экономия по-ученому [*ex professo*] толкует «о капитале», она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, фактически

¹⁸ Ньюмарч (В. А. 1857): «1364. Металлический запас Английского банка есть в действительности... центральный запас, или центральное металлическое сокровище, на основе которого ведутся все предприятия страны. Это, так сказать, ось, вокруг которой вращается вся деловая жизнь страны; все другие банки в стране рассматривают Английский банк как центральное сокровище, или резервуар, из которого им приходится черпать свои запасы звонкой монеты, и влияние заграничного вексельного курса отражается всегда как раз на этом сокровище и этом резервуаре».

¹⁹ «Таким образом практически оба они, и Тук и Лойд, для устранения чрезмерного спроса на золото, прибегли бы к своевременному ограничению кредита при помощи повышения процентной ставки и уменьшения ссуд капитала. Только Лойд создает своими иллюзиями тяжелые и даже опасные {законотательные} ограничения и предписания» («Economist», 1847, стр. 4418).

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. III; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. III, стр. 153, 154. *Ред.*

в высшей степени безразличную и бесполезную. Как только она начинает говорить о банковом деле, все это совершенно изменяется, и золото с серебром становятся капиталом *par excellence* [по преимуществу], для удержания которого следует жертвовать всеми другими видами капитала и труда. Чем же отличается золото и серебро от других форм [Gestalten] богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства. {Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собою качественно различными потребительными стоимостями. В капиталистическом производстве они могут это делать при посредстве денег. Таким образом лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи воплощена общественная природа этого богатства. — Ф. Э.} Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеальным, простым представлением. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно наступает в цикле современной промышленности, — все реальное богатство должно вдруг быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро, — требование безумное, однако, неизбежно вырастающее из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующие удовлетворить эти чудовищные притязания, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в подвалах банка²⁰. Таким

²⁰ «Вы совершенно согласны с тем, что для изменения спроса на золото не существует иного пути, кроме повышения процентной ставки? — Чэпмэн {участник большой билльброкерской фирмы Оверенд, Гарней и К⁰}: Да, таков мой взгляд. Если запас нашего золота падает до известного пункта, то мы лучше всего сделаем, если тотчас же ударим в набат и зайвим: мы идем под гору, и если кто-нибудь хочет посылать золото за границу, пусть делает это на свой собственный риск». — В. А. 1857. Показание № 5057.

образом в действии отлива золота, с особенной резкостью обнаруживается, что производство не подчинено в действительности общественному контролю как общественное производство, — обнаруживается в той форме, что общественная форма богатства существует независимо от него самого как *вещь* вне его. Для капиталистической системы это в действительности составляет нечто общее с более ранними системами производства, поскольку последние покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе это проявляется наиболее резко и притом в самой уродливой форме абсурдного противоречия и бессмыслицы, так как 1) в капиталистической системе всего полнее снято производство для непосредственной потребительной стоимости, производство для потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения; 2) так как с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу.

Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги в свою очередь в золото.

II. ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС.

{ Барометром интернационального движения денежного металла является, как известно, вексельный курс. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если этот перевес платежных обязательств Англии на Германию не уравнивается снова при помощи, например, преобладания закупок Германии в Англии, то выраженная в стерлингах цена векселей, выписанных в марках на Германию, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков типичный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет более значительные размеры и будет долго продолжаться, то это отразится на банковом запасе Англии, и английский денежный рынок, в первую очередь Английский банк, должен будет принять меры защиты.

Последние, как мы уже видели, состоят главным образом в повышении процентной ставки. При значительном отливе золота на денежном рынке наступают обыкновенно затруднения, т. е. спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокий уровень процента вытекает отсюда сам собою; таким образом норма дисконта, декретированная Английским банком, соответствует положению вещей и осуществляется на рынке. Бывают, однако, случаи, когда отлив металла вызывается иными, а не обычными комбинациями сделок (например, займами иностранных государств, вложением капитала за границей и т. д.) и когда положение лондонского денежного рынка как такового отнюдь не оправдывает существенного повышения нормы процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путем усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как принято выражаться, и таким образом искусственно создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; маневр, который с каждым годом становится для него все затруднительнее. — Ф. Э.}

Как влияет повышение уровня процента на вексельный курс, видно из следующих показаний перед комиссией нижней палаты о банковом законодательстве 1857 г. (Цитировано, как В. А. или В. С. 1857.)

Джон Стюарт Милль: «2176. Когда в делах наступают затруднения... происходит значительное падение курса ценных бумаг... иностранцы поручают покупать железнодорожные акции здесь, в Англии, или английские собственники иностранных железнодорожных акций продают их за границей... в соответственных размерах устраняется отправка золота. — 2182. Обширный и богатый класс банкиров и торговцев ценными бумагами, при помощи которых достигается выравнивание нормы процента и давления (pressure) коммерческого барометра между различными странами... всегда высматривают случай закупать ценные бумаги, обещающие повышение цены... Подходящим местом для их закупок окажется всегда страна, посылающая золото за границу. — 2184. Такие вложения капитала в 1847 г. производились в значительном масштабе, достаточном для того, чтобы уменьшить отлив золота».

Дж. Г. Хэббард, бывший управляющий и с 1838 г. член дирекции Английского банка: «2545. Имеются значительные массы европейских ценных бумаг... которые обращаются на самых различных европейских денежных рынках и, раз на одном рынке стоимость этих бумаг упала на 1 или 2%, они тотчас же скупаются для отсылки на другие рынки, где стоимость их еще держится. — 2565.

Не находятся ли заграничные страны в значительном долгу по отношению к английским купцам? — В очень значительном. — 2566. Следовательно, одно получение этих долгов могло бы в достаточной степени объяснить очень крупное накопление капитала в Англии? — В 1847 г. мы в конце концов восстановили наше положение тем, что ликвидировали столько-то миллионов прежней задолженности Америки и России нашей стране». {Англия в то время также была должна этим странам «столько-то миллионов» за хлеб и не преминула в свою очередь большую часть их «ликвидировать» при помощи банкротств английских должников. См. выше отчет 1857 г. о банковом акте, в главе XXX, стр. 31*} — 2572. В 1847 г. курс между Англией и Петербургом стоял очень высоко. Когда было издано правительственное распоряжение, давшее банку право выпускать банкноты {без покрытия золотым запасом} сверх узаконенного предела в 14 млн., было поставлено условием, чтобы учетная ставка удерживалась на 8 процентах. В такой момент и при такой учетной ставке было выгодно затребовать золото из Петербурга в Лондон и по его прибытии ссужать его из 8% до истечения срока трехмесячных векселей, которые выписывались за проданное золото. — 2573. При всяких операциях с золотом необходимо принимать во внимание различные моменты. Дело зависит от вексельного курса и от процента, из которого можно поместить деньги до истечения срока векселя {выписанного за золото}».

ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС С АЗИЕЙ.

Следующие моменты важны, так как, с одной стороны, они показывают, каким образом Англия при неблагоприятном вексельном курсе с Азией должна вознаграждать себя за счет других стран, ввоз которых из Азии оплачивается при посредстве Англии. С другой стороны, так как г. Вильсон опять делает здесь глупую попытку отождествить влияние вывоза благородного металла на вексельный курс с влиянием, оказываемым на вексельный курс вывозом капитала вообще, — причем в обоих случаях дело идет о вывозе не в качестве платежного или покупательного средства, а с целью помещения капитала. Прежде всего само собою понятно, что, если в Индию с целью вложения в железнодорожное строительство посылаются столько-то миллионов фунтов стерлингов в виде ли благородного металла или в виде железных рельсов, — и то и другое представляет лишь различные формы перенесения той же самой суммы капитала из

* См. стр. 33—34 настоящего издания. *Ред.*

одной страны в другую; а именно, мы имеем здесь такое перенесение капитала, которое не входит в счет обычных торговых сделок и за которое экспортирующая страна не может ожидать никакого иного возмещения, кроме имеющего поступать впоследствии годового дохода из выручки этих железных дорог. Если такой экспорт совершается в форме благородного металла, то именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей кредитной системы, такой экспорт — не обязательно при всяких условиях, но лишь при условиях, указанных выше, — окажет прямое действие на денежный рынок, а значит, и на уровень процента в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное действие окажет он и на вексельный курс. Благородный металл пересылается лишь тогда именно и постольку, когда и поскольку недостаточно предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, например, на Индию, для того чтобы осуществить такие экстраординарные переводы денег. Следовательно, имеет место спрос векселей на Индию, превышающий предложение, и, таким образом, в данный момент курс обращается против Англии не потому, что она в долгу перед Индией, а потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает способность Индии потреблять европейские товары. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить за это никаких возвратных платежей. По той же причине это не должно также оказывать никакого влияния на денежный рынок. Вильсон пытается доказать наличие такого влияния тем, что такие экстраординарные затраты должны вызывать добавочный спрос на денежные ссуды и таким образом воздействовать на уровень процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно происходить при всяких обстоятельствах, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы, и где бы они ни были уложены, на английской или на индийской почве, они во всяком случае представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что увеличение производства, даже в очень широких пределах, не может совершиться без повышения уровня процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, т. е. сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменяющемся данном уровне процента. Так

действительно и было в Англии в 40-х годах во время железнодорожной мании. Уровень процента не повысился. И совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о действительном капитале, т. е. в данном случае о товарах, влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для заграницы или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталы, вкладываемые Англией за границей, сокращали ее коммерческий экспорт, — экспорт, который должен быть оплачен и который, следовательно, вызывает обратный приток капитала, — или если бы эти затраты капитала уже вообще были симптомом перенапряжения кредита и начала спекулятивных операций.

В дальнейшем вопросы задает Вильсон, отвечает Ньюмарч.

«1786. Вы сказали раньше относительно спроса на серебро для Восточной Азии, что по вашему мнению вексельный курс с Индией благоприятен для Англии, несмотря на то, что в Восточную Азию непрерывно отсылаются значительные массы металлического запаса; имеете ли вы основания для этого? — Конечно... Я нахожу, что действительная стоимость вывоза Соединенного королевства в Индию в 1851 г. достигла 7 420 000 ф. ст. Сюда следует присоединить сумму векселей India House*, т. е. тех фондов, которые Ост-индская компания переводит из Индии для покрытия своих собственных издержек. Эти траты составляли в рассматриваемом году 3 200 000 ф. ст., так что в общей стоимости вывоз Соединенного королевства в Индию равнялся 10 620 000 ф. ст. В 1855 г. ...действительная стоимость товарного экспорта возросла до 10 350 000 ф. ст.; траты India House составляли 3 700 000 ф. ст.; следовательно, весь вывоз — 14 050 000 ф. ст. Для 1851 г. у нас, как мне кажется, нет возможности установить действительную стоимость ввоза товаров из Индии в Англию; но мы располагаем такими данными для 1854 и 1855 гг. В 1855 г. вся действительная стоимость ввоза товаров из Индии в Англию равнялась 12 670 000 ф. ст., и эта сумма, при сравнении с 14 050 000 ф. ст. вывоза, дает в пользу Англии сальдо от непосредственной торговли между обеими странами в 1 380 000 ф. ст.»

Вильсон замечает на это, что вексельные курсы затрагиваются также и непосредственной торговлей. Так, например, вывоз из Индии в Австралию и Северную Америку покрывается тратами на Лондон и влияет поэтому на вексельный курс совершенно таким же образом, как если бы товары шли непосредственно из Индии

* Правление Ост-индской компании. *Ред.*

в Англию. Далее, если взять Индию и Китай вместе, то баланс окажется неблагоприятным для Англии, так как Китаю приходится постоянно производить значительные платежи Индии за опиум, а Англии приходится производить платежи Китаю, так что этим обходным путем суммы из Англии идут в Индию (1787, 1788).

1791. Вильсон спрашивает, не будет ли влияние на вексельный курс одинаковым как в том случае, если капитал «вывозится в форме железных рельсов и локомотивов, так и в том случае, если он вывозится в форме металлических денег». Ньюмарч отвечает на это совершенно правильно: 12 млн. ф. ст., посланные за последние годы в Индию для постройки железных дорог, послужили для покупки годовой ренты, которую Индия должна уплачивать в определенные сроки Англии. «Что же касается непосредственного влияния на рынок благородного металла, то затрата этих 12 млн. ф. ст. может оказать его лишь постольку, поскольку металл приходилось вывозить для действительных затрат в виде денег».

1797. {Вегелин спрашивает:} «Если за это железо (рельсы) не получается взамен никаких обратных поступлений, то как можно говорить, что оно влияет на вексельный курс? — Я не думаю, чтобы та часть затрат, которая вывозится в форме товаров, затрагивала состояние вексельного курса... вексельный курс между двумя странами затрагивается — можно сказать, исключительно — количеством обязательств, или векселей, предлагаемых в одной стране, по сравнению с количеством, предлагаемым против этого, в другой стране; такова рациональная теория вексельного курса. Что касается пересылки 12 млн., то эти 12 млн. сначала были подписаны здесь; если бы сделка была такого рода, что все эти 12 млн. были бы вложены звонкой монетой в Калькутте, Бомбее или Мадрасе... то такой внезапный спрос оказал бы потрясающее действие как на цену серебра, так и на вексельный курс — совершенно так же, как если бы Ост-индская компания заявила завтра, что она увеличивает свои траты с 3 до 12 млн. Но половина этих 12 млн. затрачена... на покупку товаров в Англии... железных рельсов, лесных и других материалов... это — затрата английского капитала в самой Англии на известный сорт товаров, который отправляется в Индию, и этим дело исчерпывается».

1798. {Вегелин:} Но производство этих необходимых для железных дорог товаров, железа и дерева, вызывает сильное потребление заграничных товаров, а это последнее могло бы затронуть вексельный курс? — Конечно».

Вильсон высказывает мнение, что железо представляет главным образом труд и что заработная плата, уплаченная за этот труд,

представляет главным образом импортированные товары (1799), и затем спрашивает:

«1801. Но говоря вообще: если товары, произведенные при посредстве потребления этих импортированных товаров, вывозятся таким образом, что мы не получаем за них никакого возмещения в продуктах ли, или как-либо иначе, — не будет ли это иметь своим последствием неблагоприятный для нас курс? — Это общее положение как раз соответствует тому, что имело место в Англии во время усиленного железнодорожного строительства {1845}. В течение трех, четырех или пяти лет подряд вы вложили в железные дороги 30 млн. ф. ст., и почти вся эта сумма пошла на заработную плату. В продолжение трех лет вы содержали на постройке железных дорог, локомотивов, вагонов и вокзалов больше народа, чем во всех фабричных районах, вместе взятых. Эти люди... тратили свою заработную плату на чай, сахар, спиртные напитки и другие иностранные товары; товары эти приходилось ввозить, и, однако, несомненно, что в течение всего времени, когда производились эти огромные затраты, вексельный курс между Англией и другими странами не потерпел существенных изменений. Отлива благородных металлов не наблюдалось, напротив, скорее имел место прилив их».

1802. Вильсон настаивает на том, что при равновесии торгового баланса и курсе *al pari* [равном паритете] между Англией и Индией экстраординарный вывоз железа и локомотивов «должен затронуть вексельный курс в Индии». Ньюмарч не видит, почему это должно быть так, раз экспортируемые рельсы представляют помещение капитала и Индии не приходится оплачивать их в той или другой форме; к этому он добавляет: «Я согласен с тем положением, что ни одна страна не может продолжительное время иметь неблагоприятный вексельный курс со всеми странами, с которыми она ведет торговлю; неблагоприятный вексельный курс с одной страной неизбежно создает благоприятный курс с другой страной». Этому Вильсон противопоставляет следующую тривиальность: «1803. Но разве перенесение капитала не остается тем же самым независимо от того, совершается ли оно в одной форме или в другой? — Да, конечно, поскольку дело касается долговых обязательств. — 1804. Итак, посылаете ли вы благородный металл или товары, влияние железнодорожного строительства в Индии на здешний рынок капиталов будет одно и то же и повысит стоимость капитала совершенно так же, как если бы вся сумма была вывезена в виде благородного металла?»

Если цены железа не возросли, то это доказывает во всяком случае, что «стоимость» содержащегося в рельсах «капитала» не уве-

личилась. О чем здесь идет речь, это о стоимости денежного капитала, о процентной ставке. Вильсон хотел бы отождествить денежный капитал и капитал вообще. Факт заключается просто в том, что в Англии было подписано 12 млн. на индийские железные дороги. Это обстоятельство не имеет никакого прямого отношения к вексельному курсу, и для денежного рынка назначение этих 12 млн. опять-таки безразлично. Если денежный рынок находится в благоприятном положении, то это вообще может не оказать никакого влияния, подобно тому как не затронула его подписка на акции английских железных дорог в 1844 и 1845 гг. Если же денежный рынок уже до известной степени стеснен, то это, конечно, могло бы повлиять на уровень процента, но лишь в сторону повышения, а по теории Вильсона это должно было бы сделать курс более благоприятным для Англии, т. е. противодействовать тенденции к вывозу благородного металла, — если не в Индию, то в другие страны. Г-н Вильсон перескакивает от одного к другому. В вопросе 1802 он утверждает, что должен быть затронут вексельный курс; в № 1804, что затрагивается «стоимость капитала», — две совершенно различные вещи. Уровень процента может влиять на вексельный курс и вексельный курс на уровень процента, и тем не менее при изменяющемся курсе уровень процента, а при изменяющемся уровне процента курс может оставаться постоянным. В голове Вильсона не укладывается мысль, что при пересылке капитала за границу самая форма, в которой он пересылается, создает такое различие влияния, т. е. что такое важное значение имеет различие форм капитала и притом как раз денежная его форма, что крайне противоречит воззрениям просвещенной экономики. Ньюмарч отвечает Вильсону односторонне, поскольку совершенно не обращает внимания последнего на его внезапный и ничем не мотивированный прыжок от вексельного курса к размеру процента. Ньюмарч дает на указанный вопрос 1804 нерешительный колеблющийся ответ: «Раз требуется найти 12 млн., то, поскольку дело касается общего уровня процента, без сомнения несущественно, пересылаются ли эти 12 млн. в виде благородного металла или в виде материалов. Я все же думаю {не дурно это «все же» в виде перехода к прямо противоположному утверждению}, «что это не совсем несущественно» {это несущественно, но все же не несущественно}, «так как в одном случае 6 млн. ф. ст. немедленно притекли бы обратно; в другом случае они не притекли бы так быстро. Поэтому составит некоторую» {какая определенность!} «разницу, будут ли эти 6 млн. затрачены здесь в стране, или же они целиком будут экспортированы». Что должно обозначать утверждение, что 6 млн. тотчас же притекли

бы обратно? Поскольку 6 млн. ф. ст. затрачены в Англии, они существуют в виде рельсов, локомотивов и т. п., которые должны быть отосланы в Индию, откуда они не вернутся назад, и стоимость их возвратится лишь путем амортизации, т. е. очень медленно, в то время как 6 млн. благородного металла, быть может, гораздо скорее вернутся *in natura* [в натуре]. Поскольку 6 млн. затрачены на заработную плату, они съедены; но деньги, в виде которых они авансировались, попрежнему обращаются в стране или составляют резерв. То же самое относится к прибыли производителей рельсов и той части 6 млн., которая возмещает их постоянный капитал. Итак, двусмысленная фраза о возврате капиталов употреблена Ньюмарчем лишь вместо того, чтобы сказать прямо: деньги остались в стране и, поскольку они функционируют как ссужаемый денежный капитал, разница для денежного рынка (отвлекаясь от того, что обращение могло бы, быть может, поглотить большее количество металлических денег) заключается лишь в том, что они расходуются за счет *A*, а не *B*. Вложение подобного рода, при котором капитал переносится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается капитал), поскольку производство таких экспортируемых товаров требует добавочного импорта других иностранных товаров. В таком случае это производство не может уравновесить этот добавочный импорт. Но то же самое имеет место при всяком экспорте в кредит, безразлично, имеется ли в виду новое вложение капитала или обычные торговые цели. Кроме того, этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на аяглийские товары со стороны, например, колоний или Соединенных Штатов.

Раньше Ньюмарч говорил, что вследствие тратт Ост-индской компании вывоз из Англии в Индию больше, чем ввоз. Сэр Чарльз Вуд подвергает его в этом пункте перекрестному допросу. Этот избыток английского вывоза в Индию по сравнению с ввозом из Индии в действительности осуществляется благодаря такому ввозу из Индии, за который Англия не уплачивает никакого эквивалента: тратты Ост-индской компании (в настоящее время ост-индского правительства) сводятся к дани, взимаемой с Индии. Возьмем для примера 1855 г.: ввоз из Индии в Англию 12 670 000 ф. ст.; английский вывоз в Индию 10 350 000 ф. ст. Баланс в пользу Индии 2 250 000 ф. ст.*

* — т. е. порядка двух миллионов с четвертью; точнее 2 320 000. *Ред.*

«Если бы этим дело исчерпывалось, то эти 2 250 000 ф. ст. пришлось бы в той или иной форме отправить в Индию. Но тут выступают на сцену требования со стороны India House*. India House объявляет, что он в состоянии выдать тратты на различные президентства Индии в размере 3 250 000 ф. ст. {Эта сумма взималась для погашения лондонских издержек Ост-индской компании и уплаты дивидендов акционерам.} А это не только погашает баланс в 2 250 000 ф. ст., возникший путем торговли, но и дает миллион избытка» (1917).

1922. {Вуд;} «Следовательно, влияние этих тратт India House сказывается не в возрастании вывоза в Индию, но в уменьшении его *pro tanto* [соответственно]?» {Это должно означать — в уменьшении необходимости покрывать ввоз из Индии такую же суммою вывоза туда.} Г-н Ньюмарч объясняет это тем, что англичане за эти 3 700 000 ф. ст. импортируют в Индию «хорошее управление» (1925). Вуд, в качестве министра по делам Индии очень хорошо знакомый с тем сортом «хорошего управления», который ввозился англичанами в Индию, делает следующее правильное и ироническое замечание (1926): «Тогда тот вывоз, который, по вашим словам, является результатом тратт India House, есть вывоз хорошего управления, а не товаров». Англия много экспортирует «в этом роде» для «хорошего управления» и для вложения капиталов в других странах, — получая таким образом ввоз, совершенно независимый от обычного хода дел, получая дань частью за экспортированное «хорошее управление», частью как доход с капиталов, вложенных в колониях и других странах, дань, за которую ей не приходится уплачивать никакого эквивалента. Ясно поэтому, что вексельный курс не затрагивается, если Англия просто съедает эту дань без встречного экспорта; ясно также, что курсы не затрагиваются и в том случае, если Англия опять помещает эту дань не у себя, а, производительно или непроизводительно, за границей: если, например, она за счет этой дани посылает боевые припасы в Крым. К тому же, поскольку ввоз из-за границы входит в доход Англии (оплачиваться он, конечно, должен или в виде дани, не требующей эквивалента, или путем обмена на эту неоплаченную дань, или обычным в торговле путем) Англия может его или потребить или снова вложить в дело в качестве капитала. Как бы то ни было, вексельный курс во всяком случае не будет затронут, что упускает из виду мудрый Вильсон. Составляет ли известную часть дохода отечественный или иностранный продукт — причем последний случай предполагает лишь

* См. примечание к стр. 126 настоящего издания. *Ред.*

обмен отечественных продуктов на иностранные — потребление этого дохода, производительное или непроизводительное, нисколько не изменяет вексельного курса, хотя и оказывает влияние на общий масштаб производства. Это необходимо иметь в виду при оценке ниже-следующего.

1934. Вуд спрашивает, каким образом отправка военных припасов в Крым могла бы затронуть вексельный курс с Турцией. Ньюмарч отвечает: «Я не вижу, почему бы должна непременно отразиться на вексельном курсе простая отправка военных припасов, но отправка благородного металла несомненно затронула бы курс». Следовательно, здесь он отличает капитал в денежной форме от других форм капитала. Но вот Вильсон задает следующий вопрос:

«1935. Если вы производите в широких размерах экспорт какого-либо товара, не получая взамен соответствующего импорта» {г-н Вильсон забывает, что по отношению к Англии имеет место весьма значительный импорт, взамен которого никогда не было соответствующего экспорта, за исключением экспорта в форме «хорошего управления» или вывезенного раньше капитала для инвестиции; во всяком случае это не такой импорт, который входит в регулярное движение торговли. Но предметы этого импорта снова обмениваются, например, на американские продукты; и если американские продукты экспортируются без соответственного импорта, это ничуть не изменяет того обстоятельства, что стоимость этого импорта может быть потреблена без эквивалентного вывоза за границу; он получен без соответственного экспорта и, следовательно, может быть потреблен, не войдя в торговый баланс}, «то вы не уплачиваете заграничного долга, который вы сделали благодаря вашему ввозу». {Но если вы уже ранее оплатили этот импорт, например, посредством кредита, оказанного за границей, то при этом не будет сделано никакого долга, и вопрос не имеет ничего общего с интернациональным балансом, — он сводится к производительной или непроизводительной затрате, причем совершенно безразлично, произведены ли потребленные продукты внутри страны или за границей} «и потому такой сделкой вы затронете вексельный курс, так как заграничный долг не уплачивается вследствие того, что ваш экспорт не имеет соответствующего импорта. — Это справедливо по отношению к различным странам вообще».

Лекция Вильсона сводится к тому, что всякий экспорт без соответствующего импорта есть в то же время импорт без соответствующего экспорта, потому что в производство экспортированных товаров входят иностранные, следовательно, импортированные товары. Пред-

полагается, что всякий такой экспорт основывается на неоплаченном импорте или создает его, — следовательно, предполагает или создает заграничный долг. Это ложно, даже если оставить в стороне следующие два обстоятельства: 1) Англия имеет даровой импорт, за который она не уплачивает никакого эквивалента; например, часть ее индийского импорта. Она может обменять его предметы на предметы американского импорта, а предметы последнего экспортировать без соответственного импорта; что касается стоимости, то Англия при этом во всяком случае экспортирует лишь то, что ей ничего не стоило. И 2) Англия, быть может, уже оплатила импорт, например, американский, который образует добавочный капитал; если она затем потребляет его непроизводительно, например, в виде военных припасов, то это не образует долга по отношению к Америке и не затрагивает вексельного курса с Америкой. Ньюмарч сам противоречит себе в показаниях 1934 и 1935, на что и указывает ему Вуд в вопросе 1938: «Если ни одна часть товаров, употребляемых для изготовления тех предметов, которые мы вывозим без соответственного возврата {военные издержки} не получается из страны, куда экспортируются эти предметы, то каким образом может это затронуть вексельный курс с этой страной? Если допустить, что торговля с Турцией находится в обычном состоянии равновесия, каким образом вексельный курс между Англией и Турцией может быть затронут вывозом военных припасов в Крым?» — Здесь Ньюмарч теряет душевное равновесие; он забывает, что в показаниях под № 1934 он уже правильно ответил на этот простой вопрос, и говорит: «Мне кажется, что мы уже исчерпали практический вопрос, и мы вступаем теперь в очень возвышенную область метафизической дискуссии».

{Вильсон дает еще и новую постановку своему утверждению, будто вексельный курс затрагивается всяким перенесением капитала из одной страны в другую, совершается ли оно в форме благородного металла или в форме товаров. Вильсон знает, конечно, что вексельный курс затрагивается через процентную ставку, а именно отношением между нормами процента тех двух стран, о взаимном вексельном курсе которых идет речь. Если ему удастся показать, что избыток капитала вообще, т. е. прежде всего избыток товаров всякого рода, включая сюда и благородные металлы, оказывает в числе других обстоятельств определяющее влияние на размер процента, то он уже делает шаг, приближающий его к цели; в самом деле, раз это так, перенесение значительной части этого капитала из одной

страны в другую должно изменить уровень процента в обеих странах, а именно в противоположном направлении, и таким образом во вторую очередь должно воздействовать на вексельный курс между обеими странами. — Ф. Э.]

Он пишет в «Economist'e», редактором которого он в то время состоял (1847, стр. 475):

«Очевидно, что такой избыток капитала, на который указывают большие запасы всякого рода, включая сюда и благородный металл, неизбежно должен повести не только к низким ценам на товары вообще, но и к более низкому уровню процента за пользование капиталом.¹⁾ Если мы имеем в наличности запас товаров, достаточный для страны в течение двух ближайших лет, то распоряжение этими товарами в течение известного периода можно получить по гораздо более низкой норме процента, чем в том случае, если бы запаса едва хватило на два месяца.²⁾ Всякие денежные займы, в какой бы форме они ни совершались, представляют лишь переход распоряжения товарами от одного лица к другому. Поэтому, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок, если товаров мало, он должен быть высок.³⁾ Если товары притекают более обильно, число продавцов по сравнению с числом покупателей будет увеличиваться, и в той мере, в которой количество товаров превышает нужды непосредственного потребления, все большая и большая часть их должна сохраняться для позднейшего потребления. При таких обстоятельствах владелец товаров согласится продать их с отсрочкой платежа или в кредит на условиях менее для него выгодных, чем в том случае, если бы он был уверен, что весь его запас найдет сбыт в течение немногих недель».⁴⁾

По поводу положения¹⁾ необходимо заметить, что сильный *прилив* благородного металла может совершиться одновременно с *сокращением* производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующей фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл, ввоз других товаров в этот период обыкновенно уравновешивается вывозом. В этих двух фазах уровень процента низок и лишь медленно повышается; почему это так, мы уже видели. Этот низкий уровень процента во всех случаях находил себе достаточное объяснение без влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние? Низкая цена, например, хлопка дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низок уровень процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, получаемая при помощи

взятого займа капитала. Но единственно и исключительно потому, что при существующих обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала отлично от движения промышленного капитала. Между тем «Economist» стремится доказать как раз противоположное: что движение его тождественно с движением промышленного капитала.

Положение²⁾ предполагает переполнение товарного рынка, — нелепую предпосылку, что имеется запас, обеспечивающий потребление на два года вперед, мы смягчаем в такой степени, что она приобрела некоторый смысл. Это вызвало бы понижение цен. За кипу хлопка надо уплатить теперь меньше, чем раньше. Но отсюда никоим образом не следует, что деньги для покупки кипы хлопка можно достать дешевле. Последнее зависит от состояния денежного рынка. Если их можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в таком положении, при котором он в меньшей степени принужден прибегать к банковому кредиту, чем в обычное время. Товары, переполняющие рынок, представляют жизненные средства или средства производства. Низкая цена тех и других повышает прибыль промышленного капиталиста. По какой же причине он понизит процент, если не вследствие противоположности — а отнюдь не тождества — между обилием промышленного капитала и спросом на денежные ссуды? Обстоятельства складываются таким образом, что купцу и промышленнику легче оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковом кредите; поэтому уровень процента может быть низким. Этот низкий уровень процента не имеет ничего общего с притоком благородного металла, хотя и тот и другой могут происходить параллельно, и те же самые причины, которые вызывают понижение цен предметов ввоза, могут создать также избыток ввезенного благородного металла. Если бы рынок импорта был действительно переполнен, это указывало бы на уменьшение спроса на импортные товары, что при низких ценах могло бы быть объяснено лишь как результат сокращения отечественного промышленного производства; а это было бы в свою очередь необъяснимо при избыточном ввозе по низким ценам. Сплошные нелепости, цель которых — показать, что падение цен = падению уровня процента. То и другое может существовать рядом в одно и то же время. Но в таком случае это — выражение противоположности направлений, в которых совершается движение промышленного и движение ссужаемого денежного капитала, а не выражение их тождества.

Почему денежный процент, как это утверждает положение ³⁾, должен быть низок, если товары имеются в избытке, опять-таки нельзя усмотреть и после этих дальнейших рассуждений. Раз товары дешевы, то для покупки определенного количества их мне нужно, скажем, 1 000 ф. ст. вместо прежних 2 000. Но, быть может, я и теперь затратчу 2 000 ф. ст., куплю на них двойное по сравнению с прежним количество товаров и расширю мое предприятие, авансировав тот же самый капитал, который мне, допустим, пришлось занять. Я покупаю теперь, как и прежде, на 2 000 ф. ст. Следовательно, мой спрос на денежном рынке остается неизменным, хотя мой спрос на товарном рынке с понижением цен повышается. Но если последний падает, т. е. если производство — в противоречии со всеми законами «Economist'a» — не расширяется с падением товарных цен, то и спрос на ссужаемый денежный капитал должен был бы уменьшиться, хотя прибыль возрастала бы; однако эта возрастающая прибыль создала бы спрос на ссудный капитал. Впрочем, низкий уровень товарных цен может проистекать от трех причин. Во-первых, от недостаточного спроса. Тогда уровень процента низок, потому, что производство ослаблено, а не потому, что товары дешевы, так как эта дешевизна лишь отражает указанное ослабление. Или причиной может послужить избыток предложения по сравнению со спросом. Это может иметь место вследствие переполнения рынков и т. д., ведущего к кризису, и во время самого кризиса может совпадать с высоким уровнем процента, или же это может произойти вследствие того, что упала стоимость товаров и, следовательно, тот же самый спрос может быть удовлетворен по более низким ценам. Почему в этом последнем случае должен падать уровень процента? Потому, что растет прибыль? Если потому, что теперь требуется меньше денежного капитала, чтобы получить тот же самый производительный или товарный капитал, то это доказывало бы лишь, что прибыль и процент стоят в обратном отношении друг к другу. Во всяком случае общее положение «Economist'a» ложно. Низкие денежные цены товаров и низкий уровень процента не обязательно совпадают. В противном случае в наиболее бедных странах, где денежные цены продуктов самые низкие, и уровень процента должен бы быть самым низким, а в наиболее богатых странах, где денежные цены продуктов земледелия самые высокие, и процент должен бы стоять на самом высоком уровне. В общем и «Economist» соглашается, что если падает стоимость денег, то это не оказывает никакого влияния на уровень процента. 100 ф. ст. будут попрежнему давать 105 ф. ст.; если 100 ф. ст. стоят теперь меньше, то меньше стоят и 5 ф. ст. процента. Отношение не изменяется вследствие по-

вышения стоимости или обесценения первоначальной суммы. Определенное количество товаров, рассматриваемое как стоимость, равно известной денежной сумме. Если его стоимость повышается, то оно равно большей денежной сумме; обратное имеет место при понижении стоимости. Если стоимость = 2 000, то 5% = 100; если она = 1 000, то 5% = 50. Но это несколько не изменяет нормы процента. Правильно лишь одно, что требуются более крупные денежные ссуды, когда необходимы 2 000 ф. ст. вместо 1 000 ф. ст. для того, чтобы могло быть продано то же самое количество товаров. Но это обнаруживает в данном случае лишь обратное отношение между прибылью и процентом. Ибо прибыль растет с удешевлением элементов постоянного и переменного капитала, а процент падает. Однако и обратное может иметь и зачастую действительно имеет место. Например, хлопок может быть дешев вследствие того, что нет спроса на пряжу и ткани; он может быть относительно дорог вследствие того, что большая прибыль в хлопчатобумажной промышленности вызывает большой спрос на него. С другой стороны, прибыль промышленников может быть высока именно потому, что цена хлопка низка. Таблица Хэббарда показывает, что движение уровня процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого, в то время как движение процента точно приспособляется к движениям металлического запаса и вексельного курса.

«Следовательно, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок», говорит «Economist». Как раз противоположное наблюдается во время кризисов; товары имеются в избытке, не могут быть превращены в деньги, и потому уровень процента высок; в другой фазе цикла господствует успешный спрос на товары, поэтому облегчен обратный приток капитала, но в то же время товарные цены повышаются, а вследствие легкости обратного притока уровень процента низок. «Если их {товаров} мало, он должен быть высок». Опять-таки как раз обратное происходит в периоды депрессии [Abspannung] вслед за кризисом. Товаров мало — абсолютно, а не по отношению к спросу, — а уровень процента низок.

К положению⁴⁾. Достаточно ясно, что при переполненном рынке владелец товаров уступит их дешевле, — если он вообще в состоянии их продать, — чем в том случае, когда предвидится быстрое истощение наличных запасов товаров. Менее ясно, почему при этом должен понижаться уровень процента.

Если рынок переполнен импортированными товарами, то уровень процента может повышаться вследствие возросшего спроса на ссудный капитал со стороны собственников, не желающих

выбрасывать во что бы то ни стало товары на рынок. Он может понижаться вследствие того, что легкость коммерческого кредита держит на сравнительно низком уровне спрос на банковый кредит.

«Economist» упоминает о быстром воздействии на курс 1847 г., произведенном повышенном процентной ставке и давлением иного рода на денежный рынок. Не следует, однако, забывать, что, несмотря на изменение курса, золото продолжало отливать до конца апреля; поворот наступил здесь лишь в начале мая.

1 января 1847 г. металлический запас банка составлял 15 066 691 ф. ст.; процентная ставка $3\frac{1}{2}$; трехмесячный курс на Париж 25.75; на Гамбург 13.10; на Амстердам $12.3\frac{1}{4}$. 5 марта металлический запас упал до 11 595 535 ф. ст.; учетный процент поднялся до 4; вексельный курс на Париж упал до $25.67\frac{1}{2}$, на Гамбург — до $13.9\frac{1}{4}$, на Амстердам — до $12.2\frac{1}{2}$. Отлив золота продолжался; см. следующую таблицу:

1847 г.	Запас благородных металлов в Английском банке	Денежный рынок	Высший курс трехмесячных векселей		
			Париж	Гамбург	Амстердам
20 марта . .	11 231 630 ф. ст.	Банк. учет 4%	$25.67\frac{1}{2}$	$13.9\frac{3}{4}$	$12.2\frac{1}{2}$
3 апр. . . .	10 246 410 »	» » 5%	25.80	13.10	$12.3\frac{1}{2}$
10 »	9 867 053 »	Деньги очень редки	25.90	$13.10\frac{1}{3}$	$12.4\frac{1}{2}$
17 »	9 329 941 »	Банк. учет $5\frac{1}{2}$ %	$26.02\frac{1}{2}$	$13.10\frac{3}{4}$	$12.5\frac{1}{2}$
24 »	9 213 890 »	Угнетение	26.05	13.13	12.6
1 мая	9 337 716 »	Увеличивающееся угнетение	26.15	$13.12\frac{3}{4}$	$12.6\frac{1}{2}$
8 »	9 588 759 »	Величайшее угнетение	$26.27\frac{1}{2}$	$13.15\frac{1}{2}$	$12.7\frac{3}{4}$

В 1847 г. весь экспорт благородного металла из Англии составлял 8 602 597 ф. ст.

Из этой суммы вывезено в Соединенные Штаты . . .	3 226 411 ф. ст.
» » » » » Францию	2 479 892 »
» » » » » Ганзейские города	958 781 »
» » » » » Голландию	247 743 »

Несмотря на изменение курса в конце марта, еще целый месяц продолжается отлив золота; вероятно, в Соединенные Штаты.

«Здесь мы видим» {говорит «Economist», 1847, стр. 984}, как быстро и решительно повышение процентной ставки и последовавшее за ним стеснение с деньгами исправило неблагоприятный курс и изменило движение золота, так что последнее стало снова приливать в Англию. Это действие было вызвано совершенно независимо от платежного баланса. Повышенный уровень процента понизил курсы ценных бумаг, английских и иностранных, и дал повод к большим закупкам их за счет заграницы. Это увеличило сумму выписанных Англией векселей, между тем как, с другой стороны, при высоком уровне процента трудность добывать деньги была настолько велика, что спрос на эти векселя уменьшился, в то время как их сумма возросла. По той же причине заказы на иностранные товары были аннулированы, английские капиталы, заключавшиеся в иностранных ценных бумагах, были реализованы и деньги были направлены для помещения в Англию. Так, например, мы читаем в «Rio-de-Janeiro Prices Current» от 10 мая: «Вексельный курс {на Англию} испытал новое понижение, вызванное главным образом давлением, оказываемым на рынок спросом на римессы для выручки от значительных продаж государственных фондов {бразильских} за английский счет». Английский капитал, который вкладывался за границей в различные ценные бумаги, когда уровень процента здесь был очень низок, вернулся, таким образом, назад, когда уровень процента повысился.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС АНГЛИИ.

Одна Индия должна уплачивать около 5 млн. дани за «хорошее управление», проценты и дивиденды на британский капитал и т. п., причем здесь еще не приняты во внимание те суммы, которые ежегодно отправляются в Англию с целью помещения их там, частью чиновниками в виде сбережения из их жалованья, частью английскими купцами в виде доли их прибыли. По тем же причинам из каждой британской колонии непрерывно должны поступать значительные переводы денег. Большинство банков в Австралии, Вест-Индии, Канаде основаны на британский капитал, дивиденды должны уплачиваться в Англии. Кроме того, Англия обладает значительным количеством иностранных государственных бумаг — европейских, южно- и североамериканских, по которым она должна получать проценты. К этому присоединяется еще и ее участие в заграничных железных дорогах, каналах, рудниках и т. д. с соответственными дивидендами. Платежи по всем этим статьям производятся почти исключительно в продуктах, сверх суммы английского вывоза.

Суммы, поступающие, с другой стороны, из Англии за границу к владельцам английских ценных бумаг, и суммы, потребляемые англичанами за границей, составляют по сравнению с этим ничтожную величину.

Вопрос этот, поскольку он касается торгового баланса и вексельного курса, есть «в каждый данный момент вопрос времени. Обыкновенно... Англия оказывает долгосрочный кредит за свой вывоз, в то время как ввоз она оплачивает наличными. В известный момент это различие в сроках платежей оказывает значительное влияние на курс. В периоды, когда наш вывоз значительно возрастает, как, например, в 1850 г., должны непрерывно увеличиваться вложения английского капитала... таким образом получения за товары, экспортированные в 1849 г., могут поступать лишь в 1850 г. Но если в 1850 г. вывоз превысил вывоз 1849 г. на 6 млн., то практический результат был тот, что за пределы страны отослано на эту сумму больше денег, чем их возвращено назад в этом году; и таким путем оказывается влияние на вексельный курс и на уровень процента. Но как только наши дела угнетены [deprimirt] кризисом и наш вывоз сильно сокращается, получения за более крупный экспорт предшествующих лет начинают значительно превышать стоимость нашего импорта; курс в соответствии с этим обращается в нашу пользу, капитал быстро накапливается внутри страны и уровень процента падает» («Economist», 11 января 1851 г.).

Заграничный вексельный курс может изменяться

1) под влиянием платежного баланса данного момента, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей или же государственными расходами на ведение войн и т. д., поскольку при этом производятся наличными деньгами платежи за границу.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, металлических лп, бумажных лп. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 фунт стерлингов представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собою разумеется, его примут по $12\frac{1}{2}$ франков вместо 25.

3) Если дело идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве «денег» серебро, другая золото, то вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости обоих металлов, ибо такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами. Примером последнего могут служить курсы 1850 г.; они были неблагоприятны для Англии, хотя ее экспорт чрезвычайно возрос; тем не менее не наблюдалось отлива золота.

Это было результатом внезапного повышения стоимости серебра по сравнению со стоимостью золота. (См. «Economist», 30 ноября 1857 г.)

Паритет вексельного курса за 1 ф. стерлингов: на Париж 25 фр. 20 сант.; на Гамбург 13 марок-банко 10¹/₂ шилл.; на Амстердам 11 флоринов 97 центов. По мере того как вексельный курс на Париж поднимается выше 25.20, он становится все более благоприятным для английского должника Франции или для покупателя французских товаров. И тот и другой нуждаются теперь в меньшем количестве фунтов стерлингов для того, чтобы достигнуть своей цели. — В отдаленных странах, где благородный металл получить не легко, когда векселя редки и их нехватает для производства платежей Англии, естественным следствием является поднятие цен тех продуктов, которые обыкновенно вывозятся в Англию, так как на эти продукты возникает повышенный спрос для отправки их в Англию вместо векселей; это часто имеет место в Индии.

Неблагоприятный вексельный курс и даже отлив золота может иметь место, когда в Англии господствует большой избыток денег, низкий уровень процента и высокие курсы ценных бумаг.

В течение 1848 г. Англия получила большое количество серебра из Индии, так как хорошие векселя были редки, а посредственные брались неохотно вследствие кризиса 1847 г. и сильного упадка кредита в операциях с Индией. Все это серебро тотчас же по прибытии нашло себе дорогу на континент, где революция повсеместно вызвала усиленное образование сокровищ. В 1850 г. это же самое серебро совершало по большей части обратное путешествие в Индию, так как состояние вексельного курса теперь делало это выгодным.

Монетарная система по преимуществу — католическая, кредитная по преимуществу — протестантская система. «The Scotch hate gold» [«Шотландцы ненавидят золото»]. В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь *вера* дает спасенье. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства как в простые олицетворения самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но кредитная система столь же мало освободилась от базиса монетарной системы, как мало протестантизм освободился от основ католицизма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Капитал, приносящий проценты, или, — как мы можем назвать его по его старинной форме, — капитал ростовщический, вместе с своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые издолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших экономических общественных формациях.

Чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары и наряду с товарной торговлей деньги должны развиваться в своих различных функциях.

Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и специально денежноторгового капитала. В древнем Риме, начиная с последних лет республики, когда мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежноторговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития.

Мы видели, каким образом деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ. Однако профессиональный создатель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берет деньги взаймы для того, чтобы при их помощи получать прибыль, применять их как капитал, т. е. затрачивать. Следовательно, и в прежних формах денежный кредитор противостоит ему совершенно так же, как современному капиталисту. Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты. «Университеты Алкалы, Саламанки, Ингольштадта, Фрейбурга в Брейсгау, Майнца, Кёльна и Трира один за другим признали правомерность процентов по торговым займам. Эти санкции со стороны первых пяти университетов были занесены в архивы консулата города Лиона и напечатаны в приложении к «Traité de l'usure et

des intérêts», Lyon, Bruyset-Ponthus) (M. Augier, «Le Crédit public etc.», Paris 1842, стр. 206). Во всех тех формах, в которых рабское хозяйство (не патриархальное, а, как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи) существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда при помощи купли рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты.

Однако характерные формы, в которых ростовщический капитал существует во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, двойки. Я говорю характерные формы. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: *во-первых*, ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; *во-вторых*, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных отдельных производителей, огромное большинство последних должен составлять класс крестьян.

И то и другое, — как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков мелких производителей, приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Как далеко заходит это разложение старого способа производства, как это имело место в современной Европе, и становится ли на его место капиталистический способ производства, — зависит всецело от исторической ступени развития и от данных обстоятельств.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает деньги, то для своих личных нужд, как, например, в ссудной кассе. Но там, где рабочий является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он как производитель находится в

определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала. Ньюмэн выражает этот факт в пошлой форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщика ненавидят и презирают, потому что первый ссужает деньги богатым, второй — бедным (F. W. Newman, «Lectures on Pol. Economy», London 1851, стр. 44). Он не замечает, что между банкиром и ростовщиком лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя, так что вопрос не исчерпывается противоположностью бедного и богатого. В действительности ростовщичество, высасывающее мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщичеством, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

Под формой процента весь избыток сверх необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей впоследствии заработную плату) может быть здесь поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту *этого* процента, отнимающего *всю* прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент — по крайней мере нормальный — образует лишь часть этой прибавочной стоимости. При этом забывается, что наемный рабочий производит и отдает капиталисту, на которого он работает, прибыль, процент и земельную ренту, словом, всю прибавочную стоимость. Кэри делает это бессмысленное сравнение, чтобы показать, насколько выгодно для рабочего развитие капитала и сопровождающее его падение нормы процента. Далее, если ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочной стоимости из своей жертвы, мало-помалу приобретает титул собственности на самые условия его труда — на землю, дом и т. д. — и постоянно занят тем, чтобы его так экспроприировать, то не следует забывать, что полная экспроприация у рабочего условий его труда является не результатом, к которому стремится капиталистический способ производства, а готовой предпосылкой, из которой он исходит. Раб наемного труда, совершенно так же, как и настоящий раб, самым своим положением поставлен в условия, исключющие для него — по крайней мере в качестве производителя — возможность сделаться рабом заимодавца; он может сделаться им разве только в качестве

потребителя. Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает это злополучное состояние, при котором общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда.

Итак, с одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, коротко говоря, все формы, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства. При развитом капиталистическом способе производства рабочий не является собственником условий производства — поля, которое он возделывает, сырого материала, который он обрабатывает, и т. д. Но этому отчуждению условий производства от производителя отвечает в данном случае действительный переворот в самом способе производства. Разъединенные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, тесно связанных между собой [ineinander greifender] функций; рабочий инструмент превращается в машину. Самый способ производства не допускает уже этого, связанного с мелкою собственностью раздробления орудий производства, точно так же, как и изолированности самих рабочих. В капиталистическом производстве ростовщичество уже не может отделять условия производства от производителя, так как они уже разъединены.

Ростовщичество централизует денежное имущество там, где средства производства раздроблены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время базисом политических отношений, самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего. Обремененный долгами рабовладелец или феодальный сеньёр высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают. Или же он, в конце концов, уступает свое место ростовщику, который сам становится землевладельцем или рабовладельцем, как всадники древнего Рима. На место старого эксплуататора, эксплуатация которого носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, выступает жестокий, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь тем, что оно разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, совидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал.

В средние века ни в одной стране не устанавливалось общего размера процента. Церковь воспрещала вообще всякие сделки, приносящие процент. Законы и суды лишь в недостаточной мере обеспечивали долги. Тем выше была норма процента в отдельных случаях. Ничтожное денежное обращение, необходимость производить большинство платежей наличными деньгами принуждали к денежным займам, и притом тем больше, чем слабее было развито вексельное дело. Господствовало большое разнообразие как в размере процента, так и в самом понятии ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось лихоимством, если кто-либо взимал 100%. В Линдау, у Боденского озера местные граждане взимали в 1348 г. $216\frac{2}{3}\%$. В Цюрихе Совет установил $43\frac{1}{3}\%$ как законный процент. В Италии приходилось временами уплачивать 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная норма не превышала 20%. Верона установила $12\frac{1}{2}\%$ как законный процент. Император Фридрих II установил 10%,

но только для евреев. Христиан он не хотел касаться. 10% были обычной нормой уже в XIII веке в немецких землях по Рейну (Hüllmann, «Geschichte des Städtewesens», II, стр. 55—57).

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в пределах буржуазной экономики в отсталых отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, например, сравнить английский размер процента с индийским, то нам следовало бы взять для этого не процентную ставку Английского банка, а, например, тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности те, кто ссужает им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству ростовщичество исторически важно тем, что оно само есть процесс возникновения капитала. Ростовщический капитал и купеческое имущество служат образованию денежной собственности, независимой от собственности земельной. Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым, всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается образование сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровища, деньги именно в форме средства платежа выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал. Чего расточительное и развращающее богатство хочет, это денег как денег, денег как средства все купить. (А также платить долги.) Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. (Превращение натуральных повинностей и оброков, идущих в пользу землевладельца [an Grundherrn] и государства, в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль.) В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны — образование сокровищ становится реальным, осуществляет свою мечту лишь в ростовщичестве. От собственника сокровища требуют не капитала, а денег как денег; однако благодаря проценту он превращает для себя это денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинальные последние и

продолжают противостоять ему как чужая собственность. Ростовщичество живет как бы в пѣрах производства, подобно тому как боги Эпикура жили в междумировом пространстве. Деньги получить тем труднее, чем менее товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ, кроме дееспособности [Leistungsfähigkeit] или способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелкокрестьянском и мелкобуржуазном производстве деньги нужны в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-нибудь чрезвычайных потрясений условия производства утрачиваются рабочим (который при этих способах производства обыкновенно является еще их собственником) или, по меньшей мере, не могут быть возмещены обычным ходом воспроизводства. Жизненные средства и сырые материалы образуют главную часть этих условий производства. Вздорожание их может привести к невозможности возместить их из выручки за продукт, простой неурожай может мешать крестьянину возместить семена *in natura* [в натуре]. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, истощение или потеря условий воспроизводства являются при этом преобладающей формой), — наполняли амбары и кладовые патрициев добычею в виде меди — тогдашних денег. Вместо того чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, хлеб, лошадей, рогатый скот, они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников — рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В Римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы поворотные пункты в общем. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию и представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.

Однако собственной, широкой и своеобразной ареной ростовщичества является функция денег как средства платежа. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — аренда, подати, налоги и т. п., сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен древнего Рима и до нашего времени в широком масштабе присоединяется к функции откупщиков, *fermiers généraux*, *receveurs généraux* [генеральных откупщиков, генеральных сборщиков]. Затем с развитием торговли и всеобщего характера товарного производства развивается разделение во времени покупок и платежей. Деньги необходимо доставить к определенному сроку. Современные денежные кризисы доказывают, что это может создать такие условия, при которых еще в наше время денежный капиталист и ростовщик сливаются вместе. Но то же самое ростовщичество становится главным средством дальнейшего развития потребности в деньгах как средстве платежа; все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных средств платежа, так как для него из-за тяжести одних только процентов становится невозможным регулярное воспроизводство. Здесь ростовщичество прорывается из денег как средства платежа и расширяет эту функцию, являющуюся его настоящей ареной.

Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям капиталистического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда ставило ему прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, поскольку дело идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; когда займы берут из личной нужды, как, например, в ссудной кассе; когда ведущие веселую жизнь богачи получают займы для расточительства; или когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и т. д., следовательно, является еще в качестве

непосредственного производителя владельцем своих собственных условий производства; наконец, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже в том случае, когда в качестве промышленника или купца получает кредит человек без состояния, это имеет место лишь в надежде, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи занятого им капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без состояния, но с энергией, солидной репутацией, способностями и знанием дела может таким образом превратиться в капиталиста, — ведь при капиталистическом способе производства торговая оценка каждого производится более или менее правильно, — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению все новых и новых авантюристов, весьма нежелательных для наличных отдельных представителей капитала, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из общественных низов. Совершенно так же, как в средние века тот факт, что католическая церковь строила свою иерархию из лучших голов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состоятельность, был главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.

Вместо того чтобы предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Мы не говорим здесь о реакции против ростовщичества, которая стремилась защитить от него бедняков, как это делали, например, *Monts-de-piété* [ссудные кассы] (в 1350 г. в Сарлене во Франш-Конте, позднее, в 1400 и 1479 гг., в Перуджии и Савоне в Италии). Эти учреждения замечательны лишь потому, что в них обнаружилась та ирония истории, которая превращает благие намерения при их реализации в прямую противоположность. Английский рабочий класс

уплачивает по умеренной оценке 100% ссудным кассам, этим потомкам *Monts-de-piété*²¹. Мы точно так же не говорим о кредитных фантазиях какого-нибудь доктора Хью Чемберлена или Джона Бриско, которые в последние десятилетия XVII века хотели избавить английскую аристократию от ростовщичества при посредстве земельного банка с бумажными деньгами, обеспеченными земельной собственностью²².

Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городах-республиках, представляли в то же время учреждения публичного кредита, из которых государство получало ссуды под имеющиеся поступить налоги, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободить от них самих себя²³; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и

²¹ «Процент, взимаемый ссудными кассами, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 разрешенных ссудных касс и в провинции приблизительно 1 450. Вложенный ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 млн. Он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз 33½%; таким образом низшие классы Англии ежегодно уплачивают 100% за временную ссуду в 1 млн., не считая потери гешей, не выкупленных в срок» (J. D. Tuckett, «A History of the Past and Present State of the Labouring Population», London 1846, I, стр. 114).

²² Даже в заглавиях своих трудов они указывали как на главную свою цель «на общее благосостояние землевладельцев, большое повышение стоимости землевладения, освобождение знати, мелкого дворянства и т. п. от налогов, увеличение их годового дохода» и т. д. Потерпели бы, по их словам, только ростовщики, эти худшие враги нации, причинившие дворянству и *yeomanry* [независимому крестьянству] больше вреда, чем это могло бы сделать нашествие французской армии.

²³ «Так, например, еще Карл II английский должен был уплачивать «золотых дел мастерам» (предшественникам банкиров) огромные ростовщические проценты и лаж, 20—30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения всякую разрешенную парламентом денежную ассигновку, как только она будет сделана, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог *bills* [векселей], *orders* [ассигновок] и *tallies* [налоговых документов], так что фактически все госу-

прочнее подчинить себе государство. Поэтому-то, когда проектировалось основание Английского банка, тории возражали: «Банки — учреждения республиканские. Процветающие банки существуют в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге. Но кто слышал когда-либо о банке французском или испанском?»

Банк в Амстердаме, основанный в 1609 г., так же мало, как и банк в Гамбурге (1619 г.), знаменует новую эпоху в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Боны, выпускавшиеся банком, были в действительности лишь расписками в получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной надписью их владельца. Однако в Голландии вместе с торговлей и мануфактурой развились коммерческий кредит и торговля деньгами, и капитал, приносящий проценты, самым ходом развития был подчинен промышленному и торговому капиталу. Это обнаруживалось уже в низком размере процента. Но Голландия в XVII веке считалась, подобно теперешней Англии, страной наиболее передовой в смысле экономического развития. Монополия старомодного ростовщичества, базировавшегося на бедности, исчезла там сама собою.

В течение всего XVIII века громко раздаются голоса, — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения уровня процента с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным запевалой был сэр Джозай Чайльд, отец нормального частного банкирского дела в Англии. Он раздражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том же духе, в каком крупная конфекционная фирма Мозес и сын рекламирует себя как борца с монополией «частных портных». Этот же Джозай Чайльд является в то же время отцом английских stockjobber'ов [торговцев ценными бумагами]. Так, например, он, самодержец Ост-индской компании, защищает ее монополию во имя свободы торговли. Против Томаса Мэнли («Interest of Money mistaken») он пишет: «В качестве передового борца за интересы трусливой и дрожащей банды ростовщиков он сооружает свою главную батарею как раз в том пункте, который я признал

дарственные доходы проходили через их руки» (John Francis, «History of the Bank of England», London 1848, I, стр. 31). «Учреждение банка уже раньше предлагалось несколько раз. Наконец, оно стало необходимым» (там же, стр. 38). «Банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуатируемому ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских ассигновок» (там же, стр. 59, 60).

самым слабым... он прямо отрицает, что низкий уровень процента есть причина богатства, и уверяет, что он есть лишь следствие последнего» («Traité sur le Commerce etc.» 1669. Trad. Amsterdam et Berlin 1754). «Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если понижение процента увеличивает торговлю, то понижение процента или ограничение ростовщичества есть, без сомнения, главная плодотворная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что в одно и то же время одна и та же вещь может при известных условиях быть причиной, при других условиях — следствием» (там же, стр. 155). «Яйцо есть причина курицы и курица есть причина яйца. Снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента» (там же, стр. 156). «Я защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (стр. 179).

Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банкового дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самую монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII века во всех английских сочинениях о банковом деле мы найдем такие же, как и у Чайльда, нападки на ростовщичество, требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. Наряду с этим — колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита, демополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т. п. Шотландец Вильям Патерсон, основатель Английского банка и Шотландского банка, имеет несомненное право на титул Ло-Первый.

Против Английского банка «все золотых дел мастера и закладчики подняли яростный вой» (Macaulay, «History of England», IV, стр. 499). — «В течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... золотых дел мастера (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банкового дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции

с правительством перешли в руки этого их противника» (J. Francis, цит. соч., стр. 73).

Еще ранее учреждения Английского банка, в 1683 г., возник план национального кредитного банка, цель которого между прочим заключалась в том, «чтобы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка отдавать свои товары на хранение и получать кредит под свои лежащие без движения запасы, могли давать занятия своим служащим и расширять свои предприятия, пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с убытком». После долгих хлопот этот Bank of Credit [кредитный банк] был наконец открыт в Devonshire House на Bishops-gate Street. Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями под обеспечение заложенных товаров до $\frac{3}{4}$ стоимости этих последних. Чтобы обеспечить таким векселям обращение, в каждой отрасли предприятий известное число лиц объединялось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же легко, как если бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик.

Всматриваясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших формирование современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, как одно из его условий, капитал, приносящий проценты, и всякие ссужаемые средства производства вообще. Если же обратить внимание лишь на внешнюю фразу, то сходство, вплоть до отдельных выражений, с банковыми и кредитными иллюзиями сен-симонистов зачастую поразительно.

Совершенно так же, как у физиократов cultivateur [земледелец] означает не действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников travailleur [рабочий] означает не рабочего, а промышленного и торгового капиталиста. «Travailleur нуждается в помощниках, в сотрудниках, в *рабочих* [*d'ouvriers*]; он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он их ставит на работу, и труд их производителен» («Religion saint-simonienne. Economie politique et Politique», Paris 1831, стр. 104). Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют лишь прославление современного буржу-

азного общества в противоположность феодальному, или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам. Какая разница с относящимися к тому же времени сочинениями Оуэна!²⁴ И у последователей Сен-Симона, как показывает только что цитированное место, промышленный капиталист остается *travailleur par excellence* [работником по преимуществу]. Критически прочтя их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковых грез явился основанный экс-сенсимонистом Эмилем Перейрой *Crédit mobilier* *, — форма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не развились еще до современного уровня. В Англии или Америке ничто подобное не было бы возможно. — В следующих местах «*Doctrine de St.-Simon. Exposition. Première année 1828—1829*». 3e éd., Paris 1831 находится уже зародыш *Crédit mobilier*. Очевидно, что банкир может оказывать более дешевый кредит, чем капиталист или частный ростовщик. Следовательно, эти банкиры «могут доставлять промышленникам орудия значительно дешевле, т. е. за *более низкие проценты*, чем это могли бы сделать земельные собственники и капиталисты, которым легче ошибиться в выборе заемщика» (стр. 202). Но сами авторы добавляют в примечании: «Выгода, которая должна получиться вследствие посредничества банкира между праздными и *travailleurs*, зачастую уравнивается и даже уничтожается благодаря тому, что наше дезорганизованное общество доставляет эгоизму такую

²⁴ При переработке рукописи Маркс, несомненно, сильно изменил бы это место. Оно навеяно ролью экс-сенсимонистов при Второй империи во Франции, где — как раз в то время, когда Маркс писал эти строки, — кредитные фантазии этой школы, долженствующие спасти мир, реализовались по исторической иронии в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс говорил лишь с удивлением о гении и энциклопедической голове Сен-Симона. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и едва нарождавшимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к *travailleurs*, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте видел дальше, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, среди промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей. — Ф. Э.

* См. статью К. Маркса: «*Crédit mobilier*»; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 19—36. *Ред.*

массу удобных случаев проявить себя в различных формах обмана и шарлатанства; банкиры внедряются зачастую между праздными и *travailleurs*, чтобы эксплуатировать тех и других ко вреду общества». «*Travailleur*» стоит здесь вместо «*capitaliste industriel*» [«промышленный капиталист»]. Совершенно неправильно впрочем рассматривать те средства, которыми располагают современные банки, исключительно как средства праздных людей. Во-первых, сюда относится часть капитала, которая в данный момент является свободной и находится в руках промышленников и купцов в денежной форме, как денежный резерв или капитал, еще только ждущий помещения, — это, следовательно, праздный капитал, но не капитал праздных. Во-вторых, сюда же относится та часть всяких вообще доходов и сбережений, которая окончательно или временно предназначена для накопления. И обе эти части существенны для определения характера банковской системы.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей *никогда* не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на общественные средства производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковая система, по своей формальной организации и централизации, как отмечено еще в 1697 г. в сочинении «*Some Thoughts of the Interests of England*», представляет самое искусное и совершенное произведение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения, как Английский банк, над торговлей и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне круга его действия, и он относится к этому движению пассивно. В банковской системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста, или каждого отдельного капитала определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством всего прибавочного труда, присваиваемого всем капиталом, откуда каждый отдельный капитал получает свой дивиденд в количестве пропорциональном той части

всего капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала опосредствуется и осуществляется в полной мере лишь полным развитием кредитной и банковской системы. С другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковое дело изымает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов для кризисов и надувательства.

Далее, банковая система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги в действительности суть не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причем, однако, характер этот, как находящийся в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако, лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм и капитал, приносящий проценты, образуя в действительности базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив

деньги²⁵, был способен создать несусветную фантазию дарового кредита [*crédit gratuit*], эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благопожеланий.

В «*Religion saint-simonienne, Économie et Politique*» мы читаем на стр. 45: «В обществе, где одни владеют орудиями промышленности, не имея ни способностей, ни желания их применять к делу, а другие, трудолюбивые люди не владеют орудиями труда, кредит имеет своей целью перенести возможно более легким способом эти орудия из рук первых, их владельцев, в руки вторых, умеющих применить их к делу. Заметим, что, согласно этому определению, кредит есть следствие того способа, по которому конституирована *собственность*». Следовательно, кредит отпадает вместе с данной конституцией собственности. Далее, стр. 98 гласит: теперешние банки «считают своим назначением следовать тому движению, которое создается предприятиями, функционирующими независимо от них, но отнюдь не стремятся сами давать импульс этому движению; другими словами, банки играют роль капиталистов по отношению к тем *travailleurs*, которым они ссужают капиталы». Мысль, что банки должны взять на себя руководство предприятиями и должны отличаться «многочисленностью и полезностью управляемых ими учреждений и совершаемых по их инициативе работ» (стр. 101), включает уже в себе в скрытом виде *Crédit mobilier*. Шарль Пеккер также требует, чтобы банки (то, что сен-симонисты называют *Système général des banques* [общая система банков]) «управляли производством». Вообще Пеккер по существу сен-симонист, хотя и много радикальнее. Он хочет, чтобы «кредитное учреждение... управляло всем движением национального производства». — «Попробуйте создать национальное кредитное учреждение, которое ссужало бы средствами неимущих людей, обладающих талантами и заслугами, не связывая, однако, принудительно этих заемщиков строгой солидарностью в производстве и потреблении, но, напротив, предоставляя им самим определять свой обмен и свое производство. Этим путем вы достигнете лишь того, что уже теперь достигнуто частными банками: анархии, диспропорции между производством и потреблением, внезапного разорения одних и внезапного обогащения других; таким образом ваше учреждение никогда не пойдет дальше того, чтобы создать для одних сумму благосостояния, равную сумме несчастья, выпадающего на долю других... вы только

²⁵ *Karl Marx*: «*Misère de la Philosophie*», Bruxelles et Paris 1847. [В изд. 1894 г. — «*Philosophie de la Misère*.] — *Karl Marx*: «*Zur Kritik der Polit. Oekonomie*», стр. 64.

дадите наемным рабочим, поддерживаемым вашими ссудами, возможность совершенно таким же образом конкурировать между собою, как это делают теперь их капиталистические хозяева» (Ch. Pécqueur, «Théorie Nouvelle d'Économie Soc. et Pol.», Paris 1842, стр. 434).

Мы уже видели, что купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает, однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала *par excellence* [по преимуществу]. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе. Напротив, в капитале, приносящем проценты, в чистом виде представлен самовоспроизводящий характер капитала, самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как особое мистическое качество. От этого-то и происходит, что даже часть экономистов, особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг еще полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, например, земельную ренту лишь как его видоизменение, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутреннее строение капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земля, как и капитал, ссужается только капиталистам. Вместо денег могут быть, конечно, даны в ссуду средства производства *in natura* [в натуре], например, машины, промышленные здания и т. д. Но они представляют тогда определенную денежную сумму, а если кроме процента уплачивается известная сумма для возмещения снашивания, то это вытекает из потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала. Решающим здесь опять-таки является вопрос, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, по крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, что как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Еще более неуместно и бессмысленно присоединение сюда ссуды домов и т. п. для индивидуального потребления. Что рабочий класс надувают и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный, но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего жизненными средствами. Это вторичная эксплуатация, сопровождающая первоначальную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно

не имеет здесь значения и чисто формальна и, как было уже показано, лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранять, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежное имущество развивается в особый вид имущества, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. Ростовщический капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью.

Поскольку ростовщичество выполняет двойную роль: во-первых, создает вообще наряду с купеческим капиталом самостоятельное денежное имущество, во-вторых, присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала.

ПРОЦЕНТ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

«В средние века население было чисто земледельческим. При таких условиях, как при феодальном режиме, оборот может быть лишь незначительным, а следовательно, лишь незначительной может быть и прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве находили себе оправдание. К тому же в земледельческой стране редко кому приходится брать деньги взаймы, разве если кто-либо впадал в бедность и нужду... Генрих VIII ограничивает процент 10%, Иаков I — 8%, Карл II — 6%, Анна — 5%... В те времена заимодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничить их, как и других монопо-

листов... В наше время норма прибыли регулирует норму процента; тогда норма процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой нормой процента, купец должен был наложить на свои товары более высокую норму прибыли. Таким образом из карманов покупателей извлекалось много денег для того, чтобы перейти в карманы заимодавцев» (Gilbart, «History and Princ. of Banking», стр. 164, 165).

«Мне говорят, что теперь ежегодно на каждой лейпцигской ярмарке * взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто; некоторые прибавляют еще сюда Нейенбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; я не знаю, так ли это. Стыдитесь, куда же к чорту это, в конце концов, приведет?.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40, — это значит пожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1 000 флоринов, то получает ежегодно 400, — это значит пожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10 000, то получает ежегодно 4 000, — это значит пожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100 000, как это случается у богатых купцов, он взимает ежегодно 40 000, — это значит пожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1 000 000, то получает ежегодно 400 000, — это значит пожрать за один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру; ничего не делает, сидит себе за печкой и печет яблоки: и этот смиренный разбойник, сидя в доме, может в десять лет сожрать целый мир». (Цитировано из «Bücher vom Kaufhandel und Wucher», 1524, Сочинения Лютера, Wittenberg 1589, 6 часть.)

«15 лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно забрало такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С того времени оно столь вознеслось, что не хочет уже нигде считаться пороком, грехом и позором, но величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью» («An die Pfarherrn wider den Wucher zu predigen», Wittenberg 1540).

«Еврей, ломбардцы, ростовщики и кровопийцы были нашими первыми банкирами, нашими первоначальными банковыми барыш-

* Имеется в виду заем в 100 гульденов с условием уплаты процентов в три срока на лейпцигских ярмарках. В Лейпциге ежегодно бывали три ярмарки: новогодняя, пасхальная и в день св. Михаила. *Ред.*

никами, их ремесло следует клеймить позором... К ним присоединились затем лондонские золотых дел мастера. В общем... наши первоначальные банкиры представляли... очень дурную компанию, они были жадными ростовщиками, бессердечными кровопийцами» (D. Hardcastle, «Banks and Bankers», 2nd ed., London 1843, стр. 19, 20).

«Показанный Венецией пример (образования банка) быстро нашел таким образом подражателей; все приморские города и вообще все города, составившие себе имя своей независимостью и своей торговлей, основали свои первые банки. Так как возвращения их кораблей приходилось зачастую дожидаться очень долго, то это по необходимости привело к обычаю кредитования, а открытие Америки и торговля с нею еще более усилили этот обычай». (Это главный пункт.) Отправка судов с товарами принуждала делать крупные займы, что имело место уже в древности в Афинах и вообще в Греции. В 1380 г. в ганзейском городе Брюгге уже была страховая палата (M. Augier, цит. соч., стр. 202, 203).

Насколько сильно в последней трети XVII столетия, когда еще не была развита современная кредитная система, даже в Англии преобладали ссуды земельным собственникам, следовательно, вообще представителям потребляющего богатства, видно между прочим из работы сэра Дедли Нора, бывшего не только одним из первых английских купцов, но и одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени: «В нашем народе деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее чем в десятой своей части идут в руки деловых людей, которые могли бы при помощи их вести свои операции: они ссужаются главным образом для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят деньги быстрее, чем приносит им их землевладение; а так как они избегают продавать свои имения, они предпочитают обременять их ипотечными долгами» («Discourses upon Trade», London 1691, стр. 6, 7).

В XVIII веке в Польше: «Варшава производила крупные операции с векселями, что, однако, имело главным образом своей основой и задачей служение ростовщическим интересам варшавских банкиров. Чтобы достать себе деньги, которые они могли бы ссужать расточительной знати из 8 и более процентов, они искали и находили за границей вексельный кредит in Blanco, т. е. кредит, в основе которого не лежало никакой товарной торговли; тем не менее заграничные трассаты терпеливо акцептовали эти векселя до тех пор, пока еще поступали платежи, созданные этими вексельными махинациями. За это они сильно заплатились, когда обан-

критился такой банкир, как Тэппер, и другие варшавские банкиры, пользовавшиеся большим доверием» (J. G. Büsch, «Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung etc.», 3 Aufl., Hamburg 1808, том II, стр. 233).

ВЫГОДЫ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПРОЦЕНТА.

«Взимать проценты церковь запретила; но не запрещала она продавать имущество, чтобы помочь себе в нужде; не запрещала даже отдавать заимодавцу это имущество на определенный срок до уплаты долга, чтобы последний мог иметь в нем свое обеспечение, а также, пользуясь им, мог, пока оно в его руках, получать вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и риа согрога [благочестивые корпорации] извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Благодаря этому такая большая часть национального богатства попала во владение так называемой «мертвой руки», в особенности благодаря тому, что евреи не могли вести ростовничество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (там же, стр. 55).

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ
В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за пределами этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной при помощи капитала, достается собственнику земли. Итак, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как мануфактура, — подчинено капиталистическому способу производства, т. е., что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства и буржуазного общества, что имеются, следовательно, налицо и вполне зрелые его условия, какова свободная конкуренция капиталов, возможность переносить их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, превращенная воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия, которое ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* земель является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его *собственность* на землю является самым выгодным условием, условием процветания *его* способа производства. Если капиталистический способ производства вообще предполагает экспроприацию рабочего от условий труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию сельских рабочих от земли и подчинение их капиталисту, ведущему

земледелие ради прибыли. Следовательно, при нашей постановке вопроса не имеет никакого значения, если, возражая нам, напомним, что существовали и даже еще существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может ударить только тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению определенных отношений производства и обращения, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполон. Итак, мы ограничиваемся исключительно приложением капитала к собственно земледелию, т. е. к производству главного растительного вещества, которым живет население. Мы могли бы сказать: пшеницы, потому что она — главное средство питания современных, капиталистически развитых народов. (Или, вместо земледелия, рудники, потому что законы — те же самые.)

Одна из больших заслуг А. Смита заключается в том, что он показал, каким образом земельная рента капитала, вложенного в производство других сельскохозяйственных продуктов, например льна, красильных трав, в самостоятельное скотоводство и т. д., определяется той земельной рентой, которую приносит капитал, вложенный в производство главных пищевых средств. В самом деле, после него в этом отношении не было сделано ни одного шага вперед. Все, что мы могли бы напомнить для ограничения или дополнения, относится не сюда, а к самостоятельному рассмотрению земельной собственности. Что же касается земельной собственности, не имеющей отношения к той земле, которая предназначена для производства пшеницы, то мы не будем поэтому говорить о ней *ex professo* [по всем правилам, исчерпывающе], но иногда будем привлекать ее лишь для иллюстрации.

Для полноты следует заметить, что здесь под землей разумеется и вода и т. п., поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли, с устранением всех других²⁶.

²⁶ Ничего не может быть комичнее учения Гегеля о частной земельной собственности. Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу внешней природы, и потому должен взять во владение эту при-

При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическую ценность, т. е. использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть употреблять части земного шара и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. Употребление всецело зависит от экономических условий, не зависящих от воли этих лиц. Самое юридическое представление не означает ничего больше, как только то, что земельный собственник может поступать с землей подобно тому, как всякий владелец товара — со своим товаром; и это представление — юридическое представление о свободной частной земельной собствен-

роду как свою частную собственность. Если таково определение «личности», — человека как личности, — то отсюда следовало бы, что каждый человек должен быть земельным собственником, чтобы осуществить себя как личность. Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — есть, по Гегелю, не определенное общественное отношение, но отношение человека как личности к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей (Hegel, «Philosophie des Rechts», Berlin 1840, стр. 79 [см. Гегель, «Философия права»; Соч., т. VII, стр. 71]). Ясно во всяком случае, что отдельная личность посредством одной только своей «воли» не может утвердить себя как собственника, вопреки чужой воле, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где полагает «личность» границу осуществления своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране, или, быть может, необходима целая куча стран, чтобы путем присвоения их «манифестировать верховность моей воли по отношению к вещам». Здесь Гегель попадает в совершенный тупик. «Акт овладения носит вполне единичный характер; я овладеваю лишь тем, чего я могу коснуться своим телом, но, с другой стороны, внешние предметы простираются далее того, что я в состоянии охватить. Когда я владею чем-либо, всегда имеется что-либо другое, соединенное с предметом моего владения. Я осуществляю акт овладения при помощи руки, но пределы досягания последней могут быть расширены» (стр. 90 [см. русс. пер. стр. 80]). Но с этим другим всегда находится в соединении еще что-нибудь другое, и таким образом исчезают пределы, в которых моя воля, как душа, должна излиться в землю. «Если я обладаю чем-нибудь, то рассудок тотчас делает дальнейший вывод, что не только непосредственно находящееся в моем владении, но и все связанное с ним — мое. Здесь должно сделать свои постановления положительное право, так как из понятия нельзя ничего больше вывести» (стр. 91 [см. русс. пер. стр. 80]). Это — в высшей степени наивное признание со стороны «понятия»; оно доказывает, что понятие, которое уже с самого начала заблуждается, считая абсолютным вполне определенное и принадлежащее буржуазному обществу юридическое представление о земельной собственности, вообще «ничего» не понимает в действительном характере этой земельной собственности. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, т. е. экономического, развития «положительное право» может и должно изменять свои постановления.

ности появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства. В Азию оно лишь в некоторые места импортировано европейцами. В отделе о первоначальном накоплении (кн. I, гл. XXIV)* мы видели, что этот способ производства предполагает, с одной стороны, освобождение непосредственного производителя от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию массы народа от земли. Именно постольку монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме. Но та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной [Markgemeinschaft] превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству, занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно при условии частной земельной собственности²⁷; что он, с одной стороны, совершенно отделяет

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. XXIV; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. XXIV. *Ред.*

²⁷ Совершенно консервативные агрикультур-химики, как, например, Джонстон, признают, что действительно рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, полагаемые частной собственностью. То же признают и писатели, являющиеся защитниками *ex professo* [по специальности] монополии частной собственности на земной шар, как, например, г. Шарль Конт в двухтомной работе, имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. «Никакой народ, — говорит он, — не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить широкое развитие его богатств, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение каждым отдельным участком его территории и добилась того, чтобы каждый участок служил для преуспеяния всех остальных. Но существование такой воли...

землевладение от отношений господства и рабства, а, с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от землевладения и от землевладельца, для которого она не означает ничего больше, кроме определенного денежного налога, взимаемого им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность лежит в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, коротко говоря, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретические защитники, как мы увидим позже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, — с другой стороны, сведение к абсурду земельной собственности, таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Как и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту ценой полного обнищания непосредственных производителей.

Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть, такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую область эксплуатации для капитала, как

оказалось бы несовместимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленной всякому владельцу возможностью почти абсолютно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом». — Джонстон, Конт и др., встречаясь с противоречием собственности и рациональной агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю известной страны как одно целое. Но и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду, противоречат агрикультуре, которая должна обеспечить совокупность постоянных жизненных условий сменяющихся человеческих поколений. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях иногда ведется до известной степени в соответствии с общественным интересом, когда леса не составляют частной собственности, а подчинены государственному управлению.

приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, например, ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает земельному собственнику, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных ловель, лесов и т. д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, доставляет стоимость. Далее, мы имеем здесь перед собою все три класса, которые в совокупности и противопоставляясь друг другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Капитал может быть фиксирован в земле, присоединен к ней, частью на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, удобрениях и т. д., частью на более продолжительный, как в случае с осушительными каналами, оросительными сооружениями, нивелировкой, хозяйственными постройками и т. д. В другом месте я назвал капитал, присоединяемый таким образом к земле, *la terre-capital* [земля-капитал]²⁸. Он относится к категории основного капитала. Процент за вложенный в землю капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в орудии производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли²⁹, но не это образует собственно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в естественном состоянии или культивирована. При систематическом изучении земельной собственности,

²⁸ «*Misère de la Philosophie*», стр. 165 [см. *К. Маркс: «Нищета философии»*, Огиз, 1941, стр. 140]. Там я провожу различие между *terre-matière* [земля-материя] и *terre-capital* [земля-капитал]. «Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи, т. е. пространства земли... Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал... Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы».

²⁹ Я говорю «может», потому что при известных обстоятельствах этот процент регулируется законом земельной ренты и потому, как при конкуренции новых земель, обладающих большим естественным плодородием, может исчезнуть.

что не входит в наш план, эту часть дохода земельного собственника нужно было бы рассмотреть подробно. Здесь же достаточно нескольких слов об этом предмете. Более краткосрочные затраты капитала, сопряженные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание вообще, если только оно ведется до некоторой степени рационально, т. е. не сводится к грубому истощению почвы, как было, например, у прежних американских рабовладельцев — против чего, однако, господа земельные собственники по контракту обеспечивают себя, — эти затраты улучшают почву³⁰, увеличивают количество ее продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами. И основные капиталы, присоединяемые к земле на более долгий срок, используемые в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачиваются также фермером. Когда же истекает определенный договором срок аренды, — и это одна из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды, — тогда произведенные в земле улучшения достаются владельцу земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли. При заключении нового договора об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, присоединенный к земле, — безразлично, сдает ли он теперь землю тому фермеру, который произвел улучшения, или какому-либо другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется ее цена, — теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продает не просто землю, но улучшенную землю, присоединенный к земле капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — возрастающего с ходом экономического развития обогащения земельных собственников, постоянного разбухания их рент и возрастания денежной стоимости их земель. Так они кладут в свой карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их стороны, — *fruges consumere nati* [рожденные для потребления плодов]. Но в то же время это — одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер

³⁰ См. Джеймс Андерсон и Кэри.

побегают всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство именно как на такую помеху жалуются снова и снова: в прошлом веке Джеймс Андерсон, собственно открывший современную теорию ренты и в то же время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном, а в наши дни — противники современного строя земельной собственности в Англии.

А. А. Уолтон в «History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland», London 1865, так говорит об этом (стр. 96, 97): «Все усилия многочисленных сельскохозяйственных учреждений в нашей стране не могут привести к значительным или действительно заметным результатам в отношении настоящего прогресса в области улучшенной обработки земли, пока такие улучшения в гораздо большей степени увеличивают стоимость земельной собственности и размер ренты землевладельца, чем улучшают положение фермера или сельского рабочего. В общем фермеры несколько не хуже землевладельца, его управляющего или даже президента сельскохозяйственного общества знают, что хороший дренаж, обильное удобрение и хорошее хозяйствование вместе с увеличенным применением труда для основательной расчистки и обработки земли дадут чудные результаты как в отношении улучшения почвы, так и в отношении увеличения производства. Но все это требует значительных затрат, и фермеры не менее хорошо знают, что, как бы ни улучшили они землю и ни повысили ее стоимость, с течением времени землевладельцы пожнут от этого главную выгоду в повышенной ренте и возросшей цене земли... Фермеры достаточно понятливы, чтобы заметить, что те ораторы {землевладельцы и их управляющие на сельскохозяйственных торжествах} странным образом всегда забывают сказать им, что львиная доля всех улучшений, сделанных фермером, всегда должна, в конце концов, попадать в карман землевладельца. Как бы прежний арендатор ни улучшил арендованную землю, его преемник каждый раз откроет, что землевладелец повысит ренту соответственно повышенной стоимости земли, созданному прежними улучшениями.

В собственно земледелии этот процесс проявляется еще не так ясно, как при пользовании землей в качестве строительного участка. В Англии подавляющая часть земли под постройки не продается как freehold [в собственность], а сдается земельными собственниками на 99 лет или, если возможно, и на более короткий срок. По истечении этого срока постройки вместе с самой землей достаются землевладельцу. «Они {арендаторы} обязуются, после того как они все

время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока контракта передать крупному землевладельцу дом в хорошем, удобном для жилья состоянии. Едва истекает срок договора об аренде, как приходит агент или инспектор землевладельца, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к владениям своего лэндлорда. Факт тот, что, если полное действие этой системы будет допущено еще на продолжительное время, все домовладение в королевстве, точно так же как сельское землевладение, окажется в руках крупных землевладельцев. Почти весь Вест-энд Лондона, к северу и югу от Temple Bar, принадлежит примерно полдюжине крупных землевладельцев, сдается в аренду, принося огромную земельную ренту, и там, где сроки договоров еще не вполне истекли, они быстро истекают один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения наших приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных землевладельцев-левиафанов» (там же, стр. 93). При таких обстоятельствах очевидно, что если перепись 1861 г. для Англии и Уэльса при общей цифре населения в 20 066 224 определяет число домовладельцев в 36 032, то отношение числа собственников к числу домов и цифре населения получило бы совершенно иной вид, если бы крупные собственники были указаны особо от мелких.

Этот пример собственности на постройки важен 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на присоединенный к земле основной капитал, — процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на постройки, как и на капитал, вкладываемый при земледелии арендатором в землю, достается промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определенные сроки, за пользование землей. 2) Потому что он показывает, как вместе с землей, в конце концов, достается землевладельцу и присоединенный к ней чужой капитал, и вследствие этого его рента увеличивается процентом.

Некоторые писатели, отчасти как защитники земельной собственности против нападок буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», как, например, Кэри, старались

представить, будто земельная рента, специфическое экономическое выражение земельной собственности, тождественна с процентом. Тем самым была бы изглажена противоположность между земельными собственниками и капиталистами. Обратный метод применялся при начале капиталистического производства. Тогда для ходячего представления земельная собственность была еще первичной и почтенной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дедли Норс, Локк и др. изображали процент на капитал как форму аналогичную земельной ренте, — совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента. — Указанные новейшие писатели, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на присоединенный к земле капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает еще даром и чужой капитал в придачу. Оправдание земельной собственности, — как и всяких других форм собственности соответствующих определенному способу производства, — заключается в том, что самый способ производства, а следовательно, и вытекающие из него отношения производства и обмена, представляют историческую преходящую необходимость. Впрочем, как мы увидим впоследствии, земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства.

Земельная рента может смешиваться с процентом еще в одной форме, и благодаря этому ее специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение в определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли. Мы видели, как всякий определенный денежный доход может капитализироваться, т. е. рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, например, средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4 000 ф. ст. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость земли, категорию, которая *prima facie* подобно цене труда иррациональна, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости. Но, с другой стороны, за этой иррациональной формой скрывается действительное производственное отношение. Если капиталист

покупает за 4 000 ф. ст. землю, приносящую годовую ренту в 200 ф. ст., то он получает средний годовой процент в 5% — совершенно так же, как если бы он вложил этот капитал в процентные бумаги или прямо отдал его в ссуду из 5%. Это — увеличение стоимости капитала в 4 000 ф. ст. из 5%. При таком предположении в 20 лет он возместил бы покупную цену своего имения доходами с последнего. Поэтому в Англии покупная цена земель исчисляется по известному числу *years' purchase* [докупаемых годовых доходов], что есть лишь иное выражение капитализации земельной ренты. В самом деле, это покупная цена — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — исчисленная в соответствии с обычной процентной ставкой. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой.

Из этого следует, что, предполагая земельную ренту как постоянную величину, цена земли может повышаться и понижаться в обратном направлении с повышением и понижением уровня процента. Если бы обычная процентная ставка понизилась с 5 до 4%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. представляла бы годовой прирост стоимости капитала уже не в 4 000 ф. ст., а в 5 000 ф. ст., и таким образом цена того же участка земли повысилась бы с 4 000 до 5 000 ф. ст. или с 20 *years' purchase* до 25. В противоположном случае произошло бы обратное. Это — независимое от движения самой земельной ренты и регулируемое лишь уровнем процента движение цены земли. Но так как вы видели, что в ходе общественного развития норма прибыли, а вместе с ней и уровень процента, поскольку он регулируется нормой прибыли, имеет тенденцию понижаться; что, далее, даже оставляя в стороне норму прибыли, уровень процента имеет тенденцию понижаться вследствие роста ссужаемого денежного капитала, — то из этого следует, что цена земли имеет тенденцию повышаться и независимо от движения земельной ренты и цены земельных продуктов, часть которой составляет рента.

Смещение самой земельной ренты с той формой процента, которую она принимает для покупателя земли, — смещение, основанное на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к удивительнейшим ложным заключениям. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почетной формой собственности, а купля земельной собственности — особо верным помещением капитала, то процентная ставка, на основе которой покупается земельная рента, держится обыкновенно ниже,

чем при других способах помещения капитала, рассчитанных на сравнительно долгое время, так что, например, покупатель земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при другом способе помещения 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других областях вложения капитала. Г-н Тьер в своей вообще совершенно дрянной работе о *La Propriété* (оттиске его речи против Прудона, произнесенной в 1849 г. во французском Национальном собрании) делает из этого тот вывод, что земельная рента низка, между тем как это только доказывает, что покупная цена ее высока.

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли, или стоимость земли, и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, служит для некоторых апологетов основанием для оправдания земельной собственности, так как покупатель платил за нее, как и за всякий другой товар, эквивалент, и большая часть земельной собственности перешла таким способом из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служит бы оправданием и для рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выручка от рабского труда представляет лишь процент на капитал, затраченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования — это значит оправдывать ее существование ее существованием.

Как ни важно для научного анализа земельной ренты, — т. е. самостоятельной специфической экономической формы земельной собственности на основе капиталистического способа производства, — как ни важно изучить ее в чистом виде, свободной от всех фальсифицирующих и затушевывающих ее примесей, не менее важно, с другой стороны, для понимания практических следствий земельной собственности и даже для теоретического познания массы фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты и, однако, выступают как формы существования земельной ренты, — не менее важно познакомиться с элементами, которые приводят к этим затемнениям теории.

Все, что фермер платит земельному собственнику в форме арендных денег за разрешение возделывать землю, выступает, конечно, практически как земельная рента. Из каких бы составных частей ни складывалась эта дань, из каких бы источников она ни происходила, для нее с собственно земельной рентой обще то, что монополия на часть земного шара дает так называемому земельному собственнику

силу взимать дань, налагать контрибуцию. Для нее с собственно земельной рентой обще то, что она определяет земельную цену, которая, как показано выше, есть не что иное, как капитализированный доход от сдачи земли в аренду.

Мы уже видели, что процент на присоединенный к земле капитал может образовать такую инородную составную часть земельной ренты, составную часть, которая с ходом экономического развития необходимо образует постоянно возрастающий прирост к общей сумме рент данной страны. Но даже оставляя этот процент в стороне, возможно, что в арендных деньгах частично, а в известных случаях исключительно, — при полном, следовательно, отсутствии собственно земельной ренты, когда земля поэтому в действительности ничего не стоит, — скрывается вычет из средней ли прибыли, из нормальной ли заработной платы, или из той и другой одновременно. Эта часть — прибыли или заработной платы — выступает здесь в образе земельной ренты, потому что она не достается, как это бывает в нормальных случаях, промышленному капиталисту или наемному рабочему, а уплачивается в форме арендных денег земельному собственнику. Ни та, ни другая часть не образует земельной ренты в экономическом смысле этого слова: но практически она образует доход земельного собственника, экономическое использование его монополии, совершенно так же, как действительная земельная рента, и точно так же, как последняя определяющим образом влияет на цену земли.

Мы не говорим здесь о таких отношениях, когда формально существует земельная рента, это соответствующее капиталистическому способу производства выражение земельной собственности, но когда нет самого капиталистического способа производства, когда сам фермер не является промышленным капиталистом и характер его хозяйствования не является капиталистическим. Таково, например, положение в *Ирландии*. Фермер здесь в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т. е. его собственного прибавочного труда, на который он имеет право как владелец своих собственных орудий труда, но и часть нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда. Кроме того земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует у арендатора его маленький капитал, присоединенный им к земле по большей части собственным трудом, — точно так же, как сделал бы ростовщик при аналогичных условиях. Но ростовщик рискует при подобных операциях, по крайней мере, своим

собственным капиталом. Такое постоянное ограбление составляет предмет раздора из-за ирландского земельного законодательства, которое главным образом сводится к тому, чтобы заставить земельного собственника, отказывающегося арендатору, компенсировать последнего за произведенные им улучшения почвы или за присоединенный к земле капитал. Пальмерстон обыкновенно давал на это циничный ответ: «Палата общин — палата земельных собственников».

Мы не говорим также о тех исключительных отношениях, когда даже в странах капиталистического производства земельный собственник может выжимать высокую арендную плату, которая не стоит ни в каком соответствии с продуктом земли, примером чего может служить в английских промышленных округах сдача мелких клочков земли в аренду фабричным рабочим под маленькие садики или для любительского земледелия в часы досуга («Reports of Inspectors of Factories»).

Мы говорим о земледельческой ренте в странах развитого капиталистического производства. Например, среди английских фермеров имеется известное количество мелких капиталистов, которые в силу воспитания, образования, традиции, конкуренции и других обстоятельств предназначены и вынуждены к тому, чтобы в качестве фермеров применять свой капитал к земледелию. Они вынуждены довольствоваться прибылью меньшей, чем средняя, и отдавать часть ее в форме ренты собственнику земли. Только при этом условии им разрешается вкладывать свой капитал в почву, в земледелие. Так как земельные собственники повсюду оказывают значительное, в Англии даже преобладающее влияние на законодательство, то это влияние может быть использовано для того, чтобы обирать целый класс фермеров. Правда, например, хлебные законы 1815 г., налог на хлеб, наложенный на страну откровенно с той целью, чтобы обеспечить для праздных земельных собственников дальнейшее существование рент, непомерно возросших во время антиякобинской войны, — оказали, если не считать отдельных исключительно урожайных годов, то действие, что поддерживали цены сельскохозяйственных продуктов выше уровня, до которого они упали бы при свободном ввозе хлеба. Однако они не достигли такого результата, чтобы удержать высокий уровень цен, которые были декретированы землевладельцами-законодателями в качестве нормальных таким образом, что они составляли законный предел для ввоза иностранного хлеба. Между тем арендные договоры заключались под впечатлением этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон с новыми нормальными ценами, которые,

однако, были столь же бессильным выражением алчной землевладельческой фантазии, как и старые. Таким способом фермеров обманывали с 1815 до 30-х годов. Отсюда *agricultural distress* [угнетенное состояние земледелия] как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого периода и замещение их новым классом капиталистов³¹.

Но несравненно более общим и важным фактом является понижение заработной платы собственно земледельческих рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под маской земельной ренты достается земельному собственнику вместо рабочего. Например, в Англии и Шотландии, за исключением немногих графств, находящихся в благоприятном положении, это общее явление. Труды учрежденных перед введением хлебных законов в Англии парламентских следственных комиссий по вопросу о высоте заработной платы — до сих пор самые ценные и почти совершенно неиспользованные материалы по истории заработной платы в XIX веке и в то же время позорный памятник, воздвигнутый английской аристократией и буржуазией самим себе, — с очевидностью, вне всякого сомнения, доказывают, что высокие рентные ставки и соответствующий им рост земельных цен во время антиякобинской войны являются отчасти результатом просто вычета из заработной платы и ее понижения даже за пределы физического минимума, т. е. результатом отдачи некоторой части нормальной заработной платы земельному собственнику. Различные обстоятельства, между прочим обесценение денег, способ применения законов о бедных в земледельческих округах и т. д., сделали возможной эту операцию в то самое время, когда доходы фермеров колоссально возросли и земельные собственники сказочно обогащались. Даже одним из главных аргументов как фермеров, так и земельных собственников в пользу введения хлебных пошлин был тот довод, что физически невозможно еще больше понизить заработную плату земледельческих батраков. Это положение не претерпело существенных изменений, и в Англии, как во всех европейских странах, часть нормальной заработной платы попрежнему входит в состав земельной ренты.

³¹ См. *Anti-Corn-Law Prize-Essays*. Тем не менее хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерам. Они выигрывали от застоя, в котором охранительные пошлины держали подавляющую массу фермеров, уювавших — основательно или нет, дело другое, — на исключительную среднюю цену.

Когда граф Шафтсбери, в то время лорд Эшли, один из филантропов-аристократов, был чрезвычайно растроган положением английских фабричных рабочих и при агитации за десятичасовой день выступил их парламентским защитником, то в отместку за это защитники промышленников опубликовали статистические данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих в принадлежащих ему деревнях (см. кн. I, гл. XXIII, 5, е: британский сельскохозяйственный пролетариат*); эти данные ясно показали, что часть земельной ренты этого филантропа получается просто от грабежа, который за него учиняют его арендаторы над заработной платой сельскохозяйственных рабочих. Эта публикация интересна еще и потому, что приведенные в ней факты могут смело стать рядом со всем худшим, что раскрыли комиссии 1814 и 1815 гг. Едва лишь обстоятельства принуждают к временному повышению заработной платы сельскохозяйственных рабочих, тотчас раздаются вопли фермеров, что повышение заработной платы до нормального уровня, как это имеет место в других отраслях промышленности, вещь невозможная, что оно неизбежно разорит их, если не будет одновременно понижена земельная рента. Здесь, таким образом, заключается признание, что под именем земельной ренты арендаторы делают вычет из заработной платы и выплачивают его земельному собственнику. Например, за 1849—1859 гг. заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Англии повысилась вследствие стечения ряда решающих обстоятельств: массовая эмиграция [Exodus] из Ирландии, прекратившая приток оттуда сельскохозяйственных рабочих; необычное поглощение сельскохозяйственного населения фабричной промышленностью; спрос на солдат для войны; необычная эмиграция в Австралию и Соединенные Штаты (в Калифорнию) и другие причины, на которых здесь не приходится останавливаться подробнее. В то же время в этот период, за исключением неурожайных 1854—56 гг., средние цены хлеба понизились более чем на 16%. Арендаторы вопияли о понижении рент. В отдельных случаях они достигли этого. Вообще же они с этим требованием потерпели фиаско. Они искали выхода в понижении издержек производства, между прочим путем массового введения паровых локомотивов и новых машин, которые отчасти заменяли и вытесняли из хозяйства лошадей, отчасти же, освобождая сельскохозяйственных рабочих, вызвали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы. И это происходило, несмотря на общее относительное, по сравнению с

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. XXIII, 5, е; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. XXIII, 5, е, стр. 741, 742. *Ред.*

ростом всего населения, уменьшение земледельческого населения за это десятилетие и несмотря на абсолютное уменьшение этого населения в некоторых чисто земледельческих округах³². Точно так же 12 октября 1865 г. Фаусет, тогда профессор политической экономии в Кембридже {умерший в 1884 г. генерал-почтмейстером}* говорил на Social Science Congress: «Земледельческие рабочие начинают эмигрировать, и арендаторы начинают жаловаться, что они не в состоянии будут платить столь высокие ренты, как обыкновенно платили, потому что вследствие эмиграции труд становится дороже». Следовательно, здесь высокая земельная рента прямо отождествляется с низкой заработной платой. И поскольку высота цены земли обусловливается этим обстоятельством, повышающим ренту, постольку повышение стоимости земли тождественно с обесценением труда, высокий уровень цены земли — с низким уровнем цены труда.

То же самое и во Франции. «Арендная плата повышается, потому что на одной стороне повышается цена хлеба, вина, мяса, овощей и фруктов, а на другой стороне цена труда остается неизменной. Если бы старики сравнили счета их отцов, — что отодвигает нас назад почти на 100 лет, — они нашли бы, что тогда цена рабочего дня в сельской Франции была точно такая же, как в настоящее время. Цена же мяса с того времени утроилась... Кто жертва этого переворота? Богатый ли собственник сдаваемой в аренду земли или бедный, который ее обрабатывает?.. Повышение арендных плат есть доказательство общественного бедствия» («Du Mécanisme de la Société en France et en Angleterre». Par M. Rubichon. 2me édit., Paris 1837, стр. 101).

Примеры ренты как следствия вычета из средней прибыли, с одной стороны, из средней заработной платы, с другой:

Цитированный выше Мортон, земельный агент и сельскохозяйственный инженер, рассказывает, что, согласно сделанным во многих местах наблюдениям, ренты за крупные аренды ниже, чем за более мелкие, так как «конкуренция из-за последних обычно больше, чем из-за первых, и так как мелкие арендаторы, которые редко имеют возможность заняться чем-либо иным, кроме сельского хозяйства, вынужденные необходимостью найти подходящее дело, соглашаются

³² Джон К. Мортон, «The Forces used in Agriculture». Доклад в лондонском Society of Arts [Обществе искусств] в 1860 г., основанный на подлинных документах, полученных примерно от 100 арендаторов в 12 шотландских и 35 английских графствах.

* Скобки даны на основании фотокопии имеющейся в ИМЭЛ рукописи Маркса. В издании 1894 г. скобок нет. *Ред.*

платить такую ренту, о которой они сами знают, что она слишком высока» (John C. Morton, «The Resources of Estates», London 1858, стр. 116).

Однако, по его мнению, в Англии это различие постепенно сглаживается, чему, как он полагает, сильно содействует эмиграция класса как раз мелких арендаторов. Тот же Мортон приводит пример, когда в земельную ренту несомненно входит вычет из заработной платы самого фермера и, следовательно, еще несомненное — из заработной платы рабочих, которых он нанял. Именно, при арендах менее 70—80 акров (30—34 гектара), где невозможно держать парковый плуг. «Если арендатор не работает своими собственными руками так же прилежно, как любой рабочий, он не может существовать за счет своей аренды. Если он предоставит выполнение работы своим людям, а сам ограничится исключительно надзором за ними, он, по всей вероятности, очень скоро убедится, что не в состоянии уплачивать свою ренту» (там же, стр. 118). Из этого Мортон делает тот вывод, что если арендаторы в данной местности не очень бедны, то размеры сдаваемых в аренду участков не должны быть менее 70 акров, так чтобы фермер мог держать 2—3 лошадей.

Необычная мудрость г. Леонс де Лавернь, Membre de l'Institut et de la Société Centrale d'Agriculture [члена Института и Центрального общества земледелия]. В своей «Économie Rurale de l'Angleterre» (цитируется по английскому переводу, Лондон 1855) он делает следующее сравнение годовых выгод от рогатого скота, который во Франции употребляется для работ, а в Англии не употребляется, так как его заменяют лошади (стр. 42):

Франция: молоко .	4 млн. ф. ст.	Англия: молоко .	16 млн. ф. ст.
мясо . . .	16 > >	мясо . . .	20 > >
работа .	8 > >	работа .	—
<hr/>		<hr/>	
28 млн. ф. ст.		36 млн. ф. ст.	

Но при этом более высокий продукт получается потому, что, согласно его собственным данным, молоко в Англии стоит вдвое дороже, чем во Франции, между тем как для мяса он предполагает одинаковые цены в обеих странах (стр. 35); следовательно, молочный продукт в Англии сокращается до 8 млн. ф. ст., а весь продукт — до 28 млн. ф. ст., как во Франции. Действительно, это пожалуй слишком сильно, когда г. Лавернь вводит в свое вычисление одновременно и количества продукта и различия цен, так что если Англия производит известные предметы дороже, чем Франция, — что может означать лишь большую прибыль для арендаторов и земельных

собственников, — то это представляется как преимущество английского земледелия.

Что г. Лавернь знаком не только с экономическими результатами английского сельского хозяйства, но разделяет и предрассудки английских фермеров и землевладельцев, это он показывает на стр. 48: «Крупная невыгода обыкновенно сопряжена с зерновыми растениями... они истощают почву, на которой произрастают». Г-н Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают, — он полагает также, что кормовые растения и корнеплоды обогащают землю: «Кормовые растения извлекают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они двояко — и прямо и вследствие их превращения в животное удобрение — содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми растениями и другими истощающими культурами; отсюда правило, чтобы они по меньшей мере чередовались с этими культурами; в этом состоит норфолькский севооборот» (стр. 50, 51).

Неудивительно, что г. Лавернь, веря этим сказкам английского деревенского благодушия, верит и его утверждениям, будто после отмены хлебных законов заработная плата английских сельских рабочих утратила свой прежний ненормальный характер. См., что мы говорили об этом раньше, кн. I, гл. XXIII, 5, стр. 701—729*. Однако послушаем еще речь г. Джона Брайта, произнесенную в Бирмингаме 14 декабря 1865 г. Сказав о 5 млн. семейств, вовсе не представленных в парламенте, он продолжает: «Из них в Соединенном королевстве 1 млн. или, вернее, больше 1 млн. занесенных в злополучные списки нищих. Затем еще 1 млн., которые все еще держатся выше границы пауперизма, но которым постоянно угрожает опасность тоже сделаться нищими. Их положение и их перспективы не лучше. Посмотрите же, наконец, на невежественные низшие слои этой части общества. Обратите внимание на их положение отверженных, их бедность, их страдания, их полнейшую безнадежность. Даже в Соединенных Штатах, даже в южных штатах при господстве рабства у всякого негра оставалась надежда, что и он когда-нибудь может получить свободу. Но для этих людей, для этой массы низших слоев в нашей стране не существует, — я должен здесь прямо сказать это, — ни надежды на какое-либо улучшение, ни даже стремления к этому. Читали ли вы недавно в газетах заметку о Джоне Кроссе, земледель-

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. XXIII, 5; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. XXIII, стр. 738—764. *Ред.*

ческом рабочем в Дорсетшире? Он работал по 6 дней в неделю, имел превосходное свидетельство от своего хозяина, на которого он работал 24 года, получая в неделю по 8 шилл. На эту заработную плату Джон Кросс должен был содержать в своей хижине семью из 7 детей. Чтобы согреть свою больную жену и ее грудного ребенка, он взял, — выражаясь языком закона, могут сказать украд, — деревянный плетень стоимостью в 6 пенсов. Мировые судьи приговорили его за этот проступок к 14 или 20 дням тюрьмы. Я могу сказать вам, что во всей стране можно найти многие тысячи таких случаев, как с Джоном Кроссом, особенно на юге, и что положение этих людей таково, что до сих пор самый внимательный наблюдатель не мог раскрыть тайны, как у них душа держится в теле. А теперь бросьте взгляд на всю страну и посмотрите на эти 5 млн. семейств и на отчаянное положение, в каком находится этот слой населения. Не следует ли по совести сказать, что эта масса нации, лишенная избирательного права, мучится, вечно мучится над работой и почти совсем не знает отдыха? Сравните ее с господствующим классом — однако, если я стану говорить так, меня обвинят в коммунизме... но сравните эту огромную, изнуряющую себя работой, лишенную избирательного права нацию с той частью, в которой можно видеть господствующие классы. Посмотрите на их богатство, их блеск, их роскошь. Посмотрите на их усталость, — потому что и среди них наблюдается усталость, но это усталость пресыщения, — посмотрите, как они торопятся с места на место, как будто все сводится к тому, чтобы открыть новые удовольствия» («Morning Star», 14 декабря 1865 г.).

В последующем показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт, вообще смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определенной — по крайней мере на базисе капиталистического способа производства — с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, т. е. тем естественным условием, без которого он невозможен, является то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования в продуктах ли земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится труд простого собирания, охоты, рыболовства, скотоводства) является базисом всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство пищи. (Но животные доставляют в то же время

шкурки для защиты от холода в холодном климате; кроме того пещерные жилища и т. д.)

Такое же смешение прибавочного продукта и земельной ренты, только в иных выражениях, встречается у г. Доува. Первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого; второй примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавочный продукт земледельческого племени, домовой общины или семьи заключает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледелии работы.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд заключает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, необходимо входящие в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это — лишь разделение труда между ними. Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного развития, притом продукт весьма новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определенной ступени в развитии производства. Подобно тому, как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только роскоши или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в пищу, не говоря уже о пище массе, — точно так же, с другой стороны, часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми средствами потребления как земледельческих, так и неземледельческих рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд — с общественной точки зрения. Он в известной части такой же необходимый труд, как необходимая часть земледельческого труда. Да он и есть лишь

обособившаяся форма известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединен с земледельческим трудом, необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда. (Рассматривая дело с чисто материальной стороны, например, 500 ткачей за механическими станками производят в гораздо большей мере добавочные ткани, т. е. производят больше, чем требуется для их собственной одежды.)

Наконец, рассматривая формы проявления земельной ренты, т. е. рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование почвы в целях ли производства или потребления, необходимо помнить, что цена вещей, которые сами по себе не имеют стоимости, т. е. не суть продукты труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, например, древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться комбинацией очень случайных обстоятельств. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ:

1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента в свою очередь предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земного шара, будет ли собственником лицо, являющееся представителем государства [Gemeinwesen], как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь побочным моментом собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же это будет чисто частная собственность непроизводителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, как у колонистов и мелкокрестьянских землевладельцев, представляется непосредственно включенным в присвоение и производство продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит.

Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земного шара, — это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом. Отсюда то заблуждение, будто рента, соответствующая капиталистическому способу производства и являющаяся излишком над прибылью, т. е. над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда), — будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получит должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще. Эти условия таковы: непосредственные производители должны работать больше того времени, которое требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы, для воспроизводства их самих. Они вообще должны выполнять прибавочный труд. Это — субъективное условие. Объективное же заключается в том, чтобы они *могли* выполнять прибавочный труд; естественные условия должны быть таковы, чтобы *части* рабочего времени, которым они располагают, хватало для их воспроизводства и самосохранения как производителей, чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало всей их рабочей силы. Плодородие природы представляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же представляет развитие общественной производительной силы труда. Рассматривая дело еще ближе, — так как производство пищевых средств является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще, — труд, примененный в этом производстве, следовательно, земледельческий труд в самом широком экономическом смысле этого слова должен быть настолько плодотворен, чтобы производством пищевых средств для непосредственных производителей поглощалось не все возможное рабочее время, т. е. чтобы был возможен земледельческий прибавочный труд, а потому и земледельческий прибавочный продукт. Далее: необходимо, чтобы весь земледельческий труд — необходимый и прибавочный труд — некоторой части общества был достаточен для того, чтобы производить необходимые средства питания для всего общества, т. е. и для неземледельческих рабочих; следовательно, чтобы было возможно это крупное разделение труда между земледельцами

и промышленниками, а также между теми из земледельцев, которые производят пищу, и теми, которые производят сырые материалы. Хотя труд непосредственных производителей пищи распадается для них самих на необходимый и прибавочный труд, однако, по отношению к обществу он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства пищевых средств. Впрочем, то же самое имеет место при всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской. Это — труд, необходимый для производства особого рода предметов, для удовлетворения особой потребности общества в этих особых предметах. Если это разделение пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем развитии по ценам производства их) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Это в действительности закон стоимости, как он проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Ибо условием остается, чтобы товар представлял потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной, потребностью распределен труд между различными сферами производства. (Остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства.) Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт имеет лишь то касательство к отношению между необходимым и прибавочным трудом, что при нарушении этой пропорции не может

быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, например, бумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, т. е. часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще, хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество, при данных условиях производства, на такой-то продукт определенного рода может затратить лишь столько-то из своего совокупного рабочего времени. Но субъективные и объективные условия прибавочного труда и прибавочной стоимости вообще не имеют никакого касательства к конкретной, определенной форме как прибыли, так и ренты. Они имеют значение для прибавочной стоимости, как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3) Как раз в экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что ее величина определяется отнюдь не содействием ее получателя, а развитием общественного труда, независимым от его содействия, совершающимся помимо него. Поэтому легко принять за своеобразную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства — и, точнее, капиталистического производства, которое во всем своем объеме есть товарное производство, — обще всем отраслям производства и всем их продуктам.

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с нею и стоимость земли) развивается как результат совокупного общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастают рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны — спрос непосредственно на самую землю как соучаствующее условие производства для всевозможных, даже и неземледельческих отраслей хозяйства. Точнее и говоря только о собственно земледельческой ренте, рента, а вместе с нею и стоимость земли раз-

виваются вместе с рынком для продукта земли и, следовательно, с ростом неземледельческого населения, с его потребностью и спросом отчасти на пищевые средства, отчасти на сырые материалы. По самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения.

В действительности это явление не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов. Напротив, на основе товарного производства и его абсолютной формы, капиталистического производства, то же относится и ко всем другим отраслям производства и продуктам.

Эти продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации — превращению в деньги, — поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противоплагаются им, как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком. Здесь нет совершенно ничего специфически характерного для земледельческих продуктов.

Рента может развиваться как денежная рента лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той самой мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством, следовательно, в той самой мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство, потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой

стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности захватывать посредством своей монополии на землю все возрастающую часть этой прибавочной-стоимости, а тем самым повышать стоимость своей ренты и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист все же является еще самостоятельным агентом. Земельному же собственнику приходится только захватывать все возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чем заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, все более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растет спрос, а вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, т. е., говоря другими словами, в той мере, как растет масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это совершается без его содействия, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависят от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще. Поэтому Доув, например, хочет вывести ренту отсюда. Он утверждает, что рента зависит не от массы земледельческого продукта, а от его стоимости; последняя же зависит от массы и производительности неземледельческого населения. Но ведь и для всякого другого продукта справедливо, что он развивается как товар лишь в той мере, как возрастает отчасти масса, отчасти разнообразие ряда других товаров, образующих по отношению к нему эквиваленты. Это было показано уже в связи с общим изложением стоимости. С одной стороны, способность известного продукта к обмену зависит вообще от того, насколько разнообразны товары, существующие кроме него. С другой стороны, от этого же зависит в особенности то количество, в котором этот продукт может быть произведен как товар.

Никакой производитель — ни промышленный, ни земледельческий, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, сле-

довательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его продукта и в его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если объяснение ренты заменяют, с одной стороны, объяснением прибавочной стоимости или, при еще более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще, то, с другой стороны, делают тот промах, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земледельческим продуктам. Объяснение делается еще более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к *реализации* определенной товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения, а реализует ли он ее и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, своеобразная особенность земельной ренты заключается не в том, что земледельческие продукты развиваются в стоимости и как стоимости, т. е. не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземледельческие продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие продукты развиваются в стоимости (товары), и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

При анализе земельной ренты мы сначала будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены превращается в ренту, — для целей нашего анализа достаточно иметь в виду сельскохозяйственные продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты почвы или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. Т. е. их продажные цены равны элементам издержек их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и непотребленный. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства. И вот вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может развиваться земельная рента, т. е. каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику.

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответственных отраслях промышленности цена производства составляет 115 за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100. Эти 15% прибыли исчисляются не только на потребленный капитал в 100, но на весь капитал, примененный в производстве этой товарной стоимости. Эта цена производства, как показано раньше, определяется не индивидуальными издержками производства каждого отдельного промышленного производителя, а теми издержками производства, которых товар требует в среднем при средних условиях для всего капитала, вложенного в данную сферу производства. Это — действительно рыночная цена производства; средняя

рыночная цена в отличие от ее колебаний. Природа стоимости товаров, определение стоимости не тем рабочим временем, которое индивидуально необходимо для производства определенного количества товаров или отдельных товаров определенному единичному производителю, а общественно необходимым рабочим временем, тем рабочим временем, которое при данных средних общественных условиях производства необходимо для того, чтобы произвести все общественно необходимое количество различных товаров, находящихся на рынке, — эта природа стоимости, этот способ ее определения вообще находит себе выражение в форме [Gestalt] рыночной цены и, далее, в форме регулирующей рыночной цены, или рыночной цены производства.

Так как в данной связи совершенно безразлично, какие определенные числовые отношения мы возьмем, то мы предположим дальше, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в $15\% = 115$, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды, тоже будут продавать по 115, т. е. по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль должна бы составлять 25 вместо 15; регулирующая цена производства позволила бы им получать добавочную прибыль в 10% — не потому, что они продают свои товары дороже цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары производятся, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях, при условиях выше среднего уровня, преобладающего в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства:

Во-первых: добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве движущей силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства), которая не есть случайный результат операций в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой производства у этих производителей, поставленных в благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна избытку общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Двумя границами, регулируемыми этот избыток, являются, с одной стороны, индивидуальные издержки производства, а потому

индивидуальная цена производства, с другой стороны — общая цена производства. Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем сила труда, применяемого в массе фабрик такого же рода. Его большая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того меньшее количество и живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта большая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше. Ему приходится меньше затрачивать на овеществленный труд, а также меньше на заработную плату, потому что живой рабочей силы у него применяется меньше. Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше. Издержки производства для него 90 вместо 100. Следовательно, и его индивидуальная цена производства составляет вместо 115 всего $103\frac{1}{2}$ ($100 : 115 = 90 : 103\frac{1}{2}$). Разность между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства ограничена разностью между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства. Это — одна из величин, образующих пределы его добавочной прибыли. Другая величина — величина общей цены производства, в образовании которой участвует общая норма прибыли как один из регулирующих факторов. Если бы уголь подешевел, то разность между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства уменьшилась бы, а потому уменьшилась бы и его добавочная прибыль. Если бы ему пришлось продавать товар по его индивидуальной стоимости или по цене производства, определяемой его индивидуальной стоимостью, то разность отпала бы. Она является результатом, с одной стороны, того, что товар продается по своей общей рыночной цене, по цене, в которую конкуренция уравнивает индивидуальные цены, а с другой стороны, того, что большая индивидуальная производительная сила труда, приводимого им в движение, идет на пользу не рабочим, а, как вообще производительная сила труда, тому, кто их при-

меняет; что она выступает как производительная сила капитала.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, по отношению к которой уровень общей нормы прибыли является одним из факторов, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между индивидуальной и общей нормой прибыли. Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже.

Во-вторых: до сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, т. е. возникающая не от случайных операций по продаже или от колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, тем излишком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, требует издержек. Водопад — такой естественный агент производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий с паровой машиной, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство средств существования, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизируются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д.

Эта монополизация сил природы, т. е. производимого ими повышение рабочей силы, обща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, которая сводится именно к излишку индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на высоту общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую в других случаях реализует индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — потому что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно уравниваются в среднюю норму прибыли, — происходит, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, от уменьшения издержек производства, расходов на производство. Последнее же в свою очередь обязано или тому обстоятельству, что капитал прилагается в больших массах, чем средняя, и потому *faux frais* [непроизводительные издержки] производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большой интенсивностью, так как они действуют на более обширном поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические секреты фабрикаций и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и вытекающая из этого добавочная прибыль возникают здесь из того способа, каким применяется функционирующий капитал. Оно возникает или вследствие того, что капитал исключительно крупными массами концентрируется

в одних руках, — обстоятельство, которое отпадает, раз в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, раз исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или оставляется позади еще более развитым способом.

Причина добавочной прибыли лежит здесь, следовательно, в самом капитале (относя к нему и приводимый им в движение труд), — в различиях ли величины применяемого капитала, или же в более целесообразном способе его применения, — и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий к тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся таким же способом. Конкуренция между капиталами стремится, напротив, ко все большему уравниванию этих различий; определение стоимости общественно необходимым рабочим временем проявляет себя посредством удешевления товаров и понуждения производить товары при одинаково благоприятных условиях. Но с добавочной прибылью фабриканта, пользующегося водопадом, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда и не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, но присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда, в связи с утилизацией естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, например, упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, т. е. не такой естественной силы, применение которой разумеется само собою, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а доступной монополизации естественной силы, которою, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вместе с их принадлежностями. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определенными естественными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, устраняют фабрикантов, у которых нет водопадов, от применения этой естественной силы, так как земля — и тем более земля, обладающая водяной силой, — ограничена. Это не исключает

того, что, хотя количество естественных водопадов в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведен, чтобы вполне использовать его движущую силу; раз водопад имеется, водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и т. д. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала³³; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких ее условий, которые могут быть созданы как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках у лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собственников, то мы увидим, что они не позволяют прилагать капитал к водопаду, использовать последний посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой доступной монополизации и монополизированной природной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, т. е. она достается собственнику водопада. Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 ф. ст. в год, то его прибыль составляет 15 ф. ст.; 15% на те 100 ф. ст., которые теперь составляют сумму его издержек производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть, в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталист сам был собственником водопада. Он попрежнему получал бы добавочную прибыль в 10 ф. ст. не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот излишек происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, доступной монополизации, ограниченной в своих размерах, именно потому этот излишек превращается в земельную ренту.

³³ См. о добавочной прибыли «Inquiry» (против Мальтуса).

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, а, напротив, предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы примененного капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие большей относительной производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми затратами капитала, которые устранены от этих исключительных, даваемых природой благоприятных условий повышения производительной силы. Если бы, например, несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром все же доставляло решительные преимущества, недостижимые при использовании силы воды, и если бы эти преимущества более чем компенсировали затраты, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, так как это природный базис исключительно повышенной производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не причина последней. Если бы ту же самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но попрежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость. Но, с другой стороны, без потребительной стоимости, т. е. без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не уравнивались в цены производства и различные индивидуальные цены производства не уравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, — совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу применяемого им труда, как естественную так и общественную.

В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию части прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, утилизировалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, что цена водопада, т. е. цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, прежде всего не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада — вообще иррациональное выражение скрывающегося за ним реального экономического отношения. Водопад, как земля вообще, как все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому что в нем не овеществлено никакого труда, а потому не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, ничто *eo ipso*. [тем самым] не может быть представлено в деньгах. Эта цена есть не что иное, как капитализированная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность захватывать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; захватываемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда выступает как цена самой силы природы. Если добавочная прибыль, которую доставляет фабриканту использование водопада, составляет 10 ф. ст. в год, а средний процент 5%, то эти 10 ф. ст. в год представляют проценты с капитала в 200 ф. ст.; и эта капитализация годовых 10 ф. ст., которые водопад позволяет собственнику последнего захватывать у фабриканта, выступает тогда как капитальная стоимость самого водопада. Но что стоимостью обладает не сам водопад, что цена его есть простое отра-

жение захватываемой добавочной прибыли, капиталистически исчисленной, это сразу обнаруживается в том, что цена в 200 ф. ст. представляет лишь произведение добавочной прибыли в 10 ф. ст. на 20 лет, хотя этот же водопад при прочих равных условиях дает собственнику возможность ежегодно захватывать эти 10 ф. ст. в течение неопределенного времени, 30, 100, x лет, и хотя, с другой стороны, если новый метод производства, неприменимый при водяной силе, понизил бы издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины, с 100 до 90 ф. ст., то исчезла бы добавочная прибыль, а вместе с ней и рента, а вместе с последней и цена водопада.

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению ее в собственно земледелии. Что будет сказано о последнем, в общем относится и к рудникам.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ПЕРВАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА I).

Рикардо вполне прав, высказывая следующие положения:

«Рента {т. е. дифференциальная рента; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной} всегда есть разность между продуктом, полученным в результате приложения равновеликих затрат капитала и труда» («Principles», стр. 59)*. «На одинаковых по величине земельных участках», следовало бы ему прибавить, поскольку дело идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она создается нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам, встретившимся в процессе обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках с неодинаковыми результатами. Впрочем, нет безусловной необходимости в том, чтобы эта добавочная прибыль получалась от неодинаковых результатов затраты одинаковых количеств капитала. В различных предприятиях могут быть заняты и различной величины капиталы; в большинстве случаев так и бывает; но одинаковые пропорциональные части, например 100 ф. ст. каждого капитала, дают неодинаковые результаты, т. е. норма прибыли различна. Это — общая предпосылка существования добавочной прибыли в любой отрасли приложения капитала вообще. Вторая заключается в превращении этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты как формы, отличной от прибыли); необходимо, однако, исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение.

* D. Ricardo, «On the Principles of Political Economy and Taxation», London 1821. См. Д. Рикардо, «Начала политической экономии и податного обложения», Соч., т. II, Соцэкгиз, 1935, стр. 36. *Ред.*

Далее, Рикардо прав, высказывая следующее положение, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой:

«Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или с новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить» (стр. 74 [русс. пер., стр. 43]).

К числу этих причин относятся, однако, не только общие (плодородие и местоположение), но и 1) распределение налогов, смотря по тому, влияет ли оно равномерно или нет; последнее всегда имеет место, когда налоги не централизованы, как, например, в Англии, и когда налог взимается не с ренты, а с земли; 2) различия, вытекающие из неодинакового развития земледелия в различных частях страны, ибо эта отрасль промышленности, благодаря своему традиционному характеру, труднее нивелируется, чем мануфактура, и 3) неравномерное распределение капитала между арендаторами. Так как завоевание земледелия капиталистическим способом производства, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего являются в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, то эти различия здесь более значительны, чем в какой-либо другой отрасли промышленности.

После этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах выяснить особенности моего исследования сравнительно с исследованием Рикардо и др.

Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или при земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади.

Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) *Плодородие* (в связи с этим пунктом следует выяснить, что вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель). 2) *Положение* земельных участков. Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут поступать под обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различные основания дифференциальной ренты, плодородие и положение могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть хорошо расположен и очень мало плодороден, и наоборот. Это обстоятельство важно,

ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что прогресс социального производства вообще действует, с одной стороны, нивелирующим образом на положение как на основание дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая положение посредством проведения путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местном положении земельных участков как посредством отделения земледелия от промышленности, так и посредством образования крупных центров производства наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительного одиночества деревни [relative Vereinsamung des Landes].

Но сначала мы оставим этот пункт, положение земельного участка, в стороне и рассмотрим лишь естественное плодородие. Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии состоит в различии химического состава верхнего слоя почвы, т. е. в различном содержании необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в форме, в которой они лучше или хуже усваиваются, более или менее непосредственно пригодны для питания растений. Таким образом, отчасти от развития земледельческой химии, отчасти — земледельческой механики зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением известных жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством обжигания тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (например, применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие столь же плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренирование почвы). Это может изменить и самую последовательность в обработке различных родов земли, как это наблюдалось, например, по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития

английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — в последовательном ходе возделывания — переход может одинаково совершаться как от более плодородных земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы или просто благодаря изменениям в методах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие изменения порядкового места различных родов почвы в зависимости от различных условий подпочвы, раз последняя также вовлекается в обработку и присоединяется к распаханному слою. Обусловливается это отчасти применением новых земледельческих методов (например, возделыванием кормовых трав), отчасти механическими способами, посредством которых подпочва превращается в верхний слой почвы или смешивается с ним, или же подвергается обработке, не перемещаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель означают, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать природное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет такой же момент так называемого природного плодородия почвы, как ее химический состав и другие природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что порядок, в котором различного рода земли располагаются по своему достоинству, соотносится с этой степенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена в восходящем или нисходящем порядке, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Представим землю четырех сортов: *A*, *B*, *C*, *D*. Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 ф. ст. или 60 шилл. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шилл. за квартал равняется на самой плохой почве цене производства, т. е. равняется капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть *A* будет этой худшей землей, которая на 50 шилл. затрат дает 1 квартал = 60 шилл., т. е. прибыль 10 шилл., или 20%.

Пусть *B* при той же затрате дает 2 квартера = 120 шилл. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли.

Пусть *C* при той же затрате дает 3 квартера = 180 шилл.; общая прибыль = 130 шилл. Добавочная прибыль = 120 шилл.

Пусть *D* дает 4 квартера = 240 шилл. = 180 шилл. добавочной прибыли.

В таком случае мы имели бы такую последовательность.

ТАБЛИЦА I

Сорт земли	Продукт		Аванспро- ванный капитал	Прибыль		Рента	
	квар- теры	шил- линги		квар- теры	шил- линги	квар- теры	шил- линги
A.....	1	60	50	$\frac{1}{8}$	10	—	—
B.....	2	120	50	$1\frac{1}{8}$	70	1	60
C.....	3	180	50	$2\frac{1}{8}$	130	2	120
D.....	4	240	50	$3\frac{1}{8}$	190	3	180
Итого .	10 кварт.	600 шилл.	—	—	—	6 кварт.	360 шилл.

Соответствующие ренты были для *D* = 190 шилл. — 10 шилл., или разности между *D* и *A*; для *C* = 130 шилл. — 10 шилл., или разности между *C* и *A*; для *B* = 70 шилл. — 10 шилл., или разности между *B* и *A*; а совокупная рента для *B*, *C*, *D* = 6 квартерам = 360 шилл., что равняется сумме разностей между *D* и *A*, *C* и *A*, *B* и *A*.

Эта последовательность, представляющая данный продукт при данных условиях, может, если рассматривать дело абстрактно (а мы уже указали причины, по которым это может иметь место и в действительности), создаваться и в нисходящем порядке (понижаясь от *D* к *A*, от плодородной земли ко все менее и менее плодородной), и в восходящем порядке (восходящем от *A* к *D*, от относительно неплодородной ко все более плодородной земле) и, наконец, попеременно, то в нисходящем, то в восходящем порядке, например, от *D* к *C*, от *C* к *A*, от *A* к *B*.

Процесс, совершившийся при нисходящей последовательности, был таков: цена квартера постепенно повышается, скажем, с 15 шилл. до 60. Как только четырех кварталов (под этим можно разуместь миллионы), произведенных землею *D*, оказалось уже недостаточно, цена пшеницы стала подниматься до тех пор, пока *C* не получило возможности восполнить недостаток предложения. Т. е. цена должна была подняться до 20 шилл. за квартал. Когда цена пшеницы поднялась

до 30 шилл. за квартал, тогда в число обрабатываемых земель могла бы войти земля *B*, а поднимись она до 60 шилл., в число обрабатываемых земель могла бы войти и земля *A*, причем это не повело бы к тому, чтобы на затраченный для этого капитал пришлось довольствоваться нормой прибыли ниже 20%. Таким образом для *D* образовалась бы рента сначала в 5 шилл. с квартала, что составило бы 20 шилл. на 4 квартала, которые эта земля производит; затем в 15 шилл. с квартала = 60 шилл., а затем в 45 шилл. с квартала = 180 шилл. за 4 квартала.

Если норма прибыли с *D* первоначально также равнялась 20%, то и вся прибыль с 4 кварталов была лишь 10 шилл., что, однако, при цене зернового хлеба в 15 шилл. представляло большее количество зернового хлеба, чем при цене в 60 шилл. Но так как хлеб входит в воспроизводство рабочей силы и часть каждого квартала должна возмещать заработную плату, а другая — постоянный капитал, то при этом предположении прибавочная стоимость была выше, а следовательно, при прочих равных условиях, выше была и норма прибыли. (Вопрос о норме прибыли подлежит еще особому и более детальному исследованию.)

Если, напротив, последовательность была обратная, если процесс начинался с *A*, то, когда приходится ввести в обработку новые пашни, цена квартала сначала поднялась бы выше 60 шилл.; но так как необходимое предложение в 2 квартала было бы предъявлено со стороны *B*, то цена опять понизилась бы до 60 шилл.; хотя *B* и производит квартал за 30 шилл., все же продается он за 60 шилл., так как его предложения хватало бы как раз только для того, чтобы покрыть спрос. Таким способом образовалась бы рента сначала в 60 шилл. для *B* и таким же путем для *C* и *D*, при том же прежнем предположении, что хотя действительная стоимость, по которой оба они доставляют квартал пшеницы, равняется 20 и 15 шилл., рыночная цена все же остается 60 шилл., так как предложение одного квартала, доставляемого *A*, попрежнему необходимо для удовлетворения общей потребности. В этом случае возрастание спроса сверх той величины потребности, которую сначала удовлетворял *A*, а за ним *A* и *B*, могло бы повести не к последовательной обработке *B*, *C* и *D*, а к расширению площади обработки вообще, причем могло бы случиться, что более плодородные земли входили бы в обработку лишь позднее.

В первом ряде с увеличением цены рента стала бы повышаться, а норма прибыли уменьшаться. Это уменьшение могло бы совсем или отчасти парализоваться противодействующими обстоятельствами; на этом пункте нам позже придется остановиться подробней.

Не следует забывать, что общая норма прибыли не определяется прибавочной стоимостью во *всех* отраслях производства равномерно. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот. Но об этом дальше.

Во втором ряде норма прибыли на затраченный капитал осталась бы прежняя; масса прибыли выразилась бы в меньшем количестве хлеба, но относительная цена последнего, по сравнению с другими товарами, повысилась бы. Но увеличение прибыли, где оно происходит, попадает не в карманы промышленных арендаторов и представляется не как увеличение прибыли, а в форме ренты отделяется от прибыли. Цена же хлеба при данном предположении осталась бы неизменной.

Развитие и рост дифференциальной ренты одинаковы как при неизменяющихся, так и при повышающихся ценах и как при непрерывном прогрессе от худших земель к лучшим, так и при непрерывном регрессе от лучших к худшим землям.

До сих пор мы предполагали: 1) что цена при одной последовательности повышается, при другой — остается неизменной и 2) что постоянно совершается переход от лучших земель к худшим или обратно, от худших к лучшим.

Но предположим, что потребность в хлебе расширилась с первоначальных 10 до 17 кварталов; далее, что наихудшая земля *A* вытеснена другою землею *A*, которая при цене производства в 60 шилл. (50 шилл. издержек + 10 шилл., составляющих 20% прибыли) дает $1\frac{1}{3}$ квартера, так что цена производства 1 квартера = 45 шилл., или же предположим, что прежняя земля *A* улучшилась вследствие постоянной рациональной обработки, или что она при неизменности издержек стала производительнее обрабатываться, например, вследствие введения в севооборот клевера и т. д., так что при том же авансированном капитале продукт ее увеличился до $1\frac{1}{3}$ квартера. Предположим далее, что земли *B*, *C*, *D* попрежнему производят одно и то же количество продукта, но обработке подверглись новые земли *A'*, стоящие по своему плодородию между *A* и *B*, и далее *B'* и *B''*, стоящие по своему плодородию между *B* и *C*; в этом случае получились бы следующие явления:

Во-первых: цена производства квартера пшеницы, или ее регулирующая рыночная цена, упала бы с 60 до 45 шилл., или на 25%.

Во-вторых: совершился бы одновременный переход от более плодородной земли к менее плодородной и от менее плодородной земли к более плодородной. Земля *A'* более плодородна, чем *A*, но менее плодородна, чем обрабатывавшиеся до сих пор *B*, *C*, *D*; а *B'*,

B'' более плодородны, чем *A*, *A'* и *B*, но менее плодородны, чем *C* и *D*. Следовательно, переход от одной земли к другой совершался бы в перекрещивающихся направлениях; обработке стала бы подвергаться не абсолютно неплодородная земля по сравнению с *A* и т. д., а относительно неплодородная по сравнению с землями *C* и *D*, которые до сих пор были наиболее плодородными; с другой стороны, переход совершился бы не к абсолютно более плодородной земле, а к относительно более плодородной в сравнении с землями *A*, — или *A* и *B*, — которые до сих пор были наименее плодородными.

В-третьих: произошло бы понижение ренты с *B*, а также с *C* и *D*; но общая сумма ренты, выраженная в хлебе, поднялась бы с 6 до $7\frac{2}{3}$ квартера; масса обрабатываемой и приносящей ренту земли увеличилась бы, а также увеличилась бы и масса продукта с 10 до 17 кварталов. Прибыль, хотя и осталась бы без перемены для *A*; однако, выраженная в хлебе, она повысилась бы; возможно даже, что норма прибыли повысилась бы, так как повысилась бы относительная прибавочная стоимость. В этом случае вследствие удешевления жизненных средств уменьшилась бы заработная плата, следовательно, затрата на переменный капитал, а следовательно, и общие издержки. Вся сумма ренты, выраженная в деньгах, понизилась бы с 360 до 345 шилл.

Представим новую последовательность перехода.

ТАБЛИЦА II

Сорт земли	Продукт		Затрата капитала	Прибыль		Рента		Цена производства за квартал
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги	
<i>A</i>	$1\frac{1}{3}$	60	50	$\frac{2}{9}$	10	—	—	45 шилл.
<i>A'</i>	$1\frac{2}{3}$	75	50	$\frac{5}{9}$	25	$\frac{1}{3}$	15	36 >
<i>B</i>	2	90	50	$\frac{8}{9}$	40	$\frac{2}{3}$	30	30 >
<i>B'</i>	$2\frac{1}{3}$	105	50	$1\frac{2}{9}$	55	1	45	$25\frac{5}{7}$ * >
<i>B''</i>	$2\frac{2}{3}$	120	50	$1\frac{5}{9}$	70	$1\frac{1}{3}$	60	$22\frac{1}{2}$ >
<i>C</i>	3	135	50	$1\frac{8}{9}$	85	$1\frac{2}{3}$	75	20 >
<i>D</i>	4	180	50	$2\frac{8}{9}$	130	$2\frac{2}{3}$	120	15 >
Итого .	17	—	—	—	—	$7\frac{2}{3}$	345	—

Наконец, если бы попрежнему продолжали возделываться только земли *A*, *B*, *C*, *D*, но их производительность возросла бы настолько,

* В изд. 1894 г. — $25\frac{2}{7}$. *Ред.*

что земля *A* вместо 1 квартера давала бы 2, *B* вместо 2 кварталов — 4, *C* вместо 3 кварталов — 7 и *D* вместо 4 кварталов — 10, следовательно, если бы одни и те же причины различным образом повлияли бы на различного рода земли, то все производство повысилось бы с 10 до 23 кварталов. Если предположить, что спрос вследствие прироста населения и понижения цены поглотил бы эти 23 квартера, получился бы следующий результат:

ТАБЛИЦА III

Сорт земли	Продукт		Затрата капитала	Цена производства квартера	Прибыль		Рента	
	квартеры	шляклинги			квартеры	шляклинги	квартеры	шляклинги
<i>A</i>	2	60	50	30	$\frac{1}{3}$	10	0	0
<i>B</i>	4	120	50	15	$2\frac{2}{3}$	70	2	60
<i>C</i>	7	210	50	$8\frac{4}{7}$	$5\frac{1}{3}$	160	5	150
<i>D</i>	10	300	50	6	$8\frac{1}{3}$	250	8	240
Итого	23	—	—	—	—	—	15	450

Числовые отношения здесь, как и в остальных таблицах, произвольны, но предположения сделаны вполне рациональные.

Первое и основное предположение заключается в том, что улучшение в земледелии оказывает неравномерное действие на различные виды почвы и в этом случае больше влияет на лучшие земли *C* и *D*, чем на *A* и *B*. Опыт показал, что обычно дело так и происходит, хотя может произойти и обратное. Если бы улучшение больше влияло на худшие земли, чем на лучшие, то рента, получаемая с последних, понизилась бы, вместо того чтобы повыситься. — Но одновременно с абсолютным ростом плодородия всех родов почвы в таблице предполагается рост более высокого относительного плодородия лучших видов почвы *C* и *D*, а потому увеличение разницы в продукте при той же затрате капитала, а потому и увеличение дифференциальной ренты.

Второе предположение заключается в том, что вместе с возрастанием всего продукта соответственно возрастает и общая потребность в нем. *Во-первых*; не следует представлять себе это возрастание совершающимся внезапно; оно происходит постепенно до тех пор, пока не установится ряд III. *Во-вторых*; неверно, будто бы потребление необходимых средств существования не возрастает вместе с их удешевлением. Отмена хлебных законов в Англии (см. Ньюман) доказала обратное, и противоположное представление возникло лишь

вследствие того, что большие и внезапные различия в урожаях, объясняющиеся только метеорологическими причинами, производят то несоразмерное понижение, то несоразмерное повышение цен хлеба. Если в этом случае удешевление настолько внезапно и скоропреходяще, что не успевает оказать полного влияния на расширение потребления, то обратное явление наблюдается в том случае, когда удешевление вытекает из уменьшения самой регулирующей цены производства, следовательно, имеет длительный характер. *В-третьих*: часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива, а возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами. *В-четвертых*, дело зависит отчасти от прироста населения, отчасти от того, может ли страна быть хлебоэкспортирующей страной, каковой Англия еще была до и позже половины XVIII века, благодаря чему потребность регулируется границами не одного только национального потребления. *Наконец*, увеличение и удешевление производства пшеницы может иметь своим последствием, что вместо ржи или овса главным средством питания массы народа делается пшеница, так что уже вследствие одного этого рынок для нее возрастает подобно тому, как при уменьшении количества продукта и увеличении его цены может произойти обратное явление. — При этих предположениях, следовательно, и при принятых нами числовых отношениях ряд III дает тот результат, что цена понижается с 60 до 30 шилл. за квартал, т. е. на 50%; производство, по сравнению с рядом I, возрастает с 10 до 23 кварталов, т. е. на 130%; рента, получаемая с земли *B*, остается без изменения; рента с земли *C* увеличивается на 25%*, а с *D* — на $33\frac{1}{3}\%$ ** ; общая сумма ренты повышается с 18 до $22\frac{1}{2}$ *** ф. ст., т. е. на 25%****.

Сравним три таблицы (причем ряд I следует брать двойко: в восходящем направлении от *A* к *D* и в нисходящем от *D* к *A*), которые можно рассматривать или как данные ступени, существующие при данном состоянии общества — например, рядом одна с другой в трех различных странах, — или как ступени, следующие одна за другой в различные периоды развития одной и той же страны; из такого сравнения следует:

1) Что ряд в своем законченном виде — каков бы ни был ход процесса его образования — всегда представляется в нисходящем виде; ибо при рассмотрении ренты всегда исходят сначала от

* В изд. 1894 г. — удваивается. *Ред.*

** Там же — более чем удваивается. *Ред.*

*** Там же — 22 ф. ст. *Ред.*

**** Там же — $22\frac{1}{9}\%$. *Ред.*

земли, приносящей максимум ренты, и лишь в конце переходят к той земле, которая не приносит ренты.

2) Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой, хотя последняя в таблице I, если она образовалась в восходящем порядке, только потому остается неизменной, что в обработку вовлекается все время лучшая земля. В этом случае цена хлеба, произведенного на лучшей земле, становится регулирующей постольку, поскольку от количества продукта, произведенного на ней, зависит, в какой мере земля *A* остается регулирующей. Если бы производство на землях *B*, *C*, *D* превысило потребность, то *A* перестала бы играть регулирующую роль. Это и витало перед Шторхом, когда он признал лучшие земли регулируемыми. В этом смысле английские цены хлеба регулируются американскими.

3) Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (здесь еще не принимается в расчет положение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития культуры, следовательно, из ограниченности размера лучших земель и из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

4) Дифференциальная рента и градация дифференциальной ренты могут одинаково возникнуть как в нисходящем порядке посредством перехода от лучшей земли к худшей, так и, наоборот, от худшей к лучшей, а также в меняющихся, перекрещивающихся направлениях. (Ряд I может образоваться посредством перехода как от *D* к *A*, так и от *A* к *D*. Ряд II охватывает оба рода движения.)

5) Смотри по способу своего образования дифференциальная рента может возникнуть при постоянной, повышающейся и понижающейся цене земледельческого продукта. При понижающейся цене общее производство и общая сумма ренты могут повыситься, и на земельных участках, не приносивших до сих пор ренты, последняя может образоваться несмотря на то, что худшая земля *A* вытеснена лучшей или сама улучшилась и что рента с других лучших и даже наилучших видов почвы понижается (таблица II); этот процесс может быть также связан с понижением общей суммы ренты (выраженной в деньгах). Наконец, при понижении цен, обусловленном общим улучшением обработки, при котором количество и цена продукта с наихудшей земли уменьшаются, рента с части лучших земель может остаться без перемены или уменьшиться, тогда как рента с наилуч-

ших земель может возрасти. Как бы то ни было, если разность масс продукта дана, дифференциальная рента со всякой земли, по сравнению с наихудшей землей, зависит от цены, например, квартера пшеницы. Но если дана цена, дифференциальная рента зависит от величины разности между массами продукта, и если при повышении абсолютного плодородия всей земли плодородие лучших сортов ее повышается сравнительно больше, чем плодородие худших, то вместе с этим возрастает и величина этой разности. Так (таблица I) при цене в 60 шилл. рента с D определяется разницей в продукте по сравнению с A , т. е. излишком в 3 квартера; поэтому рента $= 3 \times 60 = 180$ шилл. Но в таблице III, где цена $= 30$ шилл., она определяется излишком продукта с земли D по сравнению с $A = 8$ квартерам, что уже составит ренты в $8 \times 30 = 240$ шилл.

Таким образом падает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Веста [West], Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход к худшей и худшей почве или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе к лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая почва вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство видов почвы. Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает.

С начала и до середины XVIII века в Англии, несмотря на понижающуюся цену золота и серебра, происходило непрерывное падение цен хлеба одновременно (если рассматривать весь период) с ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I, комбинированной с таблицей II в восходящем направлении, причем, однако, худшая земля A или подвергается улучшению или исключается из числа земель, находящихся под культурой хлеба; это, конечно, не означает, что она не используется для других сельскохозяйственных или промышленных целей.

С начала XIX века (следует точнее обозначить время) до 1815 г. непрерывное повышение цен хлеба одновременно с постоянным ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой

земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I в нисходящем направлении. (Здесь следует привести цитату относительно обработки худших земель в то время.)

В эпоху Петти и Давенанта жалобы сельского населения и землевладельцев на улучшения и распашки; понижение ренты с лучших земель, повышение общей суммы ренты вследствие расширения площади земли, приносящей ренту.

(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также о разнице в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)

Относительно дифференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства массы продуктов. Возьмем, например, таблицу I. 10 кварталов всего продукта продаются за 600 шилл., так как рыночная цена определяется ценой производства на А, которая составляет 60 шилл. с квартера. Действительная же цена производства такова:

А	1 квартал = 60 шилл.	1 квартал = 60 шилл.
В	2 квартера = 60 шилл.	1 квартал = 30 шилл.
С	3 квартера = 60 шилл.	1 квартал = 20 шилл.
Д	4 квартера = 60 шилл.	1 квартал = 15 шилл.

10 кварталов = 240 шилл.	Средняя цена
	1 квартера = 24 шилл.

Действительная цена производства 10 кварталов = 240 шилл.; они продаются за 600, т. е. в $2\frac{1}{2}$ раза дороже. Действительная средняя цена 1 квартера = 24 шилл.; рыночная цена = 60 шилл., т. е. тоже в $2\frac{1}{2}$ раза дороже.

Мы имеем перед собою определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляет себя при посредстве конкуренции; эта последняя порождает ложную социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно, и земледельческих продуктов, есть общественный акт, хотя и общественно бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо основанный на меновой стоимости продукта, не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварталов будут представлять собою количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шилл. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт

в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2\frac{1}{2}$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждать, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к государству, — цены земельных продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя. Тождество рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого, на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными лицами, проявляется общественный характер стоимости. То, что общество, рассматриваемое как погребитель, переплачивает за продукты земли, то, что составляет минус реализации его рабочего времени в земледельческом продукте, — составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников.

Другое обстоятельство, важное для понимания того, что будет изложено в следующей главе под рубрикой II, таково:

Дело не только в ренте, с акра или гектара, вообще не только в различии между ценой производства и рыночной ценой, или между индивидуальной и общей ценой производства на акр, но также и в том, сколько акров каждого рода земли подвергается обработке. Здесь непосредственно важна лишь величина общей суммы ренты, т. е. совокупности ренты, получаемой со всей обрабатываемой площади; но это служит для нас в то же время переходом к исследованию того, как повышается *норма ренты*, хотя цены не увеличиваются, а при понижающихся ценах не увеличиваются различия в относительном плодородии различных сортов земли. Выше у нас было:

ТАБЛИЦА I

Сорт земли	Акры	Цена производства	Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
A.....	1	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B.....	1	3 »	2 »	1 кварт.	3 ф. ст.
C.....	1	3 »	3 »	2 »	6 »
D.....	1	3 »	4 »	3 »	9 »
Сумма ..	4 акра	—	10 кварт.	6 кварт.	18 ф. ст.

Предположим теперь, что число обрабатываемых акров каждого разряда удвоилось; в таком случае перед нами будет:

ТАБЛИЦА Ia

Сорт земли	Акры	Цена производства		Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
		на акр	всего			
A.....	2	6 ф. ст.	12 ф. ст.	2 кварт.	0	0
B.....	2	6 »	12 »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C.....	2	6 »	12 »	6 »	4 »	12 »
D.....	2	6 »	12 »	8 »	6 »	18 »
Сумма ..	8 акров	—	36 ф. ст.	20 кварт.	12 кварт.	36 ф. ст.

Мы предположим еще два случая: первый тот, когда производство расширяется на обоих худших видах почвы таким образом:

ТАБЛИЦА Ib

Сорт земли	Акры	Цена производства		Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
		на акр	всего			
A.....	4	3 ф. ст.	12 ф. ст.	4 кварт.	0	0
B.....	4	3 »	12 »	8 »	4 кварт.	12 ф. ст.
C.....	2	3 »	6 »	6 »	4 »	12 »
D.....	2	3 »	6 »	8 »	6 »	18 »
Сумма ..	12 акров	—	36 ф. ст.	26 кварт.	14 кварт.	42 ф. ст.

и, наконец, тот случай, когда расширение производства и возделываемой площади в четырех разрядах земли происходит неравномерно:

ТАБЛИЦА Ic

Сорт земли	Акры	Цена производства		Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
		на акр	всего			
A.....	1	3 ф. ст.	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B.....	2	3 »	6 »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C.....	5	3 »	15 »	15 »	10 »	30 »
D.....	4	3 »	12 »	16 »	12 »	36 »
Сумма ..	12 акров	—	36 ф. ст.	36 кварт.	24 кварт.	72 ф. ст.

Прежде всего во всех этих случаях I, Ia, Ib, Ic рента с 1 акра остается одна и та же, так как, собственно говоря, продукт одинаковой массы капитала на акр земли одного и того же рода остался неизменным; предположено только, — и это в каждый момент происходит в любой стране, — что земли различных родов находятся в определенном отношении ко всей возделываемой земле; и предположено, — а это постоянно имеет место в двух странах при сравнении их одна с другой или в одной и той же стране в различные периоды ее развития, — что изменяется отношение, в котором вся возделываемая земельная площадь распределяется между различными сортами земли.

При сравнении Ia с I мы видим, что если обработка земель всех четырех разрядов возрастает в одинаковой пропорции, то с удвоением количества обрабатываемых акров удваивается все производство, а также рента в зерне и деньгах.

Но при последовательном сравнении Ib и Ic с I мы найдем, что в обоих случаях площадь обрабатываемой земли увеличивается втрое. В обоих случаях она увеличивается с 4 до 12 акров, но в Ib наибольшее увеличение происходит в разрядах *a* и *b*, из которых *a* не приносит никакой ренты, а *b* — наименьшую дифференциальную ренту; из 8 вновь возделываемых акров на долю *a* и *b* приходится по 3, итого 6 акров, тогда как на *c* и *d* приходится лишь по 1 акру, всего 2. Другими словами: $\frac{3}{4}$ прироста приходится на *a* и *b* и лишь $\frac{1}{4}$ на *c* и *d*. При таких данных, в Ib по сравнению с I увеличению в три раза площади возделанной земли не соответствует такое же увеличение продукта, так как количество его увеличилось с 10 не до 30, а лишь до 26. С другой стороны, так как значительная часть прироста приходится на разряд *A*, который не приносит ренты, а большая часть прироста, совершившегося на лучших землях, приходится на разряд *B*, то рента в зерне увеличилась лишь с 6 до 14 кварталов, а денежная рента — с 18 до 42 ф. ст.

Если мы, напротив, сравним Ic с I, т. е. случай, когда не приносящая ренты земля совсем не увеличивается в размере, земля, приносящая минимальную ренту, увеличивается лишь незначительно, тогда как наибольший прирост падает на *C* и *D*, то мы увидим, что при увеличении площади возделанной земли в три раза производство возросло с 10 до 36 кварталов, т. е. более чем в три раза; рента в зерне увеличилась с 6 до 24 кварталов, или в четыре раза, и во столько же раз увеличилась денежная рента: с 18 до 72 ф. ст.

Во всех этих случаях по самому существу дела цена земледельческого продукта остается неизменной; во всех случаях общая сумма

ренды возрастает с расширением культуры, поскольку оно происходит не исключительно на худшей земле, не приносящей никакой ренты. Но рост этот различен. В той мере, в какой расширение имеет место на лучших сортах земли и, следовательно, масса продукта растет не только пропорционально увеличению земельной площади, но быстрее, в такой же мере увеличивается и рента в зерне и деньгах. В той мере, в какой расширение происходит преимущественно на наихудшей земле и на близких к ней видах почвы (причем предполагается, что категория наихудшей земли остается одна и та же), общая сумма ренты не увеличивается пропорционально расширению культивируемой площади. Следовательно, если даны две страны, в которых не приносящая ренты земля *A* одинакова по качеству, то сумма ренты будет находиться в обратном отношении к той соответственной доле, которую в общей площади возделанной земли составляют наихудшие и менее хорошие категории почвы, а потому и в обратном отношении к массе продукта, получающейся при одинаковой затрате капитала на равновеликую общую площадь земли. Таким образом отношение между количеством обрабатываемой земли наихудшего качества и количеством земли наилучшего качества в пределах всей земельной площади страны оказывает на общую сумму ренты влияние обратное тому, какое отношение между качеством наихудшей из возделываемых земель и качеством лучшей и наилучшей оказывает на ренту с акра и, следовательно, при прочих равных условиях и на сумму ренты. Смешивание этих двух моментов дало повод к всевозможным нелепым возражениям против теории дифференциальной ренты.

Итак, общая сумма ренты возрастает уже вследствие одного расширения культуры и соединенного с ним увеличенного приложения капитала и труда к земле.

Но наиболее важным пунктом является такой: хотя, согласно предположению, отношение рент с различных видов почвы, по расчету на акр, не изменяется, а потому не изменяется и норма ренты по отношению к капиталу, затраченному на каждый акр, однако оказывается следующее: если мы сравним Ia с I — случай, когда число возделанных акров и произведенная на них затрата капитала увеличились пропорционально, — то мы найдем, что так же, как общее производство возросло пропорционально увеличившейся площади возделанной земли — оба удвоились, — возросла и общая сумма ренты. Она увеличилась с 18 до 36 ф. ст., совершенно так же, как число акров, увеличившееся с 4 до 8.

Если мы возьмем общую площадь в 4 акра, то общая сумма ренты с них составит 18 ф. ст., следовательно, средняя рента, при-

нимая в расчет землю, которая не приносит ренты, составит $4\frac{1}{2}$ ф. ст. Такой расчет мог бы сделать, например, какой-нибудь земельный собственник, которому принадлежали бы все 4 акра; и таким же образом статистика исчисляет среднюю ренту всей страны. Общая сумма ренты в 18 ф. ст. получается при применении капитала в 10 ф. ст. Отношение между обоими этими числами мы называем нормой ренты; в данном случае, следовательно, 180%.

Та же норма ренты получается в случае Ia, в котором вместо 4 акров возделывается 8, но все виды почвы в одинаковом отношении участвовали в приросте. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. дает при 8 акрах и 20 ф. ст. затраченного капитала среднюю ренту в $4\frac{1}{2}$ ф. ст. с акра и норму ренты в 180%.

Если же мы, напротив, рассмотрим случай Ib, когда прирост произошел главным образом на обоих худших видах почвы, то мы получим ренту в 42 ф. ст. с 12 акров, т. е. среднюю ренту в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. с акра. Весь затраченный капитал = 30 ф. ст., следовательно, норма ренты = 140%. Таким образом средняя рента с акра уменьшилась на 1 ф. ст., а норма ренты упала со 180 до 140%. Следовательно, при возрастании общей суммы ренты с 18 до 42 ф. ст. здесь происходит понижение средней ренты, исчисляемой как на акр, так и на капитал; понижение параллельное, но не пропорциональное возрастанию производства. Это происходит несмотря на то, что рента во всех сортах земли, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, остается прежняя. Причина заключается в том, что $\frac{3}{4}$ прироста приходится на землю A, не дающую ренты, и на B, дающую лишь минимальную ренту.

Если бы в случае Ib все расширение ограничилось лишь землей A, то мы имели бы 9 акров на A, 1 на B, 1 на C и 1 на D. Общая сумма ренты попрежнему была бы 18 ф. ст., а следовательно, средняя рента с акра на этих 12 акрах равнялась бы $1\frac{1}{2}$ ф. ст.; 18 ф. ст. ренты на 30 ф. ст. затраченного капитала составляли бы норму ренты в 60%. Средняя рента, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, сильно уменьшилась бы, тогда как общая сумма ренты не возросла бы.

Сравним, наконец, Ic с I и Ib. По сравнению с I земельная площадь увеличилась втрое и так же увеличился затраченный капитал. Общая сумма ренты = 72 ф. ст. с 12 акров, т. е. 6 ф. ст. с акра вместо $4\frac{1}{2}$ ф. ст. в случае I. Норма ренты на затраченный капитал (72 ф. ст.: 30 ф. ст.) составляет 240% вместо 180%. Весь продукт увеличился с 10 до 36 кварталов.

Если мы сравним с Ib, где общее число возделанных акров, затраченный капитал и разности между возделанными видами почвы

остались прежние, но распределение их иное, то увидим, что продукт = 36 квартерам вместо 26 квартеров, средняя рента с акра = 6 ф. ст. вместо $3\frac{1}{2}$ и норма ренты по отношению ко всему авансированному капиталу той же величины = 240% вместо 140%.

Как бы мы ни стали рассматривать различные положения, изображенные в таблицах Ia, Ib, Ic, — как положения, одновременно существующие одно возле другого в различных странах, или как последовательные положения в одной и той же стране, — мы приходим к следующим выводам: при постоянной цене хлеба — постоянной потому, что продукт с наихудшей, не приносящей ренты земли остается тот же; при неизменяющемся различии в плодородии различных разрядов возделываемой земли; при относительно одинаковом количестве продукта, а следовательно, при одинаковой затрате капитала в соответственно одинаковые доли (акры) земельной площади, обрабатываемой в каждом разряде; при постоянном вследствие этого отношении между рентами с акра каждого рода земли и при одинаковой норме ренты на капитал, вложенный в каждый участок земли одного и того же рода: *во-первых*, сумма ренты всегда возрастает вместе с расширением возделываемой площади, а следовательно, с увеличением затраты капитала, за исключением того случая, когда весь прирост приходится на долю не приносящей ренты земли. *Во-вторых*, как средняя рента на акр (общая сумма ренты, деленная на все число обрабатываемых акров), так и средняя норма ренты (общая сумма ренты, деленная на весь затраченный капитал) могут весьма значительно изменяться, и притом в одном направлении, но в различной мере одна по отношению к другой. Если не принимать во внимание того случая, когда расширение происходит лишь на земле А, не приносящей ренты, то оказывается, что средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал, вложенный в земледелие, зависят от того, какую долю всей возделываемой земли составляют земли различных разрядов; или, что сводится к тому же, от распределения всего затраченного капитала между землями различного плодородия. Много ли, мало ли земли обрабатывается в стране и в зависимости от этого (за исключением того случая, когда расширение приходится лишь на долю А) больше ли, меньше ли общая сумма ренты, — средняя рента на акр и средняя норма ренты на примененный капитал остаются без изменения до тех пор, пока не изменятся пропорции различных сортов земли во всей возделываемой площади. Несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением культуры и увеличением

затраты капитала, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал понижаются, если земельные участки, не приносящие ренты или приносящие лишь незначительную дифференциальную ренту, возрастают быстрее лучших, приносящих большую ренту земельных участков. Наоборот, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал повышаются по мере того, как лучшие земли начинают составлять относительно большую долю всей площади и на их долю поэтому приходится относительно большая затрата капитала.

Таким образом, если рассматривать среднюю ренту на акр или гектар всей возделываемой земли, как это обычно делается в статистических работах при сравнении различных стран в одну и ту же эпоху или различных эпох в одной и той же стране, то оказывается, что средняя высота ренты на акр, а потому и общая сумма ренты в известной мере (хотя отнюдь не в той же, а в быстрее возрастающей мере) соответствует не относительному, а абсолютному плодородию земледелия в стране, т. е. соответствует массе продуктов, получаемых в среднем с одинаковой земельной площади. Ибо чем большую долю общей площади составляют лучшие категории почвы, тем больше масса продуктов при одинаковой затрате капитала с земельной площади одинаковой величины, и тем больше средняя рента на акр. При обратном условии обратное. Вследствие этого кажется, что рента определяется не отношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и что таким образом закон дифференциальной ренты, уничтожается. Поэтому некоторые явления отрицаются или их пытаются объяснить несуществующими различиями средних хлебных цен и дифференциального плодородия возделываемых участков земли, — явления, основанные просто на том, что отношение общей суммы ренты как ко всей площади обрабатываемой земли, так и ко всему капиталу, вложенному в землю, при одинаковом плодородии не приносящей ренты земли, а потому и при одинаковых ценах производства и при одинаковой разнице между различными родами почвы, определяется не только рентой, получаемой на акр, или нормой ренты на капитал, но также и отношением числа акров земли каждого рода к общему числу возделываемых акров, или, что сводится к тому же, распределением всего затраченного капитала между различными родами почвы. До сих пор на это обстоятельство странным образом совершенно не обращали внимания. Во всяком случае оказывается, и это важно для дальнейшего хода нашего исследования, что относительная высота средней ренты на акр и средняя норма ренты, или

отношение общей суммы ренты ко всему вложенному в землю капиталу, могут увеличиваться или уменьшаться просто вследствие экстенсивного расширения культуры, при неизменяющихся ценах, неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых участков земли и неизменяющейся ренте с акра, или норме ренты на капитал, затраченный на акр в каждом действительно приносящем ренту разряде земли, т. е. на весь капитал, действительно приносящий ренту.

Необходимо сделать еще следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследована у нас под рубрикой I; они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II.

Во-первых: мы видели, как средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении культуры, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых земельных участков. Лишь только вся земля в какой-либо стране будет присвоена, затрата капитала на землю, культура и население достигнут определенной высоты, — условия, наличность которых предполагается, раз капиталистический способ производства сделался господствующим, подчинив себе и земледелие, — цена необработанной земли различного качества (предполагая существование лишь дифференциальной ренты) определяется ценой возделанных участков земли одинакового качества и соответственно расположенных. Цена этой земли такая же — за вычетом присоединяющихся к ней издержек по распашке, — хотя она и не приносит ренты. Конечно, цена земли есть не что иное, как капитализированная рента. Но и в цене возделанных земельных участков оплачиваются лишь будущие ренты, например, разом выплачиваются вперед ренты за двадцать лет, если определяющая процентная ставка = 5%. Раз продается земля, она продается как приносящая ренту, и перспективный характер ренты (которая рассматривается здесь как произведение земли, чем она является только по видимости) не делает разницы между невозделанной землей и возделанной. Цена невозделанных участков земли, как и рента с них, концентрированное выражение которой представляет цена земли, чисто иллюзорна, пока эти участки не будут действительно использованы. Но она определяется таким образом а priori [наперед] и реализуется, когда найдутся покупатели. Поэтому, если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной средней годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой

площади, то цена невозделанной части земельной площади определяется ценою возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала и ее результатов на возделанных земельных участках. Так как, за исключением наихудшей земли, все категории почвы приносят ренту (а эта рента, как мы увидим в рубрике II, возрастает вместе с массой капитала и соответствующей этой массе интенсивностью культуры), то благодаря этому образуется номинальная цена для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для своих владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю (Opdyke [Опдайк]). Земельная спекуляция, например в Соединенных Штатах, основана лишь на этом отражении, которое капитал и труд отбрасывают на невозделанную землю.

Во-вторых: процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или путем перехода к худшей земле или на различных имеющихся сортах земли в различных пропорциях, в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к худшей земле, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а может быть лишь, — предполагая капиталистический способ производства, — следствием повышения цен, а при всяком способе производства — лишь следствием необходимости. Но это не имеет безусловного значения. Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землей вследствие ее положения, которое имеет решающее значение при всяком расширении культуры в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя почва известной полосы в целом принадлежит по своему строению к числу более плодородных, все же местами земли лучшего и худшего качества могут причудливо чередоваться, и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной связи с лучшей. Если худшая земля врезывается отдельными участками в лучшую, то последняя дает ей преимущество положения перед землей более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

Так, штат Мичиган среди западных штатов начал вывозить хлеб одним из первых. Почва его в общем скудна. Но соседство со штатом Нью-Йорк и водное сообщение посредством озер и канала Эри сначала давали ему преимущество перед более плодородными от природы штатами, находящимися далее к западу. Пример этого штата в сравнении со штатом Нью-Йорк может также служить иллюстрацией перехода от лучшей земли к худшей. Почва штата

Нью-Йорк, особенно западная часть, несравненно плодороднее, в особенности для возделывания пшеницы. Хищнической обработкой эта плодородная земля была превращена в неплодородную, и почва Мичигана оказалась теперь плодороднее.

«В 1836 г. через Буффало транспортировали водою пшеничную муку на запад, главным образом из пшеничного округа Нью-Йорка и Верхней Канады. В настоящее время, спустя лишь 12 лет, громадные запасы пшеницы и муки с запада привозят по озеру и каналу Эри в Буффало и соседнюю гавань Блэкрок для отправки водою на восток. Экспорт пшеницы и муки особенно стимулировался голодом в Европе в 1847 г. Вследствие этого пшеница в западном Нью-Йорке стала дешевле и возделывание ее сделалось менее выгодным; это побудило нью-йоркских фермеров больше заняться скотоводством, молочным хозяйством, плодоводством и т. д., т. е. такими отраслями, в которых по их мнению северо-запад не сумеет непосредственно конкурировать с ними» (J. W. Johnston, «Notes of North America», London 1851, I, стр. 222).

В-третьих: неправильно предполагать, что почва колоний и вообще молодых стран, которые могут вывозить хлеб по более дешевой цене, непременно отличается большим естественным плодородием. Хлеб продается в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах.

Если мы, как говорит Джонстон (стр. 223), «с этими новыми штатами, из которых ежегодно подвозят в Буффало такие большие количества пшеницы, привыкли соединять представление о большом природном плодородии и беспредельном пространстве богатой земли», то это зависит прежде всего от экономических условий. Все население такой страны, как, например, Мичиган, занималось в начале почти исключительно сельским хозяйством и специально массовыми продуктами его, так как только их можно было обменивать на промышленные товары и тропические продукты. Весь его избыточный продукт является поэтому в форме хлеба. Это уже с самого начала отличает колониальные государства, основанные на базе современного мирового рынка, от прежних и в особенности от колоний античного мира. Современные колонии получают, чрез посредство мирового рынка, готовыми те продукты, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготавливать самим, как то: одежду, орудия и т. д. Только на такой основе южные штаты Союза и могли превратить хлопок в свой главный продукт. Разделение труда на мировом

рынке дает им эту возможность. Если поэтому *кажется*, что они, принимая во внимание их молодость и относительную малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почвы и не плодотворности [Fruchtbarkeit] их труда, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд представлен.

Далее, в относительно менее плодородной пахотной земле, которая лишь недавно начала обрабатываться и еще не была тронута культурой, при более или менее благоприятных климатических условиях накоплено, по крайней мере в верхних слоях, так много легко растворимых веществ, необходимых для питания растений, что она долгое время дает урожай, не требуя удобрения, да еще при самой поверхностной обработке. Что касается западных прерий, то сюда присоединяется еще и то, что они почти не требуют никаких издержек на распашку, так как они пригодны для возделывания уже от природы ^{33а}. В менее плодородных областях этого рода избыток получается не вследствие высокого плодородия почвы, т. е. не вследствие высокого продукта на акр, а вследствие большого количества акров, которые могут быть поверхностно возделаны, так как сама эта земля или ничего не стоит возделывателю или, по сравнению со старыми странами, стоит чрезвычайно дешево. Например, там, где существует издольная аренда, как в некоторых частях Нью-Йорка, Мичигана, Канады и т. д. Одна семья поверхностно обрабатывает, скажем, 100 акров, и, хотя количество продукта, получаемого с акра, невелико, со 100 акров это дает значительный избыток для продажи. К этому присоединяется еще почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли. Возможность такой поверхностной обработки естественно исчерпывается более или менее быстро, — тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше

^{33а} {Быстро возрастающее возделывание таких прерий и степных местностей как раз превратило в последнее время прославленное положение Мальтуса: «население давит на средства существования» в посмешище для детей, и в противоположность этому вызвало жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия погибнут, если насильственными мерами не устранить жизненных средств, которые дают на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается; поэтому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор. — Ф. Э.}

вывоз ее продукта. «И все же такая земля дает превосходные первые урожаи, даже урожаи пшеницы; тот, кто снимает первые сливки с земли, может послать на рынок большой избыток пшеницы» (там же, стр. 224). В странах старой культуры отношения собственности, цена невозделанной земли, определяемая ценой возделанной и т. д., делают невозможным подобного рода экстенсивное хозяйство.

Следующие данные показывают, что, вопреки мнению Рикардо, эта земля не должна быть непременно очень плодородной, а также нет необходимости в том, чтобы возделывались категории почвы, одинаковые по своему плодородию: в штате Мичиган в 1848 г. было засеяно пшеницей 465 900 акров и производилось 4 739 300 бушелей, или в среднем по $10\frac{1}{5}$ бушеля на акр; по вычете семян это дает менее 9 бушелей на акр. Из 29 округов штата 2 производили в среднем 7 бушелей, 3—8, 2—9, 7—10, 6—11, 3—12, 4—13 бушелей и лишь 1 округ — 16 бушелей и еще 1—18 бушелей на акр (там же, стр. 226).

Для земледельческой практики большее плодородие почвы совпадает с возможностью более интенсивного немедленного использования этого плодородия. Такая возможность может быть больше по отношению к бедной от природы почве, чем по отношению к почве от природы богатой; колонист же прежде всего возьмется за такого рода землю и при недостатке капитала принужден будет так поступить.

Наконец, распространение культуры на все большие площади, — оставляя в стороне только что рассмотренный случай, когда приходится прибегать к земле худшего качества, чем та, которая до тех пор возделывалась, — на различные виды почвы, начиная с *A* и до *D*, т. е., например, обработка больших площадей земель *B* и *C*, отнюдь не предполагает предварительного повышения цен хлеба, подобно тому как ежегодное расширение, например, бумагопрядения не требует постоянного повышения цен пряжи. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на размер производства, однако, оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих своим уровнем на производство ни задерживающего, ни особо оживляющего влияния, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистически) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях — постоянной иммиграцией. Потребность постоянно возрастает и в предвидении этого все новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя,

в зависимости от обстоятельств, быть может, для возделывания новых и новых земледельческих продуктов. К этому само по себе приводит образование новых капиталов. Что касается единичного капиталиста, то размеры своего производства он соразмеряет с имеющимся в его распоряжении капиталом, поскольку это еще не выходит из-под его собственного контроля. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если произведено слишком много, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять свое производство как овладевая сравнительно большей частью существующего рынка, так и расширяя самый рынок.

ГЛАВА Сороковая.

ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II).

До сих пор мы рассматривали дифференциальную ренту лишь как результат различной производительности одинаковых затрат капитала на равных земельных площадях различного плодородия, так что дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в лучшую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовала более экстенсивная обработка земли, расширение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. Рассмотрим теперь, получится ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности затрачиваются один после другого на одном и том же участке земли и если они вкладываются одновременно в различные участки земли, — если только предположить, что результаты одни и те же.

Прежде всего нельзя отрицать, что, поскольку дело идет об образовании добавочной прибыли, совершенно безразлично, дадут ли 3 ф. ст. цены производства на акр земли *A* продукт в 1 квартал, так что 3 ф. ст. будут ценой производства и регулирующей рыночной ценой 1 квартера, тогда как 3 ф. ст. цены производства на акр земли *B* дадут 2 квартера и, таким образом, добавочную прибыль в 3 ф. ст., а 3 ф. ст. цены производства на акр земли *C* дадут 3 квартера и 6 ф. ст. добавочной прибыли, и, наконец, 3 ф. ст. цены производства на акр земли *D* дадут 4 квартера и 9 ф. ст. добавочной прибыли; или же такой результат получится от того, что эти 12 ф. ст. цены производства, соответственно 10 ф. ст. капитала, будут затрачены с таким же успехом, в такой же последовательности, на одном и том же акре. И в том и в другом случае капитал = 10 ф. ст. и стоимость его последовательно затрачивается частями — по

2½ ф. ст., — безразлично, затрачиваются ли они одновременно на 4 краях земли различного плодородия или же одна после другой на одном и том же акре, — а из этих частей, так как продукт их различен, одна не дает добавочной прибыли, между тем как другие дают добавочную прибыль, соответствующую разности между их продуктом и продуктом той затраты, которая не приносит ренты.

Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей стоимости капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию. Но во всяком случае второй способ представляет затруднение в моменте, касающемся превращения добавочной прибыли в ренту, этого изменения формы, которое предполагает передачу дополнительной прибыли капиталистическим арендатором собственнику земли. Вот почему английские арендаторы оказывают такое упорное сопротивление официальной земледельческой статистике. Отсюда же борьба, которую они ведут с землевладельцами из-за установления действительных результатов их капиталовложений (Мортон). Именно при аренде земель устанавливается величина ренты, и после этого добавочная прибыль, получаемая от последовательных затрат капитала, попадает в карман арендатора все время, пока длится арендный договор. Отсюда борьба арендаторов за продолжительные арендные договоры и, наоборот, — вследствие перевеса силы на стороне лэндлордов — увеличение числа контрактов, которые можно ежегодно расторгнуть (*tenancies at will*).

Поэтому ясно с самого начала: хотя для закона образования добавочной прибыли безразлично, вложены ли равные капиталы с различными результатами одновременно в земельные участки равной величины или последовательно друг за другом в один и тот же участок земли, однако это составляет значительную разницу для превращения добавочной прибыли в земельную ренту. Последний способ вводит это превращение, с одной стороны, в более узкие, с другой — в менее устойчивые пределы. Поэтому в странах интенсивной культуры (а в экономическом смысле под интенсивной культурой мы разумеем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого) работа таксатора, как показывает Мортон в своих «*Resources of Estates*», становится очень важной, сложной и трудной профессией. При более прочных улучшениях земли, когда истекает срок арендного договора, искусственно повышенное дифференциальное плодородие земли

совпадает с естественным, а потому и оценка размера ренты совпадает с определением ренты от земель различного плодородия вообще. Напротив, поскольку образование добавочной прибыли определяется величиной капитала, вложенного в дело, величина ренты, получаемой при известном размере этого капитала, будет присоединена к средней ренте страны; поэтому будут обращать внимание на то, чтобы новый арендатор располагал капиталом, достаточным для продолжения культуры с прежней степенью интенсивности.

При рассмотрении дифференциальной ренты II необходимо отметить еще следующие пункты.

Во-первых: ее основой и исходным пунктом не только исторически, но и поскольку дело идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, т. е. одновременное возделывание земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по положению, т. е. одновременное применение различных составных частей всего земледельческого капитала на землях различного качества.

Исторически это само собою разумеется. В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал; главными агентами производства являются труд и земля. Каждый отдельный глава семьи старается создать для себя и своих независимое поле действия, рядом с сотоварищами-колонистами. В собственно земледелии уже при докапиталистических способах производства дело должно было происходить вообще таким же образом. При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер. Капиталистический способ производства исходит из прежних способов производства, при которых средства производства фактически или юридически составляют собственность самого возделывателя, словом, из ремесленного ведения сельского хозяйства. По самой природе дела из этого лишь постепенно развивается концентрация средств производства и превращение их в капитал, противостоящий непосредственным производителям, превращенным в наемных рабочих. Поскольку капиталистический способ производства выступает здесь со своими характерными чертами, это происходит впервые в особенности в области овцеводства и скотоводства; но проявляется это не в концентрации капитала на относительно небольшой пло-

щадя земли, а в производстве в большом масштабе, благодаря чему достигается экономия на количестве лошадей и других издержках производства; в действительности здесь нет приложения большого капитала к одной и той же земле. Далее, из естественных законов земледелия вытекает, что при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия. Пока возделываемая земля составляет относительно небольшую площадь сравнительно с невозделанной, и сила ее еще не истощена (а таково положение при преобладании скотоводства и мясной пищи в период, предшествующий периоду преобладания собственно земледелия и растительной пищи), возникающий новый способ производства противостоит крестьянскому производству именно по размеру земельной площади, обрабатываемой за счет одного капиталиста, т. е. опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади большего протяжения. Таким образом с самого начала следует иметь в виду, что дифференциальная рента I является той исторической основой, которая служит исходным пунктом. С другой стороны, движение дифференциальной ренты II в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама в свою очередь служит мозаичной основой для дифференциальной ренты I.

Во-вторых: при дифференциальной ренте в форме II к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. В собственно мануфактуре для каждой отрасли производства скоро слагается особый минимум размера предприятия и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельное предприятие. Точно так же в каждой отрасли производства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать добавочную прибыль; меньшего размера не дает и средней прибыли. Капиталистический способ производства лишь медленно и неравномерно захватывает сельское хозяйство, как это можно наблюдать в Англии, классической стране капиталистического способа производства в области земледелия. Поскольку не существует свободного ввоза хлеба или его влияние лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, т. е. при условиях производства более неблагоприятных, чем средние. Большая часть общей массы капитала, который применяется

в сельском хозяйстве и которым оно вообще располагает, находится в их руках.

Верно, что крестьянин, например, затрачивает много труда на свою маленькую парцеллу, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности, отрешенного от них.

Это обстоятельство приводит к тому, что настоящие капиталистические фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли, что не имело бы места — по крайней мере, поскольку дело касается указанной причины, — если бы капиталистический способ производства был так же равномерно развит в сельском хозяйстве, как в мануфактуре.

Рассмотрим сначала одно только образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте II, не касаясь условий, при которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту.

В таком случае ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с нею. Различие в плодородии различных земель влияет при дифференциальной ренте I лишь постольку, поскольку благодаря ему вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или соразмерно с их относительной величиной. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков разнородной земли, — это ничего не может изменить в различии плодородия или его продукта, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большей продуктивностью. Попрежнему при равных затратах капитала различное плодородие обнаруживает земля, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате различных частей общественного капитала одинаковой величины.

Предположим, что тот же капитал в 10 ф. ст., который затрачивался в таблице I различными фермерами в виде самостоятельных капиталов по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на каждый акр четырех родов земли *A*, *B*, *C* и *D*; вместо этого, затрачивается последовательно на одном и том же акре *D* так, что первая затрата дала бы 4 квартера, вторая — 3, третья — 2 и последняя — 1 квартал (или же в обратной последо-

вательности). В таком случае цена 1 квартера, получаемого от наименее доходной части капитала, равная 3 ф. ст., не приносила бы дифференциальной ренты, но определяла бы цену производства до тех пор, пока была бы еще необходимость в пшенице, цена производства которой = 3 ф. ст. А так как, согласно предположению, производство ведется капиталистически и, следовательно, цена в 3 ф. ст. включает в себе среднюю прибыль, приносимую вообще капиталом в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., то три остальные части по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. будут приносить, смотря по различию в количестве продукта, добавочную прибыль, так как этот продукт продается не по его цене производства, а по цене производства наименее доходной затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст.; затраты, которая не приносит ренты, и цена продукта которой регулируется по общему закону цен производства. Образование добавочной прибыли было бы такое же, как в таблице I.

Здесь снова оказывается, что дифференциальная рента II предполагает дифференциальную ренту I. Минимум продукта, который приносит капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., т. е. капитал, затраченный на наихудшей земле, мы приняли здесь в 1 квартал. Следовательно, предполагается, что арендатор земли *D*, помимо тех $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которые приносят ему 4 квартера, за что он уплачивает 3 квартера дифференциальной ренты, затрачивает на той же земле $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которые приносят ему всего лишь 1 квартал, подобно такому же капиталу на наихудшей земле *A*. В таком случае это была бы затрата капитала, не приносящая ренты, так как она принесла бы фермеру только среднюю прибыль. Здесь не было бы никакой добавочной прибыли, нечему было бы превращаться в ренту. Но, с другой стороны, это уменьшение продукта от второй затраты капитала на *D* не оказало бы никакого влияния на норму прибыли. Это было бы то же самое, как если бы $2\frac{1}{2}$ ф. ст. были вновь затрачены на какой-нибудь новый акр земли сорта *A*, — обстоятельство, которое не оказало бы никакого влияния на добавочную прибыль, а следовательно, и на дифференциальную ренту с земель *A*, *B*, *C*, *D*. Для фермера же эта дополнительная затрата $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на *D* была бы выгодна как раз в такой же мере, как, согласно нашему предположению, затрата первоначальных $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр земли *D*, хотя она приносит 4 квартера. Если, далее, следующие две затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. каждая дадут ему: первая 3, а вторая 2 квартера дополнительного продукта, то имело бы место новое уменьшение продукта по сравнению с продуктом, полученным от первой затраты в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на *D*, которая дала 4 квартера, а потому 3 квартера добавочной прибыли. Но это было бы лишь уменьшением величины добавочной прибыли и не оказало

бы никакого влияния ни на среднюю прибыль, ни на регулируемую цену производства. Последнее могло бы произойти лишь в том случае, если бы дополнительное производство, которое приносит пониженную добавочную прибыль, сделало излишним производство на *A* и таким образом исключило бы *A* из числа обрабатываемых земель. В этом случае с понижением продуктивности дополнительной затраты капитала на акре земли *D* было бы связано уменьшение цены производства, например, с 3 до $1\frac{1}{2}$ ф. ст., если бы землей, не приносящей ренты и регулирующей рыночную цену, сделался акр земли *B*.

Продукт с *D* был бы теперь $= 4 + 1 + 3 + 2 = 10$ квартерам, тогда как прежде он был равен 4 квартерам. Но цена квартера, регулируемая посредством *B*, уменьшилась бы до $1\frac{1}{2}$ ф. ст. Разница между *D* и *B* была бы $= 10 - 2 = 8$ квартерам, что по $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал составило бы 12 ф. ст., тогда как денежная рента с *D* раньше была $= 9$ ф. ст. Это следует отметить. Если сделать расчет на акр, то рента поднялась на $33\frac{1}{3}\%$, несмотря на уменьшившуюся норму добавочной прибыли с двух дополнительных капиталов по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. каждый.

Отсюда видно, к каким необыкновенно сложным комбинациям дает повод дифференциальная рента вообще и особенно в форме II вместе с формой I, тогда как Рикардо, например, трактует ее чрезвычайно односторонне и как простую вещь. Бывают случаи, как приведенный выше, когда происходит понижение регулирующей рыночной цены и вместе с тем увеличение ренты на плодородных землях, так что возрастает как абсолютный продукт, так и абсолютный добавочный продукт. (При дифференциальной ренте I по нисходящей линии может возрастать относительный добавочный продукт, а потому и рента с акра, хотя абсолютный добавочный продукт с акра остается тот же или даже уменьшается.) Но в то же время уменьшается производительность затрат капитала, которые делаются одна за другой на одной и той же земле, несмотря на то, что значительная часть их приходится на более плодородные земли. Если смотреть с одной точки зрения — с точки зрения количества продукта и цен производства — производительность труда возросла. Но с другой точки зрения она уменьшилась, так как норма добавочной прибыли и добавочный продукт на акр для различных затрат капитала на той же самой земле уменьшились.

Дифференциальная рента II, при уменьшающейся продуктивности последовательных затрат капитала, только в том случае была бы непременно связана с вздорожанием цены производства и абсолютным уменьшением производительности, если бы эти затраты ка-

питала могли быть произведены исключительно на худшей земле *A*. Если акр разряда *A*, дававший при затрате капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. 1 кварталер по цене производства в 3 ф. ст., дает, при дальнейшей затрате в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., т. е. при общей затрате в 5 ф. ст., в общей сложности лишь $1\frac{1}{2}$ кварталера, то цена производства этих $1\frac{1}{2}$ кварталеров = 6 ф. ст., а потому одного кварталера = 4 ф. ст. Всякое понижение производительности при возрастающей затрате капитала было бы здесь относительным уменьшением продукта с акра, тогда как такое понижение производительности на земле лучших сортов есть лишь уменьшение избыточного добавочного продукта.

Но по самой природе дела, интенсивная культура, т. е. последовательные затраты капитала на одной и той же земле, развивается преимущественно или в более значительной степени на землях лучших сортов. (Мы не говорим здесь о тех прочных улучшениях, посредством которых земли, до того времени непригодные, превращаются в пригодные.) Поэтому уменьшающаяся производительность последовательных затрат капитала должна действовать преимущественно вышеуказанным образом. Лучшая земля выбирается при этом потому, что она дает больше всего надежды на получение выгоды от употребленного на нее капитала, так как содержит в себе наибольшее количество естественных элементов плодородия, которые остаются только использовать.

Когда после отмены хлебных законов культура в Англии сделалась еще интенсивнее, масса земель, на которых прежде возделывалась пшеница, была использована для иных целей, а именно превращена в пастбища; напротив, плодородные пространства земли, наиболее пригодные для возделывания пшеницы, были дренированы и иным образом улучшены; капитал, применяемый для возделывания пшеницы, был сконцентрирован в более тесной области.

В этом случае, — а все возможные добавочные нормы, находящиеся между наибольшим количеством добавочного продукта лучшей земли и количеством продукта земли *A*, не приносящей ренты, соответствуют здесь не относительному, а абсолютному увеличению добавочного продукта на акр, — вновь образовавшаяся добавочная прибыль (потенциальная рента) представляет не превратившуюся в ренту часть прежней средней прибыли (часть продукта, в которой раньше была представлена средняя прибыль), а дополнительную добавочную прибыль, которая из этой формы превращается в ренту.

Напротив, только в том случае, если бы спрос на хлеб увеличился настолько, что рыночная цена превысила бы цену производства на земле *A*, и потому добавочный продукт с земель *A*, *B* или

какого-либо другого разряда можно было бы получать лишь по более высокой цене, чем 3 ф. ст., — только в этом случае уменьшение продукта от дополнительной затраты капитала на какой-либо из разрядов *A, B, C, D* было бы сопряжено с повышением цены производства и регулирующей рыночной цены. Поскольку такое положение установилось бы на сравнительно продолжительное время и не вызвало бы возделывания дополнительной земли *A* (по меньшей мере качества *A*) и вообще никакие другие влияния не привели бы к более дешевому предложению, заработная плата при прочих равных условиях повысилась бы вследствие вздорожания хлеба и соответственно этому понизилась бы норма прибыли. В этом случае было бы безразлично, удовлетворялся ли бы возросший спрос путем вовлечения в обработку земли худшего качества, чем *A*, или же путем дополнительной затраты капитала, все равно на каком из четырех сортов земли. Дифференциальная рента стала бы повышаться в связи с понижением нормы прибыли.

Этот один случай, когда убывающая производительность капиталов, дополнительно вкладываемых в земли, уже находящиеся под культурой, может привести к повышению цены производства, понижению нормы прибыли и образованию более высокой дифференциальной ренты, — так как эта последняя при данных условиях повысилась бы на всех родах земли совершенно так же, как если бы худшая, чем *A*, земля стала теперь регулировать рыночную цену, — этот случай Рикардо превращает в единственный случай, в нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты II.

Так оно и было бы в действительности, если бы обрабатывался лишь сорт земли *A* и если бы последовательные затраты капитала, производимые на ней, не были соединены с относительным приростом продукта.

Таким образом здесь, при дифференциальной ренте II, совершенно теряется из памяти дифференциальная рента I.

За исключением этого случая, когда предложения, исходящего с уже возделываемых земель, недостаточно, и потому рыночная цена в течение долгого времени превышает цену производства, пока не начнется возделывание новых, дополнительных худших земель, или пока весь продукт дополнительного капитала, затраченного на землях различных разрядов, не окажется возможным сбывать по более высокой цене производства, чем существовавшая до того времени, — за исключением этого случая относительное уменьшение производительности дополнительных капиталов не затраги-

вает регулирующей цены производства и норм прибыли. Вообще же говоря, возможны еще три следующих случая:

а) Если дополнительный капитал, затраченный на землю какого бы то ни было вида: A, B, C, D , дает лишь норму прибыли, определяемую ценой производства на A , то благодаря этому не образуется добавочной прибыли, а следовательно, и какой бы то ни было ренты, — не образуется точно так же, как если бы стала обрабатываться дополнительная земля A .

б) Если дополнительный капитал принесет большее количество продукта, то, само собою разумеется, образуется новая добавочная прибыль (потенциальная рента), если регулирующая цена остается прежняя. Последнее не всегда имеет место, именно не имеет места в том случае, если это дополнительное производство исключает землю A из числа обрабатываемых, а вместе с тем и из числа конкурирующих сортов земли. Тогда регулирующая цена производства понижается. Норма прибыли повысилась бы, если бы с этим было сопряжено понижение заработной платы или если бы более дешевый продукт вошел элементом в постоянный капитал. Если бы повышенная производительность дополнительных капиталов имела место на землях лучших сортов — C и D , то только от степени повышения производительности и от массы вновь вложенных капиталов зависело бы, насколько образование увеличенной добавочной прибыли (а следовательно, и увеличенной ренты) соединялось бы с понижением цены и повышением нормы прибыли. Эта последняя может повышаться и без понижения заработной платы вследствие удешевления элементов постоянного капитала.

с) Если дополнительная затрата капитала дает добавочную прибыль в убывающем размере, но все же так, что продукт этой затраты оставляет избыток по сравнению с продуктом такого же капитала, затраченного на земле A , то, если только увеличившееся предложение не исключит землю A из числа обрабатываемых земель, при всех обстоятельствах происходит образование новой добавочной прибыли, причем оно может произойти одновременно на D, C, B, A . Если же, напротив, из обработки будет вытеснена худшая земля A , то регулирующая цена производства понизится, и от отношения между уменьшившейся ценой 1 квартера и увеличившимся числом кварталов, образующих добавочную прибыль, зависит, повышается ли или понижается выраженная в деньгах добавочная прибыль, а следовательно, и дифференциальная рента. Но во всяком случае здесь обнаруживается то любопытное обстоятельство, что при уменьшении добавочной прибыли от последовательных затрат капитала цена

производства может уменьшаться, вместо того чтобы обязательно повышаться, как это представляется с первого взгляда.

Эти дополнительные затраты капитала с убывающими добавочными продуктами как раз соответствуют такому случаю, когда на землях, стоящих по своему плодородию между *A* и *B*, *B* и *C*, *C* и *D*, были бы, например, затрачены четыре новых самостоятельных капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которые приносили бы соответственно $1\frac{1}{2}$ квартера, $2\frac{1}{3}$, $2\frac{2}{3}$ и 3 квартера. На всех этих сортах земли, на все четыре дополнительных капитала образовались бы добавочные прибыли, потенциальные ренты, хотя норма добавочной прибыли по сравнению с той, которую приносит равная затрата капитала на соответственно лучшей земле, и уменьшилась бы. При этом было бы совершенно безразлично, вложены ли эти четыре капитала в землю *D* и т. д. или же распределены между *D* и *A*.

Мы подходим теперь к существенному различию между обеими формами дифференциальной ренты.

Когда дело идет о дифференциальной ренте I, здесь при неизменяющейся цене производства и неизменяющихся разностях вместе с общей суммой ренты может повыситься средняя рента на акр или средняя норма ренты на капитал. Но среднее — это лишь абстракция. Действительный уровень ренты, в расчете на акр или на капитал, здесь остается прежний.

Напротив, уровень ренты, при расчете на акр, при тех же условиях может повыситься, хотя норма ренты, вычисленная на затраченный капитал, остается прежняя.

Предположим, что производство удваивается вследствие того, что на каждом из родов земли *A*, *B*, *C*, *D* затрачивается капитала не по $2\frac{1}{2}$, а по 5 ф. ст., т. е. в общем 20 ф. ст. вместо 10 ф. ст., причем относительное плодородие остается прежнее. Это было бы совершенно то же самое, как если бы вместо 1 акра каждого из этих сортов земли обрабатывалось 2 акра, причем издержки оставались бы те же. Норма прибыли не изменилась бы, равно как и ее отношение к добавочной прибыли или ренте. Если же *A* и стала бы приносить теперь 2 квартера, *B* — 4, *C* — 6, *D* — 8, то цена производства попрежнему равнялась бы 3 ф. ст. за квартал, так как этот прирост был бы обязан своим происхождением не удвоившемуся плодородию при прежнем капитале, а прежнему относительному плодородию при удвоившемся капитале. Эти 2 квартера с *A* стоили бы теперь 6 ф. ст., как раньше 1 квартал стоил 3 ф. ст. Прибыль на всех четырех родах земли удвоилась бы, но только потому, что удвоился затраченный капитал. Но рента удвоилась бы, возросла бы в том же

отношении; она равнялась бы 2 квартерам для B вместо 1 квартера, 4 квартерам для C вместо 2 и 6 квартерам для D вместо 3, и соответственно этому денежная рента для B , C , D равнялась бы 6 ф. ст., 12 ф. ст., 18 ф. ст. Как и продукт на акр удвоилась бы и денежная рента при расчете на акр, а следовательно, цена земли, в которой капитализируется эта денежная рента. Согласно такому расчету, повышается хлебная и денежная рента, а следовательно, и цена земли, так как масштаб, которым измеряется последняя, акр, есть земельная площадь постоянной величины. Напротив, в относительной высоте ренты как норме ренты по отношению к затраченному капиталу не произошло никакого изменения. Общая сумма ренты в 36 относится к затраченному капиталу в 20, как общая сумма ренты в 18 к затраченному капиталу в 10. То же самое справедливо и для отношения денежной ренты, получаемой с земли каждого рода, к вложенному в последнюю капиталу; так, например, 12 ф. ст. ренты с земли C относятся к 5 ф. ст. капитала, как раньше 6 ф. ст. ренты относились к $2\frac{1}{2}$ ф. ст. капитала. При этом не образуется новых различий между затраченными капиталами, но образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли, принося при этом пропорционально своей величине прежний продукт. Если бы двойная затрата капитала была произведена, например, лишь на C , то дифференциальная рента между C , B и D по отношению к капиталу осталась бы тою же, потому что, хотя масса ренты, полученная с C , и удвоилась бы, но удвоился бы и затраченный капитал.

Отсюда видно, что при неизменной цене производства, неизменной норме прибыли и неизменных разностях (а потому, при неизменной норме добавочной прибыли или ренты, взятой в отношении к капиталу) высота ренты, выраженной в продукте и в деньгах, получаемых с акра, а следовательно, и цена земли может повыситься.

То же самое может произойти при уменьшающихся нормах добавочной прибыли, а следовательно, и ренты, т. е. при уменьшающейся производительности дополнительных затрат капитала, все еще приносящих ренту. Если бы вторичные затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. не дали удвоенного продукта, а на B получилось бы лишь $3\frac{1}{2}$ квартера, на C — 5 и на D — 7* кварталов, то дифференциальная рента на B для второй затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. равнялась бы лишь $\frac{1}{2}$ квартера вместо 1, на C — 1 квартеру вместо 2 и на D —

* В недавни 1894 г. — 6 кварталов. *Ред.*

2 квартерам вместо 3. Отношение между рентой и капиталом для обеих последовательных затрат было бы следующее:

	Первая затрата	Вторая затрата
B:	рента 3 ф. ст., капитал $2\frac{1}{2}$ ф. ст.	Рента $1\frac{1}{2}$ ф. ст., капитал $2\frac{1}{2}$ ф. ст.
C:	» 6 » » $2\frac{1}{2}$ »	» 3 » » $2\frac{1}{2}$ »
D:	» 9 » » $2\frac{1}{2}$ »	» 6 » » $2\frac{1}{2}$ »

Несмотря на такое понижение нормы относительной производительности капитала, а следовательно, и добавочной прибыли, взятой по отношению к капиталу, хлебная и денежная рента повысилась бы для *B* с 1 до $1\frac{1}{2}$ кварталов (с 3 до $4\frac{1}{2}$ ф. ст.), для *C* — с 2 до 3 кварталов (с 6 до 9 ф. ст.) и для *D* — с 3 до 5 кварталов (с 9 до 15 ф. ст.). В этом случае разности для дополнительных капиталов по сравнению с капиталом, вложенным в *A*, уменьшились бы, цена производства осталась бы прежняя, но рента на акр, а следовательно, и цена земли за акр увеличилась бы.

Теперь, что касается комбинаций дифференциальной ренты II, которая предполагает как свою основу дифференциальную ренту I, то они следующие.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ.

**ДИФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ:
ПОСТОЯННАЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА.**

Это условие предполагает, что рыночная цена попрежнему регулируется капиталом, вложенным в наилучшую землю А.

I. Если дополнительный капитал, вложенный в какую-либо землю, приносящую ренту, производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю А, т. е. если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая, таким образом, никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Все остается по-старому. Это равносильно тому, как если бы любое число акров качества А, наилучшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех родов дополнительные продукты пропорционально величине этих капиталов, т. е. производство возрастает, смотря по специфическому плодородию земли каждого рода, соразмерно с величиной дополнительного капитала. В XXXIX главе исходным пунктом нам служила следующая таблица I:

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Про- дукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выруч- ка ф. ст.	Рента		Норма доба- вочной при- были
								кварт.	ф. ст.	
А	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	1	3	3	0	0	0
В	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	2	3	6	1	3	120%
С	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	3	3	9	2	6	240%
Д	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	4	3	12	3	9	360%*
Итого .	4	10	—	12	10	—	30	6	18	—

* В изд. 1894 г. соответственно 12%, 24%, 36%. Ред.

Теперь из нее получается:

ТАБЛИЦА II

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	ПРОДУКТ кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма доба- вочной при- были
								кварт.	ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	2	3	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	4	3	12	2	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	6	3	18	4	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	8	3	24	6	18	360%
	4	20	—	—	20	—	60	12	36	—

В данном случае нет необходимости в том, чтобы капитал вкладывался в каждый из сортов земли в удвоенном размере, как это имеет место в таблице. Закон остается тот же, если только на какой-либо одной или нескольких категориях земли, приносящей ренту, затрачен дополнительный капитал в какой бы то ни было пропорции. Необходимо лишь, чтобы производство на всех этих землях увеличивалось в том же отношении, в каком увеличивается капитал. Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению затраченного на землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения затраченного капитала и пропорциональное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с какой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества. В случае, изображенном таблицей II, например, результат был бы тот же, если бы дополнительный капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр был затрачен на вторые акры земель B, C и D.

Этот пример не предполагает, далее, какого-либо более продуктивного применения капитала, а лишь применение большего капитала к той же площади и с теми же результатами, как и до того времени.

Все относительные величины здесь остаются прежние. Конечно, если рассматривать не относительные различия, а чисто арифметические, то окажется, что дифференциальная рента, получаемая

с различного рода земель, может изменяться. Предположим, например, что дополнительный капитал был вложен лишь в *B* и *D*. В таком случае разница между *D* и *A* = 7 кварталам; прежде эта разница была = 3; между *B* и *A* = 3 кварталам; прежде была = 1; разница между *C* и *B* = - 1; прежде была = + 1 и т. д. Но эта арифметическая разница, имеющая решающее значение при дифференциальной ренте I, поскольку в ней выражается различие в производительности при одинаковом размере вложенного капитала, в данном случае не имеет никакого значения, так как является лишь следствием того, вложены или нет различные дополнительные капиталы, причем разница для каждой равной части капитала на различных участках не изменяется.

III. Дополнительные капиталы приносят избыточный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но, при понижающейся норме, не пропорционально их увеличению.

ТАБЛИЦА III

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма доба- вочной при- были
								кварт.	ф. ст.	
A	1	2 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	3	1	3	3	0	0	0
B	1	2 ¹ / ₂ + 2 ¹ / ₂ = 5	1	6	2 + 1 ¹ / ₂ = 3 ¹ / ₂	3	10 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂	90%
C	1	2 ¹ / ₂ + 2 ¹ / ₂ = 5	1	6	3 + 2 = 5	3	15	3	9	180%
D	1	2 ¹ / ₂ + 2 ¹ / ₂ = 5	1	6	4 + 3 ¹ / ₂ = 7 ¹ / ₂	3	22 ¹ / ₂	5 ¹ / ₂	16 ¹ / ₂	330%
	—	17 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	21	17	—	51	10	30	—

При этом третьем предположении опять-таки безразлично, приходятся ли вторичные дополнительные затраты капитала равномерно или неравномерно на земли разного рода, или нет; в одинаковых или неодинаковых отношениях уменьшается производство добавочной прибыли; вкладывается ли дополнительный капитал в один и тот же сорт земли, приносящий ренту, или распределяется, равномерно или неравномерно, между приносящими ренту землями различного качества. Все эти обстоятельства не имеют никакого значения для развиваемого нами закона. Единственное предположение, которое мы делаем, заключается в том, что дополнительный капитал, вложенный в приносящую ренту землю какого бы то ни было рода, дает добавочную прибыль, но в уменьшающейся пропорции по сравнению со степенью увеличения капитала.

Пределы этого уменьшения колеблются в примерах находящейся перед нами таблицы между 4 квартерами = 12 ф. ст., продуктом первой затраты капитала на наилучшей земле *D*, и 1 кварталом = 3 ф. ст., продуктом такой же затраты капитала на наихудшей земле *A*. Продукт лучшей земли при затрате капитала *I* представляет максимальную границу, а продукт наихудшей земли *A*, не приносящей ренты, не дающей никакой добавочной прибыли при одинаковой затрате капитала, — минимальную границу продукта, получаемого от последовательных затрат капитала на приносящих ренту землях какого бы то ни было рода, при убывающей производительности последовательных затрат капитала. Если предположение II соответствует тому случаю, когда новые одинаковые по качеству участки земли лучших родов присоединяются к возделываемой земельной площади, когда увеличивается количество какого-либо рода возделанной земли, то предположение III соответствует тому случаю, когда возделываются дополнительные земельные участки, различные степени плодородия которых распределяются между *D* и *A*, между плодородием лучшей и худшей земли. Если последовательные затраты капитала производятся исключительно на земле *D*, то они могут заключать в себе различия, существующие между *D* и *A*, далее — различия между *D* и *C*, равно как и различия между *D* и *B*. Если же все они производятся на земле *C*, то лишь различия между *C* и *A* или *B*; если на *B*, то лишь различия между *B* и *A*.

Но закон таков: рента на землях всех этих родов абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу.

Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина добавочной прибыли возрастает совершенно так же, как уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли. Так, средняя норма добавочной прибыли, получаемой с капитала, вложенного в *B*, = 90% на капитал, тогда как при первой затрате капитала она была = 120%. Но совокупная добавочная прибыль увеличивается с 1 квартера до 1½ и с 3 ф. ст. до 4½. Вся рента, взятая сама по себе, а не по отношению к удвоившемуся размеру авансированного капитала, абсолютно возросла. Различия между рентами различных сортов земли и их отношение друг к другу могут здесь изменяться; но это изменение различий является следствием, а не причиной увеличения рент одной по отношению к другой.

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собою разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный капитал, на какую бы категорию земли он ни был затрачен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением. Сюда же относятся случаи, когда дополнительная затрата меньшего капитала производит то же или большее действие, чем прежняя дополнительная затрата большего капитала. Случай этот не совсем тождествен с прежним, причем различие, существующее между ними, имеет важное значение при всех затратах капитала. Если, например, 100 дают прибыль в 10, а 200, при определенной форме применения, дают прибыль в 40, то прибыль увеличилась с 10% до 20%, и постольку это равносильно тому, как если бы 50, при более целесообразной форме применения, дали прибыль в 10 вместо 5. Мы предполагаем здесь, что увеличение прибыли связано с соответственным увеличением продукта. Но различие заключается в том, что в одном случае я должен удвоить капитал, тогда как в другом — я получаю удвоенный эффект при прежнем капитале. Отнюдь не безразлично, произвожу ли я: 1) прежний продукт при половине прежнего количества живого и овеществленного труда или 2) удвоенный продукт при прежнем количестве труда, или 3) учетверенный продукт при удвоенном количестве труда. В первом случае труд — в живой или овеществленной форме — освобождается и может быть употреблен как-либо иначе; возможность располагать трудом и капиталом увеличивается. Освобождение капитала (и труда) само по себе есть увеличение богатства; оно оказывает совершенно то же действие, как если бы этот дополнительный капитал был получен при помощи накопления, но оно сберегает труд накопления.

Положим, что капитал в 100 произвел продукт в 10 метров. В 100 содержится как постоянный капитал, так и живой труд и прибыль. Таким образом метр стоит 10. Если теперь при помощи того же капитала в 100 я могу произвести 20 метров, то метр будет стоить 5. Если, напротив, я могу с капиталом в 50 произвести 10 метров, то метр будет также стоить 5, причем высвобождается капитал в 50, если только прежнее предложение товара достаточно. Если я должен затратить капитал в 200, чтобы произвести 40 метров, то метр также будет стоить 5. Определение стоимости, равно как и цены, так же мало позволяет уловить здесь какое-либо различие, как и масса продукта, пропорциональная авансированному капиталу.

Но в первом случае — сберегается дополнительный капитал*, поскольку потребовалось бы примерно удвоить производство; во втором случае — высвобождается капитал**; в третьем случае увеличенный продукт можно получить лишь при том условии, если увеличится авансированный капитал, хотя и не в такой пропорции, какая потребовалась бы, если бы большее количество продукта пришлось изготовлять при прежней производительной силе. (Относится к отделу I.)

С точки зрения капиталистического производства, по отношению не к увеличению прибавочной стоимости, а к уменьшению издержек производства, — а сокращение издержек даже на элемент, образующий прибавочную стоимость, на труд, оказывает капиталисту такую же услугу и образует для него прибыль, пока регулирующая цена производства остается прежняя, — применение постоянного капитала всегда дешевле, чем переменного. В действительности, это предполагает соответствующее капиталистическому способу производства развитие кредита и обилие ссудного капитала. С одной стороны, я применяю 100 ф. ст. дополнительного постоянного капитала, если 100 ф. ст. составляют продукт 5 рабочих в продолжение года; с другой стороны — 100 ф. ст. в виде переменного капитала. Если норма прибавочной стоимости = 100%, то стоимость, произведенная 5 рабочими, = 200 ф. ст.; напротив, стоимость 100 ф. ст. постоянного капитала = 100 ф. ст. и как капитала, быть может, она = 105 ф. ст., если процентная ставка = 5%. Одни и те же денежные суммы, смотря по тому, авансированы ли они для производства как стоимость постоянного или же как стоимость переменного капитала, выражают, если рассматривать их продукт, весьма различные стоимости. Что касается, далее, издержек производства товаров, с точки зрения капиталиста, то разница заключается еще в том, что из этих 100 ф. ст. постоянного капитала, поскольку они вложены в основной капитал, в стоимость товара входит лишь снашивание, тогда как 100 ф. ст., израсходованные на заработную плату, должны быть целиком воспроизведены.

У колонистов и вообще самостоятельных мелких производителей, которые совсем не располагают капиталом или могут располагать им только из высоких процентов, часть продукта, соответствующая заработной плате, представляет их доход, тогда как для капиталистов она является авансированием капитала. Поэтому пер-

* В изд. 1894 г. — «высвобождается капитал». *Ред.*

** Там же — «сберегается дополнительный капитал». *Ред.*

вый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие продукта труда, который прежде всего и имеется в виду. Что же касается избыточного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в избыточном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как нечто ничего ему не стоившее, так как он не стоил овеществленного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Он естественно стремится продавать как можно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и т. д. Напротив, для капиталистов затрата как переменного капитала, так и постоянного одинаково является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, равно как в действительности и стоимость товаров. Поэтому, хотя прибыль происходит лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, все же отдельному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом цены производства, который больше всего следует сводить к минимуму. Это лишь капиталистически искаженная форма той истины, что относительно большее применение прошлого труда, по сравнению с живым, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком ложном виде, каким перевернутым на голову представляется все с точки зрения конкуренции.

При условии неизменных цен производства дополнительные затраты капитала могут быть сделаны с постоянной, возрастающей или с убывающей производительностью на лучших землях, т. е. на всех землях, начиная с B и выше. На A это было бы возможно, при нашем предположении, только или при прежней производительности, причем земля попрежнему не дает ренты, или же при условии возрастания производительности; в таком случае одна часть вложенного в A капитала приносила бы ренту, другая — нет. Но это было бы невозможно при предположении, что производительная сила на A уменьшается, потому что в таком случае цена производства не осталась бы тою же, а повысилась бы. Но при всех этих обстоятельствах, т. е. будет ли приносимый дополнительными затратами добавочный продукт пропорционален их величине, будет ли он выше или ниже этой пропорции, — останется ли поэтому норма добавочной прибыли на капитал при возрастании последнего та же

самая, повышается или понижается, — добавочный продукт и соответствующая ему добавочная прибыль с акра возрастает, а следовательно, может возрасти и рента как в хлебе, так и в деньгах. Возрастание просто массы добавочной прибыли, соответственно ренты, при расчете на акр, т. е. увеличение массы на какую-нибудь постоянную единицу, в данном случае, следовательно, на какое-нибудь определенное количество земли, акр или гектар, получает здесь выражение как возрастающая пропорция. Поэтому рента с акра возрастает при этих условиях просто вследствие увеличения капитала, вложенного в землю. И притом это происходит при неизменяющихся ценах производства, а потому, напротив, безразлично, остается ли производительность дополнительного капитала прежняя, уменьшается ли она или увеличивается. Эти последние обстоятельства изменяют размер, в котором происходит возрастание ренты на акр, но не самый факт этого возрастания. Это — явление, свойственное дифференциальной ренте II и отличающее ее от дифференциальной ренты I. Если бы дополнительные затраты капитала производились не одна за другой, последовательно во времени, на одной и той же земле, а последовательно в пространстве, одна рядом с другой, на новых дополнительных участках земли соответствующего качества, то увеличилась бы общая масса ренты, а также, как это показано раньше, средняя рента со всей возделываемой площади, но не высота ренты с акра. При неизменном результате со стороны массы и стоимости всего производства и добавочного продукта, концентрация капитала на земельной площади меньшего размера повышает размер ренты с акра в тех случаях, когда рассеяние того же капитала на земельную площадь больших размеров при прочих равных условиях не оказывает такого действия. Но чем больше развивается капиталистический способ производства, тем более концентрируется капитал на одной и той же земельной площади, тем более, следовательно, повышается рента, в расчете на акр. Таким образом, если мы возьмем две страны, в которых цены производства были бы одинаковы, различия между разными сортами земли одинаковы и была бы вложена одинаковая масса капитала, но в одной стране преимущественно в виде последовательных затрат на ограниченной земельной площади, в другой — преимущественно в виде координированных затрат на более обширной площади, то рента с акра, а потому и цена земли была бы выше в первой и ниже во второй стране, хотя масса ренты в обеих странах была бы одинакова. Следовательно, различие в высоте ренты можно было бы объяснить здесь не различием естественного плодородия разнородных земель и не количе-

ством затраченного труда, а исключительно различным способом затрат капитала.

Когда мы здесь говорим о добавочном продукте, то всегда под этим подразумевается соответственная часть продукта, в которой представлена добавочная прибыль. Вообще же под прибавочным продуктом или добавочным продуктом мы разумеем ту часть продукта, которая представляет всю прибавочную стоимость, а в единичных случаях разумеем ту часть продукта, в которой представлена средняя прибыль. Специфическое значение, придаваемое этому слову в тех случаях, когда дело идет о капитале, приносящем ренту, дает, как это было указано раньше, повод к недоразумениям.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ВТОРОЙ СЛУЧАЙ: ПОНИЖАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА.

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

1. При неизменяющейся производительности дополнительных затрат капитала.

Этот случай, таким образом, предполагает, что количество продукта на землях различных родов возрастает, соответственно качеству каждого из них, в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исключает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле *A*. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остается = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях лишь понизиться, так как вместо цены производства *A* регулирующей становится цена производства на ближайшей по качеству земле *B*, или вообще на какой-нибудь земле, лучшей, чем *A*; если бы цена производства на земле *C* сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечен из *A* или даже из *A* и *B*, и таким образом вся земля, худшая, чем *C*, перестала бы конкурировать с землями, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле *A* и т. д. сделалось бы излишним для обеспечения предложения.

Итак, возьмем, например, таблицу II, но изменим ее таким образом, чтобы не 20 кварталов, а 18 удовлетворяли потребностям. В таком случае земля А отпала бы; В*, а вместе с ней цена производства в 30 шилл. стала бы регулирующей. Дифференциальная рента принимает тогда следующую форму:

ТАБЛИЦА IV

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена за кварт. ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								в зерне кварт.	в деньгах ф. ст.	
В	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
С	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
Д	1	5	1	6	8	1½	12	4	6	120%
Итого	3	15	3	18	18	—	27	6	9	—

Таким образом, вся рента по сравнению с таблицей II понизилась бы с 36 ф. ст. до 9, а в хлебе — с 12 кварталов до 6; все производство сократилось бы лишь на 2 квартера, с 20 до 18. Норма добавочной прибыли, вычисленная в отношении к капиталу, понизилась бы втрое, с 180 до 60%**. Следовательно, понижению цены производства здесь соответствует уменьшение хлебной и денежной ренты.

По сравнению с таблицей I происходит уменьшение лишь денежной ренты; хлебная рента в обоих случаях равняется 6 квартерам, но только в одном случае они = 18 ф. ст., в другом = 9 ф. ст. Для земли С*** хлебная рента по сравнению с таблицей I осталась прежняя. Благодаря тому, что добавочное производство, достигнутое применением дополнительного капитала равной производительности, вытеснило с рынка продукт А и вместе с тем устранило землю А из числа конкурирующих агентов производства, — благодаря этому в действительности образовалась новая дифференциальная рента I, в которой лучшая земля В играет ту же роль, какую раньше играла более плохая земля А. Вследствие этого, с одной стороны, отпадает

* В изд. 1894 г. — D. Ред.

** Там же — вдвое, с 180 до 90%. Ред.

*** Там же — для земель С и D. Ред.

рента с *B*; с другой стороны, согласно предположению, затрата дополнительного капитала ничего не изменила в различиях между *B*, *C* и *D*. Поэтому часть продукта, превращающаяся в ренту, уменьшается.

Если бы результат, о котором говорится выше, — удовлетворение спроса при исключении земли *A* — был получен более чем двойной затратой капитала на землях *C* или *D* или на обеих вместе, то дело приняло бы другой вид. Например, если бы третья затрата капитала была произведена на *C*:

ТАБЛИЦА IVa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной привыки
								в зерне кварт.	в деньгах ф. ст.	
<i>B</i>	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
<i>C</i>	1	7½	1½	9	9	1½	13½	3	4½	60%
<i>D</i>	1	5	1	6	8	1½	12	4	6	120%
Итого	3	17½	3½	21	21	—	31½	7	10½	—

Количество продукта с *C* увеличилось здесь по сравнению с таблицей IV с 6 кварталов до 9, количество добавочного продукта — с 2 кварталов до 3, денежная рента возросла с 3 до 4½ ф. ст. В сравнении же с таблицей II*, где денежная рента = 12 ф. ст., и таблицей I, где она = 6 ф. ст., она, напротив, уменьшилась. Общая сумма ренты, выраженная в хлебе = 7 квартерам, уменьшилась по сравнению с таблицей II (12 кварталов), повысилась по сравнению с таблицей I (6 кварталов); выраженная в деньгах (10½ ф. ст.), уменьшилась по сравнению с обеими (18 ф. ст. и 36 ф. ст.).

Если бы третий капитал в 2½ ф. ст. был затрачен на землю *B*, то хотя это и изменило бы массу производства, но не коснулось бы ренты, так как, согласно предположению, последовательные затраты капитала не вносят никакого различия в землю того же рода, а земля *B* ренты не приносит.

Напротив, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *D* вместо *C*, то у нас получилась бы

* В изд. 1894 г. — I. Ред.

ТАБЛИЦА IVb

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								кварт.	ф. ст.	
B	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
D	1	7½	1½	9	12	1½	18	6	9	120%
Итого	3	17½	3½	21	22	—	33	8	12	—

Здесь общее количество продукта = 22 квартерам, более чем вдвое по сравнению с таблицей I, хотя авансированный капитал = лишь 17½ ф. ст., по сравнению с 10 ф. ст., то есть не удвоился по сравнению с 10 ф. ст. Далее, общее количество продукта на 2 квартера превышает общее количество продукта таблицы II, хотя в последней авансированный капитал больше, а именно 20 ф. ст.

На земле D хлебная рента по сравнению с таблицей I возросла с 3* кварталов до 6, тогда как денежная рента осталась попрежнему 9 ф. ст. По сравнению с таблицей II хлебная рента с D осталась прежняя, 6 кварталов, но денежная рента снизилась с 18 ф. ст. до 9 ф. ст.

Если рассматривать общие суммы ренты, то хлебная рента таблицы IVb = 8 квартерам, больше, чем таковая таблицы I, равная 6 квартерам, и таблицы IVa, равная 7 квартерам, и, напротив, меньше, чем общая сумма ренты в таблице II = 12 квартерам. Денежная рента таблицы IVb = 12 ф. ст. больше, чем денежная рента таблицы IVa = 10½ ф. ст., и меньше денежной ренты таблицы I = 18 ф. ст. и таблицы II = 36 ф. ст.

Чтобы по отпадении ренты с B, при условиях таблицы IVb, общая сумма ренты была такая же, как в таблице I, мы должны получить еще на 6 ф. ст. добавочного продукта, т. е. 4 квартера по 1½ ф. ст., что является новой ценой производства. Тогда мы снова имеем общую сумму ренты в 18 ф. ст. как в таблице I. Величина требуемого на это дополнительного капитала будет различна в зависимости от того, вложим ли мы его в C или D или распределим между обоими видами почвы.

* В изд. 1894 г. — 2. Ред.

На *C* капитал в 5 ф. ст. приносит 2 квартера добавочного продукта, следовательно, 10 ф. ст. дополнительного капитала дадут 4 квартера дополнительного добавочного продукта. На *D* было бы достаточно дополнительной затраты в 5 ф. ст., чтобы произвести 4 квартера дополнительной хлебной ренты при предположении, положенном здесь в основу, что производительность дополнительных затрат капитала остается без изменения. Таким образом получаются следующие результаты.

ТАБЛИЦА IVc

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Про- дукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выруч- ка ф. ст.	Рента		Норма доба- вочной при- были
								кварт.	ф. ст.	
<i>B</i>	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
<i>C</i>	1	15	3	18	18	1½	27	6	9	60%
<i>D</i>	1	7½	1½	9	12	1½	18	6	9	120%
Итого	3	27½	5½	33	34	—	51	12	18	—

ТАБЛИЦА IVd

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Про- дукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выруч- ка ф. ст.	Рента		Норма доба- вочной при- были
								кварт.	ф. ст.	
<i>B</i>	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
<i>C</i>	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
<i>D</i>	1	12½	2½	15	20	1½	30	10	15	120%
Итого	3	22½	4½	27	30	—	45	12	18	—

Общая сумма ренты составила бы ровно половину того, что в таблице II, где дополнительные капиталы были затрачены при сохранении прежних цен производства.

Самое важное сравнить эти таблицы с таблицей I.

Мы видим, что при понижении цены производства наполовину, с 60 до 30 шилл. за квартал, общая сумма денежной ренты осталась прежняя = 18 ф. ст. и соответственно этому хлебная рента удвоилась, увеличилась с 6 до 12 кварталов. Рента с *B* отпала; с *C* денеж-

ная рента в IVc увеличилась наполовину, но вдвое уменьшилась в IVd; рента с *D* осталась прежняя = 9 ф. ст. в таблице IVc и поднялась с 9 до 15 ф. ст. в таблице IVd. Производство поднялось с 10 кварталов до 34 в IVc и до 30 кварталов в IVd; прибыль повысилась с 2 до 5½ ф. ст. в IVc и до 4½ в IVd. Общая затрата капитала возросла в одном случае с 10 до 27½ ф. ст., в другом — с 10 до 22½ ф. ст.; следовательно, оба раза более чем вдвое. Норма ренты, рента, исчисленная по отношению к авансированному капиталу, во всех таблицах с IV до IVd для каждого рода земли всюду одна и та же, что вытекает уже из предположения неизменности нормы производительности обеих последовательных затрат капитала на каждом роде почвы. Однако по сравнению с таблицей I она понизилась, — понизилась в среднем как для всех родов земли, так и для каждого отдельного рода. В таблице I она была равна 180% в среднем, в IVc = $\frac{18}{27\frac{1}{2}} \times 100 = 65\frac{5}{11}\%$ и в IVd = $\frac{18}{22\frac{1}{2}} \times 100 = 80\%$. Средняя денежная рента с акра повысилась. Ее средняя величина прежде, в таблице I, равнялась 4½ ф. ст. с акра для всех 4 акров, а теперь в IVc и в IVd равняется 6 ф. ст. с акра для 3 акров. Ее средняя величина для земли, приносящей ренту, равнялась прежде 6 ф. ст., а теперь равняется 9 ф. ст. на акр. Таким образом, денежная стоимость ренты с акра повысилась и представляет теперь вдвое больше продукта, чем прежде; но 12 кварталов хлебной ренты теперь составляют меньше половины всего продукта — 34 и 30 * кварталов, тогда как в таблице I шесть кварталов составляют $\frac{3}{5}$ всего продукта в 10 кварталов. Итак, хотя рента, если рассматривать ее как соответственную часть всего продукта, а также если взять ее в отношении к затраченному капиталу, и понизилась, однако ее денежная стоимость, при расчете на акр, увеличилась, а стоимость ее, выраженная в продуктах, увеличилась еще больше. Если мы возьмем землю *D* в таблице IVd, то вся соответствующая затрата капитала цена производства [die ausgelegten Produktionskosten] = 15 ф. ст., из которых 12½ ф. ст. составляют затраченный капитал. Денежная рента = 15 ф. ст. В таблице I цена производства на той же земле *D* была = 3 ф. ст., затраченный капитал = 2½ ф. ст., денежная рента = 9 ф. ст., следовательно, последняя втрое больше цены производства и почти в четыре раза больше затраченного капитала. В таблице IVd для *D* денежная рента в 15 ф. ст. как раз равна цене производства и лишь на $\frac{1}{5}$ превышает затраченный капитал.

* В изд. 1894 г. — 33 и 27. *Ред.*

При всем том денежная рента с акра на $\frac{2}{3}$ больше, равняется 15 ф. ст. вместо 9 ф. ст. В таблице I хлебная рента в 3 квартера = $\frac{3}{4}$ всего продукта, составляющего 4 квартера; в IVd она = 10 квартерам, т. е. половине всего продукта (20 квартеров), получаемого с акра земли D. Это показывает, что денежное и хлебное выражение ренты с акра может возрасти, хотя она и составляет относительно меньшую часть всей выручки и понизилась по отношению к авансированному капиталу.

Стоимость всего продукта в I = 30 ф. ст.; рента = 18 ф. ст., т. е. более половины этой стоимости. Стоимость всего продукта в IVd = 45 ф. ст., из которых 18 ф. ст., т. е. менее половины, составляют ренту.

Причина же того, что, несмотря на понижение цены на $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал, т. е. на 50%, и несмотря на уменьшение площади конкурирующей земли с 4 до 3 акров, общая сумма денежной ренты не изменяется, а хлебная рента удваивается, причем хлебная и денежная рента с акра повышается, — причина заключается в том, что произведено большее число кварталов добавочного продукта. Цена хлеба понижается на 50%, добавочный продукт возрастает на 100%. Но для достижения такого результата все производство, согласно нашим условиям, должно увеличиться втрое, а капитал, затраченный на лучшие земли, должен более чем удвоиться. В каком отношении он должен увеличиться, зависит прежде всего от того, как распределяются дополнительные затраты капитала между лучшими и наилучшими землями, причем всегда предполагается, что производительность капитала на каждой категории земли возрастает пропорционально его величине.

Если бы понижение цены производства было менее значительным, то требовалось бы меньше дополнительного капитала, чтобы произвести ту же денежную ренту. Если бы предложение хлеба, необходимое для того, чтобы исключить A из числа обрабатываемых земель, — а это зависит не только от количества продукта, получаемого с акра земли A, но также от того, какую часть всей возделываемой земельной площади составляет A, — итак, если бы необходимое для этого предложение было больше, следовательно, если бы потребовалась и большая масса капитала, дополнительно затрачиваемого, на лучшей, чем A, земле, то денежная и хлебная ренты при прочих равных условиях возросли бы еще больше, несмотря на то, что земля B перестала бы приносить денежную и хлебную ренту.

Если бы капитал, переставший функционировать на земле A, был = 5 ф. ст., то для этого случая следовало бы взять для сравне-

ния таблицы II и IVd. Весь продукт увеличился бы с 20 до 30 кварталов. Денежная рента уменьшилась бы вдвое, была бы 18 ф. ст. вместо 36 ф. ст.; хлебная рента осталась бы прежняя = 12 кварталам.

Если бы можно было произвести на земле *D* 44 квартера продукта = 66 ф. ст. при затрате капитала в $27\frac{1}{2}$ ф. ст., соответственно прежней норме для *D* — 4 квартера на $2\frac{1}{2}$ ф. ст. капитала, то общая сумма ренты опять поднялась бы до той высоты, которой она достигла в таблице II, и таблица приняла бы следующий вид:

Род земли	Капитал ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
B	5	4	0	0
C	5	6	2	3
D	$27\frac{1}{2}$	44	22	33
Итого	$37\frac{1}{2}$	54	24	36

Все производство составило бы 54 квартера против 20 кварталов в таблице II, а денежная рента осталась бы прежней = 36 ф. ст. Но весь капитал был бы $37\frac{1}{2}$ ф. ст., тогда как в таблице II он был = 20. Весь авансированный капитал почти удвоился бы, между тем как производство почти утроилось бы; хлебная рента увеличилась бы вдвое, денежная не изменилась бы. Следовательно, если цена при неизменяющейся производительности понижается вследствие затраты дополнительного денежного капитала на лучших землях, приносящих ренту, т. е. на всех землях лучше *A*, то весь капитал обнаруживает тенденцию не увеличиваться в такой пропорции, в которой возрастают производство и хлебная рента; таким образом возрастание хлебной ренты может уравновесить убыль в денежной ренте, вытекающую из понижения цены. Тот же закон проявляется и в том, что авансированный капитал должен быть больше в той мере, в которой он больше затрачивается на землю *C*, чем на *D*; — на землю, приносящую меньше ренты, чем на такую, которая приносит больше ренты. Это означает лишь следующее: чтобы денежная рента осталась без изменения или чтобы она повысилась, должно быть произведено определенное дополнительное количество добавочного продукта, а для этого требуется тем менее капитала, чем плодороднее земли, приносящие добавочный продукт. Если бы разница

между *B* и *C*, *C* и *D* была еще больше, то требовалось бы еще меньше дополнительного капитала. Определенное отношение зависит: 1) от отношения, в котором понижается цена, т. е. от разницы между землей *B*, которая теперь не дает ренты, и *A*, которая раньше не давала ренты; 2) от отношения различий между лучшими, чем *B*, землями; 3) от массы вновь затрачиваемого дополнительного капитала и 4) от его распределения между землями различного качества.

Мы видим, что закон в действительности не выражает ничего иного, как то, что уже было развито при исследовании первого случая; именно, что при данной цене производства, какова бы ни была ее величина, рента может повышаться вследствие дополнительной затраты капитала. Ибо вследствие исключения *A* теперь получается новая дифференциальная рента *I*, причем уже земля *B* является теперь наихудшей землей, а $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал становятся ценой производства. Это одинаково имеет силу как для таблицы IV, так и для таблицы II. Закон все тот же, но исходной точкой берется земля *B* вместо *A* и цена производства в $1\frac{1}{2}$ ф.ст. вместо 3 ф. ст.

Все это важно здесь лишь в следующем отношении: если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли капитал *A* и создать достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизменяющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра если не на всех землях, то, по крайней мере, на некоторых, и в среднем для всех возделываемых земель. Мы видели, что хлебная рента и денежная рента не соразмерны. Только по традиции хлебная рента вообще все еще продолжает играть роль в экономии. С одинаковым успехом можно было бы доказать, что, например, фабрикант на свою прибыль в 5 ф. ст. может купить гораздо большее количество своей собственной пряжи, чем раньше на прибыль в 10 ф. ст. Но во всяком случае это доказывает, что господа земельные собственники, если они являются одновременно владельцами или пайщиками мануфактур, сахарных, винокуренных заводов и т. д., все же могут при понижении денежной ренты очень сильно выигрывать как производители своих собственных сырых материалов ³⁴.

³⁴ В вышеприведенных таблицах от IVa до IVd следовало бы исправить проходящую через них погрешность в расчетах. Правда, это не изменяет теоретических положений, выведенных из данных таблиц, но пороку приводит к чудовищным числовым отношениям по производству на акр. Но и это по существу не имеет значения. Во всех картах, изображающих рельеф и профиль местности, берут значительно больший масштаб для вертикалей, чем для горизон-

II. При понижающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, поскольку цена производства здесь, как в только что рассмотренном случае, может лишь понизиться, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях, лучших, чем *A*, продукт с *A* делается излишним, и потому капитал будет извлечен из *A*, или земля *A* будет обращена на производство другого продукта. Случай этот уже исследован нами исчерпывающим образом. Мы показали, что хлебная и денежная ренты могут при этом возрасти, уменьшиться или остаться без изменения.

Для удобства сравнения воспроизведем прежде всего следующую таблицу:

ТАБЛИЦА I

Земля	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства с кварт.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A.....	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	1	0	0	0
B.....	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	1 ¹ / ₂	2	1	3	120%
C.....	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	1	3	2	6	240%
D.....	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	³ / ₄	4	3	9	360%
Итого .	4	10	—	—	10	6	18	180% средняя

Если мы теперь предположим, что цифра 16, обозначающая * количество кварталов, полученных с *B*, *C*, *D*, при убывающей норме производительности, достаточна для того, чтобы исключить *A* из числа обрабатываемых земель, то таблица III превращается в следующую таблицу V.

тaley. Тому же, кто все-таки чувствует себя уязвленным в своих аграрных чувствах, предоставляется умножить число акров на любое число. Можно также в таблице I заменить 1, 2, 3, 4 квартера с акра 10, 12, 14, 16 бушелями (8 буш. = 1 кварт.), причем числа других таблиц, выведенные из этих чисел, останутся в пределах вероятности; это даст возможность убедиться, что результат — отношение повышения ренты к увеличению капитала — сведется совершенно к тому же. Это мы и делаем в тех таблицах, которые редактор прибавляет к ближайшей главе. — Ф. Э.

* В таблице III. *Ред.*

ТАБЛИЦА V

Род земли	Акры	Затраты капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Продаж. нац. цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$2 + 1\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{7}$	6	0	0	0
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$3 + 2 = 5$	$1\frac{5}{7}$	$8\frac{4}{7}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{4}{7}$	$51\frac{3}{7}\%$ *
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$4 + 3\frac{1}{2} = 7\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{7}$	$12\frac{6}{7}$	4	$6\frac{6}{7}$	$137\frac{1}{7}\%$ **
Итого	3***	15	—	16	—	$27\frac{3}{7}$	$5\frac{1}{2}$	$9\frac{3}{7}$	$94\frac{2}{7}\%$ **** средняя

Здесь, при уменьшении нормы производительности дополнительных капиталов и при различной степени этого уменьшения на различного рода землях, регулирующая цена производства понизилась с 3 до $1\frac{5}{7}$ ф. ст. Затрата капитала увеличилась наполовину***** — с 10 до 15 ф. ст. Денежная рента уменьшилась почти вдвое — с 18 до $9\frac{3}{7}$ ф. ст., но хлебная рента — лишь на $\frac{1}{12}$, с 6 кварталов до $5\frac{1}{2}$. Весь продукт увеличился с 10 до 16, или до 160%. Хлебная рента составляет немного больше $\frac{1}{3}$ всего продукта. Авансированный капитал относится к денежной ренте, как 15 : $9\frac{3}{7}$, тогда как раньше это отношение было 10 : 18.

III. При повышающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот только тем отличается от варианта I, приведенного в начале этой главы, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, что если необходим известный дополнительный продукт для того, чтобы изъять землю A, то это происходит здесь быстрее.

Как при убывающей, так и при повышающейся производительности дополнительных затрат капитала последние могут оказывать различное влияние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. В той мере, в которой это различное влияние будет сглаживать или обострять различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты, понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой I. В остальном все зависит от величины земель-

* В изд. 1894 г. — $51\frac{2}{5}$. Ред.

** Там же — $137\frac{1}{5}$. Ред.

*** Там же — 4. Ред.

**** Там же — $94\frac{3}{10}$. Земля, не приносящая ренты, здесь не принята в расчет. Ред.

***** — в сравнении с таблицей I. Ред.

ной площади и капитала, изъятых при выпадении *A*, и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того, чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный пункт, на исследовании которого здесь стоит остановиться и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем:

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю *A*, не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля *A* попрежнему не приносит ренты, цена ее продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант I, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля *A* необходимо выпадает, что в еще большей мере относится к варианту II (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, затраченный на земле *A*, должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте III второго случая, когда цена производства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть при известных условиях вложен как в землю *A*, так и в земли лучшего качества.

Предположим, что дополнительный капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., вложенный в землю *A*, производит $1\frac{1}{5}$ квартера вместо 1 квартера.

ТАБЛИЦА VI

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена про- изводства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма до- бавочной прибыли
								кварт.	ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1 + 1\frac{1}{5} = 2\frac{1}{5}$	$\frac{28}{11}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$2 + 2\frac{2}{5} = 4\frac{2}{5}$	$\frac{28}{11}$	12	$\frac{2}{5}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$3 + 3\frac{3}{5} = 6\frac{3}{5}$	$\frac{28}{11}$	18	$\frac{4}{5}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$4 + 4\frac{4}{5} = 8\frac{4}{5}$	$\frac{28}{11}$	24	$\frac{6}{5}$	18	360%
	4	20	4	24	22	—	60	$13\frac{1}{5}$	36	240%

Эту таблицу следует сравнить кроме основной таблицы I и с таблицей II, в которой удвоенная затрата капитала связана с

неизменяющейся производительностью, пропорциональной затрате капитала.

Согласно предположению, регулирующая цена производства понижается. Если бы она не изменялась, т. е. оставалась бы = 3 ф. ст., то наихудшая земля *A*, не приносявшая раньше, при затрате капитала лишь в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., никакой ренты, теперь стала бы приносить ренту, хотя никакой новой наихудшей земли не было бы привлечено к возделыванию; это произошло бы вследствие того, что производительность на ней увеличилась, но лишь для части капитала, а не для первоначально затраченного капитала. Первые 3 ф. ст. цены производства приносят 1 квартал; вторые — $1\frac{1}{5}$ квартала, но весь продукт в $2\frac{1}{5}$ квартала продается теперь по его средней цене. Так как норма производительности возрастает с дополнительной затратой капитала, то этот случай предполагает улучшение. Оно может заключаться в том, что на акр затрачивается вообще больше капитала (больше удобрения, больше механической работы и т. д.), или же в том, что вообще лишь этот дополнительный капитал дает возможность произвести качественно отличную более производительную затрату. В обоих случаях при затрате 5 ф. ст. на акр получается продукт в $2\frac{1}{5}$ квартала, тогда как при затрате половины этого капитала, $2\frac{1}{2}$ ф. ст., получается продукт лишь в 1 квартал. Продукт земли *A*, оставляя в стороне переходящие рыночные отношения, можно было бы попрежнему продавать по более высокой цене производства, чем новая средняя цена, лишь при том условии, если значительная площадь земель разряда *A* попрежнему возделывалась бы с капиталом всего в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр. Но как только новое отношение в 5 ф. ст. капитала на акр и, вместе с тем, улучшенное хозяйство приобретут всеобщее распространение, регулирующая цена производства понизится до $2\frac{8}{11}$ ф. ст. Разница между обеими частями капитала исчезла бы, и тогда акр земли *A*, обрабатываемый при помощи капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., возделывался бы в действительности ненормально, несоответственно новым условиям производства. Это уже было бы различие не между выручкой от различных частей капитала, затраченных на одном и том же акре, а между достаточной и недостаточной общей затратой капитала на акр. Отсюда видно, *во-первых*, что недостаточность капитала в руках большого числа арендаторов (это должно быть большое число, потому что, если бы это была малая часть, ей пришлось бы лишь продавать ниже своей цены производства) оказывает совершенно такое же влияние, как дифференцирование самих земель в нисходящем порядке. Худший способ обработки, приме-

ненный к худшей земле, увеличивает ренту с лучшей; он может даже создать ренту с лучше обрабатываемой земли такого же плохого качества, которая вообще ренты не приносит. Отсюда видно, *во-вторых*, что дифференциальная рента, возникающая из последовательной затраты капитала на одной и той же земельной площади, в действительности превращается в некоторую среднюю величину, в которой уже нельзя распознать и отличить влияния различных затрат капитала и которые поэтому не порождают ренты на наихудшей земле, а 1) среднюю цену всего продукта, скажем, с одного акра A , превращают в новую регулируемую цену и 2) представляются как изменение общего количества капитала на акр, которое при новых условиях требуется для удовлетворительной обработки земли и в котором стдельные последовательные затраты капитала и их соответственные влияния слиты так, что их нельзя различить. Точно так же обстоит дело и с единичными дифференциальными рентами лучших земель. Они определяются в каждом случае различием среднего продукта соответственного рода земли по сравнению с продуктом наихудшей земли при увеличенной, ставшей теперь нормальной, затрате капитала.

Нет земли, которая приносила бы какой-нибудь продукт без затраты капитала. Так, даже при простой дифференциальной ренте, при дифференциальной ренте I , когда говорят, что 1 акр A , т. е. земли, регулирующей цену производства, дает столько-то продукта, по такой-то цене, и что лучшие земли B, C, D дают столько-то дифференциального продукта, а потому при существующей регулирующей цене столько-то и столько-то денежной ренты, то при этом всегда предполагается, что затрачен определенный капитал, считающийся при данных условиях производства нормальным капиталом. Совершенно так же, как в промышленности для каждой отрасли предприятий требуется определенный минимум капитала для того, чтобы возможно было производить товары по их цене производства.

Если этот минимум изменяется вследствие последовательных затрат капитала на одной и той же земле, связанных с улучшениями, то это происходит постепенно. Пока такого дополнительного капитала для ведения хозяйства не получит известное число акров, например, земли A , до тех пор будет создаваться рента на тех акрах A , которые возделываются лучше, а рента со всех лучших сортов земли B, C, D повысится. Однако как только новый способ производства достигнет такого распространения, что сделается нормальным, цена производства понизится; рента, которую дают лучшие участки земли, снова понизится, и та часть земли A , которая не располагает

капиталом в размере, сделавшемся теперь средним, будет вынуждена продавать продукты ниже своей индивидуальной цены производства, следовательно, не будет вырывать средней прибыли.

То же самое происходит и при понижающейся цене производства, даже при убывающей производительности дополнительного капитала, если вследствие увеличившейся затраты капитала весь необходимый продукт начинают доставлять лучшие категории почвы и, таким образом, занятый в производстве капитал извлекается, например, из земли *A*, так что *A* перестает конкурировать в производстве этого определенного продукта, например, пшеницы. То количество капитала, которое теперь в среднем затрачивается на лучшей земле *B*, сделавшейся регулирующей землей, становится теперь нормальным; и когда говорится о различном плодородии земельных участков, то предполагается, что на акр затрачивается капитал в этом новом нормальном размере.

С другой стороны, ясно, что этот средний размер затрачиваемого капитала, как, например, в Англии 8 ф. ст. на акр до 1848 г. и 12 ф. ст. после 1848 г., образует масштаб при заключении арендных договоров. Для арендатора, затрачивающего больше, добавочная прибыль, пока длится арендный договор, не превращается в ренту. Произойдет ли это по истечении арендного договора, будет зависеть от конкуренции арендаторов, которые в состоянии сделать такое же чрезвычайное авансирование. При этом речь не идет о прочных улучшениях почвы, которые при одинаковой или даже уменьшающейся затрате капитала продолжают обеспечивать увеличенный продукт. Хотя эти прочные улучшения и являются продуктом капитала, однако они оказывают совершенно такое же действие, как различие в природных качествах земли.

Таким образом мы видим, что при дифференциальной ренте II играет роль такой момент, который при дифференциальной ренте I как таковой не проявляет своего действия, потому что последняя может попрежнему существовать независимо от какого бы то ни было изменения нормальной затраты капитала на акр. Этот момент заключается, с одной стороны, в том, что результаты различных затрат капитала на регулирующей земле *A* изглаживаются и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом с акра. С другой стороны, он заключается в изменении нормального минимума или средней величины затраты капитала на акр, причем это изменение выступает как свойство земли. Наконец, в различии способа превращения добавочной прибыли в форму ренты.

Далее, сравнение таблицы VI с таблицами I и II показывает, что хлебная рента по сравнению с I более чем удвоилась, в сравнении с II увеличилась на $1\frac{1}{5}$ квартера, тогда как денежная рента по сравнению с I удвоилась, а по сравнению с II не изменилась. Она значительно возросла бы, если бы (при прочих равных условиях) большая часть дополнительного капитала пришлось на лучшие категории почвы или если бы, с другой стороны, действие дополнительного капитала на A было менее значительным и таким образом регулирующая средняя цена квартера с A стояла бы выше.

Если бы увеличение плодородия, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, было различным на различного рода землях, это привело бы к изменению дифференциальных рент с этих земель.

Во всяком случае доказано, что при понижении цены производства, совершающемся вследствие повышения нормы производительности дополнительной затраты капитала, — т. е. когда эта производительность возрастает в большей пропорции, чем авансированный капитал, — рента с акра, например, при удвоившейся затрате капитала, может не только удвоиться, но и более чем удвоиться. Но она может и понизиться в том случае, если вследствие более быстрого возрастания производительности земли A цена производства упадет в еще большей мере.

Если бы мы предположили, что дополнительные затраты капитала увеличили производительность, например, земель B и C не в такой степени, как производительность земли A, так что для B и C относительные разницы уменьшились и увеличившееся количество продукта не возместило бы понижения цены, то по сравнению с таблицей II рента на D повысилась бы, на B и C понизилась бы.

ТАБЛИЦА VIa

Земля	Акры	Капитал ф. ст.	При- быль ф. ст.	Продукт с акра кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выруч- ка ф. ст.	Хлеб- ная рента кварт.	Денеж- ная рента ф. ст.
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$1 + 3 = 4$	$1\frac{1}{2}$	6	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$2 + 2\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$6\frac{3}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$3 + 5 = 8$	$1\frac{1}{2}$	12	4	6
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$4 + 12 = 16$	$1\frac{1}{2}$	24	12	18
Итого	4	20	—	$32\frac{1}{2}$	—	—	$16\frac{1}{2}$	$24\frac{3}{4}$

Наконец, денежная рента повысилась бы в том случае, если бы при том же пропорциональном повышении плодородия на лучшие земельные участки было затрачено больше дополнительного капитала, чем на *A*, или если бы дополнительные затраты капитала на лучшие земельные участки приводили к повышению нормы производительности. В обоих случаях разницы стали бы возрастать.

Денежная рента понижается, если улучшение, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, уменьшая все разницы или часть их, более влияет на *A*, чем на *B* и *C*. Она понижается тем больше, чем незначительнее повышение производительности лучших земельных участков. От того, насколько велика разница оказываемого влияния, зависит, повысится ли хлебная рента, понизится или останется без перемены.

Денежная рента, а равно и хлебная рента повышается либо в том случае, если, при неизменяющейся относительной разнице в дополнительном плодородии различных земель, дополнительного капитала на землю, приносящую ренту, будет затрачено больше, чем на землю *A*; не приносящую ренты, и больше капитала будет затрачено на землю, которая дает более высокую, чем на землю, дающую более низкую ренту; либо же в том случае, если при одинаковом дополнительном капитале плодородие более возрастает на лучшей и наилучшей земле, чем на земле *A*, а именно денежная рента и хлебная рента повышается в соответствии с тем, в какой мере это увеличение плодородия высших разрядов земли сильнее, чем увеличение плодородия более низких разрядов.

Но, при всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала. Это — абсолютная точка зрения, которая показывает, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (подобно тому, как при дифференциальной ренте *I* высота средней ренты на всю возделываемую площадь) есть следствие увеличившейся затраты капитала на землю, причем безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменившейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах. Ибо наше предположение таково: постоянная цена при постоянной, понизившейся или повысившейся норме производительности дополнительного капитала, и понизившаяся цена

при постоянной, понизившейся и повысившейся норме производительности, сводится к следующему: постоянная норма производительности добавочного капитала при постоянной или понижающейся цене, убывающая норма производительности при постоянной или понижающейся цене, повышающаяся норма производительности при постоянной и понижающейся цене. Хотя во всех этих случаях рента может остаться неизменной и может понизиться, она понизилась бы еще больше, если бы, при прочих равных обстоятельствах, условием повышения плодородия не была дополнительная затрата капитала. В таком случае дополнительная затрата капитала всегда является причиной относительной высоты ренты, хотя бы абсолютно она и понизилась.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ: ПОВЫШАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА.

{Повышение цены производства предполагает, что производительность земли наихудшего качества, не приносящей ренты, убывает. Цена производства, принятая нами за регулирующую, может подняться выше 3 ф. ст. лишь в том случае, если бы $2\frac{1}{2}$ ф. ст., затраченные на *A*, стали производить менее 1 квартера или если бы 5 ф. ст. стали производить менее 2 кварталов, или если бы обработке пришлось подвергнуть землю еще худшего качества, чем *A*.

При неизменной или даже повысившейся производительности второй затраты капитала это было бы возможно лишь в том случае, если бы производительность первой затраты в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. уменьшилась. Этот случай встречается довольно часто. Например, если истощенный при поверхностной вспашке верхний слой почвы дает при старой системе возделывания все меньшие урожаи, а затем извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой при рациональной обработке начинает давать более высокие урожаи, чем раньше. Но этот специальный случай, строго говоря, сюда не относится. Уменьшение производительности *первой* затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. обуславливает для лучших земель, даже если предполагать для них аналогичные отношения, понижение дифференциальной ренты I; однако здесь мы рассматриваем лишь дифференциальную ренту II. Но так как данный специальный случай не может иметь места, если не предполагается существование дифференциальной ренты II и так как он представляет в действительности отражение модификации дифференциальной ренты I на дифференциальную ренту II, то мы приведем пример этого случая [см. таблицу VII].

Денежная рента, как и денежная выручка остаются те же, что в таблице II. Повысившаяся регулирующая цена производства как раз возмещает то, что потеряно на количестве продукта; так как эта цена и количество продукта изменились в обратном отношении, то само собою разумеется, что произведение их остается прежнес.

ТАБЛИЦА VII

Род земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1\frac{1}{4} = 1\frac{3}{4}$	$\frac{3^3}{7}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	$\frac{3^3}{7}$	12	$1\frac{3}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3\frac{3}{4} = 5\frac{1}{4}$	$\frac{3^3}{7}$	18	$3\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 5 = 7$	$\frac{3^3}{7}$	24	$5\frac{1}{4}$	18	360%
	—	20	—	—	$17\frac{1}{2}$	—	60	$10\frac{1}{2}$	36	240%

В вышеприведенном случае мы предполагали, что производительная сила второй затраты капитала выше, чем первоначальная производительность первой затраты. Дело не изменится, если для второй затраты капитала мы предположим лишь такую же производительность, какая была первоначально результатом первой затраты; получается:

ТАБЛИЦА VIII

Род земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								хлебная рента кварт.	денежная рента ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$\frac{1}{2} + 1 = 1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1 + 2 = 3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3 = 4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$2 + 4 = 6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

И здесь увеличивающаяся в одинаковом отношении цена производства обуславливает то, что уменьшение производительности вполне уравнивается как для выручки, так и для денежной ренты.

В чистом виде третий случай выступает лишь при убывающей производительности второй затраты капитала, в то время когда производительность первой затраты не изменяется, как это было всюду принято для первого и второго случаев. Дифференциальная рента I здесь не затрагивается, изменение совершается лишь с той частью, которая возникает благодаря дифференциальной ренте II. Мы приводим два примера; в первом производительность второй

затраты капитала предположена уменьшившейся на $\frac{1}{2}$, во втором — на $\frac{1}{4}$.

ТАБЛИЦА IX

Род земли	Акры	Затраты капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма ренты
								хлебная кварт.	денеж- ная ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1 + \frac{1}{2} = 1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$2 + 1 = 3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$3 + 1\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$4 + 2 = 6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

Таблица IX та же, что и таблица VIII, но только в таблице VIII уменьшение производительности падает на первую затрату капитала, в IX — на вторую.

ТАБЛИЦА X

Род земли	Акры	Затраты капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма ренты
								хлебная кварт.	денеж- ная ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1 + \frac{1}{4} = 1\frac{1}{4}$	$\frac{4}{5}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$2 + \frac{1}{2} = 2\frac{1}{2}$	$\frac{4}{5}$	12	$1\frac{1}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$3 + \frac{3}{4} = 3\frac{3}{4}$	$\frac{4}{5}$	18	$2\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$4 + 1 = 5$	$\frac{4}{5}$	24	$3\frac{3}{4}$	18	360%
	—	20	—	24	$12\frac{1}{2}$	—	60	$7\frac{1}{2}$	36	240%

В этой таблице общая выручка, сумма денежной ренты и норма ренты тоже остаются такие же, как в таблицах II, VII и VIII, потому что продукт и продажная цена опять-таки изменились в обратном отношении, затрата же капитала осталась та же самая.

Но как обстоит дело в другом случае, возможном при повышающейся цене производства, а именно в том случае, когда худшая земля, которую до сих пор не стоило обрабатывать, теперь начинает возделываться?

Предположим, что такая земля, которую мы назовем *a*, вступает в число конкурирующих земель. В таком случае земля *A*, не приносящая до того времени ренты, начала бы давать ренту, и вышеприведенные таблицы VII, VIII и X приняли бы следующий вид:

ТАБЛИЦА VIIa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Повыше- ние
								кварт.	ф. ст.	
а	1	5	1	6	$1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
А	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1\frac{1}{4} = 1\frac{3}{4}$	4	7	$\frac{1}{4}$	1	1
В	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	4	14	2	8	1 + 7
С	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3\frac{3}{4} = 5\frac{1}{4}$	4	21	$3\frac{3}{4}$	15	1 + 2 × 7
Д	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 5 = 7$	4	28	$5\frac{1}{2}$	22	1 + 3 × 7
	—	—	—	30	19	—	76	$11\frac{1}{2}$	46	—

ТАБЛИЦА VIIIa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Вы- ручка ф. ст.	Рента		Повышение
								кварт.	ф. ст.	
а	1	5	1	6	$1\frac{1}{4}$	$4\frac{4}{5}$	6	0	0	0
А	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1 = 1\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$7\frac{1}{5}$	$\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{5}$	$1\frac{1}{5}$
В	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2 = 3$	$4\frac{4}{5}$	$14\frac{2}{5}$	$1\frac{3}{4}$	$8\frac{2}{5}$	$1\frac{1}{5} + 7\frac{1}{5}$
С	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3 = 4\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$21\frac{3}{5}$	$3\frac{1}{4}^*$	$15\frac{3}{5}$	$1\frac{1}{5} + 2 \times 7\frac{1}{5}$
Д	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 4 = 6$	$4\frac{4}{5}$	$28\frac{4}{5}$	$4\frac{3}{4}$	$22\frac{4}{5}$	$1\frac{1}{5} + 3 \times 7\frac{1}{5}$
	5	—	—	30	$16\frac{1}{4}$	—	78	10**	48	—

ТАБЛИЦА Ха

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Про- дажная цена ф. ст.	Вы- ручка ф. ст.	Рента		Повышение
								кварт.	ф. ст.	
а	1	5	1	6	$1\frac{1}{8}$	$5\frac{1}{3}$	6	0	0	0
А	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + \frac{1}{4} = 1\frac{1}{4}$	$5\frac{1}{3}$	$6\frac{2}{3}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{2}{3}$	$\frac{2}{3}$
В	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + \frac{1}{2} = 2\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{3}$	$13\frac{1}{3}$	$1\frac{3}{8}$	$7\frac{1}{3}$	$\frac{2}{3} + 6\frac{2}{3}$
С	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$3 + \frac{3}{4} = 3\frac{3}{4}$	$5\frac{1}{3}$	20	$2\frac{5}{8}$	14	$\frac{2}{3} + 2 \times 6\frac{2}{3}$
Д	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$4 + 1 = 5$	$5\frac{1}{3}$	$26\frac{2}{3}$	$3\frac{7}{8}$	$20\frac{2}{3}$	$\frac{2}{3} + 3 \times 6\frac{2}{3}$
	—	—	—	30	$13\frac{5}{8}$	—	$72\frac{2}{3}$	8	$42\frac{2}{3}$	—

* В изд. 1894 г. — $2\frac{1}{4}$. Ред.

** Там же — 9. Ред.

Присоединением земли a создается новая дифференциальная рента I, на этой новой основе образуется затем дифференциальная рента II, тоже в измененном виде. Земля a обладает в каждой из трех вышеприведенных таблиц различным плодородием: ряд пропорционально повышающихся степеней плодородия начинается лишь с A . В соответствии с этим располагается и ряд повышающихся рент. Рента, получаемая с наихудшей земли, приносящей ренту, а раньше ее не дававшей, образует постоянную величину, которая просто присоединяется ко всем более высоким рентам; лишь за вычетом этой постоянной величины с ясностью выступает для более высоких рент ряд разниц и его параллелизм с рядом, обозначающим плодородие разнородных земель. Во всех таблицах различные степени плодородия, начиная с A до D , относятся друг к другу, как $1:2:3:4$, и соответственно этому относятся друг к другу ренты:

в VIIa, как $1:1 + 7:1 + 2 \times 7:1 + 3 \times 7$,
 в VIIb, как $1\frac{1}{5}:1\frac{1}{5} + 7\frac{1}{5}:1\frac{1}{5} + 2 \times 7\frac{1}{5}:1\frac{1}{5} + 3 \times 7\frac{1}{5}$,
 в Xa, как $\frac{2}{3}:\frac{2}{3} + 6\frac{2}{3}:\frac{2}{3} + 2 \times 6\frac{2}{3}:\frac{2}{3} + 3 \times 6\frac{2}{3}$.

Коротко говоря: если рента с $A = n$, а рента с земли непосредственно более высокого плодородия $= n + m$, то ряд будет такой: $n : n + m : n + 2m : n + 3m$ и т. д. — Φ . Э.}

{Так как вышеприведенный третий случай в рукописи не был разработан, — там имеется лишь его заголовок, — то задачей редактора было по возможности восполнить это, как сделано выше. Но ему остается еще сделать общие выводы, вытекающие из всего предшествующего исследования дифференциальной ренты II с ее тремя главными случаями и девятью производными. Но для этой цели приведенные в рукописи примеры пригодны лишь в малой мере. Во-первых, в них сравниваются участки земли, выручки с которых относятся для площадей одинаковой величины, как $1:2:3:4$; следовательно, берутся разницы, которые уже с самого начала сильно преувеличены и которые при дальнейшем развитии сделанных на этом основании предположений и исчислений приводят к совершенно непомерным числовым отношениям. Во-вторых, они дают повод к совершенно неверному представлению. Если при степенях плодородия, относящихся друг к другу, как $1:2:3:4$ и т. д., получаются ренты ряда $0:1:2:3$ и т. д., то тотчас же является искушение вывести второй ряд из первого и объяснить удвоение, утроение и т. д. рент удвоением, утроением и т. д. всего продукта. Но это было бы совершенно ошибочно. Ренты относятся как $0:1:2:3:4$ даже в том случае, когда степени плодородия относятся

как $n : n + 1 : n + 2 : n + 3 : n + 4$; ренты относятся одна к другой не как *степени* плодородия, а как *разности* плодородия; причем земля, не приносящая ренты, принимается за нулевую точку.

Таблицы оригинала следовало привести для разъяснения текста. Но чтобы получить наглядную основу для приведенных ниже результатов исследования, я в дальнейшем даю новый ряд таблиц, в которых выручка показана в бушелях ($\frac{1}{8}$ квартера, или 36,35 литра) и шиллингах (= марке).

Первая таблица (XI) соответствует прежней таблице I. Она дает выручку и ренты для земель пяти различных качеств $A — E$ при *первой* затрате капитала в 50 шилл., что вместе с 10 шилл. прибыли составляет 60 шилл. всей цены производства на акр. Количество получаемого хлеба взято низкое: 10, 12, 14, 16, 18 бушелей с акра. Получающаяся при этом регулирующая цена производства = 6 шилл. за бушель.

Следующие 13 таблиц соответствуют трем случаям дифференциальной ренты II, рассмотренным в этой и двух предшествующих главах, причем *дополнительная* затрата капитала на той же земле предполагается равной 50 шилл. на акр, при постоянной, понижающейся и повышающейся цене производства. Каждый из этих случаев в свою очередь изображается так, как он складывается: 1) при неизменяющейся, 2) при понизившейся, 3) при повысившейся производительности второй затраты капитала сравнительно с первой. При этом получают еще некоторые варианты, благодаря которым дело становится особенно наглядным.

В случае I: постоянная цена производства, мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала (таблица XII).

» 2: Убывающая производительность. Это может произойти лишь при том условии, если на землю A не делается второй затраты. При этом дело обстоит или

а) так, что земля B тоже не приносит ренты (таблица XIII), или

б) так, что земля B не становится землей, совершенно не приносящей ренты (таблица XIV).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XV). И этот случай исключает вторую затрату капитала на земле A .

В случае II: Понижающаяся цена производства, мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XVI).

Вариант 2: Убывающая производительность (таблица XVII). Оба эти варианта приводят к тому, что земля *A* перестает входить в число конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту и регулирует цену производства.

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XVIII). Здесь земля *A* остается регулирующей.

В случае III: Повышающаяся цена производства, возможны две разновидности: земля *A* может остаться землей, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем *A*, и начинает регулировать цену, так что *A* тогда приносит ренту.

Первая разновидность: Земля *A* остается регулирующей.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XIX). Это допустимо лишь при предположении, что производительность первой затраты уменьшается.

» 2: Убывающая производительность второй затраты (таблица XX). Это не исключает возможности, что производительность первой затраты не изменится.

» 3: Повышающаяся производительность второй затраты (таблица XXI*). Это опять-таки обуславливает убывающую производительность первой затраты.

Вторая разновидность: Земля худшего качества (обозначаемая посредством *a*) вступает в конкуренцию; земля *A* приносит ренту.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XXII).

» 2: Убывающая производительность (таблица XXIII).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XXIV).

Эти три варианта соответствуют общим условиям проблемы и не дают повода к каким-либо замечаниям.

Теперь мы приведем таблицы:

ТАБЛИЦА XI

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A.....	60	10	6	60	0	0
B.....	60	12	6	72	12	12
C.....	60	14	6	84	24	2 × 12
D.....	60	16	6	96	36	3 × 12
E.....	60	18	6	108	48	4 × 12
	—	—	—	—	120	10 × 12

* В изд. 1894 г. — XIX. *Ред.*

При второй затрате капитала на той же земле.

Первый случай: При неизменяющейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	$60 + 60 = 120$	$10 + 10 = 20$	6	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$12 + 12 = 24$	6	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$14 + 14 = 28$	6	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$16 + 16 = 32$	6	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$18 + 18 = 36$	6	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; на земле A не произведено второй затраты.

1) Когда земля B перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$12 + 8 = 20$	6	120	0	0
C	$60 + 60 = 120$	$14 + 9\frac{1}{3} = 23\frac{1}{3}$	6	140	20	20
D	$60 + 60 = 120$	$16 + 10\frac{2}{3} = 26\frac{2}{3}$	6	160	40	2×20
E	$60 + 60 = 120$	$18 + 12^* = 30$	6	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

2) Когда земля B не совсем перестает приносить ренту.

* В изд. 1894 г. — 20. Ред.

ТАБЛИЦА XIV

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+9=21	6	126	6	6
C	60+60=120	14+10 ¹ / ₂ =24 ¹ / ₂	6	147	27	6+21
D	60+60=120	16+12=28	6	168	48	6+2×21
E	60+60=120	18+13 ¹ / ₂ =31 ¹ / ₂	6	189	69	6+3×21
	—	—	—	—	150	4×6+6×21

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; на земле A здесь тоже не производится второй затраты.

ТАБЛИЦА XV

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+15=27	6	162	42	42
C	60+60=120	14+17 ¹ / ₂ =31 ¹ / ₂	6	189	69	42+27
D	60+60=120	16+20=36	6	216	96	42+2×27
E	60+60=120	18+22 ¹ / ₂ =40 ¹ / ₂	6	243	123	42+3×27
	—	—	—	—	330	4×42+6×27

Второй случай: При уменьшающейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала; земля A выпадает из конкуренции, земля B перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVI

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
B	60+60=120	12+12=24	5	120	0	0
C	60+60=120	14+14=28	5	140	20	20
D	60+60=120	16+16=32	5	160	40	2×20
E	60+60=120	18+18=36	5	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; земля А выпадает из конкуренции, земля В перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бундши	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
В	$60 + 60 = 120$	$12 + 9 = 21$	$5\frac{5}{7}$	120	0	0
С	$60 + 60 = 120$	$14 + 10\frac{1}{2} = 24\frac{1}{2}$	$5\frac{5}{7}$	140	20	20
Д	$60 + 60 = 120$	$16 + 12 = 28$	$5\frac{5}{7}$	160	40	2×20
Е	$60 + 60 = 120$	$18 + 13\frac{1}{2} = 31\frac{1}{2}$	$5\frac{5}{7}$	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; земля А продолжает конкурировать. Земля В приносит ренту.

ТАБЛИЦА XVIII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бундши	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
А	$60 + 60 = 120$	$10 + 15 = 25$	$4\frac{4}{5}$	120	0	0
В	$60 + 60 = 120$	$12 + 18 = 30$	$4\frac{4}{5}$	144	24	24
С	$60 + 60 = 120$	$14 + 21 = 35$	$4\frac{4}{5}$	168	48	2×24
Д	$60 + 60 = 120$	$16 + 24 = 40$	$4\frac{4}{5}$	192	72	3×24
Е	$60 + 60 = 120$	$18 + 27 = 45$	$4\frac{4}{5}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Третий случай: При повышающейся цене производства.

А. Когда земля А остается землей, не приносящей ренты и регулирующей цену.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала, что обуславливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XIX

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бундши *	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	$60 + 60 = 120$	$7\frac{1}{2} + 10 = 17\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$9 + 12 = 21$	$6\frac{6}{7}$	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$10\frac{1}{2} + 14 = 24\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$12 + 16 = 28$	$6\frac{6}{7}$	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$13\frac{1}{2} + 18 = 31\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При уменьшающейся производительности второй затраты капитала, что не исключает возможности, что производительность первой затраты не изменится.

ТАБЛИЦА XX

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бундши	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	$60 + 60 = 120$	$10 + 5 = 15$	8	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$12 + 6 = 18$	8	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$14 + 7 = 21$	8	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$16 + 8 = 24$	8	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$18 + 9 = 27$	8	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала, что при данных предположениях обуславливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XXI

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бундши	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	$60 + 60 = 120$	$5 + 12\frac{1}{2} = 17\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$6 + 15 = 21$	$6\frac{6}{7}$	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$7 + 17\frac{1}{2} = 24\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$8 + 20 = 28$	$6\frac{6}{7}$	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$9 + 22\frac{1}{2} = 31\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

* В изд. 1894 г. в эту графу попали по ошибке цифры из таблицы XXI. Цифры изменены согласно условиям. *Ред.*

В. Когда худшая (обозначаемая буквою *a*) земля становится землей, регулирующей цену, и потому *A* начинает приносить ренту. Это не исключает возможности неизменяющейся производительности второй затраты для всех вариантов.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушеля	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
а	120	16	7½	120	0	0
A	60 + 60 = 120	10 + 10 = 20	7½	150	30	30
B	60 + 60 = 120	12 + 12 = 24	7½	180	60	2 × 30
C	60 + 60 = 120	14 + 14 = 28	7½	210	90	3 × 30
D	60 + 60 = 120	16 + 16 = 32	7½	240	120	4 × 30
E	60 + 60 = 120	18 + 18 = 36	7½	270	150	5 × 30
	—	—	—	—	450	15 × 30

Вариант 2: Убывающая производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушеля	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
а	120	15	8	120	0	0
A	60 + 60 = 120	10 + 7½ = 17½	8	140	20	20
B	60 + 60 = 120	12 + 9 = 21	8	168	48	20 + 28
C	60 + 60 = 120	14 + 10½ = 24½	8	196	76	20 + 2 × 28
D	60 + 60 = 120	16 + 12 = 28	8	224	104	20 + 3 × 28
E	60 + 60 = 120	18 + 13½ = 31½	8	252	132	20 + 4 × 28
	—	—	—	—	380	5 × 20 + 10 × 28

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIV

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
а	120	16	7 ¹ / ₂	120	0	0
A	60 + 60 = 120	10 + 12 ¹ / ₂ = 22 ¹ / ₂	7 ¹ / ₂	168 ³ / ₄	48 ³ / ₄	15 + 33 ³ / ₄
B	60 + 60 = 120	12 + 15 = 27	7 ¹ / ₂	202 ¹ / ₂	82 ¹ / ₂	15 + 2 × 33 ³ / ₄
C	60 + 60 = 120	14 + 17 ¹ / ₂ = 31 ¹ / ₂	7 ¹ / ₂	236 ¹ / ₄	116 ¹ / ₄	15 + 3 × 33 ³ / ₄
D	60 + 60 = 120	16 + 20 = 36	7 ¹ / ₂	270	150	15 + 4 × 33 ³ / ₄
E	60 + 60 = 120	18 + 22 ¹ / ₂ = 40 ¹ / ₂	7 ¹ / ₂	303 ³ / ₄	183 ³ / ₄	15 + 5 × 33 ³ / ₄
	—	—	—	—	581 ¹ / ₄	5 × 15 + 15 × 33 ³ / ₄

Из этих таблиц вытекает следующее:

Прежде всего, что ряд рент находится друг к другу точно в таком же отношении, как ряд различий в плодородии, принимая за нулевой пункт регулируемую землю, не приносящую ренты. Рента определяется не абсолютной выручкой, а лишь различиями выручки. Будут ли разного рода земли приносить 1, 2, 3, 4, 5 бушелей или 11, 12, 13, 14, 15 бушелей продукта на акр, ренты в обоих случаях составят ряд: 0, 1, 2, 3, 4 бушеля или, соответственно, денежная выручка за них.

Но гораздо важнее результат, взятый по отношению ко всей сумме ренты при вторичной затрате капитала на одной и той же земле.

В пяти случаях из исследованных тринадцати удваивается вместе с затратой капитала и общая сумма ренты: вместо 12 шилл. × 10 она становится равной 24 шилл. × 10 = 240 шилл. Случаи эти следующие:

Случай I, постоянная цена, вариант 1: соответственное затратам увеличение производства (таблица XII).

Случай II, понижающаяся цена, вариант 3: возрастающее увеличение производства (таблица XVIII).

Случай III, повышающаяся цена, первая разновидность, когда земля A остается регулирующей, во всех трех вариантах (таблицы XIX, XX, XXI).

В четырех случаях рента повышается *более, чем вдвое*, а именно:

Случай I, вариант 3, постоянная цена, но возрастающее увеличение производства (таблица XV). Сумма рент повышается до 330 шилл.

Случай III, вторая разновидность, где земля *A* приносит ренту, во всех трех вариантах. (Таблица XXII, рента = $30 \times 15 = 450$ шилл.; таблица XXIII, рента = $20 \times 5 + 28 \times 10 = 380$ шилл.; таблица XXIV, рента = $15 \times 5 + 33\frac{3}{4} \times 15 = 581\frac{1}{4}$ шилл.)

В одном случае она *повышается*, но не до двойной суммы по сравнению с рентой, получаемой при первой затрате капитала:

Случай I, постоянная цена, вариант 2: убывающая производительность второй затраты при условиях, когда *B* не совсем перестает приносить ренту. (Таблица XIV, рента = $6 \times 4 + 21 \times 6 = 150$ шилл.)

Наконец, только в трех случаях совокупная рента при второй затрате капитала, для всех сортов земли, остается в том же положении, как при первой затрате (таблица XI); это те случаи, когда земля *A* перестает участвовать в конкуренции, а земля *B* становится регулирующей и, следовательно, не приносящей ренты землей. Таким образом не только отпадает рента с *B*, но она убывает в каждом последующем члене ряда рент; этим обусловливается результат. Случаи эти следующие:

Случай I, вариант 2, когда условия таковы, что земля *A* выпадает (таблица XIII). Сумма рент равняется 20×6 , следовательно, $12 \times 10 = 120$, как и в таблице XI.

Случай II, варианты 1 и 2. Здесь, согласно предположениям, необходимо выпадает земля *A* (таблицы XVI и XVII), и сумма рент опять равняется $20 \times 6 = 12 \times 10 = 120$ шилл.

Таким образом, это значит: в громадном большинстве всех возможных случаев вследствие увеличенного приложения капитала к земле рента повышается как на акр земли, приносящей ренту, так и особенно в ее общей сумме. Лишь в трех случаях из исследованных тринадцати общая сумма ее остается без изменения. Это те случаи, когда земля наихудшего качества, не приносившая до тех пор ренты и игравшая роль регулирующей земли, перестает участвовать в конкуренции, непосредственно следующая за ней лучшая по качеству земля становится на ее место, т. е. перестает приносить ренту. Но в этих случаях ренты с земель лучшего качества повышаются сравнительно с теми рентами, которые обязаны своим происхождением первой затрате капитала; если рента на *C* понижается с 24 до 20, то для *D* и *E* она повышается с 36 и 48 до 40 и 60 шиллингов.

Понижение общей суммы рент ниже того уровня, которого она достигла при первой затрате капитала (таблица XI), было бы

возможно лишь в том случае, если бы, кроме земли *A*, перестала участвовать в конкуренции и земля *B*, так что регулирующей и не приносящей ренты землей сделалась бы земля *C*.

Таким образом, чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории земли, уже подвергшиеся возделыванию, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот, никакой другой не заявляет такой претензии на традиционную, «приличествующую сословию» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не накапливает с таким легким сердцем долгов за долгами. И тем не менее он всегда выходит сухим из воды благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренты вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из него капиталистом.

Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного землевладельца постепенно исчерпывается.

Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим землевладельческую аристократию в пауперов. Вместо этого, она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по контракту, чтобы они вкладывали по 12 ф. стерл. вместо 8 ф. стерл. на акр в год, а во-2-х, землевладельцы, имея очень много представителей в нижней палате, добились себе крупной государственной субсидии для дренирования своих земель и для других прочных улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случилось — самое большее — лишь употребление ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и землевладельческая аристократия оказалась еще в лучших условиях, чем прежде.

Но ничто не вечно. Океанские пароходы, северо- и южно-американские, а также индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особенным странам. Это были, с одной стороны, северо-американские

прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для обработки плугом, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной культуре и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И против этой конкуренции — конкуренции девственной степной почвы и русских и индийских крестьян, подавленных непосильными подавками, — европейский арендатор и крестьянин не мог уже при старых рентах держаться. Часть земли в Европе окончательно оказалась не в силах конкурировать в производстве зернового хлеба, ренты повсюду упали, для Европы стал общим правилом наш 2-ой случай, 2-ой вариант, именно: понижающаяся цена хлеба и понижающаяся производительность добавочных вложений капитала. Отсюда вопли аграриев от Шотландии до Италии и от южной Франции до восточной Пруссии. К счастью, еще далеко не все степные земли распаханы; их осталось еще достаточно для того, чтобы разорить все европейское крупное землевладение, да и мелкое в придачу. — Ф. Э.]

Рубрики, под которыми нужно исследовать ренту, таковы:

А. Дифференциальная рента.

1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация силой воды. Переход к собственно земледельческой ренте.

2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.

3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

a) при постоянной,

b) при убывающей,

c) при повышающейся цене производства.

И далее

d) превращение добавочной прибыли в ренту.

4) Влияние этой ренты на норму прибыли.

В. Абсолютная рента.

С. Цена земли.

Д. Заключительные замечания о земельной ренте.

Как общий результат рассмотрения дифференциальной ренты получается следующее:

Во-первых: образование добавочной прибыли может последовать различными путями. С одной стороны, на базе дифференциальной ренты I, т. е. на базе затраты всего земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из разнородных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, т. е. на базе большей производительности, выраженной, например, в квартерах пшеницы, чем та, которая достигается при той же затрате капитала на наихудшей земле, не приносящей ренты, но регулирующей цену производства. Но каким бы путем ни возникала эта добавочная прибыль, превращение ее в ренту, следовательно, ее переход из рук фермера в руки землевладельца всегда предполагает в качестве предварительного условия, что различные действительные индивидуальные цены производства (т. е. независимо от общей регулирующей рынок цены производства) отдельных продуктов единичных последовательных затрат капитала предварительно уравнились в индивидуальную среднюю цену производства. Избыток общей регулирующей цены производства продукта одного акра над этой индивидуальной средней ценой образует и измеряет величину ренты на акр. При дифференциальной ренте I различия результатов распознаваемы сами по себе, так как они получаются на различных участках земли, находящихся один вне другого и возле другого, — получаются при такой затрате капитала на акр, которая принимается за нормальную, и при соответствующем этой затрате нормальном возделывании. При дифференциальной ренте II различия результатов надо сделать прежде всего отличимыми; в самом деле, их сначала приходится превратить обратно в дифференциальную ренту I, а это можно сделать лишь указанным способом. Возьмем, например, таблицу III, стр. 243.

Земля В дает в результате первой затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. 2 квартера с акра, а в результате второй затраты, одинаковой по размеру, — $1\frac{1}{2}$ квартера, в общей сложности — $3\frac{1}{2}$ квартера с одного и того же акра. По этим $3\frac{1}{2}$ квартерам, собранным с одной и той же земли, нельзя различить, какая часть является продуктом затра-

ты капитала I и какая затраты капитала II. В действительности $3\frac{1}{2}$ квартера суть продукт всего капитала в 5 ф. ст.; и фактически дело заключается лишь в том, что капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. принес 2 квартера, а капитал в 5 ф. ст. не 4, а $3\frac{1}{2}$ квартера. Дело ничуть не изменилось бы, если бы эти 5 ф. ст. дали 4 квартера, так что продукты обеих затрат капитала были бы одинаковы, или даже 5 кварталов, так что вторая затрата капитала дала бы избыток в 1 квартал. Цена производства первых 2 кварталов равняется $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал, а вторых $1\frac{1}{2}$ кварталов — 2 ф. ст. за квартал. Все эти $3\frac{1}{2}$ квартера вместе стоят поэтому 6 ф. ст. Это индивидуальная цена производства всего продукта, составляющая в среднем 1 ф. ст. $14\frac{2}{7}$ шилл. за квартал, круглым счетом, скажем, $1\frac{3}{4}$ ф. ст. При общей цене производства в 3 ф. ст., определяемой землей A, это дает добавочную прибыль в $1\frac{1}{4}$ ф. ст. на квартал и, следовательно, для всех $3\frac{1}{2}$ кварталов — $4\frac{3}{8}$ ф. ст. При средней цене производства на земле B это составит круглым счетом $1\frac{1}{2}$ квартера. Добавочная прибыль, получаемая с B, выражается, следовательно, в соответственной части продукта с B, в этих $1\frac{1}{2}$ квартерах, которые образуют ренту, выраженную в хлебе, и которые продаются по общей цене производства за $4\frac{1}{2}$ ф. ст. Но, наоборот, избыточный продукт, получаемый с акра земли B, по сравнению с тем, который получается с акра A, нельзя считать без дальнейших околичностей добавочной прибылью, а потому и добавочным продуктом. Согласно предположению, акр земли B производит $3\frac{1}{2}$ квартера, акр A — лишь 1 квартал. Избыточный продукт с земли B представляет, следовательно, $2\frac{1}{2}$ квартера, а добавочный продукт — лишь $1\frac{1}{2}$ квартера; потому что на B затрачен вдвое больший капитал, чем на A, и потому вся цена производства на этой земле вдвое больше. Если бы на A было также затрачено 5 ф. ст. и норма производительности осталась без изменения, то продукт был бы равен 2 квартерам вместо 1, и таким образом стало бы ясным, что действительный добавочный продукт можно найти посредством сравнения не $3\frac{1}{2}$ и 1, а $3\frac{1}{2}$ и 2; что, следовательно, он равняется не $2\frac{1}{2}$, а всего $1\frac{1}{2}$ квартерам. Но, далее, если бы на B была произведена третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которая дала бы лишь 1 квартал, так что этот квартал стоил бы 3 ф. ст., как квартал, произведенный на земле A, то его продажная цена в 3 ф. ст. покрыла бы только всю цену производства, дала бы лишь среднюю прибыль, но никакой добавочной прибыли, а следовательно, и ничего, что могло бы превратиться в ренту. Продукт с акра любого рода земли, по сравнению с продуктом с акра земли A, не показывает ни того,

является ли он продуктом одинаковой или большей затраты капитала, ни того, покрывает ли избыточный продукт только цену производства, или же он обязан своим возникновением более высокой производительности дополнительного капитала.

Во-вторых: при убывающей норме производительности дополнительных затрат капитала, границей которых, — поскольку речь идет об образовании новой добавочной прибыли, — является такая затрата капитала, которая покрывает лишь цену производства, т. е. производит квартал столь же дорого, как равная затрата капитала производит его на акре земли *A*, т. е., согласно предположению, за 3 ф. ст., — предел, где вся затрата капитала на акр земли *B* перестает давать ренту, был бы, как следует из вышеизложенного, достигнут, когда индивидуальная средняя цена производства продукта на акре *B* повысилась бы до уровня цены производства с акра земли *A*.

Если на *B* производятся лишь такие дополнительные затраты капитала, которые окупают цену производства и, следовательно, не образуют добавочной прибыли, а потому и ренты, то, хотя это и повышает индивидуальную среднюю цену производства квартера, тем не менее, не затрагивает добавочной прибыли, образовавшейся от прежних затрат капитала, следовательно, не затрагивает ренты, которая может получиться. Ибо средняя цена производства всегда остается ниже цены производства *A*, а если излишек цены с квартера и уменьшается, то количество кварталов увеличивается в том же отношении, так что общий излишек цены остается без изменения.

В приведенном случае две первые затраты капитала в 5 ф. ст. на земле *B* производят $3\frac{1}{2}$ квартера, следовательно, согласно предположению, $1\frac{1}{2}$ квартера ренты = $4\frac{1}{2}$ ф. ст. Если сюда присоединится третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., производящая лишь один дополнительный квартал, то вся цена производства (включая 20% прибыли) $4\frac{1}{2}$ кварталов = 9 ф. ст.; следовательно, средняя цена на акр = 2 ф. ст. за квартал. Таким образом средняя цена производства за квартал на земле *B* поднялась с $1\frac{5}{7}$ до 2 ф. ст., добавочная прибыль с квартера, по сравнению с регулирующей ценой *A*, упала таким образом с $1\frac{2}{7}$ до 1 ф. ст. Но $1 \times 4\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ ф. ст., совершенно так же как прежде $1\frac{2}{7} \times 3\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ ф. ст.

Если бы мы предположили, что на *B* были сделаны еще четвертая и пятая дополнительные затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст., затраты, производящие квартал лишь по его общей цене производства, то весь продукт с акра составлял бы теперь $6\frac{1}{2}$ кварталов, а вся его

цена производства была бы — 15 ф. ст. Средняя цена производства квартера снова повысилась бы для B с 2^* до $2\frac{4}{13}$ ф. ст., а добавочная прибыль с квартера по сравнению с регулирующей ценой производства на земле A снова упала бы с 1 до $\frac{9}{13}$ ф. ст. Но и эти $\frac{9}{13}$ ф. ст. пришлось бы теперь считать на $6\frac{1}{2}$ кварталов, вместо прежних $4\frac{1}{2}$. Между тем $\frac{9}{13} \times 6\frac{1}{2} = 1 \times 4\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ ф. ст.

Отсюда прежде всего следует, что при этих обстоятельствах не требуется никакого повышения регулирующей цены производства для того, чтобы сделать возможными дополнительные затраты капитала на землях, приносящих ренту, возможными даже в таком размере, что дополнительный капитал совсем перестает доставлять добавочную прибыль и дает лишь среднюю прибыль. Из этого следует далее, что здесь сумма добавочной прибыли на акр остается без изменения, как бы ни уменьшалась добавочная прибыль с квартера; это уменьшение всегда уравнивается соответствующим увеличением кварталов, производимых на акре. Для того чтобы средняя цена производства поднялась до уровня общей цены производства (следовательно, достигла бы 3 ф. ст. на землю B), должны быть сделаны такие дополнительные затраты капитала, продукт которых обладал бы более высокой ценой производства, чем регулирующая цена в 3 ф. ст. Но мы увидим, что этого одного тоже недостаточно, чтобы повысить среднюю цену производства квартера на землю B до уровня общей цены производства в 3 ф. ст.

Предположим, что на земле B были произведены:

1) $3\frac{1}{2}$ квартера, цена производства которых, как и прежде = 6 ф. ст.; следовательно, две затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. каждая, причем обе образуют добавочные прибыли, но убывающей высоты.

2) 1 квартал за 3 ф. ст.; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства была бы равна регулирующей цене производства.

3) 1 квартал за 4 ф. ст.; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства на 25%** выше регулирующей цены.

Мы имели бы тогда $5\frac{1}{2}$ кварталов с акра за 13 ф. ст., при затрате капитала в $10\frac{5}{6}$ ф. ст.***; первоначальная затрата капитала возросла бы в четыре раза, но продукт первой затраты капитала не увеличился бы и в три раза.

* В изд. 1894 г. — 1. *Ред.*

** — от 4 ф. ст. *Ред.*

*** В изд. 1894 г. — 10. *Ред.*

$5\frac{1}{2}$ кварталов за 13 ф. ст. дают среднюю цену производства в $2\frac{4}{11}$ ф. ст. за квартал, следовательно, при регулирующей цене производства в 3 ф. ст., избыток в $\frac{7}{11}$ ф. ст. с квартала; он может превратиться в ренту. $5\frac{1}{2}$ кварталов при продаже по регулирующей цене в 3 ф. ст. дают $16\frac{1}{2}$ ф. ст. За вычетом всей цены производства в 13 ф. ст. остается $3\frac{1}{2}$ ф. ст. добавочной прибыли, или ренты; эти $3\frac{1}{2}$ ф. ст., считая по теперешней средней цене производства квартала на *B*, т. е. по $2\frac{4}{11}$ ф. ст. за квартал, являются теперь представителем $1\frac{5}{72}$ * квартала. Денежная рента понизилась бы на 1 ф. ст., хлебная рента — приблизительно на $\frac{1}{2}$ квартала, но несмотря на то, что четвертая дополнительная затрата капитала на *B* не только не производит добавочной прибыли, но дает менее, чем среднюю прибыль, попрежнему продолжает получаться добавочная прибыль и рента. Если мы предположим, что, кроме затраты капитала 3), и затрата 2) производит по цене, превышающей регулируемую цену производства, то все производство составит: $3\frac{1}{2}$ квартала за 6 ф. ст. + 2 квартала за 8 ф. ст., итого $5\frac{1}{2}$ кварталов по цене производства в 14 ф. ст. Средняя цена производства квартала была бы $\equiv 2\frac{6}{11}$ ф. ст., что оставляло бы избыток в $\frac{5}{11}$ ф. ст. Эти $5\frac{1}{2}$ кварталов, проданные по 3 ф. ст., дают $16\frac{1}{2}$ ф. ст.; за вычетом 14 ф. ст. всей цены производства остается $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на ренту. При теперешней средней цене производства на земле *B* это составило бы $\frac{55}{56}$ квартала. Следовательно, рента все еще продолжает получаться, хотя и в меньшем размере, чем раньше.

Во всяком случае это показывает, что на лучших земельных участках при дополнительных затратах капитала, продукт которых обходится дороже, чем регулирующая цена производства, рента, — по крайней мере в пределах, допустимых практикой, — должна не исчезнуть, а лишь уменьшиться соответственно тому, с одной стороны, какую долю всего затраченного капитала составляет этот менее производительный капитал, а с другой стороны — соответственно уменьшению его производительности. Средняя цена его продукта все же была бы ниже регулирующей цены и потому все еще оставалась бы добавочная прибыль, которая могла бы превратиться в ренту.

Предположим теперь, что средняя цена квартала *B* совпадает с общей ценой производства, что явилось следствием четырех последовательных затрат капитала ($2\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, 5 и 5 ф. ст.) с убывающей производительностью:

* Должно быть $1\frac{25}{52}$. *Ред.*

Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.		Продукт кварт.	Цена производ- ства		Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Избыток для rentы	
				за кварт. ф. ст.	всего ф. ст.			кварт.	ф. ст.
1)	2 $\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	2	1 $\frac{1}{2}$	3	3	6	1	3
2)	2 $\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	2	3	3	4 $\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$
3)	5	1	1 $\frac{1}{2}$	4	6	3	4 $\frac{1}{2}$	— $\frac{1}{2}$	— 1 $\frac{1}{2}$
4)	5	1	1	6	6	3	3	— 1	— 3
	15	3	6	—	18	—	18	0	0

Здесь арендатор продает каждый квартал по его индивидуальной цене производства, и потому все число кварталов продается им по их средней цене производства, совпадающей с регулирующей ценой в 3 ф. ст. Он получает поэтому на свой капитал в 15 ф. ст. по-прежнему 20% прибыли = 3 ф. ст. Но рента исчезла. Куда же девался излишек при этом уравнении индивидуальных цен производства каждого квартала с общей ценой производства?

Добавочная прибыль с первых 2 $\frac{1}{2}$ ф. ст. равнялась 3 ф. ст.; со вторых 2 $\frac{1}{2}$ ф. ст. она равнялась 1 $\frac{1}{2}$ ф. ст.; в общей сложности добавочная прибыль на $\frac{1}{3}$ авансированного капитала, т. е. на 5 ф. ст., была = 4 $\frac{1}{2}$ ф. ст. = 90%.

При затрате капитала 3) 5 ф. ст. не только не приносят добавочной прибыли, но продукт ее в 1 $\frac{1}{2}$ кварталах, проданный по общей цене производства, дает минус в 1 $\frac{1}{2}$ ф. ст. Наконец, при затрате капитала 4), тоже в 5 ф. ст., продукт ее в 1 квартал, проданный по общей цене производства, дает минус в 3 ф. ст. Следовательно, обе затраты капитала, взятые вместе, дают минус в 4 $\frac{1}{2}$ ф. ст., равный добавочной прибыли в 4 $\frac{1}{2}$ ф. ст., которая получилась от затрат капитала 1) и 2).

Добавочная прибыль и отрицательная прибыль взаимно уничтожаются. Поэтому рента исчезает. Но в действительности это возможно лишь потому, что те элементы прибавочной стоимости, которые образовали добавочную прибыль или ренту, входят теперь в образование средней прибыли. Фермер получает эту среднюю прибыль в размере 3 ф. ст. на 15 ф. ст., или в размере 20% за счет ренты.

Уравнение индивидуальной средней цены производства B с общей ценой производства A , регулирующей рыночную цену, предполагает, что разность между индивидуальной ценой продукта первых затрат капитала и превышающей ее регулирующей ценой все более и более уравновешивается и в конце концов уничтожается

разницей, на которую продукт позднейших затрат капитала начинает превышать регулируемую цену. Таким образом то, что представляется добавочной прибылью, пока продукт первых затрат капитала продается отдельно, становится постепенно частью средней цены производства и тем самым входит в образование средней прибыли, пока, наконец, не будет совсем поглощено последнею.

Если бы вместо 15 ф. ст. затраты капитала на *B* на этой земле было затрачено всего 5 ф. ст., а дополнительные $2\frac{1}{2}$ квартера последней таблицы были произведены таким образом, что $2\frac{1}{2}$ акра земли *A* были бы возделаны вновь с затратой капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр, то затраченный дополнительный капитал составил бы всего $6\frac{1}{4}$ ф. ст., а вся затрата на *A* и *B*, сделанная для производства этих 6 кварталов, составила бы всего $11\frac{1}{4}$ ф. ст. вместо 15 ф. ст., и вся цена их производства, включая и прибыль, составила бы $13\frac{1}{2}$ ф. ст. Эти 6 кварталов попрежнему продавались бы за 18 ф. ст., но затрата капитала уменьшилась бы на $3\frac{3}{4}$ ф. ст., и рента с *B* составляла бы, как и прежде, $4\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр. Иначе обстояло бы дело, если бы для производства дополнительных $2\frac{1}{2}$ кварталов пришлось прибегнуть к худшей, чем *A*, земле, к *A* — 1, *A* — 2, так что цена производства квартера для $1\frac{1}{2}$ кварталов на земле *A* — 1 = 4 ф. ст., а для последнего квартера на земле *A* — 2 = 6 ф. ст. В таком случае 6 ф. ст. сделались бы регулирующей ценой производства квартера. Эти $3\frac{1}{2}$ квартера с земли *B* были бы проданы за 21 ф. ст. вместо $10\frac{1}{2}$ ф. ст., что дало бы ренту в 15 ф. ст. вместо $4\frac{1}{2}$ ф. ст., а в хлебе — ренту в $2\frac{1}{2}$ квартера вместо $1\frac{1}{2}$ кварталов. Точно так же один квартал с земли *A* теперь дал бы ренту в 3 ф. ст. = $\frac{1}{2}$ квартера.

Прежде чем исследовать этот пункт дальше, сделаем еще одно замечание.

Средняя цена квартера с *B* уравнивается, совпадает с общей ценой производства в 3 ф. ст. с квартера, регулируемой землей *A*, как только часть всего капитала, производящего избыточные $1\frac{1}{2}$ квартера, уравнивается той частью всего капитала, которая недопроизводит $1\frac{1}{2}$ квартера. Когда именно это будет достигнуто, или сколько капитала с недостаточной производительной силой должно быть для этого затрачено на *B*, зависит при данной добавочной производительности первых затрат капитала от относительно недостаточной производительности последующих затрат капитала, — недостаточной по сравнению с производительностью равновеликой затраты капитала на наихудшей регулирующей земле *A*, или от индивидуальной цены производства продукта этих последующих затрат, по сравнению с регулирующей ценой.

Из предыдущего прежде всего следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с добавочной производительностью, хотя бы и уменьшающейся, рента с акра, как хлебная, так и денежная, абсолютно возрастает, хотя она относительно, по сравнению с авансированным капиталом (следовательно, норма добавочной прибыли или рента), уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль, или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остается без изменения, если только производство на худших землях не станет излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных пределах все еще производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль, и добавочная производительность которого, следовательно, $= 0$, ничего не изменяет в высоте образовавшейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена квартера на лучших землях вследствие этого возрастает, избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но число кварталов, дающих такой уменьшенный избыток, увеличивается, так что произведение не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые приносят продукт с индивидуальной ценой производства, превышающей регулирующую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только $= 0$, но менее нуля, минус, т. е. ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле A ; — такая дополнительная затрата все более приближает индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, все более уменьшает между ними разницу, которая образует добавочную прибыль, соответственно, ренту. Все большая и большая часть того, что раньше образовало добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли B , продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно, по сравнению

с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Уничтожиться рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле B совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала пойдет на образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, на котором она исчезает. Но этот предел наступает не тотчас после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что ее влияние уничтожает избыточную производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности капитала, затраченного на A , а потому индивидуальная средняя цена квартера с B становится равной индивидуальной средней цене квартера с A .

Но и в этом случае регулирующая цена производства в 3 ф. ст. с квартера не изменилась бы, хотя рента и исчезла бы. Только за этим пределом цена производства должна была бы повыситься вследствие увеличения либо степени недостаточной производительности дополнительного капитала, либо величины самого дополнительного капитала при той же степени недостаточной производительности. Если бы, например, выше в таблице на стр. 289 на той же земле производилось по 4 ф. ст. $2\frac{1}{2}$ квартера вместо $1\frac{1}{2}$ кварталов, то мы имели бы в общем 7 кварталов, вся цена производства которых равнялась бы 22 ф. ст.; квартал стоил бы $3\frac{1}{7}$ ф. ст.; т. е. он стоил бы на $\frac{1}{7}$ ф. ст. дороже общей цены производства, и последняя должна была бы повыситься.

Таким образом еще долгое время можно было бы затрачивать дополнительный капитал с недостаточной производительностью и даже с такой, степень которой все увеличивается, пока индивидуальная средняя цена квартера на лучших земельных участках не станет равна общей цене производства, пока не исчезнет совершенно избыток последней над первой, а вместе с тем и добавочная прибыль и рента.

Даже и в этом случае с исчезновением ренты с лучших земель индивидуальная средняя цена их продукта только совпала бы с общей ценой производства, следовательно, все еще не потребовалось бы повышения этой последней.

В вышеприведенном примере на лучшей земле *B*, находящейся, однако, на последнем месте в ряду лучших или приносящих ренту земель, $3\frac{1}{2}$ квартера производится при помощи капитала в 5 ф. ст., обладающего добавочной производительностью, и $2\frac{1}{2}$ квартера производится при помощи капитала в 10 ф. ст., обладающего недостаточной производительностью, в общей сложности 6 кварталов, следовательно, $\frac{5}{12}$ этого количества производится при помощи этих последних частей капитала, затраченных с недостаточной производительностью. И только в этом пункте индивидуальная средняя цена производства 6 кварталов повышается до 3 ф. ст. за квартал, следовательно, совпадает с общей ценой производства.

Но при законе собственности на землю последние $2\frac{1}{2}$ квартера не могли бы быть произведены подобным образом по 3 ф. ст. за квартал, исключая тот случай, когда они могли бы быть произведены на $2\frac{1}{2}$ новых акрах сорта земли *A*. Случай, когда дополнительный капитал производит уже только по общей цене производства, явился бы пределом. За ним должны прекратиться дополнительные затраты капитала на одной и той же земле.

В самом деле, раз арендатору пришлось за две первые затраты капитала заплатить $4\frac{1}{2}$ ф. ст. ренты, то он должен ее продолжать уплачивать, и каждая затрата капитала, которая произвела бы квартал дороже * 3 ф. ст., повела бы к сокращению его прибыли. Это препятствует уравниванию средней цены при недостаточной производительности.

Возьмем этот случай при прежнем примере, когда цена производства на земле *A* в 3 ф. ст. за квартал регулирует цену для земли *B*.

Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производ- ства ф. ст.	Продукт кварт.	Цена произ- водства за кварт. ф. ст.	Продажная цена		Добавочная прибыль ф. ст.	Убыток ф. ст.
					за кварт. ф. ст.	итого ф. ст.		
$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	2	$1\frac{1}{2}$	3	6	3	—
$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	$1\frac{1}{2}$	2	3	$4\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	—
5	1	6	$1\frac{1}{2}$	4**	3	$4\frac{1}{2}$	—	$1\frac{1}{2}$
5	1	6	1	6	3	3	—	3
15	3	18	—	—	—	18	$4\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$

* В изд. 1894 г. — ниже. *Ред.*

** Там же — 3. *Ред.*

Цена производства $3\frac{1}{2}$ кварталов при двух первых затратах капитала тоже составляет для арендатора 3 ф. ст. за квартал, так как ему приходится уплачивать ренту в $4\frac{1}{2}$ ф. ст., причем разница между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства попадает таким образом не в его карман. Следовательно, избыток цены продукта двух первых затрат капитала не может ему послужить возмещением дефицита в продуктах третьей и четвертой затраты капитала.

$1\frac{1}{2}$ квартала от затраты капитала 3) стоят фермеру, включая и прибыль, 6 ф. ст.; но при регулирующей цене в 3 ф. ст. за квартал он может продать их лишь за $4\frac{1}{2}$ ф. ст. Следовательно, он потерял бы не только всю прибыль, но сверх того $\frac{1}{2}$ ф. ст., или 10% затраченного капитала в 5 ф. ст. Его потеря в прибыли и капитале при затрате капитала 3) равнялась бы $1\frac{1}{2}$ ф. ст., а при затрате капитала 4) — 3 ф. ст., итого $4\frac{1}{2}$ ф. ст., ровно столько, сколько составляет рента от более производительных затрат капитала; индивидуальная цена производства, получающаяся при этих более производительных затратах, именно потому не может оказать уравнивающего влияния на индивидуальную среднюю цену производства всего продукта земли *B*, что избыток ее приходится выплатить в виде ренты третьему лицу.

Если бы для удовлетворения спроса пришлось произвести дополнительные $1\frac{1}{2}$ квартала при помощи третьей затраты капитала, то регулирующая рыночная цена должна была бы подняться до 4 ф. ст. за квартал. Вследствие такого вздорожания регулирующей рыночной цены рента на земле *B* для первой и второй затраты капитала повысилась бы, а на земле *A* образовалась бы рента.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь формальное превращение добавочной прибыли в ренту и хотя собственность на землю дает здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее доходит до возможного предела, следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности. Таким образом повышение общей цены производства, которое становится необходимым при более тесных пределах, чем это было бы при иных условиях, не только служит здесь причи-

ной повышения дифференциальной ренты, но самое существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной того, что общая цена производства раньше и быстрее повышается, дабы таким образом обеспечить сделавшееся необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо далее заметить следующее:

Дополнительная затрата капитала на земле *B* не могла бы повысить регулирующей цены до 4 ф. ст., как в приведенном выше примере, если бы земля *A* в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле 4 ф. ст., или если бы в конкуренции стала участвовать новая, худшая, чем *A*, земля, цена производства на которой хотя и выше 3, но ниже 4 ф. ст. Таким образом мы видим, как дифференциальная рента I и дифференциальная рента II, в то время как первая является базисом для второй, вместе с тем служат пределом друг для друга, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна подле другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в иных случаях, когда, например, счередь доходит до лучших земель.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА И С НАИХУДШЕЙ ИЗ ВОЗДЕЛЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ.

Предположим, что спрос на хлеб повышается и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных затрат капитала с недостаточной производительностью на земли, приносящие ренту, или посредством дополнительной затраты капитала, тоже с убывающей производительностью, на землю *A*, или посредством затраты капитала на новые земли худшего качества, чем *A*.

Возьмем землю *B* в качестве представительницы земель, приносящих ренту.

Дополнительная затрата капитала требует повышения рыночной цены выше 3 ф. ст. за квартал, которые до сих пор были регулирующей ценой, чтобы на земле *B* возможно было дополнительное производство 1 квартера (который может представлять здесь 1 млн. кварталов, как каждый акр — 1 млн. акров). На землях *C* и *D* и т. д., на сортах земли с наивысшей рентой, тоже может быть получен дополнительный продукт, но лишь с убывающей добавочной производительной силой; однако предполагается, что 1 квартал с земли *B* необходим для удовлетворения спроса. Если этот один квартал можно дешевле произвести посредством дополнительного капитала на *B*, чем посредством равной затраты дополнительного капитала на *A*, или чем спускаясь к земле *A* — 1, которая, например, может произвести квартал лишь за 4 ф. ст., между тем как дополнительный капитал на *A* мог бы произвести квартал уже за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., то дополнительный капитал, затраченный на *B*, стал бы регулировать рыночную цену.

Земля *A* попрежнему произвела 1 квартал за 3 ф. ст. Земля *B* тоже, как и раньше, произвела в общей сложности $3\frac{1}{2}$ квартера, индивидуальная цена производства которых составляет в итоге 6 ф. ст. Теперь, если бы на земле *B* потребовалась дополнительная затрата в 4 ф. ст. цены производства (включая и прибыль), чтобы произвести один новый квартал, между тем как на *A* его можно про-

известнн за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., то, само собою разумеется, он был бы произведен на *A*, а не на *B*. Итак, предположим, что он может быть произведен на *B* при дополнительной цене производства в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. В этом случае $3\frac{1}{2}$ ф. ст. сделались бы регулирующей ценой для всего производства. Тогда *B* продал бы свой теперешний продукт в $4\frac{1}{2}$ квартера за $15\frac{3}{4}$ ф. ст. Из этого на цену производства первых $3\frac{1}{2}$ кварталов приходится 6 ф. ст. и на последний квартал — $3\frac{1}{2}$ ф. ст., итого $9\frac{1}{2}$ ф. ст. Остается добавочная прибыль для ренты = $6\frac{1}{4}$ ф. ст., между тем как раньше она была всего $4\frac{1}{2}$ ф. ст. В этом случае акр земли *A* тоже принес бы ренту в $\frac{1}{2}$ ф. ст., но цену производства в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. стала бы регулировать не наихудшая земля *A*, а сравнительно лучшая земля *B*. При этом, конечно, предполагается, что новая земля качества *A*, такого же удобного положения, как возделывавшаяся до сих пор, недоступна и что пришлось бы сделать вторую затрату капитала на уже возделываемом участке *A*, но при большей цене производства, или пришлось бы обратиться к еще худшей земле *A* — 1. Как только последовательные затраты капитала приводят в действие дифференциальную ренту II, пределы повышающейся цены производства могут регулироваться лучшей землей, и худшая земля, базис дифференциальной ренты I, может тогда тоже приносить ренту. Таким образом и при наличии одной лишь дифференциальной ренты все возделываемые земли стали бы тогда приносить ренту. В таком случае перед нами были бы две следующих таблицы, в которых под ценой производства подразумевается сумма авансированного капитала плюс 20% прибыли, следовательно, на каждые $2\frac{1}{2}$ ф. ст. капитала по $\frac{1}{2}$ ф. ст. прибыли, итого 3 ф. ст.

Род земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Денежная выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	3	3	0	0
B	1	6	$3\frac{1}{2}$	3	$10\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$
C	1	6	$5\frac{1}{2}$	3	$16\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$
D	1	6	$7\frac{1}{2}$	3	$22\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$	$16\frac{1}{2}$
Итого	4	21	$17\frac{1}{2}$	—	$52\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	$31\frac{1}{2}$

Таково положение вещей до новой затраты капитала в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. на *B*, приносящей только 1 квартал. После этой затраты дело обстоит таким образом:

Род земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Денежная выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	3 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	1 ¹ / ₇	1 ¹ / ₂
B	1	9 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	15 ³ / ₄	1 ¹¹ / ₁₄	6 ¹ / ₄
C	1	6	5 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	19 ¹ / ₄	3 ¹¹ / ₁₄	13 ¹ / ₄
D	1	6	7 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	26 ¹ / ₄	5 ¹¹ / ₁₄	20 ¹ / ₄
Итого	4	24 ¹ / ₂	18 ¹ / ₂	—	64 ³ / ₄	11 ¹ / ₂	40 ¹ / ₄

{Это опять не совсем верно вычислено. Арендатору *B* производство этих 4¹/₂ кварталов обходится, во-первых, в 9¹/₂ ф.ст. цены производства и, во-вторых, в 4¹/₂ ф. ст. ренты, итого в 14 ф. ст.; в среднем за квартал = 3¹/₉ ф. ст. Эта средняя цена для всего его производства становится таким образом регулирующей рыночной ценой. Поэтому рента на *A* составила бы 1¹/₉ ф. ст. вместо 1¹/₂ ф. ст., а рента на *B* осталась бы попрежнему 4¹/₂ ф. ст.; 4¹/₂ квартера по 3¹/₉ ф. ст. = 14 ф. ст.; отсюда вычесть 9¹/₂ ф. ст. всей цены производства, осталось бы на добавочную прибыль 4¹/₂ ф. ст. Итак, несмотря на то, что числа должны быть изменены, пример показывает, как при посредстве дифференциальной ренты II относительно лучшая земля, уже приносящая ренту, может сделаться регулирующей цену и благодаря этому вся земля, в том числе и не приносящая до того времени ренты, может превратиться в приносящую ренту. — Ф. Э.}

Хлебная рента должна повыситься, раз повышается регулирующая цена производства хлеба, т. е. раз повышается цена производства квартера хлеба на регулирующей земле, или регулирующая затрата капитала на одном из сортов земли. Это все равно, как если бы все сорта земли сделались менее плодородными и производили бы, например, на каждые 2¹/₂ ф. ст. новых затрат капитала всего по 5¹/₇ квартера вместо 1 квартера. Весь тот избыток хлеба, который они производят при той же затрате капитала, превращается в добавочный продукт, которым представлена добавочная прибыль, а потому и рента. Если предположить, что норма прибыли остается прежняя, то фермер мог бы купить на свою прибыль меньшее количество хлеба. Норма прибыли может остаться прежняя, если заработная плата не повысится, — потому ли, что ее снизили до физического минимума, т. е. ниже нормальной стоимости рабочей силы; потому ли, что сравнительно дешевле стали другие предметы потребления рабочих, доставляемые мануфактурой; потому ли, что рабочий день удлинен или сделался интенсивнее и вследствие этого норма

прибыли в неземледельческих отраслях производства, регулирующая, однако, земледельческую прибыль, осталась прежняя, если не повысилась; или же потому, что хотя в земледелии затрачивается такой же капитал, но больше постоянного и меньше переменного.

Итак, мы рассмотрели первый способ возникновения ренты на земле A , — которая до сих пор была наихудшей, — без того, чтобы к возделыванию была привлечена еще худшая земля; именно, возникновение ренты, благодаря разности индивидуальной цены производства на этой земле, которая до сих пор была регулирующей, по сравнению с той новой, более высокой ценой производства, по которой последний дополнительный капитал, затраченный с недостаточной производительной силой на более хорошей земле, доставляет необходимый дополнительный продукт.

Если бы дополнительный продукт пришлось произвести на земле $A - 1$, которая может доставить квартал лишь за 4 ф. ст., то рента с акра на A повысилась бы до 1 ф. ст. Но в этом случае земля $A - 1$ передвинулась бы на место A , как наихудшая из культивируемых земель, а земля A вступила бы как низший член в ряд земель, приносящих ренту. Дифференциальная рента I изменилась бы. Таким образом этот случай лежит за пределами рассматриваемой здесь дифференциальной ренты II, которая возникает из различной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же полосе земли.

Но, кроме этого, дифференциальная рента на земле A может возникнуть еще двояким способом.

В том случае, когда при неизменяющейся цене, — какова бы она ни была, хотя бы это была понизившаяся по сравнению с прежней цена, — дополнительная затрата капитала создает добавочную производительность, что *prima facie* до известной границы всегда должно иметь место как раз на наихудшей земле.

Во-вторых, в том случае, когда производительность последовательных затрат капитала на земле A , напротив, понижается.

В обоих случаях предполагается, что увеличение производства диктуется состоянием спроса.

Но здесь с точки зрения дифференциальной ренты выступает особое затруднение в связи с ранее выведенным законом, согласно которому общую цену производства для всей продукции (или для всей затраты капитала) всегда определяет индивидуальная средняя цена производства одного квартала. Ведь для земли A , в противоположность лучшим сортам земли, цена производства, которая ограничивает для новых затрат капитала уравнение индивидуальной

с общей ценой производства, дана не извне. Ибо как раз индивидуальная цена производства на *A* и есть та самая общая цена производства, которая регулирует рыночную цену.

Предположим:

1) При *повышающейся производительной силе последовательных затрат капитала* на 1 акре земли *A*, авансировав капитал в 5 ф. ст., что соответствует 6 ф. ст. цены производства, можно произвести 3 вместо 2 кварталов. Первая затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. доставляет 1 квартал, вторая — 2 квартала. В этом случае 6 ф. ст. всей цены производства дают 3 квартала, следовательно, квартал будет стоить в среднем 2 ф. ст.; таким образом если 3 квартала будут проданы по 2 ф. ст., то *A* попрежнему не принесет ренты, но изменится лишь основа дифференциальной ренты II; регулирующей ценой производства сделались 2 ф. ст. вместо 3 ф. ст.; на наихудшей земле капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. производит теперь в среднем $1\frac{1}{2}$ вместо 1 квартала, и это теперь официальное плодородие для всех земель более высокого качества при затрате в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. С этого времени часть их прежнего добавочного продукта входит в образование их необходимого продукта, подобно тому как часть их прежней добавочной прибыли — в образование средней прибыли.

Если, напротив, произвести расчет таким способом, как на лучших землях, где средний расчет ничего не изменяет в абсолютной величине добавочной части, потому что для них общая цена производства дана как граница затраты капитала, то квартал от первой затраты капитала стоит 3 ф. ст., а 2 квартала от второй затраты — всего по $1\frac{1}{2}$ ф. ст. Таким образом на *A* возникла бы хлебная рента в 1 квартал и денежная рента в 3 ф. ст., но эти 3 квартала продавались бы по старой цене — за 9 ф. ст. Если бы последовала третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. с такой же продуктивностью, как вторая, то были бы произведены теперь в общей сложности 5 кварталов за 9 ф. ст. цены производства. Если бы индивидуальная средняя цена производства на *A* осталась регулирующей, то квартал пришлось бы теперь продавать по $1\frac{4}{5}$ ф. ст. Средняя цена опять понизилась бы не вследствие нового повышения производительности третьей затраты капитала, а лишь вследствие прибавления новой затраты капитала с такой же дополнительной производительностью, как вторая. Вместо того чтобы повысить ренту, как это было бы на землях, приносящих ренту, последовательные затраты капитала относительно более высокой, но неизменяющейся производительности, сделанные на земле *A*, соответственно понизили бы цену производства, а вместе с тем при прочих равных условиях и дифференциальную ренту на всех других сортах земли.

Напротив, если бы первая затрата капитала, которая производит 1 квартал за 3 ф. ст. цены производства, осталась регулирующей сама по себе, то 5 кварталов были бы проданы за 15 ф. ст., и дифференциальная рента от позднейших затрат капитала на земле *A* составила бы 6 ф. ст. Присоединение дополнительного капитала к акру земли *A*, в какой бы форме ни совершилось оно, было бы в этом случае улучшением, и дополнительный капитал сделал бы более производительной и первоначальную часть капитала. Было бы бессмыслицей сказать, что $\frac{1}{3}$ капитала произвела 1 квартал, а остальные $\frac{2}{3}$ произвели 4 квартала. 9 ф. ст. на акр все же производили бы 5 кварталов, между тем как 3 ф. ст. производят только 1 квартал. Возникла ли бы здесь рента, добавочная прибыль, или нет, — это всецело зависело бы от обстоятельств. Нормально регулирующая цена производства должна была бы понизиться. Так будет при том условии, если это улучшенное, а потому сопряженное с увеличенными издержками возделывание имеет место на земле *A* лишь потому, что оно имеет место и на лучших сортах земли — значит, общая революция в земледелии; и если теперь идет речь о естественном плодородии земли *A*, то уже подразумевается, что на нее затрачено 6 или 9 ф. ст. вместо 3 ф. ст. Это в особенности бывает, когда обработке по новому методу подвергается большая часть возделанных акров земли *A*, доставляющая в данной стране основную массу подвоза. Но если бы улучшение охватило сначала лишь небольшую долю площади *A*, то эта лучше возделываемая часть стала бы доставлять добавочную прибыль, которую землевладелец, не теряя времени, постарался бы превратить целиком или отчасти в ренту и фиксировать как ренту. Таким образом, если бы спрос шел в ногу с растущим предложением, то постепенно, по мере того, как земля *A* во всей своей площади мало-помалу подвергается новому методу обработки, могла бы образоваться рента на всей земле качества *A*, и добавочная производительность, вся или отчасти, смотря по условиям рынка, оказалась бы фиксированной. Следовательно, уравнение цены производства на *A* по средней цене продукта, получаемого с *A* при увеличении затрат капитала, могло бы задерживаться фиксированием в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала. В этом случае опять, как мы это видели раньше на лучших землях при убывающей производительной силе дополнительных капиталов, превращение добавочной прибыли в земельную ренту, т. е. вмешательство земельной собственности, повысило бы цену производства, так что дифференциальная рента не была бы просто следствием различий между индивидуальной и общей ценой производства.

Это воспрепятствовало бы совпадению обеих цен для земли A , потому что воспрепятствовало бы регулированию цены производства средней ценой производства на A ; следовательно, оно удержало бы цену производства на более высоком уровне, чем это необходимо, и таким образом создало бы ренту. Такой результат мог бы сложиться или удержаться даже при свободном ввозе хлеба из-за границы, потому что той земле, которая, не принося ренты, могла бы выдержать конкуренцию в возделывании хлеба и в том случае, если цена производства определяется извне, фермеры теперь были бы вынуждены дать другое назначение, например, отвести ее под выпас скота, и таким образом возделыванием хлеба были бы заняты лишь земли, приносящие ренту, то есть лишь земли, на которых индивидуальная средняя цена производства за квартал стоит ниже цены производства, определяемой извне. В общем можно принять, что в данном случае цена производства понизится, однако, не до уровня средней цены, и будет стоять выше его, но ниже цены производства на хуже возделываемой земле A , так что конкуренции новой земли A ставится предел.

2) *При убывающей производительной силе дополнительных капиталов.*

Предположим, что земля $A - 1$ могла бы произвести дополнительный квартал лишь за 4 ф. ст., а земля $A - 2$ — за $3\frac{3}{4}$, т. е. дешевле, чем $A - 1$, но на $\frac{3}{4}$ ф. ст. дороже, чем квартал, произведенный первой затратой капитала на A . В этом случае совокупная цена двух произведенных на A кварталов была бы $= 6\frac{3}{4}$ ф. ст.; следовательно, средняя цена за квартал $= 3\frac{3}{8}$ ф. ст. Цена производства повысилась бы, но всего на $\frac{5}{8}$ ф. ст., между тем как если бы дополнительный капитал был затрачен на новой земле, которая производит квартал за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., она повысилась бы еще на $\frac{3}{8}$ ф. ст., до $3\frac{3}{4}$ ф. ст., и этим было бы вызвано соответствующее повышение всех остальных дифференциальных рент.

Цена производства в $3\frac{3}{8}$ ф. ст. за квартал на земле A таким образом уравнилась бы по средней цене производства на той же земле при увеличившейся затрате капитала и стала бы регулирующей; следовательно, здесь не получилось бы ренты, потому что не было бы добавочной прибыли.

Но если бы этот квартал, произведенный второй затратой капитала, был продан за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., то земля A дала бы теперь ренту в $\frac{3}{4}$ ф. ст., и притом на все акры A , на которых не было бы сделано дополнительной затраты капитала и которые, следовательно, попрежнему производят квартал за 3 ф. ст. Пока существуют еще невозделанные пространства земли A , цена могла бы лишь временно повыситься

до $3\frac{3}{4}$ ф. ст. Конкуренция новых участков А удерживала бы цену производства на 3 ф. ст., пока не была бы исчерпана вся та земля А, которой благоприятное положение позволяет производить квартал дешевле, чем за $3\frac{3}{4}$ ф. ст. Следовательно, приходится делать это допущение, хотя, раз один акр земли приносит ренту, собственник земли не уступит фермеру другого акра без ренты.

Уравнится ли цена производства по средней цене или же регулирующей сделается $3\frac{3}{4}$ ф. ст., индивидуальная цена производства при второй затрате капитала зависит опять-таки от более или менее всеобщего распространения второй затраты капитала на имеющейся земле А. Регулирующей ценой становится $3\frac{3}{4}$ ф. ст. только в том случае, если землевладелец успеет, пока не будет удовлетворен спрос, фиксировать в качестве ренты ту добавочную прибыль, которая получалась бы при цене в $3\frac{3}{4}$ ф. ст. за квартал.

О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха. Мы видели, что последовательное уменьшение добавочной производительной силы затрат капитала постоянно увеличивает ренту с акра, при неизменяющейся цене производства, и что оно может привести к этому даже при понижающейся цене производства.

Но вообще должно заметить следующее.

С точки зрения капиталистического способа производства всегда имеет место относительное удорожание продуктов, если для получения того же продукта делается затрата, если должно оплачиваться нечто такое, что прежде не оплачивалось. Ибо под возмещением капитала, потребленного в производстве, следует понимать только возмещение стоимостей, которые представлены в определенных средствах производства. Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоя, — эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, т. е. даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготовляемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если в ходе развития

потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, т. е. если придется производить этот дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или при посредстве содействия человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта будет сделана относительно большая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства.

(Из тетради, «начатой в середине февраля 1876 года».)

Дифференциальная рента и рента как просто процент на капитал, вложенный в землю.

Так называемые прочные мелиорации, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, стоящих затраты капитала, и которые могут рассматриваться как присоединение капитала к земле, — почти все сводятся к тому, чтобы определенному участку земли, земле в определенном ограниченном месте придать такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Одна земля нивелирована от природы, другую приходится нивелировать; одна обладает естественными стоками для воды, другая требует искусственного дренажа; одна от природы обладает глубоким пахотным слоем, на другой его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с надлежащим количеством песка, у другой еще необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается илом, на другом этого приходится достигать посредством труда, или, говоря языком буржуазной экономии, посредством капитала.

Поистине забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные выгоды которой приобретены, рента есть процент, а на другой земле, которая обладает этими преимуществами от природы, не есть процент. (На деле же вопрос извращается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, ее и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, ложно представить в виде процента.) Но после того как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в нее вложен капитал, а потому, что затрата капитала превратила землю в более производительное место для вложений, чем до этого. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она еще не была сделана,

предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который участок в данном случае приносит), которую дает земля, уже получившая такую затрату капитала, точно так же является дифференциальной рентой, как если бы эта земля от природы обладала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизован. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, оспаривающие определение стоимости исключительно трудом, выдвигают против объяснения дифференциальной ренты различием между землями то обстоятельство, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом; и в то же время приписывают это определение положению или — и в еще большей мере — даже проценту на капитал, вложенный при возделывании в землю. Один и тот же труд создает одинаковую стоимость для продукта, изготовленного в течение данного времени; но величина или количество этого продукта, а потому и та часть стоимости, которая приходится на соответствующую часть этого продукта, зависит при данном количестве труда единственно от количества продукта, а последнее, в свою очередь, от производительности данного количества труда, не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама стоит труда, следовательно, капитала, она увеличивает цену производства новой составной частью, чего природа сама по себе не делает.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ.

АБСОЛЮТНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА.

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не уплачивает земельной ренты или, выражаясь более обще, что земельную ренту уплачивает только такая земля, на которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту. Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты как дифференциальной ренты совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения.

Если общую, регулирующую рынок цену производства мы обозначим посредством P , то P для продукта наихудшего сорта земли A совпадает с индивидуальной ценой производства на этой земле; т. е. цена оплачивает потребленный в производстве постоянный и переменный капитал плюс средняя прибыль (= предпринимательскому доходу плюс процент).

Рента в этом случае равна нулю. Индивидуальная цена производства ближайшего по качеству из лучших родов почвы $B = P'$, и $P > P'$; т. е. P оплачивает более чем действительную цену производства продукта на классе земли B . Пусть теперь $P - P' = d$; поэтому d , избыток P над P' , есть та добавочная прибыль, которую добывает фермер этого класса B . Это d превращается в ренту, которую приходится уплачивать собственнику земли. Пусть для третьего класса земли C действительной ценой производства будет P'' , и пусть $P - P'' = 2d$; следовательно, эти $2d$ превращаются в ренту; точно так же для четвертого класса D индивидуальная цена производства пусть будет P''' , а $P - P''' = 3d$, которые превращаются в земельную ренту, и т. д. Допустим теперь, что предположение, будто для класса земли A рента = 0, а потому цена ее продукта = $P + 0$, ошибочно. Пусть, напротив, и она дает ренту = r . В таком случае вытекают следствия двойного рода.

Во-первых: цена продукта земли класса A не регулировалась бы ценой производства на этой земле, а содержала бы некоторый избыток над этой ценой, была бы равна $P + r$. Ибо раз предполагается нормальный ход капиталистического производства, т. е. раз предполагается, что излишек r , уплачиваемый фермером земельному собственнику, не представляет вычета ни из заработной платы, ни из средней прибыли на капитал, то фермер может выплачивать его лишь благодаря тому, что его продукт продается дороже цены производства, что он, следовательно, дал бы ему добавочную прибыль, если бы не приходилось отдавать этот излишек в форме ренты земельному собственнику. В таком случае регулирующая рыночная цена всего находящегося на рынке продукта всех сортов земли была бы не той ценой производства, которую дает капитал вообще во всех сферах производства, т. е. не ценой, равной издержкам плюс средняя прибыль, но была бы ценой производства плюс рента, $P + r$, не P . Ибо цена продукта класса A выражает вообще предел регулирующей общей рыночной цены, той цены, по которой может быть доставлен весь продукт, и постольку она регулирует цену этого совокупного продукта.

Однако, *во-вторых*, хотя общая цена продукта земли подверглась бы в этом случае существенной модификации, этим отнюдь не был бы снят закон дифференциальной ренты. Ибо, если цена продукта класса A , а тем самым и общая рыночная цена $= P + r$, то цена классов B , C , D и т. д. тоже была бы $= P + r$. Но так как для класса B $P - P' = d$, то $(P + r) - (P' + r)$ тоже было бы $= d$, а для C в свою очередь $P - P'' = (P + r) - (P'' + r)$ было бы $= 2d$, как, наконец, для D , $P - P''' = (P + r) - (P''' + r) = 3d$ и т. д. Итак, дифференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли подверглась бы общему повышению. Отсюда следует, что как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных видов почвы, от этого не только не зависит закон дифференциальной ренты, но единственный способ понять самую дифференциальную ренту в соответствии с ее характером заключается в том, чтобы ренту класса земли A приравнять нулю. Действительно ли она $= 0$ или > 0 , безразлично, поскольку речь идет о дифференциальной ренте, и в самом деле не принимается во внимание.

Итак, закон дифференциальной ренты не зависит от результата дальнейшего исследования.

Теперь, если спросить далее, на чем собственно основывается предположение, что продукт земли наихудшего класса не дает ренты,

то ответ необходимо гласит так: Если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что для дополнительно авансированного капитала A , затраченного на класс земли A , она оплачивает обычную цену производства, т. е. дает капиталу обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того, чтобы на классе земли A мог быть затрачен дополнительный капитал. Т. е. для капиталиста достаточно этого условия, чтобы вложить с обычной прибылью и использовать нормальным способом новый капитал.

Здесь следует заметить, что и в этом случае рыночная цена должна стоять выше, чем цена производства на A . Потому что раз создается дополнительное предложение, отношение спроса и предложения, очевидно, изменится. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на A . Но меньшее плодородие класса A , вновь вступающего под обработку, приводит к тому, что цена не упадет вновь до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства класса B . Цена производства на A образует границу не для временного, а для относительно прочного повышения рыночной цены. — Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем класс A , который был до того времени регулирующим, и, однако, ее достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остается без изменения. Исследование вопроса, приносит ли ренту низший класс земли, и в этом случае совпадает с тем, которым мы заняты теперь: и здесь предположение, что класс земли A не приносит ренты, объяснялось бы достаточностью рыночной цены как раз для того, чтобы капиталистический фермер мог покрыть ею примененный капитал плюс средняя прибыль; короче говоря, такое предположение объяснялось бы тем, что рыночная цена дает ему цену производства его товара.

Во всяком случае капиталистический арендатор, поскольку он должен поступать как капиталист, может при этих условиях возделывать землю класса A . Итак, условие для нормального использования капитала на земле A имеется в наличности. Но из той посылки, что капитал мог бы быть вложен фермером в землю A в соответствии с средними условиями возрастания капитала, хотя он не мог бы платить ренту, отнюдь не следует заключение, что эта принадлежащая классу A земля так и будет без дальнейших ооколичностей предоставлена в распоряжение арендатора. То обстоятельство, что арендатор мог бы использовать свой капитал с обычной прибылью,

если ему не придется платить ренту, в глазах земельного собственника вовсе не основание для того, чтобы даром предоставить свою землю арендатору и проявить такое филантропическое отношение к своему деловому другу, чтобы ввести *crédit gratuit* [даровой кредит]. Подобное предположение означает абстрагирование от земельной собственности, уничтожение земельной собственности, существование которой как раз и образует границу для затраты капитала и для свободного применения его к земле, — границу, которая отнюдь не рушится от одного простого соображения арендатора, что, если бы ему не пришлось уплачивать ренту, т. е. если бы он мог на практике считать земельную собственность несуществующей, состояние хлебных цен позволило бы ему извлечь из своего капитала посредством эксплуатации земли *A* обычную прибыль. Но монополия земельной собственности, земельная собственность как граница капитала предполагается уже дифференциальной рентой, так как без этого добавочная прибыль не превратилась бы в земельную ренту и не осталась бы земельному собственнику вместо арендатора. И земельная собственность как граница продолжает существовать и там, где дифференциальная рента отпадает, т. е. на земле *A*. Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение собственности на землю, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определенных и случайных по своему характеру обстоятельствах.

Во-первых, когда сам земельный собственник — капиталист, или сам капиталист — земельный собственник. Если рыночная цена поднялась достаточно для того, чтобы на той земле, которая является теперь землей вида *A*, можно было выручить цену производства, т. е. возмещение капитала плюс средняя прибыль, то он может в этом случае *сам вести хозяйство* на своем участке земли. Но почему? Потому, что по отношению к нему земельная собственность не создает какой-либо границы для приложения его капитала. Он может распоряжаться землей просто как элементом природы и потому может руководствоваться единственно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями. Такие случаи встречаются на практике, но только как исключения. Так же, как капиталистическое возделывание земли предполагает разделение функционирующего капитала и земельной собственности, совершенно так же оно исключает, как правило, ведение хозяйства самим земельным собственником. Сразу видно, что это совершенно

случайно. Если увеличившийся спрос на хлеб требует возделывания большего количества земли A , чем ее имеется у собственников, которые сами ведут хозяйство, т. е. если часть земли A должна быть заарендована для того, чтобы она вообще могла обрабатываться, тогда тотчас же отпадает гипотетическое понимание той границы, которую земельная собственность создает для приложения капитала. Получается плоское противоречие, когда исходят из соответствующего капиталистическому способу производства обособления капитала и земли, арендатора и земельного собственника, а потом, наоборот, предполагают, что, как правило, сами земельные собственники ведут хозяйство в полном объеме во всех тех случаях, когда капитал, если бы независимо от него и противостоя ему не существовало никакой земельной собственности, не извлекал бы из возделывания земли никакой ренты. (См. у А. Смита место о ренте с рудников, цитированное значительно ниже*.) Это уничтожение земельной собственности имеет случайный характер. Оно может произойти и не произойти.

Во-вторых: в составе арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которые земельный собственник не считает такими, потому что он видит общую сумму ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих ее отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку дело касается тех входящих в арендуемую землю участков, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, к которой они образуют придаток. В этом случае предполагается как раз такая комбинация, когда приходится прибегнуть к более плохому виду почвы A не как к самостоятельному, новому полю производства, чтобы восполнить недостающее предложение, а когда, напротив, он составляет лишь неотделимую полосу в лучшей земле. Случай же, который мы должны исследовать, как раз тот, когда приходится самостоятельно вести хозяйство на участках земли A , следовательно, при наличности общих предпосылок капиталистического способа производства, чтобы самостоятельно сдавать их в аренду.

В-третьих. Арендатор может затратить дополнительный капитал на прежнюю аренду, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом дополнительный продукт доставляет ему

* Стр. 335 настоящего полутома. *Ред.*

лишь цену производства, приносит обычную прибыль, но не дает возможности платить дополнительную ренту. Таким образом на одну часть капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, на другую — нет. Но насколько мало это предположение разрешает проблему, видно из следующего: если рыночная цена (а также плодородие земли) дает ему возможность получать на дополнительный капитал добавочный продукт, который, подобно старому капиталу, приносит ему кроме цены производства известную добавочную прибыль, то до истечения срока договора об аренде он берет эту добавочную прибыль себе. Но почему? Потому, что пока продолжается срок арендного договора, отпадает образуемая земельной собственностью граница для приложения его капитала к земле. Однако то простое обстоятельство, что для обеспечения ему этой добавочной прибыли необходимо, чтобы дополнительная земля худшего качества самостоятельно подверглась возделыванию и была самостоятельно сдана в аренду, неопровержимо доказывает, что затраты дополнительного капитала на старой земле недостаточны для получения необходимого повышенного предложения. Одно предположение исключает другое. Правда, теперь можно было бы сказать: сама рента с наихудшего вида почвы *A* есть дифференциальная рента по сравнению либо с землей, которая возделывается самим собственником (однако это встречается лишь как случайное исключение), либо с дополнительной затратой капитала на тех старых арендных участках, которые не приносят ренты. Но это 1) была бы такая дифференциальная рента, которая возникала бы не из различия плодородия различных сортов земли и которая поэтому *не* предполагала бы, что земля сорта *A* не приносит ренты и что продукт ее продается по цене производства. И 2) то обстоятельство, что дополнительные затраты капитала на том же арендуемом участке приносят или не приносят ренту, так же совершенно безразлично для того обстоятельства, что вновь возделываемая земля класса *A* уплачивает или не уплачивает ренту, как, например, для учреждения нового самостоятельного фабричного предприятия безразлично, вкладывает ли другой фабрикант той же отрасли предприятий в процентные бумаги часть своего капитала, которую он не может целиком использовать в своем предприятии, или же он производит ряд таких отдельных расширений, которые не приносят ему полной прибыли, но все же дают больше, чем процент. Это для него дело второстепенное. Напротив, дополнительные новые предприятия должны приносить среднюю прибыль и устраиваются в надежде на среднюю прибыль. Конечно, дополнительные затраты капитала на старых арендах и дополнительное

возделывание новой земли вида A образуют границы одно для другого. Предел, до которого на старой аренде может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, дается конкурирующими новыми затратами на земле класса A ; с другой стороны, рента, которую может приносить земля этого класса, ограничивается конкурирующими дополнительными затратами капитала на старых арендах. {

Однако все эти фальшивые увертки не разрешают проблемы, которая в простой постановке такова: предположим, что рыночная цена хлеба (который в этом исследовании является для нас представителем продукта земли вообще) достаточна для того, чтобы под возделывание были взяты части земли класса A и чтобы капитал, затраченный на эти новые поля, выручил цену производства продукта, т. е. возмещение капитала плюс средняя прибыль. Итак, предположим, что в наличности имеются условия для нормального возрастания капитала на земле класса A . Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы рента приносила и наихудшая земля A ? Т. е. кладет ли монополия земельного собственника такую границу затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что, если, например, на старых арендах существуют дополнительные капиталовложения, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство нисколько не решает вопроса, может ли в действительности быть затрачен капитал на землю класса A , которая тоже стала бы приносить среднюю прибыль, но никакой ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не в состоянии удовлетворить спрос, это доказывается необходимостью привлечения новой земли класса A . Если дополнительное возделывание земли A имеет место лишь постольку, поскольку она приносит ренту, следовательно, излишек над ценой производства, тогда возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, будет ли последняя присвоена фермером или землевладельцем. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля A не может быть возделана, если она не даст ренты. Ибо если бы для возделывания было достаточно только цены производства, одной только сред-

ней прибыли, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, как только они стали бы приносить одни эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле *A*, которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля *A* начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля *A* не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия культура ее началась бы уже при более низком уровне цены, и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые для того, чтобы приносить обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене, которая при культуре земли *A* стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть сделаны. Конечно, рента с земли *A* образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими затратами капитала на старых арендуемых участках, которые не приносят ренты. Но если участки земли *A* создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, т. е. следствие того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обуславливается какой бы то ни было разницей между сортами земли и которая создает границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля должна приносить ренту для того, чтобы ее вообще позволили возделывать, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, на котором явится возможность осуществить это условие.

Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность в этом случае — причина лишь перенесения известной части цены товара, части, которая возникает без содействия этой собственности (а вследствие того, что цена

производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) и сводится к добавочной прибыли, — причина перенесения этой части цены от одного лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собственность в этом случае не причина, которой *создается* эта составная часть цены или то повышение цены, которое является предпосылкой этой части цены. Напротив, если наихудшая земля класса *A* не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является творческой причиной *этого* повышения цены. *Собственность на землю сама создала ренту.* Дело несколько не изменяется от того, что, как во втором разобранном случае, рента, уплачиваемая теперь с земли *A*, образует дифференциальную ренту, по сравнению с теми последними дополнительными затратами капитала на старых арендах, которые выручают лишь цену производства. Ибо только то обстоятельство, что земля *A* не может быть возделана, пока регулирующая рыночная цена не поднимется настолько высоко, что земля *A* будет в состоянии приносить ренту, — только это обстоятельство и является здесь причиной, почему рыночная цена повышается до пункта, на котором последние затраты капитала на старых арендах выручают, правда, лишь свою цену производства, но такую цену производства, которая в то же время приносит ренту для земли *A*. То обстоятельство, что последняя вообще должна уплачивать ренту, является здесь причиной образования дифференциальной ренты между землей *A* и последними затратами капитала на прежних арендах.

Если мы вообще говорим, что, — предполагая регулирование хлебной цены ценой производства, — земля класса *A* не уплачивает ренты, то мы имеем в виду ренту в категорическом значении слова. Если фермер уплачивает арендную плату, составляющую вычет из нормальной ли заработной платы его рабочих или из его собственной нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты, никакой самостоятельной составной части цены товара, отличной от заработной платы и прибыли. Уже раньше мы отмечали, что на практике это встречается постоянно. Если заработная плата земледельческих рабочих в известной стране вообще снижена в сравнении с нормальным средним уровнем заработной платы и потому вычет из заработной платы, часть заработной платы, входит, как общее правило, в состав ренты, то это не составит исключения и для арендатора наихудшей земли. В той самой цене производства, которая допускает возделывание наихудшей земли, эта низкая зара-

ботная плата уже является одной из образующих статей и потому продажа продукта по цене производства не дает возможности арендатору этой земли уплачивать ренту. Земельный собственник может также сдать свою землю в аренду рабочему, который готов будет все то или большую часть того, что доставляет ему продажная цена сверх заработной платы, уплатить другому лицу в форме ренты. Однако во всех этих случаях отнюдь не уплачивается действительная рента, хотя уплачивается арендная плата. Но при существовании отношений, соответствующих капиталистическому способу производства, рента и арендная плата должны совпадать. А здесь мы и должны исследовать как раз это нормальное отношение.

Если даже рассмотренные выше случаи, когда в пределах капиталистического способа производства могут действительно иметь место капиталовложения в земли, не приносящие ренты, — если даже эти случаи ничего не дают для решения нашей проблемы, то еще меньше даст ссылка на колониальные отношения. Что делает колонию колонией, — мы говорим здесь лишь о собственно земледельческих колониях, — так это не только масса плодородных земель, находящихся в естественном состоянии. Нет, колониями делает их скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности. Именно это и составляет такое колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку дело идет о земле: юридическое или фактическое отсутствие земельной собственности, как справедливо отметил Уэкфильд³⁵, и уже задолго до него открыли Мирабо-отец, физиократ, и другие старые экономисты. При этом совершенно безразлично, присваивают ли колонисты землю просто или же они под видом номинальной цены земли в действительности уплачивают государству всего лишь пошлину за приобретение юридического титула на землю. Безразлично также и то обстоятельство, что уже поселившиеся колонисты являются юридическими собственниками земли. Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда без капитала; захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможности превратить новую землю в сферу приложения их капитала или их труда. Поэтому, когда приходится исследовать, каким образом земельная собственность действует на цены продуктов земли и на ренту в тех случаях, когда эта собственность ограничивает землю как сферу для

³⁵ Wakefield, «England and America», London 1833. Ср. также [«Капитал»], кн. I, гл. XXV [К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. XXV].

приложения капитала, было бы в высшей степени плоско ссылаться на свободные буржуазные колонии, где нет ни капиталистического способа производства в земледелии, ни соответствующей ему формы земельной собственности, которая вообще фактически здесь не существует. Так делает, например, Рикардо в главе о земельной ренте. Вначале он говорит, что намерен исследовать влияние, оказываемое присвоением земли на стоимость продуктов земли, и непосредственно вслед затем берет в качестве иллюстрации колонии, причем предполагает, что земля существует там в сравнительно первобытных условиях и ее эксплуатация не ограничивается монополией земельной собственности.

Одна юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но зато она дает ему власть не допускать эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный излишек, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как постройки и т. д. Он не может увеличить или уменьшить абсолютного размера этого поля деятельности, но может изменить то количество земли, которое находится на рынке. Отсюда, как уже отметил Фурье, характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно значительная часть земли всегда остается без возделывания.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует распашки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшиеся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли поднялась достаточно высоко для того, чтобы затрата капитала на эту землю приносила арендатору цену производства, а тем самым обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести ему ренту. Он сдает в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, рыночная цена должна подняться выше цены производства, до $P + r$, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи в аренду ничего не приносит, не имеет в экономическом отношении никакой стоимости, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того, чтобы двинуть на рынок новую землю наихудшего сорта.

Теперь встает такой вопрос: из того, что наихудшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, следует ли, что цена продукта земли необходимо

является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство? Что такой налог имеет свои определенные экономические границы, это само собою разумеется. Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их — конкуренцией земельных собственников между собою, наконец, потребностью и платежеспособностью потребителей. Но здесь речь идет не об этом. Речь идет о том, входит ли рента, уплачиваемая наихудшей землей, в цену ее продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену, — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, обложенного им, т. е. как элемент, независимый от стоимости этого товара.

Это отнюдь не необходимый вывод и делался он лишь потому, что до сих пор не было понято различие между стоимостью товаров и их ценой производства. Мы видели, что цена производства известного товара отнюдь не тождественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их совокупной стоимостью и хотя движение цен производства отдельных сортов товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостей. Мы показали, что цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью. Поэтому тот факт, что продукты земли продаются выше их цены производства, отнюдь еще не доказывает, что они продаются выше их стоимости; как тот факт, что промышленные продукты продаются в среднем по их цене производства, отнюдь не доказывает, что они продаются по своей стоимости. Возможно, что земледельческие продукты продаются выше их цены производства и ниже их стоимости, как, с другой стороны, многие промышленные продукты приносят цену производства только потому, что они продаются выше их стоимости.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим составом капитала, которым произведен товар. Если состав капитала в известной сфере производства ниже, чем состав среднего общественного капитала, т. е. если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на

вещественные условия труда, выше, чем в общественном среднем капитале, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. Т. е. такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при равной эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна возмещению капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого состава. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определенную сферу производства, более высокого состава, чем средний общественный капитал. Стоимость произведенных им товаров ниже их цены производства, что представляет общее явление для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Если капитал в определенной сфере производства имеет более низкий состав, чем средний общественный капитал, то это, прежде всего, является лишь иным выражением того факта, что производительная сила общественного труда в этой особой сфере производства ниже среднего уровня, потому что достигнутая степень производительной силы находит себе выражение в относительном перевесе постоянной части капитала над переменной, или в постоянном уменьшении той составной части данного капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если, наоборот, капитал в определенной сфере производства имеет более высокий состав, то это является выражением развития производительной силы, превышающего средний уровень.

Оставляя в стороне собственно художественные работы, рассмотрение которых по самому существу дела не относится к нашей теме, само собою, конечно, разумеется, что различные сферы производства требуют по их техническим особенностям различного отношения между постоянным и переменным капиталом и что живой труд должен занимать в одних сферах большее место, в других — меньшее. Например, в добывающей промышленности, которую следует четко отличать от земледелия, совершенно отпадает сырой материал как элемент постоянного капитала, да и вспомогательный материал играет значительную роль лишь кое-где. В горной промышленности, однако, значительную роль играет другая часть постоянного капитала — капитал основной. Однако и здесь прогресс развития может измеряться относительным ростом постоянного капитала по сравнению с переменным.

Если состав капитала в собственно земледелии ниже, чем состав среднего общественного капитала, то это *prima facie* было бы выражением того, что в странах развитого производства земледелие не ушло вперед в такой мере, как обрабатывающая промышленность. Такой факт, оставляя в стороне все другие, притом отчасти решающие экономические обстоятельства, находил бы себе объяснение уже в более раннем и быстром развитии механических наук и в особенности их применения, по сравнению с более поздним и отчасти совсем недавним развитием химии, геологии и физиологии и в особенности опять-таки с их применением к земледелию. Впрочем несомненный и давно известный³⁶ факт заключается в том, что прогресс самого земледелия постоянно выражается в относительном росте постоянной части капитала по сравнению с переменной. Ниже ли состав земледельческого капитала в определенной стране капиталистического производства, например, в Англии, по сравнению с средним общественным капиталом, — это вопрос, который можно решить лишь статистически и которым детально заниматься было бы излишне для нашей цели. Как бы то ни было, теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, т. е., что прибавочная стоимость, производимая в земледелии капиталом определенной величины, или, что сводится к тому же, прибавочный труд (а следовательно, и прилагаемый живой труд вообще), приводимый им в движение и подчиненный ему, больше, чем при равновеликом капитале среднего общественного состава.

Итак, для той формы ренты, которую мы исследуем здесь и которая может получиться только при этом предположении, достаточно, если мы это предположение сделаем. Где оно отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты.

Однако один простой факт излишка стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных классов земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в понятии отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой*. Целый ряд мануфактурных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой избыточной

³⁶ См. Домбаль и Р. Джонс.

прибыли, которая могла бы превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последней общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимости. Цены производства возникают из уравнения товарных стоимостей, которое, по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потребленных в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько ее произведено в отдельных сферах производства и сколько ее поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, характерным элементом которой средняя прибыль является. Постоянная тенденция капиталов — произвести посредством конкуренции это уравнение в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолеть все помехи этому уравнению. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складывающихся в различных сферах, т. е. общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше, это предположение основывается на постоянном изменении пропорционального распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности переносить их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей совокупного общественного капитала. При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства, или в которой производится прибавочная стоимость, большая, чем средняя прибыль, и вместе с тем распределять избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства пропорционально между всеми

сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключаящих упомянутое общее уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря избытку товарной стоимости над ценой производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. Но, как такая чуждая сила и преграда для капитала при его приложении к земле, противостоит земельная собственность, или капиталисту — земельный собственник.

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлины, т. е. не взимается ренты, не допускает новой затраты капитала на невзрачной до того времени или не сданной в аренду земле, хотя земля, вновь привлекаемая к обработке, принадлежит к тому виду, который не приносит дифференциальной ренты и который, если бы не существовало земельной собственности, мог бы возделываться уже при некотором незначительном повышении рыночной цены, когда регулирующая рыночная цена доставляла бы возделывателю этой наихудшей земли лишь его цену производства. Между тем вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может уплачивать излишек сверх цены производства, т. е. ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента (за исключением того случая, который будет сейчас исследован) образует излишек стоимости над ценой производства или часть этого излишка. Равна ли рента всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, всецело зависело бы от соотношения между спросом и предложением и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию. До тех пор, пока рента не была бы равна излишку стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, часть этого излишка во всяком случае принимала бы участие в общем уравнении и пропорциональном распределении всей прибавочной стоимости между различными индивидуальными капиталами. Если бы рента была равна избытку стоимости над ценой производства, то вся эта часть, весь этот излишек прибавочной стоимости над средней прибылью был бы отвлечен от этого уравнения. Но равна ли эта абсолютная рента всему излишку стоимости

над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае земледельческие продукты продавались бы по монопольной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, но выше их цены производства. Их монопольное положение заключалось бы в том, что они, в отличие от других промышленных продуктов, стоимость которых выше общей цены производства, не нивелировались бы по цене производства. Так как одна часть и стоимости и цены производства фактически является данной постоянной величиной, — именно, издержки производства, потребленный в производстве капитал, $= k$, — то различие между ними заключается в другой, переменной части, в прибавочной стоимости, которая в цене производства $= p$, прибыли, т. е. равна совокупной прибавочной стоимости, которая в данном случае исчисляется на общественный капитал и на каждый отдельный капитал, как на его пропорциональную часть, но которая в стоимости товара равна действительной прибавочной стоимости, созданной этим отдельным капиталом, и образует интегральную часть произведенных им товарных стоимостей. Если стоимость товара выше его цены производства, то цена производства $= k + p$, стоимость $= k + p + d$, так что $p + d =$ содержащейся в нем прибавочной стоимости. Следовательно, разность между стоимостью и ценой производства $= d$, излишку прибавочной стоимости, произведенной этим капиталом, над той, которая выпадает на его долю в соответствии с общей нормой прибыли. Из этого следует, что цена земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, не достигая размеров их стоимости. Из этого следует дальше, что до известного пункта может происходить длительное повышение цены земледельческих продуктов, прежде чем их цена достигнет уровня их стоимости. Из этого следует также, что только вследствие монополии земельной собственности излишек стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства может стать моментом, определяющим их общую рыночную цену. Из этого следует, наконец, что в этом случае не вздорожание продукта является причиной ренты, а рента причиной вздорожания продукта. Если цена продукта с единицы площади наилучшей земли $= P + r$, то все дифференциальные ренты увеличиваются соответствующими слагаемыми r , так как, согласно предположению, регулирующей рыночной ценой становится $P + r$.

Если бы средний состав неземледельческого общественного капитала был $= 85c + 15v$ и норма прибавочной стоимости $= 100\%$, то цена производства была бы $= 115$. Если бы состав земледельче-

ского капитала был $= 75c + 25v$, то стоимость продукта, при той же норме прибавочной стоимости, и регулирующая рыночная цена были бы $= 125$. Если бы сельскохозяйственный продукт уравнился с несельскохозяйственным по средней цене (для краткости мы предполагаем, что весь капитал одинаков в той и другой отрасли производства), то вся прибавочная стоимость была бы $= 40$, т. е. 20% на капитал в 200. Продукт как одного, так и другого продавался бы за 120. Следовательно, при уравнивании по ценам производства средние рыночные цены несельскохозяйственного продукта стояли бы выше, а сельскохозяйственного продукта ниже их стоимости. Если бы сельскохозяйственные продукты продавались по их полной стоимости, они были бы на 5 дороже, а промышленные продукты на 5 дешевле, чем после уравнивания. Если рыночные условия не позволяют продавать сельскохозяйственные продукты по их полной стоимости, выручать весь излишек над ценой производства, то результат будет занимать среднее место между двумя крайними пунктами; промышленные продукты будут продаваться несколько выше их стоимости, а сельскохозяйственные продукты несколько выше их цены производства.

Хотя земельная собственность может взвинтить цену сельскохозяйственных продуктов выше их цены производства, однако не от нее, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости, и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем уравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из излишка стоимости над ценой производства рента есть просто часть сельскохозяйственной прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, уловление ее земельным собственником; совершенно так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из уловления добавочной прибыли земельною собственностью при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может покоиться лишь на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товаров, а потребностью и платежеспособностью покупателей, и рассмотрение которой относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Если бы вся земля известной страны, пригодная для земледелия, была уже сдана в аренду, — причем предполагается, как общее

явление, капиталистический способ производства и нормальные отношения, — то не было бы такой земли, которая не приносит ренты, но могли бы существовать такие затраты капитала, отдельные части капитала, вложенного в землю, которые не приносят ренты; потому что, раз земля сдана в аренду, земельная собственность, как абсолютная граница для необходимого приложения капитала, перестает действовать. Как относительная граница, она продолжает еще действовать и после этого постольку, поскольку переход к земельному собственнику того капитала, который присоединен к земле, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы. Только в этом случае вся рента превратилась бы в дифференциальную ренту, в дифференциальную ренту, определяемую не различиями в качестве земли, а различиями между добавочными прибылями, получающимися от последних затрат капитала на определенной земле, и рентой, которая уплачивалась бы за аренду земли наихудшего класса. Как абсолютная граница, земельная собственность действует лишь постольку, поскольку допущение к земле вообще как к сфере для приложения капитала обусловливается данью земельному собственнику. Раз это допущение состоялось, последний уже не может противопоставить каких бы то ни было абсолютных границ количественному объему затраты капитала на данном участке земли. Постройке домов вообще ставится граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором должен быть построен дом. Но раз эта земля арендована под постройку домов, от арендатора уже зависит, построит ли он на ней высокий или низкий дом.

Если бы средний состав земледельческого капитала был таков, каков состав среднего общественного капитала или выше, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; т. е. отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монополевой цене. Тогда стоимость земледельческого продукта не была бы выше его цены производства, и земледельческий капитал не приводил бы в движение больше труда, а следовательно, не реализовал бы больше прибавочного труда, чем неземледельческий капитал. То же самое произошло бы в том случае, если бы состав земледельческого капитала стал одинаковым с составом среднего общественного капитала в результате прогресса культуры.

На первый взгляд кажется противоречием предполагать, что, с одной стороны, состав земледельческого капитала повышается, следовательно, повышается его постоянная часть по сравнению с

переменной, а, с другой стороны, цена сельскохозяйственного продукта должна подняться настолько высоко, чтобы новая и более плохая, чем прежняя, земля могла уплачивать ренту, которая в этом случае может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта.

Здесь необходимо проводить следующее различие.

Рассматривая образование нормы прибыли, мы, прежде всего, видели, что капиталы, которые в технологическом отношении составлены одинаково, т. е. в сравнении с количеством машин и сырого материала приводят в движение одинаковое количество труда, могут тем не менее иметь различный состав вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость. Сырой материал или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом. Чтобы привести в движение одинаковую массу труда (а это, согласно предположению, было бы необходимо для переработки одинаковой массы сырого материала), в одном случае пришлось бы авансировать больший капитал, чем в другом, потому что, например, с капиталом в 100 я не могу привести в движение одинакового количества труда, если сырой материал, который приходится оплачивать из этих же 100, в одном случае стоит 40, в другом 20. Но что в технологическом отношении эти капиталы составлены одинаково, это немедленно обнаружилось бы, едва лишь цена более дорогого сырья упала бы до уровня более дешевого. Отношение стоимостей переменного и постоянного капитала сделалось бы одинаковым, хотя в техническом отношении примененного живого труда к массе и природе применяемых условий труда не произошло никакого изменения. С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения состава по стоимости, капитал более низкого органического состава, вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей, может по видимости подняться на одинаковую ступень с капиталом более высокого органического состава. Пусть перед нами будет капитал $= 60c + 40v$, — потому что он применяет много машин и сырого материала по сравнению с живым трудом, — и другой капитал $= 40c + 60v$, — потому что он применяет много живого труда (60%), мало машин (скажем, 10%) и по отношению к рабочей силе небольшое количество, притом дешевого сырого материала (скажем, 30%); вследствие одного только повышения стоимости сырых и вспомогательных материалов с 30 до 80, состав мог бы уравниваться таким образом, что во втором капитале на 10 в машинах приходилось бы 80 в сыром материале и 60 рабочей силы, т. е. $90c + 60v$, что, выраженное в процентах, тоже

было бы = $60c + 40v$, причем не произошло бы никакой перемены в техническом составе. Следовательно, капиталы одинакового органического состава могут иметь различный состав по стоимости, и капиталы одинакового в процентах состава по стоимости могут занимать различные ступени органического состава, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак, одно то обстоятельство, что по составу стоимости земледельческий капитал находился бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего уровня. Оно могло бы свидетельствовать лишь о том, что собственный продукт этого капитала, образующий опять часть условий его производства, стал дороже, или что теперь приходится привозить издалека вспомогательные материалы, как удобрение, которые раньше были прямо под рукой, и т. п.

Но, оставляя это в стороне, необходимо принять во внимание своеобразный характер земледелия.

Предположим, что машины, сберегающие труд, химические вспомогательные средства и т. д. находят себе в земледелии более широкое применение, что постоянный капитал, следовательно, возрастает технически, не только по стоимости, но и по массе, по отношению к массе применяемой рабочей силы; и в таком случае в земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но также и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не полностью компенсируется, уменьшение природной силы — эта компенсация во всяком случае может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени, — так что, несмотря на техническое развитие, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание. Возможно также, что при повышающейся цене хлеба абсолютная масса продукта уменьшается, между тем как относительный добавочный продукт возрастает; именно, это возможно при относительном увеличении постоянного капитала, который состоит главным образом из машин или скота, причем приходится возмещать только снашивание, и при соответствующем уменьшении переменной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и которую постоянно приходится возмещать из продукта целиком.

Но возможно также, что вследствие прогресса земледелия потребуется лишь умеренное повышение рыночной цены над средней

для того, чтобы могла поступить под обработку и в то же время приносить ренту такая земля худшего качества, которая при более низком уровне технических вспомогательных средств потребовала бы большего повышения рыночной цены.

То обстоятельство, что, например, в скотоводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом, заключающимся в самом скоте, могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал. Но здесь следует отметить, что при рассмотрении ренты мы исходим, как из определяющей, из той части земледельческого капитала, которая производит основное растительное средство питания, т. е. для цивилизованных народов вообще главное жизненное средство. Уже А. Смит показал, — и в этом одна из его заслуг, — что в скотоводстве и, вообще, в среднем, во всех капиталах, вложенных в землю не для производства главных жизненных средств, например, хлеба, цена определяется совершенно иначе. Именно, она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг, утилизируется для скотоводства, но которую с таким же удобством можно было бы превратить в пахотную землю известного достоинства, — цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной земли такого же достоинства; следовательно, рента с земли, засеваемой хлебом, принимает здесь участие в определении цены скота, почему Рамсей правильно отметил, что цена скота, таким образом, искусственно повышается рентой, экономическим выражением земельной собственности, следовательно, земельной собственностью.

«При распространении земледелия уже нехватает необработанных земель для того, чтобы удовлетворять существующий спрос на мясо. Приходится значительную часть возделанной земли» обращать на выращивание и откармливание скота, цена которого поэтому должна быть достаточна не только для оплаты употребляемого на это труда, но и для оплаты ренты и прибыли, которые землевладелец и фермер могли бы получить, если бы эта земля была занята под пашню. Скот, выращенный на совершенно необработанных торфяниках, продается на данном рынке по той же цене при одинаковом весе и качестве, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких торфяников пользуются этим и повышают ренту со своей земли в соответствии с ценою скота» (А. Smith,

книга I, гл. XI, часть I)*. Итак, здесь в отличие от хлебной ренты и дифференциальная рента идет на пользу сравнительно худшей земле.

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда как будто позволяют отнести ренту за счет просто монополевой цены. Представим, например, владельца такого леса, который растет без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии, чтобы начать с примера А. Смита. Если ему уплачивается рента капиталистом, который занимается рубкой леса, вследствие того, например, что на него существует спрос в Англии, или если владелец сам как капиталист производит рубку, то в дереве, кроме прибыли на авансированный капитал, ему уплачивается большая или меньшая рента. По отношению к этому продукту исключительно природы это представляется чисто монополевой надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он приводит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости дерева содержится больший избыток неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого состава. Поэтому за дерево может выручаться средняя прибыль, и значительный излишек в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот, при той легкости, с какой может расширяться рубка леса, т. е. при быстроте увеличения этого производства, приходится предполагать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена дерева сравнялась с его стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь излишек неоплаченного труда (сверх той его части, которая достается капиталисту как средняя прибыль).

Мы предполагали, что вновь привлекаемая к возделыванию земля по качеству еще хуже, чем та, которая возделывалась в последнее время как наихудшая. Если она лучше, она приносит дифференциальную ренту. Но здесь мы исследуем как раз тот случай, когда рента не выступает как дифференциальная рента. Здесь возможны только два случая. Или вновь привлекаемая к обработке земля хуже или же она такого же качества, как последняя из возделываемых земель. Если она хуже, то этот случай мы уже исследовали. Таким образом остается еще исследовать только тот случай, когда она такого же качества.

* См. А. Смит, «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкиз, 1935, стр. 134. *Ред.*

С прогрессом культуры, как мы выяснили это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда выступает вопрос, позволяет ли, с одной стороны, плодородие земли вообще, а с другой стороны, ее положение возделывать ее так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены, — предполагая, что издержки производства, необходимые для возделывания, не понизились, другими словами, что завоевания технического характера не образуют нового момента, обуславливающего расширение возделывания, — может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше своим положением исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может настолько повысить выгоды положения, что ими уравнивается меньшая производительность. Или, и без повышения рыночной цены, положение благодаря улучшению средств сообщения откроет возможность лучшим землям вступить в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в Северной Америке на примере штатов, расположенных в прериях. Да и в странах старой цивилизации это совершается постоянно, хотя и не в таком масштабе, как в колониях, где, как справедливо отметил Уэкфильд, решающая роль принадлежит положению. И так, во-первых, противоположные влияния положения и плодородия и, во-вторых, изменчивость фактора положения, который постоянно уравнивается, претерпевает постоянные прогрессивные изменения, направленные к уравниванию, — вот почему вновь вступают в конкуренцию с уже возделываемыми землями попеременно участки земли одинакового, лучшего и худшего качества.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования. Так, во Франции и в восточных графствах Англии легкие почвы, которые раньше считались плохими, совсем недавно поднялись до степени первоклассных (см. Пасси). С другой стороны, почва, которая считалась плохой не по своему химическому составу, но ставила известные механико-физические препятствия возделыванию, превращается в хорошую почву, как только

открываются средства для того, чтобы преодолеть эти препятствия.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, выступающие, например, в форме государственных земель, общинных земель и т. д., совершенно случайно отвлекают крупные участки земли от возделывания, к которому они привлекаются лишь постепенно. Порядок, в котором они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их положения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Если бы мы проследили историю английских общинных земель, как они постепенно превращались законами об огораживании [Enclosure Bills] в частную собственность и распахивались, то оказалось бы, что не может быть ничего смешнее того фантастического представления, будто бы выбором этого порядка руководил какой-нибудь современный агрохимик, Либих, например, отводя известные поля за их химические свойства под культуру и исключая другие. В действительности здесь решающую роль играл «подходящий случай, толкающий на воровство [die Gelegenheit, die Diebe macht]»: представлявшаяся крупным лэндлордам возможность оттянуть ту или иную землю под более или менее благовидным юридическим предложением.

В-четвертых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения и капитала полагает расширению культуры известную, хотя и эластическую границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые временно воздействуют на рыночную цену, как, например, ряд благоприятных и неблагоприятных времен года, — пространственное расширение земледельческой культуры зависит от общего состояния рынка капиталов и положения дел в данной стране. Для того чтобы дополнительный капитал обратился к земледелию, в периоды недостатка капиталов, недостаточно того условия, что невозделанная земля, — уплачивает ли она ренту или нет, — может принести арендатору среднюю прибыль. В периоды изобилия капитала он устремляется к возделыванию земли, — даже если рыночная цена не повысится, — были бы только в остальном осуществлены нормальные условия. Земля лучшего качества, чем возделывавшаяся до того времени, в самом деле могла бы быть исключена из конкуренции только либо моментом положения, либо непреодолимыми до сих пор границами, которые делают ее недоступной для арендатора, или случайностью конкуренции. Поэтому мы должны заниматься только теми сортами земли, которые по качеству одинаковы с последними из возделанных земель. Но между новой землей и последней из возделанных

все еще остается разница издержек, которые требуются для того, чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь вступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Предположение, будто она не будет приносить ренты, доказывается его сторонниками таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме собственно наемной платы, представляющей процент на постройки, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются в наем. Между тем факт таков, что они приносят ренту, еще не принося процента в наемной плате, когда они в течение долгого времени остаются незанятыми. Подобно тому, как последовательные затраты капитала на известный участок земли могут приносить пропорциональный добавочный продукт, а потому и такую же ренту, как первые, — совершенно так же поля такого качества, как последние из возделанных, могут при равных издержках давать равную выручку. Иначе вообще было бы непонятно, каким образом можно было бы поля одинакового качества брать под возделывание последовательно, а не либо брать все разом, либо же, вернее, не брать ни одного, чтобы не вызвать против себя конкуренции всех остальных. Земельный собственник всегда готов извлекать ренту, т. е. получать нечто даром; но чтобы удовлетворить его желание, капитал нуждается в известных условиях. Поэтому взаимная конкуренция между землями зависит не от того, что землевладелец хочет их конкуренции, но от того, найдется ли капитал, который захочет на новых полях конкурировать с другими.

Поскольку собственно земледельческая рента есть просто монопольная цена, последняя может быть весьма незначительной, как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях весьма незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости или равной эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего состава, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости уравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между

отдельными капиталами как между соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, когда для производства требуется земля для земледелия ли, для извлечения ли сырых материалов, тормозит это уравнение для капиталов, предлагаемых к земле, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе уравнения в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достается не классу капиталистов, который извлек ее из рабочих, а земельным собственникам, которые извлекают ее из капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала. Насколько велико это отклонение или существует ли оно вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По самой природе дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала еще больше, чем для земледельческого.

Эта абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент постоянного капитала, сырой материал, совершенно отпадает и где, — за исключением отраслей, в которых часть, состоящая из машин и прочего основного капитала, очень значительна, — безусловно преобладает самый низкий состав капитала. И как раз здесь, где рента представляется обязанной своим происхождением исключительно монополевой цене, требуются исключительно благоприятные рыночные отношения для того, чтобы товары продавались по их стоимости, или чтобы рента сделалась равной всему избытку прибавочной стоимости товара над его ценой производства. Таково положение, например, при ренте с рыбных ловель, каменоломен, дико растущих лесов и т. д.³⁷

³⁷ Рикардо разделяется с этим крайне поверхностно. См. место, направленное против А. Смита, о ренте с лесов в Норвегии, «Principles», гл. II [«On the Principles of Political Economy and Taxation», London 1821.— См. Д. Рикардо, «Начала политической экономии и податного обложения», Соч., т. II, гл. II, Соцэкгиз, 1935], в самом начале.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ.

РЕНТА ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. РЕНТА С РУДНИКОВ. ЦЕНА ЗЕМЛИ.

Повсюду, где существует вообще рента, выступает дифференциальная рента и подчиняется тем же законам, как земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где природные силы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земного шара собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначенной для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, как и с других неземледельческих участков, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (книга I, гл. XI, 2 и 3)*. Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает положение (очень важно, например, при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидностью полной пассивности собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации прогресса общественного развития, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно, в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для домовой ренты, чем рудники Потози когда-либо были для Испании³⁸), и чудовищная власть, которую дает эта земельная собственность, когда она соединяется в одних

³⁸ Лэнг, Ньюмэн.

* А. Smith, «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», London 1776. См. А. Смит, «Исследование о природе и причинах богатства народов», Соцэкгиз, 1935. *Ред.*

руках с промышленным капиталом, дает ей возможность практически устранять с земли, как места для житья, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы³⁹. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право обитать на земле, как и вообще земельная собственность включает право собственников эксплуатировать земной шар — недра земли, воздух, а вместе с тем все необходимое для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и развитие основного капитала, который или присоединяется к земле или коренится в ней, покоится на ней, как все промышленные постройки, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Смещение платы за наем, поскольку она представляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании, как у Кэри, в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. Здесь существенны два элемента: с одной стороны, эксплуатация земли в целях воспроизводства, либо добывающей промышленности, с другой — пространство, которое необходимо как элемент всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом⁴⁰.

В книге II, глава XII*, в показаниях Эдуарда Кэпса, крупного лондонского строительного спекулянта, перед банковской комиссией 1857 г., мы видели пример того, каким образом в быстро развивающихся городах, особенно, когда постройка ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спеку-

³⁹ Кроулингтонская стачка. *Энгельс*, «Lage der arbeitenden Klasse in England» [«Положение рабочего класса в Англии», 1848], S. 307 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 534].

⁴⁰ «Замощение лондонских улиц дало возможность собственникам некоторых голых скал на шотландском берегу извлекать ренту из абсолютно бесполезной до того времени каменистой почвы». A. Smith, книга I, гл. XI, 2 [см. «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэгниз, 1935, стр. 147].

* *К. Маркс*: «Капитал», т. II, 1936, гл. XII; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 247—248. *Ред.*

ляции служит собственно не дом, а земельная рента. Кэппс говорит там, № 5435: «Я полагаю, что человек, желающий преуспевать на свете, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (*fair trade*)... ему необходимо, кроме того, строить с целями спекуляции, и притом в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самых зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, например, он снимает участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он, тщательно выработав строительный план, построит на этом участке дома надлежащего разряда, то ему, быть может, удастся получать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от построек, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет». При этом не следует забывать, что по истечении договора об аренде, самое большее 99 лет, земля со всеми находящимися на ней постройками и с земельной рентой, которая за это время обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правопреемника к первоначальному последнему земельному собственнику.

Собственно рента с рудников определяется совершенно так же, как земледельческая рента. «Существуют такие рудники, продукт которых может покрывать лишь оплату труда и возмещение капитала, затрачиваемого при их разработке, вместе с обычной прибылью на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не дают ренты землевладельцу. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только землевладельцем, который, будучи сам предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются таким именно образом и никаким другим способом не могут разрабатываться. Землевладелец никого не допустит к разработке, не потребовав уплаты некоторой ренты, а никто не будет в состоянии платить ее» (A. Smith, книга I, гл. XI, 2)*.

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены потому, что независимо от нее существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене потому, что существует рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду цену, которая определяется только

* См. А. Смит, «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкгиз, 1935, стр. 149. *Ред.*

стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, производящий вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достается в этой форме земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделенный особыми свойствами. Итак, здесь ренту создает монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая полагается земельной собственностью безрентной затрате капитала на невозделанной земле. Что только титул собственности известного числа лиц на земной шар дает им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей мере, — это маскируется тем обстоятельством, что капитализированная рента, следовательно, именно эта капитализированная дань, выступает как цена земли, и потому последняя может продаваться подобно всякому другому предмету торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил свое притязание на ренту не даром, без труда, риска и предпринимательского духа капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, кажется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с нею притязание на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему негра, представляется, что он приобрел свою собственность на негра не в силу института рабства как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен существовать до того, как становится возможным его продать, и как одна продажа, так и ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его, — это производственные отношения. Когда последние достигают такого пункта, где им придется переменить свою шкуру, отпадает получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни, материальный источник титула и всех

основывавшихся на нем сделок. С точки зрения более высокой экономической формации общества частная собственность отдельных индивидуумов на земной шар будет представляться не в меньшей степени нелепой, чем частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не суть собственники земли. Они лишь ее владельцы, лишь пользующиеся ею, и, как *boni patres familias* [добрые отцы семейства], они должны оставить ее улучшенной следующим поколениям.

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет главное орудие производителей, так что они вынуждены покупать ее по любой цене.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно:

1) просто вследствие понижения уровня процента, благодаря чему рента продается дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2) потому, что возрастает процент на капитал, присоединенный к земле.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продуктов земли, в каком случае всегда повышается норма дифференциальной ренты, независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или ее совсем не будет. Под нормой мы разумеем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал, именно не содержит в себе основного капитала, который продолжает существовать наряду с продуктом. Зато здесь подразумевается, что на тех классах земли, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. На наихудшей земле повышение цены земледельческого продукта создает сначала ренту, а вследствие этого цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена сельскохозяйственного продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остается без изменения, то рента может возрасти или потому только (оставляя в стороне монопольные цены), что при прежней затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, причем их будет достаточно только для того, чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остается без изменения. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь взятой под возделывание, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежней относительной урожайности и прежней рыночной цене возрастает масса капитала, эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остается прежняя, ее масса, например, удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит, подобно первой, добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту. Утверждение, будто различные последовательные затраты капитала на одном и том же участке земли могут произвести ренту лишь при том условии, если продукт их неодинаков, и потому возникает дифференциальная рента, равносильно утверждению, будто, если два капитала по 1000 ф. ст. затрачены на двух полях одинаковой урожайности, то лишь один из них может принести ренту, хотя оба эти поля принадлежат к тому лучшему классу земли, который приносит дифференциальную ренту. (Следовательно, общая масса ренты, вся рента известной страны, увеличивается с массой затраченного капитала без того, чтобы цена единицы земельной площади, или норма ренты, или даже масса ренты на единицу площади обязательно возрастала; в этом случае масса всей ренты возрастает с пространственным расширением культуры. Это может быть сопряжено даже с понижением ренты на отдельных владениях.) Иначе это утверждение было бы равносильно другому утверждению, именно, что затрата капитала на двух различных участках земли, расположенных рядом, подчиняется иным законам, чем последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли, между тем дифференциальную ренту выводят как раз из тождества закона в обоих случаях, из увеличения продуктивности затрат капитала как на одном и том же поле, так и на различных полях. Единственная модификация, кото-

рая существует здесь и которой не замечают, та, что последовательные затраты капитала в их применении к пространственно различным землям наталкиваются на границу земельной собственности, чего нет при последовательных затратах капитала на одну и ту же землю. Отсюда и то противоположное действие, благодаря которому эти различные формы затраты на практике взаимно ограничивают друг друга. При этом никогда не проявляются различия капитала. Если состав капитала остается тот же самый, равно как и норма прибавочной стоимости, то норма прибыли остается неизменной, так что при удвоении капитала масса прибыли удваивается. Точно так же при предположенных отношениях норма ренты остается прежняя. Если капитал в 1 000 ф. ст. приносит ренту в x , то капитал в 2 000 ф. ст. при предположенных обстоятельствах приносит ренту в $2x$. Но если взять ренту в отношении к площади земли, которая осталась без изменения, так как, согласно предположению, удвоенный капитал работает на прежнем поле, то окажется, что вследствие увеличения массы ренты повысился и ее уровень [Höhe]. Тот самый акр, который приносил 2 ф. ст. ренты, приносит теперь 4 ф. ст.⁴¹.

Отношение части прибавочной стоимости, денежной ренты, — потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости, — к земле само по себе нелепо и иррационально, потому что здесь измеряются одна другою несоизмеримые величины: с одной стороны, определенная потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее прибавочная стоимость, — с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные футы

⁴¹ Одна из заслуг Родбертуса, к значительной работе которого о ренте мы возвратимся в книге IV, заключается в том, что он развил этот пункт. Он только впадает в ошибку, во-первых, предполагая, будто для капитала рост прибыли всегда получает такое выражение, как будто возрос и капитал, так что при увеличении массы прибыли отношение остается прежнее. Это, однако, неверно, так как при изменении состава капитала норма прибыли, несмотря на неизменную эксплуатацию труда, может повыситься как раз потому, что относительная стоимость постоянной части капитала по сравнению с переменной понизилась. — Он впадает в ошибку, во-вторых, трактуя это отношение денежной ренты к количественно определенному участку земли, например, к одному акру, как нечто такое, что вообще предполагается классической экономией в ее исследованиях о повышении или понижении ренты. Это опять неверно. Она постоянно трактует норму ренты, поскольку она рассматривает последнюю в ее натуральной форме, в отношении к продукту, а поскольку она рассматривает ренту как денежную ренту, — в отношении к авансированному капиталу, ибо это — действительно рациональные выражения.

земли дает земельному собственнику возможность улавливать определенное количество неоплаченного труда, реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах, как свинья в картофеле {здесь в рукописи поставлено в скобках зачеркнутое потом: Либих}. Но prima facie это выражение то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтового билета к диаметру земли. Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, отчужденных от внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя дома, как рыба в воде. В этом случае справедливо то, что Гегель сказал относительно известных математических формул: то, что простой здравый смысл находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность*.

Итак, повышение массы ренты, рассматриваемое по отношению к самой площади земли, выражается совершенно так же, как повышение нормы ренты; отсюда затруднение, когда условия, которые объяснили бы один случай, отсутствуют в другом случае.

Но цена земли может повыситься даже в том случае, когда цена продукта земли уменьшается.

В этом случае дифференциальная рента, а потому и цена лучших земель может вследствие дальнейшего дифференцирования увеличиться. Или же, если этого нет, то при возросшей производительной силе труда, цена земледельческого продукта может понизиться, но таким образом, что это будет более чем уравновешено увеличением производства. Предположим, что квартал стоил 60 шилл. Если на том же акре при прежнем капитале будут произведены 2 квартала вместо одного, и квартал понизится до 40 шилл., то 2 квартала дадут 80 шилл., так что стоимость продукта прежнего капитала на прежнем акре повысится на одну треть, хотя цена квартала понизилась на одну треть. При исследовании дифференциальной ренты было показано, как это возможно без того, чтобы продукт продавался выше его цены производства или стоимости. В действительности это осуществ-

* См. Гегель, Соч., т. I: «Энциклопедия философских наук», ч. I, Логика, М.—Л. 1930, стр. 336. *Ред.*

вляется только двумя способами. Или плохая земля перестает конкурировать, но цена лучшей земли повышается, когда дифференциальная рента увеличивается, следовательно, когда общее улучшение действует неравномерно на различные сорта земли. Или же на худшей земле та же самая цена производства (и та же самая стоимость, если уплачивается абсолютная рента) вследствие повышения производительности труда получает выражение в увеличившейся массе продукта. Продукт представляет теперь ту же стоимость, что и раньше, но цена его составных частей понизилась, между тем как число этих частей увеличилось. Это невозможно, если применяется тот же самый капитал, потому что в этом случае в какой угодно массе продукта находит себе выражение все одна и та же стоимость. Но это возможно, если затрачен дополнительный капитал на гипс, гуано и т. д., словом, на такие улучшения, действие которых простирается на многие годы. Условие такого результата заключается в том, что хотя цена 1 квартера и понижается, однако, не в том отношении, как увеличивается число кварталов.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вследствие этого и цены земли могут как вообще, так и для отдельных сортов земли, отчасти конкурировать между собою, отчасти исключать друг друга и могут действовать лишь попеременно. Но из изложенного следует, что из повышения цены земли нельзя без дальнейших околичностей делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечет за собой повышение цены земли, нельзя без дальнейших околичностей делать вывода, что продукт земли увеличился⁴².

Вместо того, чтобы обратиться к рассмотрению действительных, природных [naturgemässen] причин истощения земли, — причин, которые впрочем были неизвестны всем писавшим о дифференциальной ренте экономистам вследствие состояния земледельческой химии в их время, — вместо этого прибегали к помощи того пошлого соображения [flache Auffassung], что нельзя вложить любое количество капитала в пространственно ограниченный кусок земли. Так, например, «Westminster Review» возражало Ричарду Джонсу, что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохо сквера. Если это рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама

⁴² О падении земельных цен при повышении ренты как о факте см. Пасси.

действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень узких границах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком, по сравнению с раздробленным ремеслом, пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но если дана известная ступень развития производительной силы, то всегда требуется и определенное пространство, а стройка вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал, затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заменены более выгодными, т. е. должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с нею. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ.

ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ.

І. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Необходимо уяснить себе, в чем собственно заключается трудность трактовки земельной ренты с точки зрения современной экономики как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого еще не понимает даже огромное число новейших писателей, что доказывает всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому». Новизна в этих случаях почти постоянно заключается в том, что скатываются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешен анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу ни был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость уравнилась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю, всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства, — откуда после этого уравнивания, после уже совершившегося распределения, повидимому, всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику. Совершенно оставляя в стороне практические мотивы, которые побуждали современных экономистов как защитников промышленного капитала против земельной собственности к исследованию этого вопроса, — мотивы, которые мы наметим ближе в главе об истории земельной ренты, — этот вопрос представлял для них как для теоретиков решающий интерес. Признать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойствам, принадлежащим земной коре как таковой, — это

значило бы отказаться от самого понятия стоимости, следовательно, отказаться от всякой возможности научного познания в этой области. Уже то простое наблюдение, что рента выплачивается из цены продукта земли, — что имеет место даже в том случае, когда она уплачивается в натуральной форме, раз арендатор выручает свою цену производства, — показывало, насколько нелепо избыток этой цены над обычной ценой производства, следовательно, относительную дороговизну земледельческого продукта, объяснять избытком естественной производительности земледельческой промышленности над производительностью других отраслей промышленности; так как, напротив того, чем производительней труд, тем дешевле каждая составная часть его продукта, потому что тем больше масса потребительных стоимостей, в которой представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость.

Вся трудность в анализе ренты заключалась, следовательно, в том, чтобы объяснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности. Сама средняя прибыль есть результат, образование процесса социальной жизни, протекающего при вполне определенных исторических отношениях производства, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и — как это имеет место при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства вообще. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что вынуждает весь прибавочный труд и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как излишке над средней прибылью, т. е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом. И если, например, г. Пасси (см. ниже) уже по отношению к первобытному состоянию говорит о ренте как об излишке над прибылью, как об излишке над исторически определенной общественной формой прибавочной стоимости, так что, по г. Пасси, эта форма могла бы, пожалуй, суще-

ствовать и без общества, — то это свидетельствует лишь о его наивности.

Для прежних экономистов, которые вообще лишь начинали анализ капиталистического способа производства, еще не развитого в их время, анализ ренты или вообще не представлял никаких затруднений или представлял затруднение совершенно иного характера. Петти, Кантильон, вообще писатели, ближе стоящие к эпохе феодализма, рассматривают земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще, между тем как прибыль для них еще неопределенно сливается с заработной платой или, самое большее, представляется той частью этой прибавочной стоимости, которую капиталист оттягал у земельного собственника. Следовательно, они исходят из такого состояния, когда, во-первых, земледельческое население составляет еще решительно преобладающую часть нации и когда, во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает избыточный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как главное условие производства. Для них еще не могло существовать такой постановки вопроса, которая, с точки зрения капиталистического способа производства, имеет целью, наоборот, исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (т. е. выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости.

У *физиократов* затруднение уже иного свойства. Как действительно первые систематические истолкователи капитала, они стремились анализировать природу прибавочной стоимости вообще. Для них этот анализ совпадает с анализом ренты, единственной формы, в которой для них существует прибавочная стоимость. Поэтому капитал, приносящий ренту, или земледельческий капитал, для них есть единственный капитал, производящий прибавочную стоимость, и приводимый им в движение земледельческий труд есть единственный дающий прибавочную стоимость труд, а потому, вполне правильно с капиталистической точки зрения, единственный производительный труд. Определяющим они совершенно правильно считают производство прибавочной стоимости. Им, помимо других заслуг, о которых речь будет в книге IV, принадлежит прежде всего та великая заслуга, что от торгового капитала, который функционирует только в сфере обращения, они обратились к производительному капиталу, в противоположность меркантильной системе, которая

по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были оттеснены совершенно на задний план начатки научного анализа у Петти и его последователей. Между прочим, здесь, при критике меркантильной системы, дело идет лишь о ее воззрениях на капитал и прибавочную стоимость. Уже раньше мы отмечали, что производство на мировой рынок и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетарная система справедливо провозгласила предпосылкой и условием капиталистического производства. В ее продолжении, в меркантильной системе, решающую роль играет уже не превращение товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости, но с бессодержательной [begrifflos] точки зрения сферы обращения, притом таким образом, что эта прибавочная стоимость представлена в форме добавочных денег, в избытке торгового баланса. Вместе с тем поистине характерно для корыстолюбия купцов и фабрикантов того времени и адекватно тому периоду капиталистического развития, который они представляют, то обстоятельство, что при превращении земледельческих феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке задачей ставится ускоренное развитие капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств. Составляет огромную разницу, превращается ли национальный капитал в промышленный постепенно и медленно, или же это превращение ускоряется во времени, посредством налогов, которыми они в форме охранительных пошлин облагали главным образом земельных собственников, средних и мелких крестьян и ремесло, посредством ускоренной экспроприации самостоятельных непосредственных производителей, посредством насильственно ускоренного накопления и концентрации капиталов, короче, посредством ускоренного создания условий капиталистического способа производства. Точно так же это составляет огромную разницу в капиталистической и промышленной эксплуатации естественной национальной производительной силы. Поэтому национальный характер меркантильной системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество в противоположность старому сверхземному государству. Но в то же время имелось и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось

базисом национальной силы и национального преобладания в современном обществе.

Далее, у физиократов правильно, что все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности земледельческого труда. Если люди вообще не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше жизненных средств, следовательно, в узком смысле больше земледельческих продуктов, чем требуется каждому рабочему для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы достаточно лишь на то, чтобы произвести жизненные средства, необходимые для его личного потребления, то вообще не может быть и речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости. Производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность рабочего, есть базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает ее, по выражению Стюарта, в *free heads* [вольные головы], дает возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах.

Но что сказать о новейших экономических писателях, которые, как Дэр, Пасси и др., на закате дней всей классической экономии, даже на ее смертном одре повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и разительное о земельной ренте, после того, как эта земельная рента уже давным-давно исследована как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной экономии как раз характерно, что то, что на определенной пережитой ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обоснованно, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и лживо. Она обнаруживает этим, что ей чуждо даже представление о проблемах, занимавших классическую экономию. Она смешивает их с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества. Так же обстоит дело и с ее неустанным самодовольным пережевыванием физиократических положений о свободе торговли. Как бы практически ни интересовали эти положения то или иное государство, они давным-давно утратили всякий теоретический интерес.

При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не вступает в процесс обращения или вступает в

него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника, — как, например, во многих древнеримских латифундиях, равно как в виллах Карла Великого, а также (см. Вэнсар, «Histoire du travail») в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков, — продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд как подсобное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так — еще до настоящего времени — и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена. Капиталистический способ производства совершенно уничтожает эту связь; процесс, который в крупном масштабе можно изучать особенно в Англии за последнюю треть XVIII века. Головы, выросшие в более или менее полуфеодальных обществах, Герреншванд например, еще в конце XVIII века видят в этом обособлении земледелия и мануфактуры безумно смелую общественную авантюру, непостижимо рискованный способ существования. И даже в тех земледельческих хозяйствах древности, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации^{42а}. Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии формальной аналогии, — которая, притом, во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает подобно г. Моммзену⁴³ капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве, — мы найдем ее,

^{42а} А. Смит показывает, до какой степени в его время (да и для нашего времени это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и субтропических странах) рента и прибыль еще не обособились, потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист, как был, например, Катон в своих имениях. Но это обособление — как раз предпосылка капиталистического способа производства, понятию которого притом вообще противоречит такой базис, как рабство.

⁴³ В своей римской истории г. Моммзен берет слово «капиталист» отнюдь не в смысле современной экономики и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще распространяется не в Англии или Америке, а на континенте как старинный пережиток исчезнувших отношений.

пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческая страна, платившая дань Риму, и потому земледелие в существенном имело целью экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме перешла из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического способа производства, в новейшее время отчасти в виде церковной десятины, отчасти как диковина, увековеченная старинными договорами. Благодаря этому кажется, будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта, следовательно, не из общественных отношений, а из земли. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость представлена в добавочном продукте, однако добавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не представляет, наоборот, прибавочной стоимости. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 г., по сравнению с 1840, должна была бы представлять огромную прибавочную стоимость, между тем как цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие ряда неурожайных годов рента может колоссально возрасти, потому что цена хлеба повышается, хотя эта добавочная стоимость представлена в абсолютно уменьшившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие ряда урожайных годов рента может понизиться, потому что цена падает, хотя упавшая рента будет представлена в большей массе сравнительно дешевой пшеницы. Теперь относительно ренты продуктами следует прежде всего заметить, что она представляет перешедшую из отжившего способа производства, прозябающую в качестве руины традицию, противоречие которой с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собою исчезла из частных договоров и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость. Но, во-вторых, там, где она продолжает существовать на базисе капиталистического способа производства, она была и могла быть не чем иным, как по-средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, например, цена квартера пшеницы стоит на уровне 40 шилл. Часть этого квартера должна возместить содержащуюся в нем заработную плату, должна быть продана, чтобы она могла быть авансирована снова; другую часть необходимо продать для того, чтобы уплатить падающую на нее долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним

разделение общественного труда, семена и даже часть удобрений входят в воспроизводство как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки приходится продать часть квартера. Поскольку же их в действительности не приходится покупать как товары, а напротив, они могут быть взяты из самого продукта *in natura* [в натуре], чтобы снова войти как условия производства в его воспроизводство, — как это бывает не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они входят в счет, выраженные как счетные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Снашивание машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, очередь за прибылью, которая исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или счетных деньгах. Эта прибыль представлена в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А та часть, которая остается после этого, образует ренту. Если рента продуктами, установленная контрактом, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности рента продуктами, которая не сообразуется с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а потому может образовывать вычет не только из прибыли, но и из тех составных частей, которыми возмещается капитал, — уже по одной этой причине такая рента представляет устаревшую форму. В действительности эта рента продуктами, поскольку она является рентой не только по названию, но и на деле, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к напоминающему доброе старое время представлению, что продукта *in natura* должно быть достаточно для того, чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, оставить капиталистическому арендатору больше пищи, чем ему требуется, и что избыток над этим образует натуральную ренту. Совершенно так же, как если фабрикант фабрикует 200 000 локтей ситца. Этого ситца достаточно для того, чтобы не только одеть его рабочих и более чем одеть его жену и все его потомство и его самого, но оставить, кроме того, ситец на продажу и, наконец, уплачивать ситцем огромную ренту. Дело так просто! Стоит только из 200 000 локтей ситца вычесть цену их производства — и необходимо останется излишек ситца в качестве ренты. Например, из 200 000 локтей ситца вычесть цену их производства в 10 000 ф. ст., не зная продажной цены ситца, из ситца вычесть

деньги, из потребительной стоимости как таковой вычесть меновую стоимость и затем определить избыток локтей ситца над фунтами стерлингов, — это действительно наивное представление. Это хуже, чем квадратура круга, в основе которой все же лежит представление о пределе, за которым сливаются прямая линия и кривая. Но именно таков рецепт г. Пасси. Вычтите деньги из ситца, прежде чем в голове или в действительности ситец превратился в деньги! Избыток составляет ренту, которая становится будто бы осязательной *naturaliter* [натурально] (см., например, Карла Арнда), а не посредством «софистической» чертовщины! К этой глупости, к вычтению цены производства из стольких-то шеффелей пшеницы, к вычитанию денежной суммы из меры объема сводится вся реставрация натуральной ренты.

II. ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА.

Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме *отработочной ренты*, когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере рабочий (*self-sustaining serf*) может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, т. е. избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы назвали бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения, в котором его рабочее время делится на рабочее время для него самого и барщинное рабочее время для землевладельца. Итак, этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только есть непосредственно неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тождественны с землей, а поскольку они отличны от нее, они считаются лишь ее принадлежностью. Что продукта барщинника должно быть здесь достаточно для того, чтобы кроме средств его существования возместить и условия его труда, — это обстоятельство остается тем же самым для

всех способов производства, так как это результат не специфической формы последних, а естественное условие всякого непрерывного и воспроизводящего труда вообще, всякого длительного производства, которое всегда есть одновременно и воспроизводство, а следовательно, воспроизводство и условий своего собственного функционирования. Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним сельско-домашнюю промышленность. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному землевладельцу. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее⁴⁴. Данная форма тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость [Hörigkeit] в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение

⁴⁴ По завоевании страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение и людей. Ср. Лэнге. См. также Мёзер.

всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества [Gemeinwesen], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с нею. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что он существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого. Точно так же «свойство» земли приносить ренту сводится здесь к осязательно раскрывающейся тайне, потому что к природе, приносящей ренту, относится и прикованная к земле

23 М. и Э., т. XIX, ч. 2-я.

человеческая рабочая сила и отношение собственности, принуждающее владельца рабочей силы напрягать и тратить ее сверх той меры, которая требовалась бы для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Рента прямо состоит в присвоении этой избыточной затраты рабочей силы земельным собственником, потому что непосредственный производитель не уплачивает последнему больше никакой ренты. Здесь, где не только тождественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда, совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) природные условия его труда, т. е. в первую очередь обрабатываемой земли, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность затрачивать избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного. Если рабочая сила незначительна и природные условия труда скудны, то прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны, с одной стороны, потребности производителей, с другой стороны, относительное количество эксплуататоров прибавочного труда и, наконец, прибавочный продукт, в котором реализуется этот мало производительный прибавочный труд на это относительно незначительное число эксплуатирующих собственников.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собою, что, при прочих равных условиях, всецело от относительных размеров прибавочного или барщинного труда зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы предвосхищаем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, т. е. избыток над его заработной платой, производимой им же самим. Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда; она далека от того, чтобы являться избытком над прибылью, т. е. в данном случае над каким-

либо иным избытком сверх заработной платы; напротив, здесь не только размер такой прибыли, но и самое ее существование зависят, при прочих равных условиях, от размера ренты, т. е. прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника.

Некоторые историки выразили свое удивление перед тем, что, хотя непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд *de jure* [юридически] действительно принадлежит земельному собственнику, при этих условиях вообще может совершаться самостоятельное развитие имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных барщиной или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы санкционировать существующее как закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же, — оставляя все другое в стороне, — делается впрочем само собою, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащего в его основе отношения, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, раз он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упорядочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого повторного их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упорядочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон. Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда, то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве. Предположим, например, что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю,

таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писанным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, с которыми он знакомится, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и деревенскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденного расового характера и т. д.

III. РЕНТА ПРОДУКТАМИ.

Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это в свою очередь выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т. е. собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. В какой бы мере рента продуктами ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд дол-

жен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под своей собственной ответственностью, подготавливаемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье подле и вне своего хозяйства, как было раньше, здесь стали уже само собою разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, попрежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется. Обременительные и в зависимости от регулирования барщинного труда являющиеся большей или меньшей помехой перерывы, обуславливаемые работой на земельного собственника (ср. книга I, гл. VIII, 2, фабрикант и боярин)*, опадают, там где рента продуктами существует в чистом виде, или сводятся по крайней мере к немногочисленным коротким перерывам в течение года, если наряду с рентой продуктами сохраняются известные барщины. Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта рента продуктами в ее чистом виде, хотя ее обломки могут держаться до более развитых способов производства и производственных отношений, попрежнему предполагает натуральное хозяйство, т. е. предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает далее соединение деревенской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, причем, как это часто наблюдалось в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. VIII, 2; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. VIII, 2. *Ред.*

промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта. При этой рентной форме рента продуктами, в которых представлен прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь прямо эксплуатировать чужой труд. Однако здесь, где мы заняты чистой формой ренты в продуктах, это нас не касается; как и вообще, мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться. Благодаря связанной с определенным характером продукта и самого производства форме ренты продуктами, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, т. е. всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром, фактически, следовательно, по принуждению, выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли, — хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой грубой форме. Прибыль, — если мы, прибегая к ложной антиципации, так назовем ту частицу избытка его труда над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — до такой степени не оказывает определяющего влияния на ренту в продуктах, что скорее она появляется за спиной последней и находит свою естественную границу в размере ренты продуктами. Последняя может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству

условий труда, самых средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму жизненных средств. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и начинает эксплуатировать торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии.

IV. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА.

Под денежной рентой мы разумеем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы ренты продуктами, как и она сама была, в свою очередь, лишь превращенной отработочной рентой. Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, избыток необходимо превратить из этой натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель попрежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом. Отношение издержек производства, в состав которых теперь входят в большей или меньшей мере денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при ренте продуктами, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель попрежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного

в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы можем еще отчасти собственными глазами наблюдать процесс этого превращения. Насколько это неосуществимо без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют имевшие место при римских императорах различные потерпевшие неудачу попытки этого превращения и возвраты к натуральной ренте после того, как хотели превратить в денежную ренту хотя бы всю ту часть этой ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности перехода свидетельствуют, например, перед революцией во Франции фальсификация и слияние денежной ренты с остатками ее прежних форм.

Денежная рента как превращенная форма ренты продуктами, и в противоположность ей, есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится отдавать собственнику условий производства. В своей чистой форме эта рента, как и отработочная рента и рента продуктами, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль возникает фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой эмбриональной прибыли, которая может развиваться лишь по мере возможности эксплуатации собственного ли избыточного, чужого ли труда, который получается в остатке по выполнении прибавочного труда, воплощенного в денежной ренте. Если прибыль действительно возникает наряду с этой рентой, то не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли. Но, как уже сказано, денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих

пор земельной ренты, совпадающей *prima facie* с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто оброчное денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение, при наличности прочих благоприятствующих общих отношений производства, с одной стороны, утилизируется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое оброчное обязательство и превращается в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую им землю. Далее, превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком [*rentepflichtigen*] крестьян развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне в свою очередь держали крепостных. Таким образом у них складывается мало-помалу возможность накапливать известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов. Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает таким образом рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства и которые расцветают с особенной быстротой, если на помощь им приходят, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства, подобно тогдашнему возрастающему обеспечению денег, обогащавшему их, при традиционных долгосрочных арендных договорах, за счет земельных собственников.

Далее: когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и мануфактуры, — необходимо начинается и отдача земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли за пределами деревни и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство приобретенный городскими методами капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может сделаться лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке. С вмешательством капиталистического арендатора между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным командиром этих земледельческих рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом отношении, именно просто денежном и договорном отношении, лишь к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, — не только фактически и случайно, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах, а в ее признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд, — прибыль и избыток над прибылью, — забирает его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдает земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, в силу своего капитала, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Много ли или мало он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыя ею неземледельческими ценами производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда,

на которую капитал претендует как на часть, с самого начала и естественно причитающуюся ему. Вместо ренты прибыль сделалась теперь нормальной формой прибавочной стоимости, и рента имеет теперь значение лишь обособившейся при особых обстоятельствах формы не прибавочной стоимости вообще, а определенного ее отвлечения, добавочной прибыли. Нет необходимости долгие останавливаться на том, как этому превращению соответствует постепенное превращение в самом способе производства. Это видно уже из того, что нормальным для этого капиталистического арендатора является производство земледельческого продукта как товара, и что в то время, как раньше в товар превращался лишь избыток над его средствами существования, теперь относительно лишь ничтожная доля этих товаров непосредственно превращается в средства существования для него. Уже не земля, а капитал подчиняет теперь себе и своей производительности земледельческий труд.

Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуются вне отношений деревни, в сфере городской торговли и мануфактуры. Прибыль оброчного крестьянина не принимает участия в уравнении прибылей, потому что его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, т. е. реализует — собственным ли трудом или эксплуатацией чужого труда — избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального отношения и, при прочих равных условиях, высота этой прибыли не определяет ренты, а, наоборот, сама она определяется рентой как своей границей. Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому составу капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой практикуемому в деревне надувательству, присвоению части ренты земельного собственника и дохода подвластного ему населения. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

Можно было бы вообразить, что простой факт вступления капиталистического арендатора в сельскохозяйственное производство служит доказательством того, что цена земледельческих продуктов, которые в той или иной форме искони уплачивали ренту, должна

бы стоять выше цен производства в мануфактуре по крайней мере в эпоху этого вступления, — потому ли, что она достигла уровня монопольной цены, или же потому, что она повысилась до уровня стоимости земледельческих продуктов, а их стоимость действительно выше цены производства, регулируемой средней прибылью. Потому, что в противном случае, капиталистический арендатор при тех ценах земледельческих продуктов, которые он застал, не мог бы сначала реализовать из цены этих продуктов среднюю прибыль, а потом из той же самой цены уплатить еще в форме ренты избыток над этой прибылью. Из этого можно было бы заключить, что общая норма прибыли, которой капиталистический арендатор руководится в своем договоре с земельным собственником, образовалась без включения ренты и потому, начиная играть регулируемую роль в сельском хозяйстве, находит этот избыток готовым и уплачивает его земельному собственнику. Таким традиционным способом объясняет себе дело, например, г. Родбертус. Но:

Во-первых. Это вступление капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как скотоводство, особенно овцеводство, главный продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего нельзя возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного положения могут в общем уплачивать дифференциальную ренту.

В-третьих. Даже при том предположении, что при вступлении этого способа производства, предполагающего в действительности возрастание веса городского спроса, цены земледельческого продукта были выше цены производства, как это без сомнения было, например, в последнюю треть XVII века в Англии, — даже и тогда, раз этот способ производства до известной степени выбьется из простого подчинения земледелия капиталу и раз произойдет необходимо связанное с его развитием улучшение в земледелии и понижение издержек производства, это уравнивается вследствие реакции, понижения цены земледельческих продуктов, как это было в первой половине XVIII века в Англии.

Итак, этим традиционным способом невозможно объяснить ренту как избыток над средней прибылью. При каких бы исторически данных условиях ни выступила рента впервые, — раз она пустила корень, она может иметь место уже лишь при ранее указанных современных условиях.

В заключение, говоря о превращении ренты продуктами в денежную ренту, следует еще заметить, что при ней становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам ли, капиталистам ли и пользоваться рентой как формой процента на свой таким способом затраченный капитал; что, следовательно, и это обстоятельство способствует преобразованию прежнего способа эксплуатации, отношения между собственником и действительным возделывателем, а также самой ренты.

V. ИЗДОЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРЦЕЛЛЯРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Здесь мы подошли к концу ряда ступеней развития земельной ренты.

Во всех этих формах земельной ренты: отработочная рента, рента продуктами, денежная рента (как просто превращенная форма ренты продуктами), плательщик ренты всегда предполагается действительным возделывателем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Даже при последней форме, при денежной ренте, — поскольку она является в чистом виде, т. е. как просто превращенная форма ренты продуктами, это не только возможно, но и действительно так бывает.

Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать *Metairie-System*, или систему издольного хозяйства, при которой возделыватель (арендатор) кроме труда (собственного или чужого) доставляет часть капитала для ведения дела, а земельный собственник кроме земли — остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между арендатором [Maier] и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля,

которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может фактически также и поглотить весь прибавочный труд арендатора или же оставить ему большую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщику, применяет ли он только собственный или же чужой труд, приходится предъявлять притязание на известную часть продукта не потому, что он рабочий, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет на свою долю притязание, основываясь не исключительно на своей собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал^{44а}.

Остаток старинной общинной собственности на землю, сохранившийся после перехода к самостоятельному крестьянскому хозяйству, например, в Польше и Румынии, послужил там предлогом для того, чтобы осуществить переход к более низким формам земельной ренты. Часть земли принадлежит отдельным крестьянам и обрабатывается ими самостоятельно. Другая обрабатывается сообща и образует прибавочный продукт, который служит отчасти для покрытия расходов общины, отчасти как резерв на случай неурожая и т. д. Эти две последних части прибавочного продукта, а в конце концов и весь прибавочный продукт вместе с землей, на которой он вырастает, мало-помалу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные крестьяне — земельные собственники, для которых сохраняется повинность совместной обработки этой земли, превращаются таким образом в барщинников или обязанных к платежу ренты продуктами, между тем как узурпаторы превращаются в собственников не только узурпированной общинной земли, но и самих крестьянских участков.

Здесь нам нет надобности подробнее останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок) и на помещичьем хозяйстве, в котором земельный собственник ведет обработку за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков, — несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами.

^{44а} Ср. Бюре, Токвиль, Сисмонди.

Земельный собственник и собственник орудий производства, а потому и непосредственный эксплуататор рабочих, относящихся к числу этих элементов производства, здесь совпадают. Точно так же совпадают рента и прибыль, разделение различных форм прибавочной стоимости не имеет места. Собственник всех орудий производства, к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо извлекает из рабочих весь прибавочный труд, который здесь представлен в прибавочном продукте. Там, где господствуют капиталистические представления, как в американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой. Во всяком случае эта форма не представляет никаких затруднений. Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им наличный прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис этого присвоения.

Далее *парцеллярная собственность*. Крестьянин здесь одновременно и свободный собственник своей земли, которая является главным орудием его производства, необходимой арендой для его труда и капитала. При этой форме не уплачивается никакой арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где вообще получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достается крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при ее прежних, более древних формах, сельскому населению принадлежит огромный численный перевес над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит лишь слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капиталов движется в узких границах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этим может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя

рыночная цена сельскохозяйственного продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует при состояниях общества, при которых еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого реализуется при более благоприятных естественных условиях. Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина, потому ли, что с дальнейшим развитием этой формы земля достается при разделе наследства взамен известной денежной стоимости, или потому, что при постоянных переходах всей собственности или ее составных элементов сам возделыватель покупает землю, причем деньги он добывает по большей части под ипотеку; где, следовательно, цена земли, представляющая не что иное, как капитализированную ренту, есть элемент, предполагаемый наперед, и где поэтому кажется, что рента существует независимо от каких бы то ни было различий в плодородии и положении земли, — как раз при этой форме приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому, что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта. Но так как сельское хозяйство ведется здесь, главным образом, из-за непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта, вследствие преобладания элемента живого труда, будет, как правило, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается в свою очередь тем, что в странах преобладающего парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкий состав. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является ни средняя прибыль на капитал, с одной стороны, поскольку сам он является мелким капиталистом, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку он сам является земельным собственником. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, по вычете собственно

издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, часто до тех пор, пока она покрывает физический минимум заработной платы. Что касается его как земельного собственника, то для него отпадает граница, полагаемая собственностью, которая может проявиться лишь в противоположность обособленному от нее капиталу (включая и труд), ставя препятствие для приложения последнего. Конечно, процент на цену земли, который притом обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, является границей. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная в земельной цене и уплачиваемая на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходимым для его пропитания, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, в добавочной прибыли. Рента может быть вычетом из средней прибыли или даже единственной частью ее, которая и реализуется. Итак, для того чтобы парцеллярный крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы, как это имеет место при нормальном капиталистическом способе производства, рыночная цена земледельческого продукта поднялась настолько высоко, чтобы приносить ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксированный в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня ли стоимости, до уровня ли цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда.

Эта форма свободной мелкой (парцеллярной) собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей нормальной формы с одной стороны составляет экономическое основание общества, в лучшие времена классической

древности, с другой стороны мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таково английское yeomanry, крестьянское сословие в Швеции, французское и западно-немецкое крестьянство. О колониях мы здесь не говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях.

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство [selbstwirtschaftend] есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, т. е. для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или зависимый [Untersasse], производит всегда сам себе средства к жизни, независимо, как отдельный работник с своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она является здесь фундаментом для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью с точки зрения развития самого земледелия. Причины, по которым она гибнет, раскрывают ее пределы. Они таковы: уничтожение сельской (кустарной) промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности, постепенное обеднение и истощение почвы, подвергающейся этой культуре; узурпация крупными землевладельцами общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или капиталистически. Ее гибели содействуют также улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более обильных вещественных условий производства; так было, например, в первой половине XVIII века в Англии.

Мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение

человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности. Для этого способа производства урожайные годы — несчастье⁴⁵.

Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано с свободной собственностью на землю, проистекает из того, что обрабатывающий землю вкладывает капитал на покупку земли. (То же относится и к переходной форме, при которой крупный землевладелец затрачивает капитал, во-первых, на покупку земли, и, во-вторых, на то, чтобы в качестве своего собственного арендатора вести на ней хозяйство.) При той подвижности, которую приобретает здесь земля как простой товар, возрастает число перемен во владении ею⁴⁶, так что для каждого нового поколения, с каждым разделом наследства, земля, с точки зрения крестьянина, снова выступает в виде капитальной затраты, т. е. становится купленной им землей. Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных непроизводительных издержек производства или издержек производства продукта для отдельных производителей.

Цена земли есть не что иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента. Если земледелие ведется капиталистически, так что земельный собственник получает только ренту, арендатор же ничего не платит за землю, кроме этой ежегодной ренты, то ясно, что хотя капитал, затраченный самим земельным собственником на покупку земли, является для него капиталом, приносящим проценты, он тем не менее не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на самое земледелие. Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала⁴⁷, напротив, он только доставляет покупателю титул на получение

⁴⁵ См. тронную речь французского короля у Туна.

⁴⁶ См. Мунье и Рюбишон.

⁴⁷ Господин д-р Н. Maron (*Extensiv oder Intensiv?* {Точнее эта брошюра не обозначена}) исходит из ложного предположения тех, с кем он борется. Он предполагает, что капитал, затрачиваемый на покупку земли, есть «Anlagekapital», и потом начинает спорить относительно соответствующих определенных понятий Anlagekapital и Betriebskapital, т. е. основной капитал и оборотный капитал. Его совершенно ученические представления о капитале вообще, — извинительные, впрочем, для неэкономиста вследствие состояния германской «науки о народном хозяйстве», — скрывают от него, что этот капитал не есть ни основной, ни оборотный капитал; точно так же, как капитал, который кто-нибудь затрачивает на бирже на покупку акций или государственных фондов и который для него лично представляет помещение капитала, в действительности не «вкладывается» в какую бы то ни было отрасль производства.

ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого касательства к производству этой ренты. Ведь покупатель земли отдает капитал как раз тому, кто продает землю, и продавец отказывается за это от своей собственности на землю. Следовательно, как капитал покупателя этот капитал уже не существует; у покупателя его уже нет; следовательно, он не относится к тому капиталу, который каким-либо способом можно было бы вложить в самую землю. Дорого или дешево покупатель купил землю, или получил ее даром, — это ничего не изменяет ни в том капитале, который арендатор затрачивает на ведение хозяйства, ни в ренте, а влияет лишь на то, представляется ли последняя для него процентом или нет, или представляется ли она для него высоким или низким процентом.

Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выколочена из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычит из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если он продаст раба или землю. Но тогда в такое отношение вступает покупатель. То обстоятельство, что он купил раба, еще не дает ему прямо возможности эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в самое рабовладельческое хозяйство.

Один и тот же капитал не существует вдвойне: и в руках продавца и в руках покупателя земли. Из рук покупателя он переходит в руки продавца, и этим дело закончено. У покупателя теперь нет капитала, но у него имеется зато участок земли. То обстоятельство, что ренту, получаемую от действительного приложения капитала к этому участку земли, новый земельный собственник считает теперь процентом на капитал, который он не вложил в землю, а потратил на приобретение земли, решительно ничего не изменяет в экономической природе фактора земли, — как то обстоятельство, что кто-нибудь уплатил 1 000 ф. ст. за трехпроцентные консоли, не имеет никакого отношения к тому капиталу, из дохода которого выплачиваются проценты по государственному займу.

Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных бумаг, суть в действительности капитал лишь *в себе*, как всякая сумма стоимости на базисе капиталистического способа производства есть капитал в себе, потенциальный капитал. Что уплачивается за землю как и за государственные фонды, как и за другой покупаемый товар, — это известная сумма денег. Она в себе капитал, потому что она может быть превращена в капитал. От того употребления, которое продавец сделает из полученных им денег, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет. Для покупателя они уже не могут функционировать как капитал, — подобно всяким другим деньгам, которые им окончательно израсходованы. В его расчетах они фигурируют для него как капитал, приносящий проценты, потому что доход, получаемый в виде ренты с земли или процента по государственному займу, исчисляется им как процент на деньги, которых стоила ему покупка титула на этот доход. Он может реализовать их как капитал только посредством перепродажи. Но тогда другой, новый покупатель вступает в такое же отношение, в котором был первый, и никакими перемещениями из рук в руки затраченные таким образом деньги не могут превратиться в действительный капитал для того, кто их затратил.

При мелкой земельной собственности еще больше упрочивается та иллюзия, будто сама земля имеет стоимость и потому входит как капитал в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу. Но мы видели, что рента, а потому и капитализированная рента, цена земли, только в двух случаях может принимать участие в определении цены земледельческого продукта. Во-первых, когда вследствие состава земледельческого капитала, — капитала, который не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на покупку земли, — стоимость земледельческого продукта выше его цены производства, и отношения рынка дают собственнику земли возможность использовать эту разницу. Во-вторых, когда имеет место монополия на цену. И то и другое реже всего встречается при парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности, потому что как раз здесь производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли. Даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата здесь в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было иных отношениях, включает в себе часть прибыли и даже вычит из заработной платы; в таком случае это — рента лишь

номинально, не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли.

Итак, затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет из себя затрату земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет из себя помеху агрикультуре также и в том случае, когда происходит покупка крупных помещичьих хозяйств. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность землевладельца, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его. Сам ли он забирает ренту, или же должен в свою очередь отдать ее ипотечному кредитору, — это само по себе ничего не изменяет в ведении хозяйства в заарендованном имении.

Мы видели, что при данной земельной ренте цена земли регулируется уровнем процента. Если последний низок, то цена земли высока, и обратно. Итак, при нормальных условиях высокая цена земли и низкий размер процента должны бы идти рука об руку, так что, если бы крестьянин вследствие низкого уровня процента дорого заплатил за землю, то этот же самый низкий уровень процента должен был бы доставить ему на благоприятных условиях в кредит капитал для ведения хозяйства. В действительности при господстве парцеллярной собственности дело обстоит иначе. Прежде всего, к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом. Во-вторых, там, где преобладает парцеллярная собственность — о колониях здесь нет речи — и парцеллярный крестьянин образует основу нации, образование капитала, т. е. общественное воспроизводство, сравнительно слабо, и еще слабее образование сужаемого капитала в раньше изложенном смысле. Оно предполагает концентрацию и наличность класса богатых праздных капиталистов (Мэсси). В-третьих, в том случае, где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается, независимо от уровня процента и часто в обратном отношении к нему, благодаря перевесу спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают здесь гораздо более высо-

кую цену, чем при продаже крупными массивами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало (Bandes Noires*, Рюбишон; Ньюмэн). По всем этим причинам здесь цена земли повышается при относительно высоком размере процента. Относительно низкому проценту, который крестьянин извлекает здесь из капитала, затраченного на покупку земли (Мунье), на противоположной стороне здесь соответствует высокая ростовщическая процентная ставка, которую сам крестьянин должен уплачивать ипотечному кредитору. Ирландская система обнаруживает то же самое, только в иной форме.

Поэтому цена земли, этот элемент, сам по себе чуждый производству, может достигать здесь такой высоты, что производство становится невозможным (Домбаль).

Что цена земли играет такую роль, что купля и продажа земли, обращение земли в качестве товара развивается до такого размера, практически является следствием развития капиталистического способа производства, при котором товар становится общей формой всех продуктов и всех орудий производства. С другой стороны, эти явления развиваются только там, где капиталистический способ производства получил лишь ограниченное развитие и не развернул всех своих особенностей; так как эти явления покоятся именно на том, что земледелие уже не подчинено — или еще не подчинено — капиталистическому способу производства, а подчинено способу производства, сохранившемуся от погибших форм общества. Следовательно вредные стороны капиталистического способа производства, с его зависимостью производителя от денежной цены его продукта, совпадают здесь с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства. Крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых он мог бы производить свой продукт в виде товара.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого влияния отнюдь не оказывает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие частной собственности на землю с рациональным земледелием, с нормальным общественным пользованием землею. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно,

* «Черные банды» — объединения спекулянтов. *Ред.*

экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других, — есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелком земледелии цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а землевладельцу. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстреего обогащения арендаторов и собственников. И в том и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в последнем счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и эта помеха, которую всякая частная собственность на землю полагает земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там, только в различных формах и в спорах об этих специфических формах зла забывается его последняя причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, т. е. и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает земледельческое население до постоянно понижающегося ми-

нимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в городах промышленное население; тем самым она порождает условия, пробивающие непоправимую брешь в процессе общественного обмена веществ, диктуемого естественными законами жизни, вследствие чего сила почвы растрачивается, а торговля выносит продукт этого расточения далеко за пределы собственной страны (Либих).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее примитивная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций: в самой деревне. Крупная промышленность и промышленное ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: промышленная система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля в свою очередь создают для земледелия средства истощения почвы.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.
ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ.
ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА.

I ⁴⁸.

Капитал — прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля — земельная рента, труд — заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Далее, в виду того, что процент, как это показано раньше, выступает как специфический [eigentliche], характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность этому как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая формула ближайшим образом сводится к следующей:

Капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата, причем прибыль, эта форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства, благополучно устраняется.

При ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы открываем следующее:

Во-первых, мнимые источники богатства, которыми можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собою. Они относятся друг к другу примерно как нотариальные пошлины, красная свекловица и музыка.

Капитал, земля, труд! Но капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал не есть сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал — это превратившиеся в капитал средства производства, которые сами по себе так же не суть капитал, как

⁴⁸ Следующие три отрывка находятся в различных местах рукописи отдела VI. — Ф. Э.

золото или серебро сами по себе не суть деньги. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы, — вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как порабитатели и покупатели своих производителей, но также и общественные силы и будущая... {? неразборчиво} форма этого труда, противостоят им как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь определенную, на первый взгляд очень мистическую, общественную форму одного из факторов исторически создавшегося [historisch fabricirten] общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, *rudis indigestaque moles* [грубая и необработанная масса], во всей ее первобытной дикости. Стоимость есть труд. Поэтому прибавочная стоимость не может быть землей. Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему-либо иному, как только к тому, что известное количество труда дает известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт. Различие в плодородии почвы приводит к тому, что одни и те же количества труда и капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, что эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости. Выравнивание этих индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости приводит к тому, что *advantages of fertile over inferior soil... are transferred from the cultivator or consumer to the landlord* [выгоды, получаемые от более плодородной почвы по сравнению с худшей... переносятся от возделывателя или потребителя к лэндлорду] (Рикардо, «Principles», стр. 6)*.

И, наконец, в качестве третьего в этом союзе простой призрак — труд «вообще» [«die» Arbeit], который есть не что иное, как абстракция и, взятый сам по себе, вообще не существует или, если мы возьмем... {неразборчиво} производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только обнаженная от всякой общественной формы и определенности характера, но даже просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было

* «On the Principles of Political Economy and Taxation». См. Д. Рикардо, «Начала политической экономии и податного обложения», Соч., т. II, Соцэкгиз, 1935, стр. 37. *Ред.*

обществ, и как выражение жизни и утверждение жизни общая еще необщественному человеку с человеком, получившим какое бы то ни было общественное определение.

II.

Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на земной шар, притом современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, в этой форме должна заключаться связь между источниками дохода. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность суть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированного земного шара, и притом обе суть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации.

Первое, что бросается в глаза в этой формуле, заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства, определенной исторической структуре общественного процесса производства, рядом с элементом производства, слившимся с определенной социальной формой и представляемым в ней, без дальнейших околичностей ставятся: земля — с одной стороны, труд — с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме общи всем способам производства, суть вещественные элементы всякого процесса производства и не имеют никакого отношения [nichts zu schaffen haben] к его общественной форме.

Во-вторых. В формуле «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата» капитал, земля, труд выступают в качестве соответственных источников процента (вместо прибыли), земельной ренты и заработной платы как их продуктов, плодов; первые — основание, вторые — следствие, первые — причина, вторые — результат; и притом таким образом, что каждый источник относится к своему продукту, как к чему-то выделенному и произведенному им. Все три дохода, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, суть три части стоимости продукта, следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные части денег, части цены. Хотя формула: капитал — процент есть самая бессодержательная [begriffsloseste] формула капитала, но тем не менее это — его формула. Но каким образом земля может создать стоимость, т. е. общественно определенное количество

труда да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля действует, например, как фактор производства при создании потребительной стоимости, материального продукта — пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству *стоимости пшеницы*. Поскольку в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, вне всякого отношения к особому веществу, в котором представлен этот труд, или к особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей. Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения. Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие создания стоимости; но глупо создавать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне — стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}

III.

Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них и в которой они *prima facie* принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как дома и что эти отношения представляются ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь, и чем, однако, более

привычными они кажутся для обыденного представления. Поэтому у нее нет ни малейшего представления о том, что триединство, из которого она исходит: земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата или цена труда, суть три *prima facie* невозможные сочетания. Прежде всего перед нами потребительная стоимость, *земля*, которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, *рента*: таким образом социальное отношение, взятое как вещь, поставлено в отношение пропорциональности к природе; т. е. выходит, что в известном отношении друг к другу стоят две несоизмеримые величины. Затем *капитал — процент*. Если под капиталом понимается известная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то *prima facie* — бессмыслица, чтобы стоимость больше стоила, чем она стоит. Как раз в форме: капитал — процент, отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому вульгарный экономист и предпочитает формулу капитал — процент, с мистическим свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле капитал — прибыль, что последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, тревожно чувствуя, что 4 не есть 5, и потому 100 талеров не могут же быть 110 талерами, вульгарный экономист ищет спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала, в его потребительной стоимости как условии производства для труда, в машинах, сыром материале и т. д. Таким образом опять удается вместо непонятого первого отношения, при котором $4 = 5$, вывести совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны, как в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этих несоизмеримостей, ему все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошел как раз до «рационального» для буржуазного представления. Наконец, *труд — заработная плата*, цена труда, как показано в книге I*, есть выражение, которое *prima facie* противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены, которая вообще сама есть лишь определенное выражение стоимости; и «цена труда» столь же иррациональна, как желтый логарифм. Но как раз здесь-то больше всего и удовлетворяется вульгарный экономист, потому что он тут дошел до глу-

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII. *Ред.*

бского воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятию стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

Мы⁴⁹ видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и в которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее мы видели: капитал, — а капиталист есть лишь персонифицированный капитал, — функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей, или рабочих, определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное

⁴⁹ Начало главы XLVIII по рукописи.

количество прибавочного труда требуется в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу [Fortschritt] населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые в более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что, в зависимости от развития производительной силы труда, прибавочный труд может быть велик при малой общей продолжительности рабочего дня и относительно мал при большой общей продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 6, и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 12, а норма прибавочного труда = только $33\frac{1}{3}\%$. Таким образом от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это цар-

ство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе между капиталистами, — если мы оставим в стороне случайные колебания распределения и будем рассматривать его регулирующий закон, его нормирующие границы, — как дивиденд пропорционально той доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достоящаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, расщепляется на предпринимательский доход и процент и которая под этими обеими категориями может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно — прибавочного продукта, капиталом имеет, однако, свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а тем самым в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник, в свою очередь, выкачивает у капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта, в форме ренты, согласно раньше изложенным законам.

Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как достоящейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равную предпринимательскому доходу плюс процент), которая уже сокращена вычетом ренты из всей прибыли (по своей массе тождественной со всей прибавочной стоимостью); т. е. предполагается вычет ренты. Следовательно, прибыль капитала (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента суть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категории, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достается

ли она капиталу или земельной собственности, рубрики, которые, однако, ничего не изменяют в ее сущности. Сложенные вместе, они образуют сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, представленный в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Ее роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства, не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и также не просто благодаря тому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического способа производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у рабочих, но специально потому, что земельный собственник выступает как персонафикация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под названием заработной платы получает часть продукта, где представлена часть его труда, которую мы называем необходимым трудом, т. е. трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: скуднее или богаче, благоприятнее или неблагоприятнее.

Какими бы несравнимыми вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из года в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику — земельную ренту, и рабочая сила, — при нормальных условиях и пока она остается пригодной рабочей силой, — рабочему заработную плату. Эти три части всей ежегодно производимой общей суммы стоимости и соответствующие им части всего ежегодно производимого продукта могут быть, — накопление мы оставляем здесь пока в стороне, — ежегодно потребляемы их соответственными владельцами без того, чтобы иссяк источник их воспроизводства. Они являются как бы предназначенными для ежегодного потребления плодами многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев, они образуют годовой доход трех классов: капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще. Таким образом капиталисту его капитал, земель-

ному собственнику его земля и рабочему его рабочая сила или, вернее, самый его труд (так как он действительно продает рабочую силу, только в ее проявлении, и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле, что капитал для капиталиста — многолетний насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника — многолетний магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд — постоянно возобновляющееся условие и всякий раз [stets] возобновляющееся средство для того, чтобы под титулом заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта — необходимые жизненные средства. Они являются таковыми далее в том смысле, что капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда, в форме прибыли, земельная собственность — другую часть в форме ренты, и наемный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз посредством этого превращения делает эти части доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, не создавая, однако, самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличие этой субстанции, т. е. всей стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме. Почему это происходит, мы увидим в дальнейшем ходе исследования. Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достаемые в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода.

{Здесь в рукописи недостает листа *in folio* [формата полулиста].}

...Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, которые возникают из

почвы как таковой. Но поскольку она, во-первых, покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных сортов земли, это есть лишь то определение, которое мы только что упомянули; поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия.

Могло бы казаться, что по крайней мере в «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в «земля — земельная рента». Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к общему фактору производства. Труд овеществляется [*vergegenständlicht sich*] и в той составной части стоимости товара, которая образует в качестве заработной платы цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще раз труд нами фиксируется, как создатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме [*Gestalt*], как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда.

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берется в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, в котором он выжимает прибавочный труд принуждением, оказываемым на рабочую силу, т. е. на наемного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость заключает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю неразделенную прибавочную стоимость. Здесь, напротив, капитал как источник дохода ставится в отношение только к той части, которая достается капиталисту. А это не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та ее часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая связь отпадает еще

более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Если сначала мы рассматривали то, что разделяет три источника, то теперь мы видим, что их продукты, их порождения, напротив, все принадлежат к одной и той же области, к области стоимости. Однако это уничтожается тем (это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и несравнимыми вещами), что капитал, подобно земле и труду, берется в действительности просто в его вещественной субстанции, следовательно, просто как произведенное средство производства, причем абстрагируются от него как от отношения к рабочему и от него как от стоимости.

В-третьих. В этом смысле, следовательно, формула: «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковую во всех частях и симметрическую несообразность. В самом деле, раз наемный труд представляется не как общественно определенная форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наемным трудом (так представляет себе дело тот, кто опутан капиталистическими отношениями производства), то и определенные, специфические общественные формы, которые принимают вещественные условия труда — произведенные средства производства и земля по отношению к наемному труду (как, наоборот, с своей стороны они предполагают наемный труд) — прямо совпадают с вещественным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще имеют в действительном процессе труда, независимо от всякой его конкретной, исторически определенной общественной формы и даже независимо от *всякой* общественной формы. Отчужденная от труда, приобретающая самостоятельность по отношению к нему и тем самым превращенная форма [Gestalt] условий труда, в которой таким образом произведенные средства производства превращаются в капитал, а земля — в монополизированную землю, в земельную собственность, эта принадлежащая определенному историческому периоду форма отождествляется поэтому с бытием и функцией произведенных средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе от природы; капитал оказывается просто «экономическим термином» для этих средств производства; и земля оказывается сама по себе от природы землей, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как в капитале и капиталисте, — который в самом деле есть не что иное, как персонифицированный капитал, — продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям,

так и в земельном собственнике персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и как самостоятельная сила требует своей доли в произведенном с ее помощью продукте; так что не земля получает принадлежащую ей часть продукта для восстановления и повышения ее производительности, а вместо нее земельный собственник получает долю этого продукта ее для расточения и мотовства. Ясно, что капитал предполагает труд как наемный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наемного труда, так что совпадение труда вообще с наемным трудом кажется самоочевидным, то капитал и монополизированная земля должны также представляться природной формой условий труда по отношению к труду вообще. Бытие в качестве капитала представляется теперь природной формой средств труда, а потому чисто вещным свойством, возникающим из их функций в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведенное средство производства становятся тождественными выражениями. Точно так же тождественными выражениями становятся земля и монополизированная частной собственностью земля. Оттого средства труда как таковые, являясь капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая — источником ренты.

Труд как таковой в его простой определенности как целесообразной производительной деятельности ставится в отношении к средствам производства, взятым не в их общественной определенности формы, а в их вещественной субстанции, к средствам производства как к материалу и средству труда, различающимся между собою тоже лишь вещественно как потребительные стоимости: земля — как непроизведенное средство труда, остальные — как произведенные средства труда. Следовательно, если труд совпадает с наемным трудом, то та определенная общественная форма, в которой условия труда противостоят теперь труду, в свою очередь, совпадает с их вещественным бытием. В таком случае средства труда как таковые суть капитал, и земля как таковая есть земельная собственность. Тогда формальная самостоятельность, приобретенная этими условиями труда по отношению к труду, и та особая форма этой самостоятельности, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них как от вещей, как от материальных условий производства, оказывается характером, необходимо принадлежащим им, искони сросшимся [eingewachsenen] с ними просто как с элементами производства. Их обусловленный определенной исторической эпохой социальный характер в капиталистическом процессе производства оказывается их вещным характером, естественно и, так сказать, искони прирожденным им как элементам

процесса производства. В таком случае должно казаться, что соответственное участие, которое земля как первоначальное поле деятельности труда, как царство природных сил, как найденный готовым арсенал всех предметов труда, и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности, — т. е. их социальным представителям, — в форме прибыли (процента) и ренты, подобно тому, как для рабочего то участие, которое его труд принимает в процессе производства, выражается в заработной плате. Таким образом кажется, будто рента, прибыль, заработная плата порождаются той ролью, которую земля, произведенные средства производства и труд играют в простом процессе труда, даже если бы мы рассматривали этот процесс труда как процесс, происходящий просто между человеком и природой и абстрагировались от всякой исторической определенности. Это опять то же самое, только в иной форме, когда говорят: продукт, в котором представлен труд наемного рабочего на себя самого, представлена его выручка, его доход, это только заработная плата, та часть стоимости (а потому и общественного продукта, измеряемого этой стоимостью), которая представляет его заработную плату. Следовательно, если наемный труд совпадает с трудом вообще, то и заработная плата совпадает с продуктом труда, и та часть стоимости, которая представлена заработной платой, совпадает со стоимостью, вообще созданною трудом. Но благодаря этому и другие части стоимости, прибыль и рента, столь же самостоятельно противопоставляются заработной плате и, в свою очередь, должны возникать из собственных источников, специфически отличных и независимых от труда; они должны возникать из соучаствующих элементов производства, владельцам которых они достаются, следовательно, прибыль — из средств производства, вещественных элементов капитала, а рента из земли или природы, представляемой земельным собственником (Рошер).

Поэтому из источников дохода в том смысле, что капитал притягивает в форме прибыли к капиталисту часть той прибавочной стоимости, которую он извлекает из труда, монополия на землю притягивает к земельному собственнику другую часть в форме ренты, а труд отдает в форме заработной платы последнюю еще остающуюся часть стоимости рабочему, — из источников, при посредстве которых одна часть стоимости превращается в форму прибыли, другая в форму ренты и третья в форму заработной платы, — земельная

собственность, капитал и наемный труд превращаются в действительные источники, из которых возникают сами эти части стоимости и те соответственные части продукта, в которых существуют или на которые могут быть обменены эти части стоимости, в источники, из которых в последнем счете возникает сама стоимость продукта⁵⁰.

Уже когда мы говорили о простейших категориях капиталистического способа производства, и даже товарного производства, о товаре и деньгах, мы указали мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения, для которых вещественные элементы богатства при производстве служат носителями, в свойства самих этих вещей (товар), и, что еще ярче, само производственное отношение — в вещь (деньги). Все формы общества, поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, принимают участие в этом превращении. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который образует его господствующую категорию, его определяющее отношение производства, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства — как силу, выкачивающую прибавочный труд, — то это отношение еще очень просто; и действительная связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня. Но даже внутри этой непосредственной сферы — сферы непосредственного процесса между трудом и капиталом — дело не остается столь простым. С развитием относительной прибавочной стоимости в собственно специфически капиталистическом способе производства, в связи с чем развиваются общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные связи труда кажутся перенесенными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственной сущностью, так как все общественные производительные силы труда представляются принадлежащими ему, а не труду как таковому и возникающими из его собственных недр силами. А затем сюда вмещивается процесс обращения, в который, именно в его обмен веществ и превращение формы, втягиваются все части капитала, даже земледельческого капитала, в той самой мере, как развивается специфический капиталистиче-

⁵⁰ Заработная плата, прибыль и рента суть три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всей меновой стоимости (А. Смит). Таким образом причины материального производства суть в то же время источники всех существующих основных доходов (Шорх [*«Cours d'Economie Politique»*, Pétersbourg 1815], I, стр. 259).

ский способ производства. Это — сфера, в которой отношения первоначального производства стоимости отступают совершенно на задний план. Уже в непосредственном процессе производства капиталист действует вместе с тем как товаропроизводитель, как руководитель товарного производства. Этот процесс производства поэтому отнюдь не представляется ему просто процессом производства прибавочной стоимости. Но какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, должны реализоваться лишь в процессе обращения. И дело представляется таким образом, как будто стоимость, возмещающая стоимости, авансированные на производство, и в особенности прибавочная стоимость, заключающаяся в товарах, не просто реализуется в обращении, но возникает из него; эту иллюзию в особенности укрепляют два обстоятельства: во-первых, прибыль при отчуждении, зависящая от обмана, хитрости, знания дела, ловкости и тысячи рыночных конъюнктур; затем то обстоятельство, что здесь наряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения. Хотя оно функционирует только как отрицательная граница образования стоимости и прибавочной стоимости, но получается такая внешняя видимость, как будто оно — столь же положительная причина их образования, как сам труд, и как будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда. В книге II* нам, естественно, пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определенностям формы, которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие структуры [Gestalt] капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, над которой, если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу в этих случайностях и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства. Но, далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования [Gestaltungen], в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все

* К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII. *Ред.*

более приобретают взаимно самостоятельное существование и составные части стоимости заостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы.

Как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства. Прибавочная стоимость, в форме прибыли, относится уже не к затраченной на труд части капитала, из которой она происходит, а ко всему капиталу. Норма прибыли регулируется собственными законами, которые допускают и даже обуславливают ее изменение, при неизменной норме прибавочной стоимости. Все это больше и больше скрывает истинную природу прибавочной стоимости, а потому и действительный механизм капитала. В еще большей мере совершается это вследствие превращения прибыли в среднюю прибыль и стоимостей в цены производства, в регулирующие средние рыночных цен. Здесь вмешивается сложный общественный процесс — процесс уравнивания капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих. Стоимость товаров проявляется непосредственно лишь в том влиянии, которое изменения производительной силы труда оказывают на понижение и повышение цен производства, на их движение, а не на их конечные пределы. Прибыль, как кажется, определяется эксплуатацией труда лишь как фактором второстепенным [accessorisch], постольку именно, поскольку последняя дает капиталисту возможность при наличии регулирующих рыночных цен, существующих, повидимому, независимо от этой эксплуатации, реализовать прибыль, отклоняющуюся от средней прибыли. Что же касается нормальных средних прибылей, они кажутся имманентными капиталу, независимыми от эксплуатации; ненормальная эксплуатация, а также средняя эксплуатация при благоприятных, исключительных условиях, как представляется, обуславливает лишь отклонения от средней прибыли, а не самую среднюю прибыль. Расщепление прибыли на предпринимательский доход и процент (не говоря уже о вмешательстве торговой и денежно-торговой прибыли, которая основана на обращении и кажется возникающей целиком из обращения, а не из процесса

самого производства) завершает обособление формы прибавочной стоимости, закоснение ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности. Одна часть прибыли, в противоположность другой, совершенно отрывается от капиталистического отношения как такового и представляется возникающей не из функции эксплуатации наемного труда, а из наемного труда самого капиталиста. В противоположность этому, процент представляется возникающим независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, а из капитала как своего собственного независимого источника. Если первоначально, на поверхности обращения, капитал казался капиталом-фетишем, стоимостью, порождающей стоимость, то теперь, в виде капитала, приносящего проценты, он представляется в наиболее отчужденной и наиболее своеобразной форме. А потому формула: «капитал — процент», как третий член к «земля — рента» и «труд — заработная плата», гораздо последовательнее, чем «капитал — прибыль», потому что в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении, которое в проценте не только исчезло, но фиксировано в форме, противоположной этому происхождению.

Наконец, рядом с капиталом как самостоятельным источником прибавочной стоимости выступает земельная собственность, которая ограничивает среднюю прибыль и передает часть прибавочной стоимости такому классу, который сам не работает, не эксплуатирует рабочих непосредственно и не может предаваться, по примеру капитала, приносящего проценты, морально назидательным соображениям, например, о риске и жертвах при ссуде капитала. Так как здесь часть прибавочной стоимости кажется связанной непосредственно не с общественными отношениями, а с природным элементом, землей, то форма обособления и закоснения различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой завершается, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно закрываются именно взаимным обособлением отношений производства, которые связываются с различными вещественными элементами процесса производства.

В «капитал — прибыль» или, еще лучше, «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его источниками, оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращение вещественных отношений производства с их исторически-

общественной определенностью, замороженный, искаженный и на голову поставленный мир, в котором *monsieur le Capital* [господин капитал] и *madame la Terre* [госпожа земля] как социальные характеры и в то же время непосредственно как просто вещи справляют свой шабаш. Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и заострение различных общественных элементов богатства один в отношении другого, эту персонификацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни, — тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, свела в непосредственном процессе производства стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду. Однако даже лучшие из ее представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому все в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Столь же естественно, с другой стороны, что действительные агенты производства чувствуют себя совершенно как дома среди этих отрешенных от действительных отношений и иррациональных форм: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата, ибо они движутся и повседневно имеют дело именно с этими формами [Gestaltungen] внешней видимости. Не менее естественно поэтому, что вульгарная экономия, которая есть не что иное, как дидактический, более или менее доктринерский перевод повседневных представлений действительных агентов производства, и которая лишь вносит известный разумный порядок в эти представления, что она именно в этом триединстве, в котором изглажена всякая внутренняя связь, находит естественный, стоящий выше всяких сомнений базис для своего пустого самодовольства. В то же время эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода.

Описывая, как отношения производства овеществляются и приобретают самостоятельность по отношению к агентам производства, мы не останавливаемся на том, каким образом, благодаря мировому рынку, его конъюнктурам, движению рыночных цен, периодам кредита, циклам промышленности и торговли, сменам процветания и кризиса, взаимосвязи представляются агентам производства как

непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально-среднем типе.

В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительской стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощенности, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса. В первобытных общинах, в которых господствует примитивный коммунизм, и даже в античных городских общинах сами эти общинные отношения с их условиями представляются базисом производства, равно как воспроизводство этого базиса — их конечной целью. Даже в средневековых цехах ни капитал, ни труд не являются несвязанными, напротив, их отношения определяются корпоративным устройством, отношениями, которые с ним связаны, и представлениями о профессиональном долге, положении мастера и т. д., которые соответствуют этим отношениям. Только при капиталистическом способе производства...

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ.

К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА.

В исследовании, которое нам теперь предстоит, мы можем оставить в стороне различие между ценой производства и стоимостью, так как различие это вообще отпадает, если, как мы делаем в данном случае, рассматривать стоимость всего годового продукта труда, т. е. продукта всего общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента суть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. Средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости. Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не входит прямо в выравнивание средней прибыли, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответственного товара. Но, во-первых, это компенсируется либо тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, либо тем, что прибыль и рента представлены в большем количестве продукта, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в часть стоимости, потребляемую как доход. А, во-вторых, эти колебания в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, оказывается потерянной для ценообразования, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней. Ее нормальная форма предполагает заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы. Даже монополярная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, следовательно, не образует особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости; если она и не образует части избытка цены над ценой

производства того самого товара, составной частью которого является (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной части прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой среднюю прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, т. е. товаров, обмениваемых на этот товар, имеющий монопольную цену. — Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения. Поэтому для нашего исследования безразлично, реализуется ли в цене товаров вся прибавочная стоимость товаров, т. е. весь заключающийся в товарах прибавочный труд, или нет. Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, что при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, изменении, вытекающем из постоянного изменения производительности труда, часть товаров всегда производится в ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости. Во всяком случае прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду), и для исследования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, ибо прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость, следовательно, та прибавочная стоимость, которая вообще входит в цены товаров, следовательно, практически вся та прибавочная стоимость, которая является составной частью этой цены.

С другой стороны, заработная плата, образующая третью своеобразную форму дохода, всегда равна переменной составной части капитала, т. е. той составной части, которая затрачивается не на средства труда, а на покупку живой рабочей силы, на уплату рабочим. (Труд, оплачивающийся при расходовании дохода, оплачивается из заработной платы, прибыли или ренты и потому не составляет части стоимости товаров, которыми он оплачивается. Таким образом он не принимается во внимание при анализе стоимости товаров и составных частей, на которые она распадается.) Стоимость переменного капитала, а следовательно, и цена труда воспроизводится в части овеществленного рабочего дня рабочих, в той части товарной стоимости, в которой рабочий воспроизводит стоимость своей собственной рабочей силы или цену своего труда. Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, во время которой он выполняет количество труда, необходимое для

воспроизводства стоимости его собственных жизненных средств: оплаченная часть всего его труда, та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Вся остальная часть рабочего дня, все избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости его заработной платы, есть прибавочный труд, неоплаченный труд, выраженный в прибавочной стоимости всей его товарной продукции (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными наименованиями, на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Итак, вся часть стоимости товаров, в которой реализуется весь труд рабочих, присоединяемый в продолжение одного дня или одного года, вся стоимость годового продукта, которую создает этот труд, распадается на стоимость заработной платы, прибыль и ренту. Ибо весь этот труд распадается на необходимый труд, посредством которого рабочий создает ту часть стоимости продукта, которую он сам оплачивается, т. е. заработную плату, и на неоплаченный прибавочный труд, посредством которого он создает ту часть стоимости продукта, которая представляет прибавочную стоимость и впоследствии распадается на прибыль и ренту. Кроме этого труда, рабочий не совершает никакого иного труда, и кроме всей стоимости продукта, которая принимает формы заработной платы, прибыли, ренты, он не создает никакой стоимости. Стоимость годового продукта, в которой выражается труд, вновь присоединенный им в продолжение года, равняется заработной плате или стоимости переменного капитала плюс прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, распадается на формы прибыли и ренты.

Итак, вся часть стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в продолжение года, выражается в годовой сумме стоимости трех доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведенному излишку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, равной стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного капитала.

По отношению к тому затруднению, которое предстоит разрешить здесь, совершенно безразлично то обстоятельство, что часть прибавочной стоимости, превращенной в форму прибыли и ренты,

не потребляется в качестве дохода, а служит для накопления. Та ее часть, которая сберегается как фонд накопления, служит для образования нового, дополнительного капитала, но не для возмещения старой составной части старого капитала, израсходованной как на рабочую силу, так и на средства труда. Следовательно, в целях упрощения здесь можно принять, что доходы целиком пошли на личное потребление. Затруднение представляется двоякое. С одной стороны, стоимость годового продукта, в виде которого потребляются эти доходы, — заработная плата, прибыль, рента — содержит в себе известную часть стоимости, равную стоимости вошедшей в него постоянной части капитала. Она содержит в себе эту часть стоимости, кроме части стоимости, которая сводится к заработной плате, и той части, которая разлагается на прибыль и ренту. Следовательно, стоимость годового продукта = заработной плате + + прибыль + рента + C , причем последнее представляет постоянную часть его стоимости. Каким же образом произведенная за год стоимость, равная лишь заработной плате + прибыль + рента, может купить продукт, стоимость которого = (заработной плате + + прибыль + рента) + C ? Каким образом произведенная за год стоимость может купить продукт, обладающий большей стоимостью, чем она сама?

С другой стороны, если мы оставим в стороне ту часть постоянного капитала, которая не вошла в продукт и которая поэтому, хотя и с уменьшившейся стоимостью, продолжает существовать после годового производства товаров, как и до него, если мы таким образом на время абстрагируемся от примененного, но не потребленного основного капитала, то окажется, что постоянная часть авансированного капитала в форме сырых и вспомогательных материалов целиком вошла в новый продукт, тогда как часть средств труда целиком потреблена, другая же — лишь отчасти использована, так что только часть ее стоимости потреблена в производстве. Вся эта потребленная в производстве часть постоянного капитала должна быть возмещена *in natura* [в натуре]. Предполагая, что все прочие условия, особенно производительная сила труда, не изменились, для ее возмещения потребуется то же самое количество труда, как и прежде, т. е. она должна быть возмещена равновеликой стоимостью. В противном случае самое воспроизводство не может совершаться в прежнем масштабе. Но кто должен производить эти работы и кто их производит?

Что касается первого затруднения — кто должен оплатить заключающуюся в продукте постоянную часть стоимости и чем? — то

предполагается, что стоимость постоянного капитала, потребленного в производстве, снова появляется как часть стоимости продукта. Это не противоречит предпосылкам второго затруднения, так как уже в книге I, гл. V (процесс труда и процесс возрастания стоимости)* было показано, каким образом посредством простого присоединения нового труда, хотя и не воспроизводящего старой стоимости, а создающего лишь добавление к ней, создающего лишь добавочную стоимость, все же одновременно сохраняется в продукте старая стоимость; но в то же время было показано, что это совершается трудом не постольку, поскольку он производит стоимость, т. е. является трудом вообще, а поскольку он функционирует в качестве определенного производительного труда. Таким образом не требуется дополнительного труда для того, чтобы сохранить стоимость постоянной части в том продукте, на который расходуется доход, т. е. вся созданная в течение года стоимость. Но, конечно, требуется новый дополнительный труд для того, чтобы возместить постоянный капитал, стоимость и потребительная стоимость которого были потреблены в истекшем году; без такого возмещения воспроизводство вообще невозможно.

Весь вновь присоединенный труд представлен во вновь созданной в продолжение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Стало быть, с одной стороны, не остается избыточного общественного труда для возмещения потребленного постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью *in natura* и в его стоимости, частью только в его стоимости (поскольку дело идет просто о снашивании основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная годичным трудом и распадающаяся на заработную плату, прибыль и ренту, и в этих формах подлежащая расходованию, кажется недостаточной для того, чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Мы видим, что поставленная здесь проблема уже решена при исследовании воспроизводства всего общественного капитала, книга II, отдел III**. Здесь мы возвращаемся к этому предмету прежде всего потому, что там прибавочная стоимость еще не была развернута в

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. V; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. V. *Ред.*

** К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, отдел III; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, отдел III. *Ред.*

ее формах дохода: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента, — а потому и не могла быть рассмотрена в этих формах; затем также и по той причине, что как раз к форме заработной платы, прибыли и ренты примыкает невероятный промах в анализе, проходящий через всю политическую экономию, начиная с А. Смита.

Мы разделили там весь капитал на два больших класса: класс I, производящий средства производства, и класс II, производящий средства индивидуального потребления. То обстоятельство, что некоторые продукты могут так же точно служить для личного пользования, как и в качестве средств производства (лошадь, зерновой хлеб и т. д.), отнюдь не уничтожает абсолютной правильности этого разделения. Оно в самом деле не гипотеза, а лишь выражение факта. Возьмем годовой продукт какой-либо страны. Часть продукта, какова бы ни была ее способность служить средством производства, входит в индивидуальное потребление. Это — продукт, на который расходуется заработная плата, прибыль и рента. Продукт этот является продуктом определенного подразделения общественного капитала. Возможно, что этот же самый капитал производит и продукты, принадлежащие к классу I. Поскольку это так, производительно потребляемые продукты, относящиеся к классу I, доставляются не тою частью этого капитала, которая потреблена на продукт класса II, на такой продукт, который действительно достается на долю индивидуального потребления. Весь продукт II, который входит в индивидуальное потребление и на который поэтому тратится доход, представляет бытие потребленного на него капитала плюс произведенный излишек. Таким образом, это — продукт капитала, вложенного только в производство средств потребления. И таким же образом подразделение I годового продукта, которое служит в качестве средства воспроизводства — сырого материала и орудий труда — какова бы ни была вообще способность этого продукта *naturaliter* [по его натуре] служить в качестве средства потребления, является продуктом капитала, вложенного исключительно в производство средств производства. Несравненно большая часть продуктов, образующих постоянный капитал, находится и вещественно в такой форме, в которой они не могут войти в индивидуальное потребление. Поскольку это для части продукта возможно, поскольку, например, крестьянин может съесть свое семенное зерно или заколоть свой рабочий скот, экономическое ограничение по отношению к этой части достигает в действительности того же, как если бы эта часть существовала в форме, не пригодной для потребления.

Как уже сказано, при рассмотрении обоих классов мы абстрагируемся от основной части постоянного капитала, которая продолжает существовать *in natura* и по своей стоимости, независимо от годового продукта обоих классов.

В классе II, на продукты которого расходуются заработная плата, прибыль и рента, коротко говоря, потребляются доходы, продукт по своей стоимости, в свою очередь, состоит из трех составных частей. Одна составная часть равна стоимости потребленной в производстве постоянной части капитала; другая составная часть равна стоимости той авансированной на производство переменной части капитала, которая затрачена на заработную плату; наконец, третья составная часть равна произведенной прибавочной стоимости, т. е. = прибыли + рента. Первая составная часть продукта класса II, стоимость постоянной части капитала, не может быть потреблена ни капиталистами, ни рабочими класса II, ни земельными собственниками. Она не образует какой бы то ни было части их дохода, но должна быть возмещена *in natura*, а чтобы это могло произойти, она должна быть продана. Напротив, остальные две составные части этого продукта равны стоимости произведенных в этом классе доходов = заработной плате + прибыль + рента.

В классе I продукт состоит по форме из таких же составных частей. Но та часть, которая образует здесь доход, заработная плата + прибыль + рента, короче, переменная часть капитала + прибавочная стоимость, потребляется здесь не в натуральной форме продуктов этого класса I, а в продуктах класса II. Следовательно, стоимость доходов класса I должна быть потреблена в виде той части продукта класса II, которая образует подлежащий возмещению постоянный капитал этого класса. Часть продукта класса II, которая должна возместить его постоянный капитал, потребляется в ее натуральной форме рабочими, капиталистами и земельными собственниками класса I. Они расходуют свои доходы на этот продукт II. С другой стороны, продукт класса I, поскольку он представляет доход класса I, производительно потребляется в его натуральной форме классом II, постоянный капитал которого он возмещает *in natura*. Наконец, потребленная постоянная часть капитала класса I возмещается собственными продуктами этого класса, которые состоят как раз из средств труда, сырых и вспомогательных материалов и т. д., частью возмещается посредством обмена капиталистов I между собою, частью же тем, что некоторые из этих капиталистов могут непосредственно применить свой собственный продукт снова как средство производства.

Возьмем прежнюю схему (книга II, гл. XX, II)* простого воспроизводства:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,000c + 1\,000v + 1\,000m = 6\,000 \\ \text{II. } 2\,000c + 500v + 500m = 3\,000 \end{array} \right\} = 9\,000.$$

Согласно этому в II производителями и земельными собственниками потребляется как доход $500v + 500m = 1\,000$; остается возместить $2\,000c$. Это потребляется рабочими, капиталистами и получателями ренты класса I, доход которых $= 1\,000v + 1\,000m = 2\,000$. Потребляемый продукт II потребляется как доход классом I, а часть дохода класса I, представленная в неподлежащем потреблению продукте, потребляется в качестве постоянного капитала II. Следовательно, остается дать отчет относительно $4\,000c$ класса I. Это возмещается из собственного продукта I $= 6\,000$ или, вернее, $= 6\,000 - 2\,000$, так как эти $2\,000$ уже превращены в постоянный капитал для II. Следует заметить, что числа, конечно, взяты произвольно, а потому и отношение между стоимостью дохода I и стоимостью постоянного капитала II кажется произвольным. Однако же очевидно, что если процесс воспроизводства совершается нормально и при неизменяющихся прочих условиях, следовательно, оставляя в стороне накопление, сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты класса I должна равняться стоимости постоянной части капитала класса II. В противном случае либо класс II не сможет возместить свой постоянный капитал, либо у класса I не будет возможности превратить свой доход из непотребимой в потребимую форму.

Итак, стоимость годового товарного продукта, совершенно так же как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала и стоимость каждого единичного товара, распадается на две составные части стоимости: на одну *A*, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и другую *B*, выступающую в форме дохода в качестве заработной платы, прибыли и ренты. Последняя составная часть стоимости, *B*, в том отношении представляет противоположность первой, *A*, что *A*, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно возвращается в форме капитала, а именно постоянного капитала. Однако и другая составная часть *B*, в свою очередь, в себе самой содержит противоположность. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все три образуют

* *К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, гл. XX, II; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, гл. XX, II, стр. 425. Ред.*

формы дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются одна от другой тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, т. е. неоплаченный труд, в заработной плате — оплаченный труд. Часть стоимости продукта, которая представляет затраченную заработную плату, т. е. возмещает заработную плату и которая при нашем предположении, что воспроизводство совершается в том же масштабе и при тех же условиях, снова превращается в заработную плату, — эта часть притекает обратно прежде всего как переменный капитал, как составная часть капитала, который должен быть снова авансирован на воспроизводство. Эта составная часть функционирует двояким образом. Она существует сначала в форме капитала и обменивается как таковой на рабочую силу. В руках рабочего она превращается в доход, который он извлекает из продажи своей рабочей силы, обменивается как доход на жизненные средства и потребляется. Этот двойной процесс проявляется при посредстве денежного обращения. Переменный капитал авансируется деньгами, выплачивается в виде заработной платы. Это — его первая функция как капитала. Он обменивается на рабочую силу и превращается в проявление этой рабочей силы, в труд. Таков процесс для капиталиста. Но, во-вторых, на эти деньги рабочие покупают часть своего товарного продукта, измеряемую этими деньгами, и потребляют ее как доход. Если мы мысленно отрешимся от денежного обращения, то часть продукта рабочего находится в руках капиталиста в форме имеющегося в наличности капитала. Эту часть он авансирует как капитал, дает ее рабочему за новую рабочую силу, тогда как рабочий потребляет ее как доход непосредственно или посредством обмена ее на другие товары. Таким образом часть стоимости продукта, предназначенная при воспроизводстве к тому, чтобы превратиться в заработную плату, в доход для рабочих, прежде всего притекает обратно в руки капиталиста в форме капитала, точнее, переменного капитала. То обстоятельство, что она притекает обратно в этой форме, является существенным условием постоянно возобновляющегося воспроизводства труда как наемного труда, средств производства как капитала и самого процесса производства как капиталистического процесса производства.

Чтобы не запутывать дела, создавая бесполезные затруднения, необходимо отличать валовую выручку [Rohrertrag] и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка или валовой продукт есть весь воспроизведенный продукт. За вычетом примененной, но непотребленной части основного капитала, стоимость валовой выручки, или валового про-

дукта равняется стоимости авансированного и потребленного в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая распадается на прибыль и ренту. Или если рассматривать продукт не единичного капитала, а всего общественного капитала, то валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта [Bruttoprodukts oder Rohprodukts], которая остается за вычетом части стоимости во всем производстве (и измеряемой ею части продукта), возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена обратиться снова в доход рабочего) + прибыль + рента. Чистый же доход есть сверхстоимость, следовательно — прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с землевладельцем прибавочную стоимость и измеряемый ею прибавочный продукт.

Мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая, — хотя некоторая доля ее и притекает обратно как переменный капитал, стало быть, притекает обратно тоже в *форме* капитала, — тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели, далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости всего годового продукта общества. Различие между продуктом единичного капиталиста и продуктом общества заключается лишь в следующем: с точки зрения отдельного капиталиста, чистый доход отличается от валового дохода, ибо последний включает в себе заработную плату, первый же исключает ее. Если же рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Впрочем, и это является одной абстракцией, так как все общество, при капиталистическом производстве, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту.

Напротив, фантазия, как, например, у г. Сэя, будто вся выручка, весь валовой продукт превращается для нации в чистую выручку или не отличается от нее, следовательно, будто различие это, с национальной точки зрения, перестает существовать, — эта фантазия есть лишь необходимое и крайнее выражение абсурдной догмы, проходящей через всю политическую экономию со времени А. Смита, будто стоимость товаров в конечном счете целиком распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту⁵¹.

Разумеется, ничего не стоит понять, когда дело идет о каждом отдельном капиталисте, что часть его продукта должна снова превратиться в капитал (даже оставляя в стороне расширение воспроизводства или накопление), и притом не только в переменный капитал, назначение которого, в свою очередь, опять превратиться в доход для рабочего, т. е. в форму дохода, но и в постоянный капитал, который никогда не может превратиться в доход. Простейшее наблюдение процесса производства делает это очевидным. Затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом. Стоимость всей части продукта, потребляемой как доход, в форме заработной платы, прибыли и ренты (причем совершенно безразлично, будет ли то личное или производительное потребление), действительно целиком, как показывает анализ, покрывается суммой стоимости, составленной из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т. е. всей стоимостью трех доходов, хотя стоимость этой части продукта совершенно так же, как той, которая не входит в доход, содержит часть стоимости = C , равную стоимости заключающегося

⁵¹ Рикардо делает следующее весьма удачное замечание относительно бессмысленного Сэя: «О чистом и валовом продукте г. Сэй говорит следующее: «Вся произведенная стоимость есть валовой продукт; эта стоимость за вычетом из нее издержек производства есть чистый продукт» (т. II, стр. 491). Следовательно, чистого продукта быть не может, потому что издержки производства по г. Сэю состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Следовательно, стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства — все это одинаковые стоимости, если только вещи предоставляются их естественному течению». Если из всего вычесть все, то в результате ничего не останется» (Рикардо, «Principles», гл. XXII, стр. 512, примечание [русс. пер., стр. 273]). Впрочем, как мы увидим далее, и Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов [Revenues]. Рикардо не думает об ошибочности этого анализа и при своих анализах принимает его за верный постольку, поскольку он «отвлекается» от постоянной части стоимости товаров. От времени до времени он возвращается к тому же способу представления.

в этих частях постоянного капитала, следовательно, *prima facie* не может исчерпываться стоимостью дохода. Это обстоятельство, которое является, с одной стороны, практически бесспорным фактом, с другой стороны, столь же бесспорным теоретическим противоречием, представляет трудность, от которой легче всего увертываются, утверждая, что товарная стоимость лишь по видимости, с точки зрения отдельного капиталиста, заключает в себе какую-то другую часть стоимости, отличную от существующей в форме дохода. Фраза: «доход для одного становится капиталом для другого» избавляет от необходимости какого бы то ни было дальнейшего размышления. Каким образом, если стоимость всего продукта может быть потреблена в виде доходов, возможно возмещение старого капитала; каким образом стоимость продукта каждого индивидуального капитала может быть равна сумме стоимости трех доходов плюс C , постоянный капитал, а вся сумма стоимости продуктов всех капиталов равна сумме стоимости трех доходов плюс O , — все это, конечно, представляется при этом неразрешимой загадкой, все это приходится тогда объяснять тем, что анализ вообще не способен постигнуть простые элементы цены, а должен довольствоваться вращением в порочном кругу и отодвиганием задачи до бесконечности. Таким образом то, что представляется в виде постоянного капитала, может быть разложено на заработную плату, прибыль, ренту, а товарные стоимости, в которых представлены заработная плата, прибыль, рента, в свою очередь, определяются заработной платой, прибылью, рентой и так далее до бесконечности⁵².

⁵² «Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к одной или другой или ко всем этим трем частям {т. е. заработной плате, прибыли, ренте}... Четвертая часть, как можно предположить, необходима для вовещения капитала фермера или снашивания и починки и для восстановления рабочего скота и других орудий земледелия. Но следует заметить, что цена какого бы то ни было сельскохозяйственного орудия, например, лошади, в свою очередь, состоит из этих же трех частей: ренты с той земли, на которой она возвращена, труда, затраченного на уход за нею и на ее выращивание, и прибыли фермера, которая авансирует и ренту за землю и заработную плату за труд. Поэтому, хотя цена хлеба покрывает как цену, так и содержание лошади, тем не менее вся цена распадается непосредственно или в конечном счете на те же три части: ренту, труд {следует сказать: заработную плату} и прибыль» (А. Смит [«Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкгиз, 1935, стр. 47, 48]). Мы покажем впоследствии, что А. Смит сам чувствует всю противоречивость и недостаточность этой уловки, ибо это только уловка, когда он отсылает нас от Понтия к Пилату, нигде не показывая нам той действительной затраты капитала, при которой цена продукта окончательно без дальнейшего отодвигания вдаль, без остатка распадается на эти три части.

В корне ложная догма, будто стоимость товаров в последнем счете может быть разложена на заработную плату + прибыль + рента, получает еще и такое выражение, будто потребитель в последнем счете должен оплатить всю стоимость всего продукта; или еще — будто денежное обращение между производителями и потребителями в последнем счете должно равняться денежному обращению между самими производителями (Тук); положения, которые столь же неверны, как то основное положение, на которое они опираются.

Затруднения, которые приводят к этому ошибочному и *prima facie* абсурдному анализу, в основных чертах таковы:

1) Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждого единичного товара заключает в себе часть стоимости = постоянному капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращенному в заработную плату для рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее разделяющуюся на прибыль и ренту). Каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли, ренты, следовательно, трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, кроме этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну лишнюю составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Каким образом могут они на стоимость трех частей купить стоимость четырех?⁵³

⁵³ Прудон выражает свою неспособность понять это следующей нелепой формулой: *l'ouvrier ne peut pas racheter son propre produit* [рабочий не может вновь купить свой собственный продукт], потому что в него входит процент, присоединяющийся к издержкам производства [*prix-de-revient*]. Но, как поучает его г. Эжен Форкад? «Если бы возражение Прудона было правильно, оно касалось бы не только *profits du capital* [прибылей с капитала], но уничтожило бы самую возможность промышленности. Если рабочий принужден платить 100 за вещь, за которую он получил всего 80, если заработная плата в состоянии выкупить в продукте лишь стоимость, вложенную в него ею самою, то это равносильно утверждению, что рабочий не может ничего выкупить, что заработная плата ничего не может оплатить. Действительно в издержках производства [*prix-de-revient*] всегда заключается нечто большее, чем заработная плата рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринима-

Анализ мы дали в книге II, отдел III*.

2) Непонимание способа, посредством которого труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

3) Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к единичному капиталу, а по отношению ко всему капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, т. е. вся стоимость, созданная всем вновь присоединенным в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и еще в то же время сводиться к стоимости, ограниченной доходами; каким образом, далее, потребленный в производстве постоянный капитал может быть вещественно и по стоимости возмещен новым, несмотря на то, что вся сумма вновь присоединенного труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и исчерпывающе представлена в сумме стоимости обеих. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его

теля, например, цена сырого материала, часто уплаченная за границей... Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала; он забыл, что этот рост совершается для всех рабочих, для рабочих предприятий так же, как для ремесленников» («Revue des deux Mondes», 1848, т. 24, стр. 998). Мы имеем здесь перед собою образчик оптимизма буржуазного бессмыслия в наиболее соответствующей ему форме глубокомыслия. Во-первых, г. Форкад полагает, что рабочий не мог бы жить, если бы не получал, кроме стоимости, которую производит, более высокой стоимости, тогда как, наоборот, капиталистический способ производства был бы невозможен, если бы рабочий действительно получал стоимость, которую он производит. Во-вторых, он совершенно правильно обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой узкой форме. Цена товара содержит в себе излишек не только над заработной платой, но также и над прибылью, а именно постоянную часть стоимости. Таким образом и капиталист, согласно рассуждению Прудона, не мог бы выкупить товары на свою прибыль. Как же разрешает Форкад загадку? Бесмысленной фразой о росте капитала. Итак, постоянный рост капитала должен, между прочим, выражаться и в том, что анализ товарной цены, невозможный для экономиста при капитале в 100, делается излишним при капитале в 10 000. Что сказали бы о химике, который на вопрос: чем объясняется, что в сельскохозяйственном продукте содержится больше углерода, чем в самой почве? — ответил бы: это объясняется постоянным ростом сельскохозяйственного производства. Благонамеренное желание открыть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров заменяет в вульгарной экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию.

* К. Маркс: «Капитал», т. II, 1936, отдел III; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, отдел III. *Ред.*

различных составных частей, со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4) Но сюда присоединяется дальнейшее затруднение, которое еще усиливается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных по отношению друг к другу доходов. Затруднение это заключается в том, что твердые определения дохода и капитала взаимно меняются, меняют свое место, так что кажутся лишь относительными определениями с точки зрения единичного капиталиста, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства. Например, доход рабочих и капиталистов класса I, производящего постоянный капитал, возмещает и вещественно и по стоимости постоянный капитал капиталистов класса II, производящего средства потребления. Таким образом можно обойти затруднение посредством такого представления: то, что для одного — доход, для другого — капитал, а потому эти определения не имеют никакого отношения к действительному обособлению составных частей стоимости товара. Далее, товары, предназначенные в конце концов к тому, чтобы образовать вещественные элементы, на которые расходуется доход, т. е. средства потребления, например, шерстяная пряжа, сукно, проходят в продолжение года различные ступени. На одной ступени они образуют часть постоянного капитала, на другой — они потребляются индивидуально, следовательно, целиком входят в состав дохода. Можно, следовательно, вообразить себе вместе с А. Смитом, что постоянный капитал есть лишь мнимый элемент товарной стоимости, исчезающий в общей связи. Таким же образом происходит далее обмен переменного капитала на доход. Рабочий покупает на свою заработную плату часть товаров, составляющую его доход. Этим самым он в то же время возмещает для капиталиста денежную форму переменного капитала. Наконец, часть продуктов, образующих постоянный капитал, возмещается или *in natura* [в натуре], или посредством обмена между самими производителями постоянного капитала, — процесс, к которому потребители не имеют никакого касательства. Если упустить это из виду, то может возникнуть ложное представление, что доход потребителей возмещает весь продукт, следовательно, и постоянную часть стоимости.

5) Помимо путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные особенные формы дохода, самостоятельные по отношению одна к другой и относящиеся к различным элементам производства, в прибыль и ренту. Забывают, что

стоимости товаров являются основой и что распадение этой товарной стоимости на особенные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определенным категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и его законе. Так же мало изменяется закон стоимости тем обстоятельством, что уравнение прибыли, т. е. распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте) ставятся земельной собственностью на пути к этому уравнению, обуславливают отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на присоединение прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров как источника этих различных составных частей цены.

Здесь перед нами *quid pro quo* [путаница], которое мы рассматриваем в следующей главе и которое неизбежно связано с иллюзией, будто бы стоимость возникает из своих собственных составных частей. А именно, различные составные части стоимости товара приобретают в доходах самостоятельные формы, и в качестве таковых доходов их относят к отдельным вещественным элементам производства как к их источникам вместо того, чтобы отнести их, как к их источнику, к стоимости товара. Они действительно относятся к упомянутым особым источникам, но не как составные части стоимости, а как доходы, как составные части стоимости, достигающиеся этим определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику. Тем не менее можно вообразить, что эти составные части стоимости не происходят от разложения товарной стоимости, а, наоборот, образуют ее лишь своим соединением; тогда-то и получается великолепный порочный круг: стоимость товаров возникает из суммы стоимости заработной платы, прибыли, ренты, а стоимость заработной платы, прибыли, ренты, в свою очередь, определяется стоимостью товаров, и т. д.⁵⁴.

⁵⁴ «Оборотный капитал, затраченный на материалы, сырой материал и законченные произведения, сам состоит из товаров, необходимая цена которых составлена из тех же элементов, так что причислять эту часть оборотного капитала к элементам необходимой цены при рассмотрении совокупности товаров

При нормальном состоянии воспроизводства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно, на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный в производстве средств потребления, вещественных элементов дохода. Это уравнивается тем, что указанная постоянная часть не стоит классу II добавочного труда. Но постоянный капитал, который (если рассматривать весь процесс воспроизводства, в который, следовательно, включено и вышеуказанное уравнение классов I и II) не есть продукт вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, — этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить. (Далее, если рассматривать его со стороны стоимости,

страны значило бы допустить двойной счет» (Шторх, «Cours d'Ec. Pol.», II, стр. 140). Под этими элементами оборотного капитала Шторх разумеет (основной — это только измененная форма оборотного) постоянную часть стоимости. «Правда, что заработная плата рабочего, так же как и часть прибыли предпринимателя, которая состоит из заработных плат, если рассматривать их как часть средств существования, в свою очередь, составляются из товаров, купленных по рыночной цене и тоже заключающих в себе заработные платы, ренты на капиталы, земельные ренты и предпринимательские прибыли... это соображение служит лишь для того, чтобы доказать невозможность разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (там же, примечание). В своих «*Considérations sur la nature du revenu national*» (Paris 1824) Шторх в полемике с Сэем, правда, понимает всю нелепость, к которой приводит ошибочный анализ товарной стоимости, разлагающий ее только на доходы, и правильно оценивает всю бессмыслицу этих выводов — с точки зрения не единичных капиталистов, а нации, — но сам он не делает ни шага вперед в анализе *prix nécessaire* [необходимой цены], относительно которой он заявляет в своем «Cours», что необходимую цену нельзя разложить на ее действительные элементы, не отодвигая, в мнимом движении вперед, решения задачи до бесконечности. «Ясно, что стоимость годового продукта разделяется частью на капиталы, частью на прибыли и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, необходимые нации как для сохранения ее капитала, так и для обновления ее потребительного фонда (стр. 134, 135)... Может ли она (живущая своим трудом крестьянская семья) жить в своих ригах и конюшнях, питаться своими семенами и кормом для скота, одеваться в свой рабочий скот, развлекаться своими земледельческими орудиями? Согласно тезису г. Сэя, следовало бы ответить положительно на все эти вопросы (135, 136)... Если признать, что доход нации равняется ее валовому продукту, т. е. что из него не приходится вычитать капитала, то придется то же признать, что она может неизменно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не принеся ни малейшего ущерба своему будущему доходу (147). Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению» (стр. 150).

то и в этом отношении он может обесцениться вследствие изменения в производительной силе труда; однако это относится лишь к единичным капиталистам.) В соответствии с этим часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного продукта, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) представлен лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом. При этом дело несколько не изменяется от того, управляется ли этот страховой фонд страховым обществом как отдельное предприятие или нет. Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли она фактически как фонд накопления или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна сохраниться и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно потребляемая непосредственными производителями, не будет ограничена ее теперешним минимальным уровнем. Кроме прибавочного труда на тех, которые, благодаря своему возрасту, еще не могут или уже не могут принимать участие в производстве, отпадает какой бы то ни было труд на содержание тех, кто не работает. Если обратиться ко времени возникновения общества, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться *in natura* [в натуре] из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но природа непосредственно дает здесь жизненные средства, которых не приходится производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь очень малые потребности, время не на то, чтобы использовать еще не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, совершенно соответствует у дикаря обратному превращению прибавочного труда в новый капитал. В процессе накопления постоянно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство,

что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, т. е. из прибавочного труда, ведет к ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при ближайшем анализе показывает, что добавочный труд, — который всегда выступает в форме дохода, — служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а, поскольку она не потребляется как доход, для создания нового дополнительного капитала.

Все затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединенный труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, является в виде прибыли, — понимаемой здесь как форма прибавочной стоимости вообще, т. е. как стоимость, которая ничего не стоила капиталисту и которая поэтому, конечно, не должна возмещать ему ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому такая стоимость существует в форме свободного, добавочного богатства, короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал и как доход. Она частично уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом, ясно, что ежегодно присоединяемый труд создает как капитал, так и доход; что и обнаруживается в процессе накопления. Но часть рабочей силы, употребляемую на то, чтобы вновь произвести капитал (следовательно, по аналогии, та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать пищу, а на то, чтобы изготовлять орудие, посредством которого он присваивает пищу), потому становится нераспознаваемой, что весь продукт прибавочного труда прежде всего выступает в форме прибыли, — определение, которое в действительности не имеет ничего общего с самой этой прибавочной стоимостью, а касается только частного отношения капиталиста к инкассированной им прибавочной стоимости. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал, т. е. на средства потребления и добавочные средства производства. Но прежний, оставшийся от прошлого года, постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, *pro tanto* [соответственно] уничтожена, стало быть, поскольку прежний капитал не должен быть воспроизведен, — а такие нарушения процесса воспроизводства относятся к сфере страхования), рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединенного труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединенного труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потребленного постоянного капитала, хотя этот вновь присоединенный труд распадается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда *не есть* продукт этого вновь присоединенного труда, а уже существовавший и потребленный постоянный капитал; что поэтому та часть продукта, в которой представлена эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает *in natura* средства производства этого постоянного капитала; 2) что часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединенный труд, не потребляется *in natura* как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где она превращается в такую натуральную форму, в которой она может быть потреблена как доход, но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединенного труда.

Пока воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потребленный элемент постоянного капитала должен возмещаться *in natura* посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же дееспособности. Если производительная сила труда остается прежняя, то это натуральное возмещение включает возмещение той самой стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта может вполне возместить *in natura* постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет большей части продукта придать форму средств потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуются более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает, — если мы отвлечемся от исторически определенной экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал означает

не что иное, как применение части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. Что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, например, у дикаря он выступает как труд, непосредственно направленный на производство средств производства), означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается тем, кто не работает. Но что в действительности превращается в капитал, — это не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Что действительно превращается таким образом — это стоимость, овестьвленный труд, или продукт, в котором непосредственно представлена эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги. И тогда, когда прибыль превращается в капитал, не эта определенная форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала. Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — совершенно безразлично для овестьвления труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или: то, что представляет для одного доход, для другого представляет капитал, и потому это — просто субъективные отношения. Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа — лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было выяснено об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что, с точки зрения стоимости, входит с пряжей как составная часть в капитал ткача — это стоимость пряжи. Как части этой стоимости распределяются для самого прядильщика на капитал и доход, другими словами, на оплаченный и неоплаченный труд, — это совершенно безразлично для определения стоимости самого товара (если отвлечься от изменений,

обусловливаемых средней прибылью). Однако здесь таится еще на заднем плане представление, будто прибыль, вообще прибавочная стоимость, есть избыток над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, барышу от отчуждения. Если оплачивается цена производства или даже стоимость товара, оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Во-вторых, совершенно верно, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, могут быть сведены, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства распадаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма выражения того факта, что всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда. Но уже в первой книге было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая — переменную часть капитала и третья — только прибавочную стоимость.

Шторх выражает и мнение многих других, когда говорит: «Продукты, подлежащие продаже, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии двояким образом: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («*Consid. sur le revenu national*», стр. 19).

Во-первых, совершенно ложная абстракция: нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, рассматривать как собирательный организм [*Gesamtkörper*], работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается преобладающим [*vorherrschend*] в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

ВИДИМОСТЬ, СОЗДАВАЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЕЙ.

Уже было показано, что стоимость товаров, или регулируемая всею их стоимостью цена производства, распадается на:

1) Часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или представляет прежний труд, потребленный в форме средств производства при изготовлении товара; другими словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельные товары, а товарный капитал, т. е. ту форму, в которой представлен продукт капитала за определенный отрезок времени, например, за год; отдельный товар образует лишь элемент товарного капитала, который, впрочем, по своей стоимости распадается аналогично на те же самые составные части.

2) Часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собою доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату, которую рабочий, следовательно, воспроизвел в этой переменной части стоимости капитала; короче, часть стоимости, в которой представлена оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой постоянной части стоимости.

3) Прибавочную стоимость, т. е. часть стоимости товарного продукта, в которой представлен неоплаченный или прибавочный труд. Эта последняя часть стоимости принимает, в свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как функционирующего капитала) и форму земельной ренты, которая достается собственнику земли, участвующей [mitwirkenden] в процессе производства. Составные части 2) и 3), т. е. та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода — в виде заработной платы (конечно, лишь после того, как последняя предварительно прошла через форму переменного капитала), прибыли и ренты — отличается от постоянной составной части 1) тем, что к ней сводится вся та стоимость, в которой овещается труд, вновь присоединенный

к этой постоянной части, к средствам производства товара. Если же оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, таким образом, представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода — на заработную плату, прибыль и ренту⁵⁵, соответствующие величины стоимости которых, т. е. те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, выведенными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, норма прибыли и норма ренты образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается, — если оставить в стороне постоянную составную часть, — стоимость товара; другими словами неверно было бы утверждение, что они образуют слагающие составные части товарной стоимости или цены производства⁵⁶.

Легко заметить, в чем тут разница.

Допустим, что стоимость продукта капитала, равного 500, будет $400c + 100v + 150m = 650$; $150m$ распадаются, в свою очередь, на 75 прибыли + 75 ренты. Допустим, далее, чтобы устранить

⁵⁵ При распадении стоимости, присоединенной к постоянной части капитала, на заработную плату, прибыль и земельную ренту получаются, само собою разумеется, части стоимости. Их можно, конечно, представить себе существующими в непосредственном продукте, в котором представлена эта стоимость, т. е. в непосредственном продукте, который произвели рабочие и капиталисты данной особой сферы производства, например, бумагопрядения, следовательно, в пряже. Однако в действительности они представлены в этом продукте не больше и не меньше, чем в каком-либо другом товаре, чем в какой-либо другой составной части вещественного богатства той же самой стоимости. Ведь на практике заработная плата уплачивается деньгами, то есть в чистом выражении стоимости; то же верно по отношению к проценту и ренте. И в самом деле, для капиталиста превращение его продукта в чистое выражение стоимости имеет большое значение; оно уже предполагается при самом распределении. Превращаются ли эти стоимости обратно в тот же самый продукт, в тот же самый товар, из производства которого они возникли, покупает ли рабочий обратно часть непосредственно произведенного им продукта, или же он покупает продукт другого и качественно отличного [andersgearteter] труда — все это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Г-н Родбертус обнаруживает совершенно бесполезное рвение по этому вопросу.

⁵⁶ «Достаточно заметить, что то же самое общее правило, которое регулирует стоимость сырого продукта и мануфактурных товаров, приложимо также и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы, не от ренты, выплачиваемой за рудники, но от всего количества труда, необходимого для того, чтобы добыть металл и доставить его на рынок» (Рикардо, «Princ.», гл. III, стр. 77 [русс. пер., стр. 44]).

ненужные трудности, что это капитал среднего состава, так что его цена производства совпадает с его стоимостью; совпадение, всегда имеющее место, раз продукт этого единичного капитала может рассматриваться как продукт соответствующей его величине части всего капитала.

Здесь заработная плата, измеряемая переменным капиталом, составляет 20% авансированного капитала; прибавочная стоимость, отнесенная ко всему капиталу, 30%, а именно 15% прибыли и 15% ренты. Вся та составная часть стоимости товара, в которой овеществлен вновь присоединенный труд, равна $100v + 150m = 250$. Величина ее не зависит от того, что она распадается на заработную плату, прибыль и ренту. Соотношение этих последних частей показывает нам, что рабочая сила, оплаченная сотнею, скажем, фунтов стерлингов, доставила количество труда, выражающееся в сумме денег, равной 250 ф. ст. Мы видим отсюда, что рабочий выполнил прибавочного труда в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем труда для самого себя. Если рабочий день = 10 часам, он работал 4 часа для себя и 6 часов для капиталиста. Итак, труд рабочих, оплаченных 100 ф. ст., выражается в денежной стоимости 250 ф. ст. За исключением этой стоимости в 250 ф. ст. ничего не приходится делить между рабочим и капиталистом, между капиталистом и земельным собственником. Такова вся стоимость, присоединенная к стоимости средств производства, равной 400. Поэтому произведенная указанным образом и определяемая количеством овеществленного в ней труда товарная стоимость в 250 составляет предел тех дивидендов, которые рабочий, капиталист и земельный собственник могут извлечь из этой стоимости в форме заработной платы, прибыли и ренты.

Пусть капитал с тем же самым органическим составом, т. е. с тем же самым отношением между примененной живой рабочей силой и приведенным в движение постоянным капиталом, вынужден платить 150 ф. ст. вместо 100 ф. ст. за ту же самую рабочую силу, приводящую в движение постоянный капитал, равный 400; пусть, далее, прибавочная стоимость распадается опять-таки в новом отношении на прибыль и ренту. Так как предполагается, что теперь переменный капитал в 150 ф. ст. приводит в движение ту же самую массу труда, какая раньше приводилась в движение капиталом в 100 ф. ст., то вновь произведенная стоимость была бы попрежнему = 250 и стоимость всего продукта попрежнему = 650, но мы имели бы тогда $400c + 150v + 100m$; и эти 100 m распадались бы, скажем, на 45 прибыли и 55 ренты. Пропорция, в которой вся вновь произведенная стоимость распределяется теперь между за-

рабочной платой, прибылью и рентой была бы совершенно иная; совершенно иной была бы также величина всего авансированного капитала, хотя он приводит в движение ту же самую совокупную массу труда, что и раньше. Заработная плата составляла бы $27\frac{3}{11}\%$, прибыль — $8\frac{2}{11}\%$, рента — 10% авансированного капитала; следовательно, вся прибавочная стоимость несколько более 18% .

Вследствие повышения заработной платы изменилась бы величина неоплаченной части всего труда, а тем самым и величина прибавочной стоимости. При десятичасовом рабочем дне рабочему приходилось бы теперь 6 часов работать на себя и лишь 4 часа на капиталиста. Изменилось бы также отношение между прибылью и рентой; уменьшенная прибавочная стоимость делилась бы между капиталистом и земельным собственником в новой пропорции. Наконец, вследствие того, что стоимость постоянного капитала осталась неизменной, а стоимость авансированного переменного капитала возросла, уменьшенная прибавочная стоимость выражалась бы в еще более пониженной норме валовой прибыли [Bruttoprofitrate], причем под последней мы разумеем здесь отношение всей прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу.

Изменение в стоимости заработной платы, в норме прибыли и норме ренты, каково бы ни было действие законов, регулирующих взаимоотношение этих частей, может совершаться лишь в границах, определяемых величиной вновь созданной товарной стоимости = 250. Исключение могло бы иметь место лишь в том случае, если бы рента покоилась на монопольной цене. Это несколько не изменило бы закона, но лишь усложнило бы исследование. Ибо если бы мы в этом случае стали рассматривать только самый продукт, то изменение обнаружилось бы лишь в распределении прибавочной стоимости; если же мы стали бы рассматривать относительную стоимость этого продукта по сравнению с другими товарами, то мы нашли бы лишь то различие, что часть прибавочной стоимости последних переносится на этот специфический товар.

Повторяем вкратце:

Стоимость продукта	Новая стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма валовой прибыли
Первый случай: $400c + 100v + 150m = 650 \dots$	250	150%	30%
Второй случай: $400c + 150v + 100m = 650 \dots$	250	$66\frac{2}{3}\%$	$18\frac{2}{11}\%$

Прежде всего прибавочная стоимость понизилась на одну треть своей прежней величины, с 150 до 100. Норма прибыли понизилась несколько более, чем на одну треть, с 30 до 18%, так как уменьшенная прибавочная стоимость исчисляется теперь на возросший авансированный совокупный капитал. Но и она упала далеко не в том отношении, как норма прибавочной стоимости. Эта последняя с $\frac{150}{100}$ упала до $\frac{100}{150}$, т. е. с 150 до $66\frac{2}{3}\%$, в то время как норма прибыли понизилась лишь с $\frac{150}{500}$ до $\frac{100}{550}$, или с 30 до $18\frac{2}{11}\%$. Таким образом норма прибыли падает относительно больше, чем масса, но меньше, чем норма прибавочной стоимости. Далее, мы видим, что стоимости, как и массы продуктов, остаются неизменными, раз применяется то же самое количество труда, хотя авансированный капитал вследствие увеличения его переменной составной части увеличился. Это возрастание авансированного капитала оговзвалось бы, конечно, очень чувствительно на капиталисте, начинающем новое предприятие. Но с точки зрения воспроизводства в целом возрастание переменного капитала означает лишь одно, — что бо́льшая часть стоимости, вновь созданной при помощи вновь присоединенного труда, превращается в заработную плату и, стало быть, прежде всего в переменный капитал вместо того, чтобы превращаться в прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Следовательно, стоимость продукта остается неизменной, так как она ограничена, с одной стороны, постоянной капитальной стоимостью = 400, с другой стороны — числом 250, в котором представлен вновь присоединенный труд. Но обе эти величины остались неизменными. Продукт этот, поскольку он сам снова входит в постоянный капитал, представляет в данной величине стоимости ту же, что и прежде, массу потребительной стоимости; следовательно, та же самая масса элементов постоянного капитала сохраняет ту же самую стоимость. Иначе обстояло бы дело в том случае, если бы заработная плата повысилась не потому, что рабочий стал получать бо́льшую долю своего собственного труда, но если бы он стал получать бо́льшую долю своего собственного труда потому, что упала производительность труда. Тогда вся стоимость, в которой выражается то же самое количество труда — оплаченного и неоплаченного — осталась бы неизменной; но масса продукта, в которой представлено это количество труда, уменьшилась бы и, следовательно, возросла бы цена каждой соответственной части продукта, так как каждая такая часть представляет теперь большее количество труда. Повышенная за-

работная плата в 150 представляла бы не более продукта, чем прежняя заработная плата в 100; пониженная прибавочная стоимость в 100 представляла бы лишь $\frac{2}{3}$ того продукта, $66\frac{2}{3}\%$ той массы потребительных стоимостей, которая прежде выражалась в 100. В этом случае вздорюжал бы и постоянный капитал, поскольку в него входит этот продукт. Но это не было бы следствием повышения заработной платы, — а, наоборот, повышение заработной платы было бы следствием вздорюжания товаров и следствием пониженной производительности того же самого количества труда. Здесь возникает иллюзия, будто повышение заработной платы удорожило продукт; в действительности повышение это является не причиной, а результатом изменения стоимости товаров вследствие пониженной производительности труда.

Если, наоборот, при прочих равных условиях, — т. е. при том условии, что прежнее количество затраченного труда было бы представлено, как и раньше, в 250, — повысилась или упала бы стоимость средств производства, примененных трудом, то и стоимость той же массы продукта повысилась бы или упала на ту же самую величину. $450c + 100v + 150m$ составляет стоимость продукта = 700, тогда как $350c + 100v + 150m$ дает для стоимости той же самой массы продукта лишь 600, вместо прежних 650. Следовательно, когда растет или уменьшается авансированный капитал, приводимый в движение тем же самым количеством труда, тогда, при прочих равных условиях, увеличивается или падает стоимость продукта, — раз увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости постоянной части капитала. Наоборот, она не изменяется, если увеличение или уменьшение авансированного капитала вызвано изменением величины стоимости переменной части капитала при неизменной производительной силе труда. Увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала не компенсируется никаким противоположным движением. Увеличение же или уменьшение переменного капитала при неизменяющейся производительности труда компенсируется обратным движением прибавочной стоимости, так что стоимость переменного капитала плюс прибавочная стоимость, т. е. стоимость, вновь присоединенная трудом к средствам производства и вновь созданная в продукте, остается неизменной.

Напротив, если увеличение или уменьшение стоимости переменного капитала или заработной платы есть следствие вздорюжания или понижения цены товаров, т. е. следствие уменьшения или увеличения производительности труда, примененного в данном

вложении капитала, то это отразится на стоимости продукта. Но повышение или понижение заработной платы является здесь не причиной, а только следствием.

Если бы, напротив, в вышеприведенном примере, при неизменном постоянном капитале $= 400c$, изменение $100v + 150m$ в $150v + 100m$, т. е. возрастание переменного капитала явилось следствием понижения производительной силы труда не в данной отрасли производства, например, в бумагопрядении, но, скажем, в земледелии, доставляющем рабочему пищевые продукты, — следовательно, явилось результатом вздорожания этих пищевых продуктов, то стоимость продукта не изменилась бы. Стоимость в 650 теперь, как и прежде, была бы представлена в той же самой массе хлопчатобумажной пряжи.

Из вышеизложенного вытекает, далее, следующее: если благодаря экономии и т. п. уменьшаются затраты постоянного капитала в тех отраслях производства, продукты которых входят в потребление рабочего, то это в такой же степени, как и непосредственное возрастание производительности самого затрачиваемого труда, может привести к уменьшению заработной платы, так как удешевляет жизненные средства рабочего, — может привести, следовательно, к повышению прибавочной стоимости; так что норма прибыли возросла бы здесь по двум причинам: во-первых, потому что уменьшается стоимость постоянного капитала и, во-вторых, потому что увеличивается прибавочная стоимость. Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, мы предполагали, что заработная плата не понижается, а остается постоянной, так как там мы должны были исследовать колебания нормы прибыли, независимо от изменения нормы прибавочной стоимости. Кроме того, выясненные нами там законы имеют общий характер, они применимы также и к тем вложениям капитала, продукты которых не входят в потребление рабочего, изменение стоимости продукта которых, следовательно, не оказывает влияния на заработную плату.

Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или к постоянному капиталу при помощи вновь прилагаемого труда, — обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, нисколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями; совершенно

так же, как изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы, этой данной величины стоимости. Данное число 100 остается всегда тем же самым, разложим ли мы его на $50 + 50$, или на $20 + 70 + 10$, или на $40 + 30 + 30$. Та часть стоимости продукта, которая распадается на эти доходы, определена совершенно так же, как и постоянная часть стоимости капитала, стоимостью товаров, т. е. количеством труда, овеществленного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана масса товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, — дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих отдельных категорий, то их средние и регулирующие границы также даны. Заработная плата образует базис такого их ограничения. Она, с одной стороны, регулируется естественным законом; ее минимальная граница дана физическим минимумом жизненных средств, необходимых рабочему для поддержания и воспроизводства своей рабочей силы, — дана, следовательно, определенным количеством товаров. Стоимость этих товаров определяется рабочим временем, которое требуется для их воспроизводства, и, тем самым, той частью труда, вновь присоединяемого к средствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых жизненных средств. Если, например, средняя стоимость его жизненных средств за день равняется по стоимости 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день. Действительная стоимость его рабочей силы отклоняется от этого физического минимума; она различна в зависимости от климата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второю природою. Но в каждой стране и в каждый данный период эта регулирующая средняя заработная плата является данной величиной. Таким образом стоимость всех остальных доходов получает границу. Она всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает с средним рабочим днем, так как он охватывает всю массу труда, приведенную в движение всем общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Ее граница, следовательно, дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, т. е. количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости

своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего дня — та, в которой представлен прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собою прибавочную стоимость, — находит свою границу в физическом максимуме рабочего дня, т. е. в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы. Так как в настоящем исследовании дело идет о распределении той стоимости, в которой представлен весь труд, вновь присоединяемый в течение года, то рабочий день может рассматриваться здесь как величина постоянная, и предполагается как таковая, независимо от того, много ли или мало он отклоняется от своего физического максимума. Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и распадается на прибыль и земельную ренту, таким образом дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой этот прибавочный труд находит свое осуществление. Если мы назовем, как я это сделал, прибылью прибавочную стоимость, ограниченную этими пределами и исчисленную на весь авансированный капитал, то прибыль эта, рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна прибавочной стоимости, и, следовательно, границы ее определены столь же закономерно, как и границы этой последней. Но высота нормы прибыли также есть величина, включенная в известные границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение всей прибавочной стоимости ко всему общественному капиталу, авансированному на производство. Если этот капитал = 500 (скажем, миллионов), а прибавочная стоимость = 100, то 20% образуют абсолютную границу нормы прибыли. Распределение общественной прибыли сообразно этой норме между капиталами, вложенными в различные сферы производства, создает отклоняющиеся от стоимостей товаров цены производства, которые и являются действительно регулируемыми средними рыночными ценами. Но отклонение это не снимает ни определения цен стоимостями, ни закономерных границ прибыли. Если стоимость товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс заключающаяся в нем прибавочная стоимость, то цена производства товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс прибавочная стоимость, которая приходится на его долю сообразно общей норме прибыли, например, 20% на капитал, авансированный для произ-

водства этого товара, как на действительно потребленный, так и просто примененный капитал. Но эта надбавка в 20% сама определяется прибавочной стоимостью, созданной всем общественным капиталом, и ее отношением к стоимости капитала; именно поэтому она составляет 20%, а не 10 или 100. Таким образом превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, — распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению ко всему капиталу. Рыночные цены поднимаются выше и падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если рассмотреть таблицы цен за продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительной силы труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительно узкими пределами отклонений и затем регулярностью, с которой такие отклонения уравниваются. Мы найдем здесь то господство регулирующих средних, которое Кетле указал для общественных явлений. Если выравнивание товарных стоимостей в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, т. е. ограничивается выравниванием тех сверхприбылей, которые регулирующая цена производства доставила бы известной части капиталистов и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь рента находит свою определенную границу стоимости в тех отклонениях индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства при посредстве общей нормы прибыли. Если земельная собственность ставит препятствия выравниванию товарных стоимостей в цены производства и присваивает себе абсолютную ренту, то эта последняя ограничена избытком стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости сверх прибыли, выпадающей на долю капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта разница образует здесь границу ренты, которая опять-таки составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости.

Наконец, если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие

в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, все же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, но такое нарушение оставило бы границу самой прибавочной стоимости неизменной. Если бы товар с такой монопольной ценой входил в число предметов необходимого потребления рабочего, он повысил бы заработную плату и тем самым понизил бы прибавочную стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивали бы всю стоимость его рабочей силы. Такой товар мог бы понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, но лишь поскольку заработная плата превышает границу своего физического минимума. Здесь монопольная цена уплачивалась бы путем вычета из реальной заработной платы (т. е. из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим путем данного количества труда) и из прибыли других капиталистов. Границы, в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, были бы твердо определены и подавались бы точному учету.

Итак, подобно тому, как распределение стоимости товаров, вновь присоединенной и вообще разлагающейся на доходы, находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и разделение самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту находит свои границы в законах, регулирующих уравнение норм прибыли. Что касается расщепления на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она дает ту определенную величину стоимости, в границах которой это разделение должно произойти и только и может произойти. Определенная пропорция, в которой происходит разделение, здесь носит случайный характер, т. е. определяется исключительно отношениями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, т. е. уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим. Но почему? Потому, что один

и тот же фактор производства, капитал, должен распределить достающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определенной закономерной границы для раздела средней прибыли, не снимает границ последней, как части товарной стоимости, — так же, как граница прибыли предприятия не затрагивается тем фактом, что два его компаньона по каким-либо внешним обстоятельствам делят между собою эту прибыль не поровну.

Если, следовательно, та часть товарной стоимости, в которой представлен труд, вновь присоединенный к стоимости средств производства, распадается на различные части, приобретающие затем в виде доходов самостоятельные по отношению друг к другу формы [Gestalten], то отсюда еще отнюдь не следует, что заработную плату, прибыль и ренту надо рассматривать как конституирующие элементы, из соединения, или суммы, которых возникает регулирующая цена (natural price, prix nécessaire [естественная цена, необходимая цена]) самих товаров; таким образом не товарная стоимость — по вычете из нее постоянной части стоимости — была бы первоначальным единством, которое распадается на указанные три части, а, наоборот, цена каждой из этих трех частей определялась бы самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых величин получалась бы цена товара. В действительности стоимость товара есть величина, заранее данная, это есть совокупность всей суммы стоимости заработной платы, прибыли и ренты, каковы бы ни были относительные величины этих последних. При указанном же ложном понимании заработная плата, прибыль и рента суть три самостоятельные величины стоимости, совокупная величина которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости.

Прежде всего ясно, что если бы заработная плата, прибыль и рента конституировали цену товаров, то это в равной степени должно было бы относиться как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой представлены переменный капитал и прибавочная стоимость. Эта постоянная часть может, следовательно, быть при этом оставлена без внимания, так как стоимость товаров, из которых она состоит, точно так же сводилась бы к сумме стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Как уже было показано, этот взгляд отрицает даже самое существование такой постоянной части стоимости.

Ясно, далее, что здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены в том смысле, что владельцам

рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги — не вещь, а определенная форма стоимости, следовательно, опять-таки предполагают стоимость. Итак, пусть определенное количество золота или серебра уплачивается за эти элементы производства или приравнивается этому количеству мысленно. Но ведь золото и серебро (и просвещенный экономист гордится тем, что он это уразумел) сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой. Таким образом, мы не можем заработную плату, прибыль и ренту определять тем, что они приравниваются известному количеству золота и серебра, так как стоимость этого золота и серебра, в которой они должны быть оценены, как в своем эквиваленте, должна раньше быть оценена как раз ими, независимо от золота и серебра, т. е. независимо от стоимости всякого товара, которая сама как раз есть продукт указанных трех факторов. Итак, сказать, будто стоимость заработной платы, прибыли и ренты состоит в том, что они равны известному количеству золота и серебра, значило бы лишь сказать, что они равны известному количеству заработной платы, прибыли и ренты.

Возьмем прежде всего заработную плату. Ибо и с этой точки зрения следует исходить из труда. Как же определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, около которой колеблются ее рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идет здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносильен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать прежде всего, что такое капитал. Из чего состоит капитал? Возьмем самое простое его проявление [*Erscheinung*]: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит, из товаров. Но стоимость товаров, по предположению, определяется, в первую очередь, ценою производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, и эта цена в первую очередь регулируется ценою труда, а цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, уделаемый

рабочему в обмен на его труд; а цена товаров, из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь определяется опять-таки ценою труда; ибо цена товаров определяется ценою заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того, чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции несколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем тогда будет определяться заработная плата? Конкуренцией. Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала определять, что благодаря равновесию ее обеих противоположно направленных сил она перестает оказывать влияние. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, т. е. не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее.

Не остается ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего. Но эти жизненные средства — товары, имеющие цену. Следовательно, цена труда определяется ценою необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценою труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценою жизненных средств, определяется ценою труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не узнаем.

Но допустим, что столь утешительным способом мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, чтобы производители в пределах одной и той же сферы производства

продавали свои товары по одинаковым ценам, а в пределах различных отраслей производства — по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной частично заработной платой. Конкуренция может поэтому лишь уравнивать различия в норме прибыли. Для того чтобы возможно было уравнивать неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже быть налицо. Конкуренция ее не создает. Она повышает или понижает ее, но не создает того уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, с своей стороны, регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли появляется при равновесии сил конкурирующих между собою капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая выступает при этом равновесии. Почему, когда такое равновесие достигнуто, общая норма прибыли = 10 или 20 или 100%? Вследствие конкуренции? Но, как раз наоборот, конкуренция устраняла причины, вызывавшие отклонения от 10 или 20 или 100%. Она привела к товарной цене, при которой каждый капитал дает одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь все снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена 10 или 20 или 100?

Следовательно, не остается ничего другого, как объяснить норму прибыли, а потому и прибыль, как непостижимым образом определяемую надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной величиной — вот единственное, что говорит нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, когда мы говорили об общей норме прибыли, о «необходимой цене» прибыли.

Совершенно нет нужды опять проследить этот бесплодный ход рассуждений в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведенный сколько-нибудь последовательно, он приводит лишь к тому, что прибыль и рента оказываются просто надбавкой, определяемой совершенно непостижимыми законами, к цене товаров, определяемой, в первую очередь, заработной платой. Короче, конкуренция должна объяснить все бессмыслицы экономистов, между тем как экономисты, наоборот, должны были бы объяснить конкуренцию.

Если оставить в стороне ту фантазию, будто прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, т. е. возникают из продажи, обращение же не может дать ничего такого, что ему самому не было предварительно дано, — то дело сводится просто к следующему:

Пусть цена товара, определяемая заработной платой, = 100; норма прибыли 10% на заработную плату и рента 15% на заработную плату. Тогда цена товара, определяемая суммой заработной платы, прибыли и ренты, = 125. Эти 25 надбавки не могут возникнуть из продажи товара. Потому что все, продающие друг другу товары, продают за 125 то, что каждому из них стоило 100 заработной платы; результат получается тот же, как если бы все они продавали по 100. Следовательно, операция эта должна быть рассмотрена независимо от процесса обращения.

Если трое делят самый товар, который теперь стоит 125, — а дело несколько не изменится, если капиталист сначала продаст товар за 125, а потом уплатит рабочему 100, себе самому 10 и землевладельцу 15, — то рабочий получает $\frac{4}{5} = 100$ стоимости и продукта. Капиталист получает $\frac{2}{25}$ стоимости и продукта, а получатель земельной ренты — $\frac{3}{25}$. Продав за 125 вместо 100, капиталист отдает рабочему лишь $\frac{4}{5}$ того продукта, в котором представлен труд последнего. Следовательно, результат получился бы тот же самый, если бы он дал рабочему 80, удержав 20, из которых 8 пришлось бы на его долю и 12 на долю получателя земельной ренты. Он тогда продал бы товар по его стоимости, так как в действительности надбавки к цене суть повышения, независимые от стоимости товара, которая при допущенном выше предположении определяется стоимостью заработной платы. Таким образом окольным путем это свелось бы к тому, что, при данном представлении, слова «заработная плата», 100 — означают стоимость продукта, т. е. сумму денег, в которой представлено это определенное количество труда, но что стоимость эта все-таки отлична от реальной заработной платы и, следовательно, оставляет некоторый избыток. Только этот избыток улавливается путем номинальной надбавки к цене. Следовательно, если бы заработная плата была 110 вместо 100, то прибыль должна бы быть = 11, и земельная рента = $16\frac{1}{2}$, стало быть, цена товара = $137\frac{1}{2}$. Отношение осталось бы при этом без изменения. Но так как деление осуществлялось бы всегда путем номинальной надбавки определенных процентов к заработной плате, то цена повышалась бы и падала бы вместе с заработной платой. Заработная плата сначала приравнивается здесь к стоимости товара и затем снова отделяется

от этой последней. В действительности же дело сводится бессодержательным окольным путем к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, стоимость же заработной платы — ценою необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потребленных при их производстве средств производства; распадение этой данной суммы стоимости, определенной количеством труда, овегцественного в товарном продукте, на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты вид самостоятельных независимых друг от друга форм дохода, — это распадение представляется на открытой для всех поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов последнего, в совершенно извращенном виде.

Пусть вся стоимость какого-либо товара = 300, из которых 200 составляют стоимость потребленных при его производстве средств производства, или элементов постоянного капитала. Остаются, следовательно, 100 как сумма новой стоимости, присоединенной к этому товару в процессе его производства. Эта новая стоимость в 100 исчерпывает собою все, что может подлежать разделению между тремя формами дохода. Если заработная плата = x , прибыль = y , земельная рента = z , то в рассматриваемом случае сумма $x + y + z$ всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это происходит совсем не так. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потребленных на его изготовление средств производства дана равной 100, которые распадаются затем на x , y и z . Напротив, для них цена товара слагается просто из величин стоимости заработной платы, прибыли и ренты, которые определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что x , y и z даны и определены каждый самостоятельно и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара как результат сложения этих составных частей, образующих его стоимость. Такое *quid pro quo* [путаница] неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы, которые относятся как таковые к трем совершенно отличным друг от друга факторам производства: труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возни-

кают из этих последних. Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответственных собственников и потому превращаются для них в доходы. Но стоимость не возникает из превращения в доход, она должна быть уже налицо, прежде чем она получит возможность превратиться в доход, принять этот вид. Видимость обратного укрепляется тем сильнее, что определение относительной величины этих трех частей по отношению друг к другу совершается по разнородным законам, связь которых с самою стоимостью товаров и ограничение которых стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности.

Во-вторых: как мы уже видели, общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает одни из них и понижает другие в зависимости от среднего состава капитала в соответственных сферах производства. Таким образом здесь, по крайней мере в некоторых отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие ее понижения. Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения. Если, напротив, повышение заработной платы является местным, если оно происходит лишь в отдельных отраслях производства под влиянием особых условий, то может иметь место соответственное номинальное повышение цен этих товаров. Такое повышение относительной стоимости одного сорта товаров по сравнению с другими, для которых заработная плата остается неизменной, является тогда лишь реакцией против местного нарушения равномерности в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, средством уравнивания особых норм прибыли в общую норму. «Опыт», который здесь получается, опять таков, что цена определяется заработной платой. Итак, опыт в обоих случаях показывает одно, — что заработная плата определяет товарные цены. Чего опыт не показывает, — это скрытой причины этой зависимости. Далее: средняя цена труда, т. е. стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых жизненных средств. Если повышается или понижается вторая, то повышается или понижается и первая. Опыт обнаруживает здесь опять-таки лишь существование связи между заработной платой и ценой товаров; но причина может представляться следствием, а следствие причиной, что и имеет

место при движении рыночных цен, где повышение заработной платы выше средней соответствует связанному с периодом расцвета повышению рыночных цен выше цен производства, а следующее затем падение заработной платы ниже средней соответствует падению рыночных цен ниже цен производства. Если оставить в стороне колебательное движение рыночных цен, то зависимости цен производства от стоимости товаров должен бы соответствовать в непосредственном опыте *prima facie* тот факт, что при повышении заработной платы понижается норма прибыли и наоборот. Но мы уже видели, что норма прибыли может определяться изменениями в стоимости постоянного капитала, независимыми от изменений заработной платы; так что заработная плата и норма прибыли могут изменяться не в противоположном, а в одном и том же направлении, могут одновременно повышаться или падать. Если бы норма прибыли непосредственно совпадала с нормой прибавочной стоимости, это было бы невозможно. Равным образом при повышении заработной платы, вызванном ростом цен жизненных средств, норма прибыли может остаться неизменной или даже повыситься вследствие большей интенсивности труда или удлинения рабочего дня. Все эти данные опыта подтверждают иллюзию, вызванную самостоятельной, искаженной формой составных частей стоимости, будто одна заработная плата или заработная плата вместе с прибылью определяют стоимость товаров. Раз вообще такая иллюзия имеет место по отношению к заработной плате, раз кажется, будто цена труда совпадает со стоимостью, произведенной трудом, то, по отношению к прибыли и ренте это разумеется само собою. Их цены, т. е. их денежные выражения, должны в этом случае регулироваться независимо от труда и созданной последним стоимости.

В-третьих: допустим, что стоимости или только по видимости независимые от последних цены производства в непосредственном опыте всегда совпадают с рыночными ценами товаров вместо того, чтобы проявляться лишь как регулирующие средние цены посредством постоянной компенсации непрерывных колебаний рыночных цен. Допустим, далее, что воспроизводство совершается всегда при одних и тех же неизменных условиях, так что производительность труда во всех элементах капитала остается постоянной. Допустим, наконец, что та часть стоимости товарного продукта, которая в каждой сфере производства образуется путем присоединения к стоимости средств производства нового количества труда, следовательно, новой стоимости, — распадается в неизменной пропорции на заработную плату, прибыль и ренту, так

что действительно выплаченная заработная плата, фактически реализованная прибыль и фактическая рента всегда непосредственно совпадают: со стоимостью рабочей силы, с той частью всей прибавочной стоимости, которая, в силу средней нормы прибыли, причитается каждой самостоятельно функционирующей части всего капитала и с пределами, в которые normaliter [нормально] заключена земельная рента на данном базисе. Допустим, одним словом, что распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции.

Итак, при этих предположениях, когда стоимость товаров была бы и проявлялась бы как величина постоянная; когда часть стоимости товарного продукта, распадающаяся на доходы, оставалась бы постоянной величиной и именно таковой и представлялась бы; когда, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распадалась бы на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции, — даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы представляться в извращенном виде: не как распадение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе, составляющих ее элементов заработной платы, прибыли и земельной ренты. Такая видимость возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данная при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, функционируют как предпосылка стоимости товаров. Прежде всего отдельному капиталисту, как мы уже видели, издержки производства товара кажутся величиной данной и в действительной цене производства всегда выступают в качестве такой величины. Но издержки производства равны стоимости постоянного капитала, авансированных средств производства, плюс стоимость рабочей силы, которая, однако, представляется агенту производства в иррациональной форме цены труда, так что заработная плата представляется в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина данная, так как стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства. Что же касается той части стоимости товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается не тем, что принимает эту форму заработной платы, не тем, что капиталист

авансирует рабочему под формой [Erscheinungsform] заработной платы его долю в его собственном продукте, но тем, что рабочий производит эквивалент, соответствующий его заработной плате, т. е. в течение известной части своего ежедневного или годового труда производит стоимость, содержащуюся в цене его рабочей силы. Но заработная плата устанавливается договором раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент стоимости. Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара, отрывающеюся в самостоятельной форме от совокупной стоимости товара, а, наоборот, величиной данной, определяющей собою заранее эту совокупную стоимость, т. е. представляется фактором, образующим стоимость и цену. Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, ибо цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит практически в представления и расчеты самого капиталиста как регулирующий элемент, — и не только в том смысле, что она определяет собою перенесение капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и договорах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период. Но поскольку это так, средняя прибыль является заранее данной величиной и действительно не зависит от стоимости и прибавочной стоимости, создаваемой в каждой особенной отрасли производства, тем более при каждом отдельном вложении капитала в пределах каждой такой отрасли. Средняя прибыль в своем внешнем проявлении кажется не результатом расщепления стоимости, а, наоборот, величиной, независимой от стоимости товарного продукта, заранее данной в процессе производства товаров и определяющей самую среднюю цену товаров, т. е. фактором, образующим стоимость. При этом прибавочная стоимость вследствие распада ее различных частей на совершенно независимые друг от друга формы представляется в еще более конкретной форме предпосылкой образования стоимости товаров. Часть средней прибыли в форме процента самостоятельно противопоставляется функционирующему капиталисту как элемент, предпосланный [vorausgesetztes Element] производству товаров и их стоимости. Как бы ни колебалась величина процента, она тем не менее в каждый момент и для каждого капиталиста есть величина данная, которая

для него, единичного капиталиста, входит в состав издержек производства производимых им товаров. Такую же роль для земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме, установленной договором арендной платы, и для других предпринимателей—арендная плата за помещения для предприятий. Так как эти части, на которые распадается прибавочная стоимость, для каждого отдельного капиталиста являются данными элементами его издержек производства, то кажется, будто они, наоборот, образуют прибавочную стоимость, образуют одну часть товарной цены, подобно тому, как заработная плата образует ее другую часть. Тайна, вследствие которой эти продукты разложения товарной стоимости всегда кажутся предпосылками образования стоимости, состоит просто в том, что капиталистический способ производства, как и всякий другой, непрерывно воспроизводит не только материальный продукт, но и общественные экономические отношения, экономические определенности формы его образования. Поэтому результат этого процесса производства столь же неизменно принимает вид его предпосылок, как его предпосылки — вид его результата. И как раз это непрерывное воспроизводство тех же самых отношений антиципируется отдельным капиталистом как сам собою разумеющийся, не подлежащий никакому сомнению факт. Пока продолжает существовать капиталистическое производство как таковое, одна часть вновь присоединенного труда постоянно превращается в заработную плату, другая— в прибыль (процент и предпринимательский доход), третья — в ренту. При заключении договоров между собственниками различных факторов производства это является предпосылкой, и эта предпосылка правильна, как бы ни колебались в каждом единичном случае относительные величины. Та определенная форма [Gestalt], в которой противостоят друг другу части стоимости, является предпосылкой, потому что она постоянно воспроизводится, и она постоянно воспроизводится, потому что является неизменной предпосылкой.

Впрочем, опыт и поверхность явлений показывают также, что, рассматриваемые со стороны их величины, рыночные цены, во влиянии которых капиталист действительно видит единственное определение стоимости, — что эти рыночные цены отнюдь не зависят от указанных антиципаций, отнюдь не соотносятся с тем, высоки ли или низки процент или рента, предусмотренные договором. Но рыночные цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние заработной платы, прибыли и ренты, как величины

постоянные и, следовательно, в последнем счете господствующие над рыночными ценами.

С другой стороны, весьма простой кажется следующая мысль: раз заработная плата, прибыль и рента образуют стоимость, потому что они представляются предпосылками производства стоимости и для отдельного капиталиста входят в качестве предпосылок в издержки и цену производства, то стоимость образуется и постоянной частью, стоимость которой входит в производство каждого товара как величина данная. Но постоянная часть капитала есть не что иное, как сумма товаров и, следовательно, товарных стоимостей. Получается, таким образом, плоская тавтология, что товарная стоимость образует товарную стоимость и есть причина ее.

Однако если бы капиталист находил какой-либо интерес в том, чтобы поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и своекорыстными мотивами, — то опыт тотчас покажет ему, что продукт, производимый им самим, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят в его продукт в качестве постоянной части капитала. Так как для него, поскольку речь идет о его новой продукции, вновь образованная стоимость складывается, повидимому, из величин заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продукции других капиталистов; таким образом, цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров, сводится, правда, способом, в котором нельзя разобраться до конца, в последнем счете к сумме стоимости, получающейся от сложения самостоятельных, регулируемых различными законами, простекающих из различных источников факторов стоимости: заработной платы, прибыли и ренты.

В-четвертых. Продаются ли товары по их стоимости или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично, следовательно, для него совершенно безразлично самое определение стоимости. Определение стоимости уже с самого начала есть нечто, совершающееся за его спиной, в силу независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены производства образуют регулирующие средние цены в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое интересует отдельного капиталиста и служит для него и для капитала в каждой сфере производства определяющим моментом лишь постольку, поскольку уменьшение или увеличение количества труда, которое требуется для производства товаров, при росте или падении производительной силы труда, в первом случае дает ему воз-

возможность получить при существующих рыночных ценах сверхприбыль, а в другом—принуждает его повышать цены товаров, так как теперь на каждую единицу продукта, или на каждый отдельный товар, падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, больше процента. Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку оно повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку, следовательно, ставит его в исключительное положение.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулирующими не только ту цену, по которой он может реализовать часть прибыли, предпринимательский доход, причитающуюся на долю его, как функционирующего капиталиста, но по которой он вообще должен продавать товары, чтобы возможно было продолжение процесса воспроизводства. Для него совершенно безразлично, реализует он или нет при продаже стоимость и прибавочную стоимость, заключающуюся в товаре, если только он при данной цене выколачивает обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для него величиной заработной платы, процента и ренты. Поэтому, если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ему ограничивающими, а потому творческими, определяющими элементами товарной цены. Если ему удастся, например, понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, т. е. ниже ее нормальной высоты, получить капитал по пониженному проценту и уплачивать арендную плату ниже нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, продает ли он товар ниже его стоимости, даже ниже общей цены производства, так что часть содержащегося в товаре прибавочного труда отдается при этом даром. Это относится и к постоянной части капитала. Если, например, промышленник может купить сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится в свою очередь продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом. Но кроме стоимости средств производства, которые входят в производство его товаров как количественно данные элементы цены, как раз заработная плата, процент и рента являются такими ограничивающими и регулирующими элементами цены, входящими в это производство. Поэтому они представляются

ему элементами, определяющими цену товаров. С этой точки зрения представляется, будто предпринимательский доход определяется или тем избытком, который имеется в рыночной цене, зависящей от случайных условий конкуренции, над имманентной стоимостью товаров, определяемой вышеуказанными элементами цены; или же, поскольку сам предпринимательский доход оказывает определяющее влияние на рыночные цены, он сам представляется в свою очередь зависящим от конкуренции между продавцами и покупателями.

Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке данные и заранее предположенные величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие, — постоянные не в том смысле, что величины эти не изменяются, а в том, что они в каждом отдельном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно колеблющихся рыночных цен. Так, например, при конкуренции на мировом рынке дело идет исключительно о том, можно ли при данной заработной плате, данном проценте и данной ренте продать товар по данной общей рыночной цене или ниже ее с выгодой, т. е. реализуя при этом соответственный предпринимательский доход. Если в одной стране заработная плата и цена земли низки, а процент на капитал, наоборот, высок, так как капиталистический способ производства здесь вообще недостаточно развит, в то время как в другой стране заработная плата и цена земли номинально высоки, а процент на капитал низок, то капиталист в первой стране применяет больше труда и земли, во второй — сравнительно больше капитала. При учете того, насколько возможна конкуренция между обоими этими капиталистами, эти факторы входят как определяющие элементы. Таким образом опыт показывает здесь теоретически, а своекорыстные расчеты капиталиста показывают практически, что цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли и что эти элементы цены действительно являются регуливающими, образующими цену факторами.

Само собою разумеется, при этом всегда остается один элемент, который является не предпосылкой, а результатом рыночной цены товаров, — именно избыток над издержками производства, образующимися путем сложения указанных выше элементов — заработной платы, процента и ренты. Представляется, будто этот четвертый элемент определяется в каждом отдельном случае конкуренцией, а в среднем выводе из отдельных случаев — средней прибылью, которая опять-таки регулируется тою же самою конкуренцией, но только за более продолжительный период.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства распадение стоимости, в которой представлен вновь присоединенный труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты становится настолько само собою разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют самые условия существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прошлых исторических периодах, откуда мы приводили примеры при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится все путем аналогии.

Если независимый рабочий — возьмем мелкого крестьянина, так как здесь применимы все три формы дохода, — работает на самого себя и продает свой собственный продукт, то он рассматривается, во-первых, как свой собственный работодатель (капиталист), который применяет самого себя в качестве рабочего; затем как свой собственный земельный собственник, который применяет самого себя как своего арендатора. Как рабочему он выплачивает себе заработную плату, как капиталист он присваивает себе прибыль, как земельному собственнику платит себе ренту. Предполагая, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются общим социальным базисом, такая характеристика правильна постольку, поскольку независимый производитель не своему труду, а своей собственности на средства производства, — уже принявшие здесь вообще форму капитала, — обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И далее, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же может быть принята в расчет), масса прибавочного труда, которой он может воспользоваться, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом некоторый излишек над долей прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он — собственник земли. Так как подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена — и до известной степени не без основания — под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства.

Если свести заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических

ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (т. е. общественной производительной силой его собственного труда как действительно общественного), которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при данных производственных условиях общества необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходимый труд, и в № 2, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, т. е. если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Впрочем, такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства, например, феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечающие ему, стоящие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, например, в Англии *tenures in common socage* [крестьянское держание земли] (в противоположность *tenures on knight's service* [рыцарскому держанию]), которые включали только денежные обязательства и лишь по имени были феодальными.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ.

ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Итак, стоимость, ежегодно присоединяемая вновь при помощи вновь присоединяемого труда, — а следовательно, и часть годового продукта, в которой представлена эта стоимость и которая может быть выделена из валовой выручки, — распадается на три части, принимающие формы трех различных доходов, формы, выражающие одну часть этой стоимости, как принадлежащую или достающуюся владельцу рабочей силы, другую — владельцу капитала, а третью — владельцу земельной собственности. Следовательно, это — отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими прямо из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства. Конечно, нет возможности отрицать, что докапиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, но эти последние истолковываются как неразвитые, несовершенные и замаскированные, не доведенные до своего наиболее чистого выражения и высшей формы [Gestalt], иначе окрашенные разновидности этих естественных отношений распределения.

В таком представлении правильно лишь одно: раз дано общественное производство какого бы то ни было рода (например, примитивная индийская община или более искусственно развившийся коммунизм перуанцев), то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и их иждивенцев [Angehörige] и, — оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление, — другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы

ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям.

Ум, более развитой, более критический, признает ⁵⁶^a, правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем большим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что он — способ производства особого рода, специфической исторической определенности, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную степень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса, и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт не верен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, заработная плата, собственно принимает форму дохода, дохода рабочего, лишь после того, как он предварительно противостоял тому же самому рабочему в *форме капитала*. Тот факт, что произведенные условия труда и продукты труда противопоставляются

⁵⁶^a J. Stuart Mill, «Some Unsettled Questions in Polit. Econ.», London 1844.

вообще как капитал непосредственным производителям, уже заранее предполагает определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим и тем самым определенное отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает, в свою очередь, экспроприацию земли у непосредственных производителей и тем самым определенную форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли или ренты.

С другой стороны, если капиталистический способ производства предполагает эту определенную общественную форму [Gestalt] условий производства, то он непрерывно воспроизводит ее. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся, воспроизводит тем самым и соответственные отношения распределения.

Можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение: экспроприацию у рабочего условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства индивидумов, исключительную собственность на землю для других индивидумов, — одним словом, все те отношения, которые были исследованы в отделе о первоначальном накоплении (книга I, гл. XXIV)*. Но это распределение совершенно отлично от того, что разумеют под отношениями распределения, когда приписывают этим последним исторический характер в противоположность производственным отношениям. При этом имеют в виду различные титулы на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

* К. Маркс: «Капитал», т. I, 1936, гл. XXIV; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. XXIV. *Ред.*

Во-первых. Он производит свои продукты в виде товаров. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой [Charakter]. Это подразумевает прежде всего, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, а потому в качестве свободного наемного рабочего, а, следовательно, труд вообще выступает в качестве наемного труда. После всего того, что было выяснено нами до сих пор, излишне снова показывать, как отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, которые налагает на индивидуумов общественный процесс производства; продукты этих определенных общественных производственных отношений.

Характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения, т. е. определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенные общественные черты, в то же время он включает столь же определенные отношения агентов производства, которыми определяется возрастание стоимости [Verwerthung] их продукта и его обратное превращение в жизненные ли средства, или в средства производства. Но, даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и его взаимное дополнение, обмен веществ между его продуктами, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся стремлениям единичных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, причем каждый старается продать свой товар возможно дороже (и даже в регулировании производства руководствуется как будто только своим произволом), то внутренний закон пробивает себе дорогу лишь при посредстве их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон, противостоящий отдель-

ным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний.

Далее, уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала, включено овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства.

Второе, что специально отличает капиталистический способ производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит прежде всего капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему вид самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости включает, как показали наши дальнейшие исследования, непрерывно действующую тенденцию сократить рабочее время, необходимое для производства товара, т. е. стоимость последнего ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Та власть, которую приобретает капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которую он выполняет как руководитель и властелин производства, существенно отличны от власти на базисе производства при помощи рабов, крепостных и т. д.

В то время как на базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства в форме строго регулирующей власти и построенного как законченная иерархия общественного механизма процесса труда, — причем, однако, этой властью носители ее пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства, — среди самих носителей этой власти, среди самих

капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товарладельцы, господствует полнейшая анархия, в которой общественная связь производства осуществляется как всемогущий закон природы, подчиняющий себе личный произвол.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала, — следовательно только вследствие такого специфически общественного характера этих двух важных факторов производства, — часть стоимости (продукта) превращается в прибавочную стоимость, и эта прибавочная стоимость — в прибыль (ренту), в доход капиталиста, в добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что она представлена, таким образом, как *его прибыль*, добавочные средства производства, предназначенные для расширения воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, представлены как добавочный капитал, и расширение процесса воспроизводства вообще — как процесс капиталистического накопления.

Хотя форма труда как наемного труда имеет решающее значение для характера всего процесса и для специфического способа самого производства, тем не менее не наемным трудом определяется стоимость. При определении стоимости дело идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и в различных пропорциях поглощения которого различными продуктами определяют, так сказать, удельный общественный вес последних. Та определенная форма, в которой общественное рабочее время проявляется [*sich durchsetzt*] в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формой труда как наемного труда и соответствующей формой средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим, однако, самые так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты [*Charaktere*] условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически-определенного отношения производства.

А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых средств

производства совершается в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он собственно мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, при этом на границы, которые встают перед ним в форме фонда страхования, резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются уравнением норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, частью распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Расщепление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается, прежде всего, развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость, — развитием этой определенной общественной формы [Gestalt] господствующего процесса производства. Оно развивает из себя кредит и кредитные учреждения, и тем самым форму [Gestalt] производства. В проценте и т. д. так называемые [angebliche] формы распределения входят в цену как определяющие производственные моменты.

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой — по крайней мере никакой нормальной — функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, 2) что земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного жизненного процесса, низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты, — обстоятельство это есть специфически исторический результат капиталистического способа производства. То, что земля получила форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера этого способа производства. Доход земельного

собственника и при других формах общества можно назвать рентой. Но он отличен от ренты, какой она выступает при этом способе производства.

Следовательно, так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собою люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой истекает.

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной экономики. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и очищает место более высокой. Что момент такого кризиса наступил, обнаруживается, когда расширяются и углубляются противоречия и противоположность между отношениями распределения, — а следовательно, и определенной исторической формой [Gestalt] соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой ⁵⁷.

⁵⁷ См. работу о Competition and Cooperation (1832 ?).

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ.

КЛАССЫ.

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, таким образом, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, базирующегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество в своей экономической структуре достигло бесспорно наиболее широкого, наиболее классического развития. Однако и здесь это классовое расчленение не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют пограничные линии (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах). Впрочем это безразлично для нашего исследования. Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все более и более отделяются от труда, что раздробленные средства производства все более концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда⁵⁸, т. е. превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

⁵⁸ Ф. Лист правильно замечает: «Преобладание самодовлеющего хозяйства [Selbstbewirtschaftung] в крупных поместьях свидетельствует только о недостатке цивилизации, средств сообщения, отечественных промыслов и богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно преобладало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место стало разделение на хозяйства средней величины, сдача в аренду» («Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung», 1842, стр. 10).

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, — причем ответ этот получится сам собою, раз мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это — тожество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, составные части [Komponenten] которых — образующие их индивидуумы — живут соответственно заработной платой, прибылью и земельной рентой, использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но, с этой точки зрения, врачи и чиновники, например, образовывали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние распадаются, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных ловель.

{Здесь рукопись обрывается.}

Ф. ЭНГЕЛЬС.

**ДОПОЛНЕНИЯ
К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «КАПИТАЛА».**

С тех пор как третий том «Капитала» передан на суд общественного мнения, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить мое личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причем и в таких случаях не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Это порицалось; высказывалось мнение, что я должен был превратить имевшийся в моем распоряжении материал в систематически обработанную книгу, *en faire un livre*, как выражаются французы, другими словами — аутентичность текста принести в жертву удобству читателя. Но я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: такой человек, как Маркс, может претендовать на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении. Далее, у меня не было ни малейшего желания так недопустимо — как мне это должно было казаться — обращаться с наследием столь выдающегося человека; я бы это считал нарушением доверия. И, в-третьих, это было бы совершенно бесполезно. Вообще бесцельно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник; для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первой же полемике, однако, пришлось бы привлечь подлинный текст, а при второй и

третьей — издание его *in extenso* [в полном объеме] стало бы неизбежным.

Такого рода полемика вполне естественна в отношении сочинения, дающего столько нового, и притом лишь в форме бегло набросанной первой обработки, местами не лишенной пробелов. Именно здесь мое вмешательство может быть действительно полезным для устранения трудностей в понимании, для того чтобы выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно резко бросается в глаза, или сделать некоторые важнейшие дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 г. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

I.

ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ.

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между обоими этими факторами и после опубликования марксова текста приведет к спорам, как и до этого. Кое-кто ожидал настоящего чуда и считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого фокус-покуса простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия. Конечно, более всех злорадно разочарован уже известный нам знаменитый Лорпа. Этот нашел, наконец, архимедову точку опоры, благодаря которой даже пигмей его калибра может поднять на воздух и взорвать прочно сооруженное гигантское здание, созданное Марксом. Как, — восклицает он с негодованием, — вот это и есть решение? Да тут чистейшая мистификация! Экономисты, раз они говорят о стоимости, то о такой стоимости, которая фактически устанавливается в обмене. «А заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, но и не могут продаваться (*nè possono vendersi mai*), этого не делал еще, да и никогда не сделает, ни один экономист, сохранивший хотя бы тень рассудка... Когда Маркс утверждает, что стоимость, по которой товары *никогда* не продаются, определяется пропорционально содержащемуся в них труду, разве не повторяет он — только в обратной форме — положение правоверных экономистов, что стоимость, по которой товары продаются, не находится в пропорции с затраченным на них трудом?.. Ничуть не помогает и утверждение Маркса, что, несмотря на отклонение отдельных цен от отдельных стоимостей, сумма цен всех товаров всегда совпадает с их совокупной стоимостью или с количеством

труда, содержащегося в совокупной массе товаров. Ведь так как стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, то уже само представление о совокупной стоимости есть абсурд, бессмыслица... *contradictio in adjecto*». В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнять два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количествам труда, а в совершенно иной пропорции. «Видано ли было когда-либо более полное приведение к абсурду, большее теоретическое банкротство? Совершалось ли когда-либо научное самоубийство с большей помпой и торжественностью?» («Nuova Antologia», 1 февраля 1895 г., стр. 478 и 479).

Как видите, наш Лориа вне себя от радости. Разве он не был прав, третируя Маркса, как такого же, как и он сам, заурядного шарлатана? Не угодно ли полюбоваться — Маркс издевается над своей публикой совершенно так же, как Лориа; он пробавляется мистификациями, точь-в-точь как ничтожнейший итальянский профессор политической экономии. Но в то время как этот шарлатан может позволить себе это, так как он владеет своим ремеслом, неуклюжий северянин Маркс на каждом шагу попадает впросак, говорит бессмыслицы, абсурд, так что в конце концов ему остается только торжественно покончить с собою.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении господина Лориа, что «стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже самое понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.». Итак, отношение, в котором два товара обмениваются, — их стоимость — есть нечто совершенно случайное, прилетевшее к товарам извне и могущее иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, ни в малейшей степени не зависит от условий, внутренне присущих этой пшенице или этому золоту, а от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Ибо в ином случае эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два

товара, это и есть их стоимость—вот и все. Следовательно, стоимость идентична с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины — группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим, далее, что цена каждой группы = 1 000 млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или еще чего-либо. Это даст в сумме цену или стоимость в 2 000 млрд. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г. Лориа. Обе группы вместе могут представлять цену в 2 000 млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то $1\ 000 + 1\ 000 = 2\ 000$; но если мы говорим: стоимость, то $1\ 000 + 1\ 000 = 0$. Так обстоит дело, по крайней мере в данном случае, где речь идет о совокупности всех товаров. Ибо здесь товар каждого из двух стоит 1 000 млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим все товары обоих в руках третьего лица, то у первого не будет никакой стоимости, у второго тоже, а у третьего и подавно: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так расправившегося с понятием стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной экономии ¹.

¹ Этот же «своей славой известный» господин (говоря словами Гейне) несколько позже был вынужден ответить на мое предисловие к третьему тому, а именно после того, как оно появилось на итальянском языке в первом номере «Rassegna» за 1895 г. Ответ напечатан в «Riforma Sociale» от 25 февраля 1895 г. Осыпав меня сначала неизбежными у него и именно потому вдвойне противными похвалами, он заявляет, что и не думал присваивать себе заслуг Маркса в области материалистического объяснения истории. Он-де признал их еще в 1885 г. — как-то мимоходом в журнальной статейке. Но зато тем упорнее он умалчивает об этом там, где об этом нужно говорить, а именно в своей книге на эту тему, где Маркс упоминается лишь на стр. 129, да и то по вопросу о мелком землевладении во Франции. А теперь он отважно заявляет, что Маркс вовсе не является творцом этой теории; если она не была намечена в общих чертах еще Аристотелем, то несомненно, что Гаррингтон прокламировал ее уже в 1656 г., и она была вновь развита затем целой плеядой историков, политиков, юристов и экономистов задолго до Маркса. И чего только нельзя вычитать из французского издания сочинения Лориа! Короче — законченный плагиатор. После того как я помешал ему продолжать хвастовство при помощи позаимствований из Маркса, он смело заявляет, что и Маркс точно так же украшался чужими перьями, как и он. Из других моих возражений Лориа отвечает лишь на сказанное по поводу его утверждения, будто Маркс никогда и не думал

В браунновском «Archiv für soziale Gesetzgebung» (год VII, выпуск 4) Вернер Зомбарт дает весьма хорошее в общем изложение контуров системы Маркса. Это первый случай, когда немецкому университетскому профессору удается прочесть в сочинениях Маркса в общем и целом то, что Маркс действительно сказал, когда этот профессор заявляет, что критика системы Маркса может заключаться не в опровержении, — «этим пусть займутся политические карьеристы», — а лишь в дальнейшем ее развитии. Конечно, и Зомбарт занимается нашей темой. Он исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость—не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в последнем счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде

писать второй, а тем более третий том «Капитала». «И теперь Энгельс отвечает мне, с триумфом указывая на второй и третий томы... Восхитительно! А я так рад этим томам, которым я обязан такую массу умственного наслаждения, что никогда еще мне не была так приятна победа, как приятно это поражение, если это действительно можно считать поражением. Но поражение ли это в самом деле? Действительно ли верно, что Маркс написал с целью опубликования эту массу не связанных между собою заметок, которые Энгельс собрал с таким благоговением? Можно ли действительно допустить, что Маркс... предполагал этими страницами завершить свое сочинение и свою систему? Верно ли, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, где много лет тому назад обещанное решение сводится к безотрадной мистификации, к вульгарнейшей игре словами? По меньшей мере позволительно усомниться в этом... Это доказывает, что Маркс после издания своей блестящей (splendido) книги не имел в виду дать ее продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда своим идейным наследникам, не неся за это личной ответственности».

Так написано на стр. 267. Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике заключается в словах: под конец автор так привыкает к своей публике, как будто имеет дело с разумным существом. За кого же должен считать свою публику знаменитый Лориа?

В заключение — новая порция похвал сыплется на мою несчастную голову. При этом наш Сганарель уподобляется Валааму, который пришел проклинать, но уста которого против воли расточают «слова благословения и любви». Как известно, Валаам отличался тем, что ездил на осле, который был умнее своего седока. На этот раз, очевидно, Валаам оставил своего осла дома.

означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в последнем счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; относительно такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно. Но в то же время оно представляется мне взятым слишком обще, требующим более определенной, более точной формулировки; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона.

В браунновском «Sozialpolitisches Zentralblatt» от 25 февраля 1895 г., № 22, напечатана также превосходная статья Конрада Шмидта о третьем томе «Капитала». В особенности следует отметить имеющийся здесь показ того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор еще ни разу не был даже поставлен экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает 10 или 15%, а не 50 или 100%? С тех пор как мы знаем, что прибавочная стоимость, присвоенная прежде всего промышленными капиталистами, является единственным и исключительным источником, из которого получается прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собою. Эта часть статьи Шмидта как бы специально написана для экономистов à la Лориа, если только не напрасный труд — пытаться открыть глаза тем, кто не хочет видеть.

Шмидт также имеет формальные сомнения по поводу закона стоимости. Он называет его научной *гипотезой*, построенной для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, бросающий свет даже на явления конкурентных цен, как будто совершенно противоречащие ей; без закона стоимости, по его мнению, невозможно какое бы то ни было теоретическое познание экономического механизма капиталистической действительности. А в одном частном письме, которое он мне разрешил цитировать, Шмидт прямо объявляет закон стоимости в пределах капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой. Но это понимание, по моему мнению, совершенно не верно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной экономии, — не обращают должного внимания на то, что здесь дело идет не о чисто логическом лишь процессе, но об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в т. III, 1, стр. 154*:

«Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости».

Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собою. При таких условиях два работника присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости, но продукт каждого из них имел бы различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства. Эта последняя часть стоимости представляла бы постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь присоединенной стоимости, потраченная на жизненные средства рабочих, соответствовала бы переменному капиталу, а остающаяся сверх того часть новой стоимости представляла бы прибавочную стоимость, которая в данном случае принадлежала бы рабочим. Следовательно, оба работника, за вычетом возмещения лишь авансированной ими «постоянной» части стоимости, получили бы равные по величине стоимости; однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, — что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, — было бы у них различно. Но так как каждый из них при обмене получает возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством.

«Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям соответствует поэтому *гораздо более низкой ступени*, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенная высота капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, является

* Изд. 1894 г. *Ред.*

вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только *теоретически*, но и *исторически*, как *præius* [предшествующее] цен производства. Это относится к таким укладам, *когда работнику принадлежат средства производства*, а таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом, что развитие продуктов в товары имеет своим исходным пунктом обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим укладам, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» (Маркс, т. III, 1, стр. 156).

Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то он, несомненно, развил бы это место значительно подробнее. В своем же теперешнем виде оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по данному вопросу. Остановимся на нем поэтому несколько подробнее.

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытков этих продуктов с посторонними, с которого начинается превращение продуктов в товары, относится к позднему времени; первоначально обмен имеет место лишь между отдельными разноплеменными общинами и только позднее приобретает значение и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже мелет еще зерно на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, тклет лен и шерсть, дубит кожи, сооружает и чинит деревянные здания, изготавливает инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы,

так что такая семья или семейная группа в основном сохраняет самодовлеющий характер.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, т. е. из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого на изготовление предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые еще в дни моей юности ходили у наших рейнских крестьян из избы в избы и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других трудящихся производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? При таких условиях рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мериллом для количественного определения подлежащих обмену величин, но при таких условиях всякое другое мерило было совершенно невысказано. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров имеют тенденцию все в большей мере соразмеряться с количествами воплощенного в них труда. С момента появления в этом хозяйственном строе денег тенденция к соответствию с законом стоимости (*nota bene* — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной эксплуатации, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается непосред-

ственно, без участия купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д. Таким образом, в средневековые люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным размером продукции, например, для хлеба и скота, и при этом у людей, не умеющих считать? Очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт научал людей. Необходимость для каждого в общем и целом выручить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен, наряду с неизменяющимся — нередко в течение многих столетий — характером их производства облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности периода производства отдельной его штуки, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. Для того чтобы это осуществилось, необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно умны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к раннему состоянию товарного производства находится тот или другой народ, — например, русские и жители Востока, — тем больше времени и до сих пор растрачивают [verschwenden] они на то, чтобы путем долгого, упорного торга выколотить полное возмещение рабочего времени, употребленного на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, все товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома «Капитала»; стало быть, в особенности условия, при которых единственно созидателем стоимости является труд. Притом это — такие условия, которые прокладывают себе путь, не проникая в сознание участников, и которые лишь путем трудных теоретических исследований могут быть абстрагированы из повседневной практики, которые, стало быть, действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилom стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерилa стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем более средние цены за продолжительные периоды, непрерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до

XV столетия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за три, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет. И вот после этого полюбуйтесь глубокомыслием г. Лориа, называющего стоимость, имевшую всеобщее и непосредственное значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

До сих пор мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до настоящего пункта, когда мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство. Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде все было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и свое положение свободного собственника, свободного или зависимого оброчника или крепостного, а городской ремесленник свое ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанное с юных лет мастерство в унаследованной профессии. И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота. Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был по существу своему общинником, как и все его современники. В деревне господствовала выросшая на почве первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой величины, с одинаковыми участками земли различного качества, и пользовался соответствующими одинаковыми правами в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и был прекращен отвод новых наделов, наступило дробление наделов благодаря наследованию и т. д. и соответствующее дробление общинных прав, но единицей общинного землевладения попрежнему оставался полный надел, так что были половины, четверти и восьмушки надела с половинной, четвертой или восьмой долей участия в правах общины-марки. По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные организации и прежде

всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как приложением устройства общины-марки, но уже к ремесленным привилегиям, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 г. (Thun, «Industrie am Niederrhein» [Тун, «Нижнерейнская промышленность»], II, 164 и сл.). То же относится к горной промышленности, где каждый пай горного участка также давал одинаковое участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своем собственном гостином дворе [Fondaco], состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, — составляли законченные торговые товарищества; они были отгорожены от конкурентов и клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особых клейм, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Точно так же вели свое дело ганзейцы на «Немецком мосту» (Tydske Bryggen) в норвежском Бергене, а также их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определенными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основывало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов — Фуггер, Вельзер, Фелин, Гехштеттер и т. д., юрнбергских — Гиршфогель и других, которое с капиталом в 66 000 дукатов и тремя кораблями принимало участие в португальской экспедиции 1505 — 1506 гг. в Индию, получив при этом 150, а по другим источникам — 175% чистой прибыли (Heyd, «Levantehandel» [Гейд, «Левантская

торговля)], II, 524), и целого ряда других обществ-«монополий», приводивших Лютера в такую ярость.

Здесь мы впервые наталкиваемся на прибыль и норму прибыли. А именно — стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. У венецианцев на востоке, у ганзейцев на севере каждый платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. В крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собою разумеющимся, как и пользование правами в марке пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнозаводских предприятий пропорционально числу паев (кукс). Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыва основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собою монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие нормы процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, т. е. в данном случае

у отдельных «наций». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта — имели особые нормы прибыли. Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путем — при помощи конкуренции. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала большую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли больше капиталов в Александрию, изъям часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное уравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями: так, например, вся торговля с Востоком погибла вследствие монгольских и турецких нашествий, а грандиозные географическо-торговые открытия с 1492 г. лишь ускорили и затем довершили эту гибель.

Последовавшее затем внезапное расширение области сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не принесли на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли крупные нации. Место торговавших с Востоком каталонцев заняла в американской торговле вся объединенная Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже самые маленькие страны — Голландия и Португалия были все же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало странствующему купцу [merchant adventurer] XVI и XVII столетий опору, которая все более и более делала излишним товарищество, защищающее своих членов также и при помощи оружия, а связанные с его существованием расходы становились излишним бременем. Далее, теперь богатства накапливались в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что в скором времени отдельные купцы могли вкладывать в одно предприятие столько же средств, сколько раньше вкладывало целое общество. Торговые общества, там, где они еще продолжали существовать, превращались по большей части в вооруженные корпорации, которые под защитой и протекторатом своих государств завоевывали и монопольно эксплуатировали целые вновь открытые страны. Но чем в большем числе основывались,

преимущественно государством, колонии в новых областях, тем более торговые товарищества отступали на задний план перед торговлей отдельного купца, и вместе с тем уравнение норм прибыли все более и более становилось исключительно делом конкуренции.

До сих пор мы познакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор мы имели дело лишь с торговым и ростовщическим капиталом, а промышленному капиталу только предстояло еще развиться. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода — для Италии, следовательно, с упадком левантской торговли — иностранная конкуренция и затруднения в сбыте могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по своим стоимостям, а в международной торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению, когда цены производства имеют силу в международной и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно другими нормами прибыли, так что теперь, например, говядина испытывает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и расходы по перевозке.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало этому было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горных промыслах и текстильной промышленности. Судоходство в тех размерах, в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, т. е. наемных рабочих (отношения найма последних могли маскироваться артельными формами с участием в прибылях), а галеры того времени немислимы

без гребцов — наемных рабочих или рабов. Предприятия по добыванию руды, которые первоначально велись объединенными в артели работниками, почти везде превратились в акционерные общества для ведения дела при помощи наемных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, раздавая им пряжу и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, — короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого *раздатчика*.

Здесь мы имеем перед собой первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости. Горнозаводские промыслы, ввиду их замкнутого монопольно-корпоративного характера, мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и т. д. Но как же обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые вынесли на рынок товары, произведенные прямо за счет капиталиста, создав этим конкуренцию товарам того же рода, произведенным за счет ремесленника?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для каждой данной местности, сведена к своей средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив работать на себя мелких мастеров, он ломал традиционные границы производства, при которых производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. Торговый капиталист покупал рабочую силу работника, который покамест еще владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьем. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярный заработок, он мог вместе с тем так понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом, раздатчик становился присвоителем прибавочной стоимости сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и т. д. и оставлять ее в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуды ткачу, которого, как правило, только

долговое рабство заставляло подчиняться новым условиям производства. И, во-вторых, даже независимо от этого расчет представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вел свое экспортное дело с капиталом в 30 000 дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или чего-нибудь другого. Положим, что 10 000 из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как 20 000 используются им на зарубежных рынках сбыта. Пусть капитал оборачивается раз в два года, тогда годовой оборот равен 15 000. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счет, сделаться раздатчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Пусть время производства куска ткани, которой он торгует, равняется в среднем двум месяцам (хотя это наверное слишком продолжительный срок). Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для снабжения ткачей пряжей на два месяца. Так как его годовой оборот — 15 000, то в два месяца он закупает тканей на 2 500. Пусть 2 000 из них представляют стоимость пряжи, а 500 — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в 2 000. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он благодаря новому способу присваивает себе от ткача, достигает лишь 5% стоимости ткани, что составляет безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в 25% ($2\,000c + 500v + 125m; m' = \frac{125}{500} = 25\%$; $p' = \frac{125}{2\,500} = 5\%$). При таких условиях наш купец, при годовом обороте 15 000, получит 750 добавочной прибыли, а в $2\frac{2}{3}$ года вернет себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — стало быть, чтобы получить в течение того же времени большую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведется для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причем она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова восстановлено, хотя быть может уже на другом уровне, ввиду того что часть произведенной внутри

страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Дальнейшим шагом по пути подчинения промышленности капиталу было введение мануфактуры. Последняя также давала возможность мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях в большинстве случаев был и экспортером своих товаров, — в Германии так было до 1850 г. почти повсюду, а местами сохранилось и до сих пор, — производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: прибавочная стоимость, присваиваемая владельцем мануфактуры — капиталистом, позволяет ему или купцу-экспортеру, с которым он ее делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новая форма производства не станет всеобщей и снова произойдет уравнение прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она уравнена в местном масштабе, остается прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается избыточная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в еще гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционизирования производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству самодовлеющей крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перенесения капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, помимо сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присваивателей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собою никаких теоретических трудностей. На практике же тем более, так как отрасли

с избыточной прибавочной стоимостью, т. е. с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и наименее полно подчиняются капиталистическому производству; это прежде всего земледелие. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, произведенными докапиталистическими способами, т. е. стоящими дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может выручать обычную для его местности прибыль, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала благодаря торговому капиталу задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, и стала, следовательно, возможна промышленная норма прибыли.

II.

БИРЖА.*

1) Из третьего тома, пятого отдела, в особенности из главы [27]** видно, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве вообще. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков [Börsianer] все производство, как промышленное, так и земледельческое, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства.

2) В 1865 г. биржа была еще *второстепенным* элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей

* Рукопись озаглавлена Энгельсом следующим образом: «Биржа, дополнительные замечания к третьему тому «Капитала». *Ред.*

** Энгельс в рукописи оставил свободное место, чтобы проставить порядковый номер главы. Речь идет, очевидно, о главе 27 — «Роль кредита в капиталистическом производстве». *Ред.*

представляли государственные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке господствовали, в Англии же только готовились к поглощению аристократических частных банков, в массе своей играли еще сравнительно незначительную роль. Железнодорожные акции были также еще относительно слабо распространены по сравнению с настоящим временем. Непосредственно же производительных предприятий, так же как и банков, в акционерной форме было лишь немного, большей частью они создавались в *более бедных* странах, как Германия, Австрия, Америка и т. д.; — «глаз хозяина» был тогда еще не изжитым суеверием.

Следовательно, биржа тогда была еще местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно касалось рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальвинистского тезиса, что уже на этом свете благодать божья — иными словами, случай — распределяет благословение и проклятие, богатство, т. е. наслаждение и власть, и бедность, т. е. лишения и рабство.

3) Теперь иначе. Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности [это наблюдалось] уже в 1845 г., [далее] железно-дорожные аферы. Вместе с этим накоплением возрастала и масса рантье, людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, чтобы облегчить приложение массы пришедшего, таким образом, в подвижное состояние денежного капитала, ныне повсюду, где этого не было раньше, созданы были новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и были снижены обязательства акционеров, до тех пор отвечавших в неограниченном размере (акционерные общества в Германии в 1890 г. — 40% подписки!).

4) Отсюда постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия. Одну отрасль за другой постигает эта судьба. Сначала железодобывающая промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские вложения (еще раньше горнозаводская

промышленность, если она еще не имела формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, точно так же машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии еще лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядельная фабрика в Ольдхэм, ткацкая фабрика в Бэрнлэй и т. д., объединение швейных предприятий; но это лишь предварительная ступень, которая во время ближайшего кризиса распадается и снова попадает в руки [отдельных] хозяев), пивоварни (несколько лет назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guinness Bess, Allsopp*). Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alkali**). Обыкновенная единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы превратиться в акционерное [«gegründet» werden].

То же самое относительно торговли. Leaf, Parsons, Morleys, Morrison, Dillon*** — все они превратились в акционерные общества. Точно так же теперь и розничные фирмы и притом не только под внешностью кооперации à la «Stores»****.

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки, как... ***** и т. д., преобразуются с 7 частными [акционерами] в акционерное общество.

5) В области земледелия то же самое. Неповторно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими наименованиями) — все более и более носители ипотек; вместе с их акциями действительная верховная собственность над землевладением передается бирже, и это в еще большей степени, когда имения попадают в руки кредиторов. Здесь переворот в сельском хозяйстве, связанный с обработкой степей, оказывает огромное влияние; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадет в руки биржи также в Англии и во Франции.

6) Далее приложение капитала за границей — все в акциях. Если говорить только об Англии: американские железные дороги,

* Названия двух крупных английских пивоваренных фирм. *Ред.*

** Английский химический трест. *Ред.*

*** Названия фирм. *Ред.*

**** Т. е. по образцу универмагов. *Ред.*

***** Слово неразборчиво. Выглядит, как «Glyn et Co», очевидно, название банка. *Ред.*

северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню), Гольдбергер и т. д.

7) Затем колонизация. Последняя — ныне простое отделение биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы завоевали Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигер, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналэнд и Наталь взяты во владение для биржи Родсом.

**УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ
В I и II ЧАСТЯХ XIX ТОМА СОЧИНЕНИЙ К. МАРКСА
и Ф. ЭНГЕЛЬСА.**

А

- Андерсон, Адам* (Anderson, Adam) (1692—1765)—I—361.
Андерсон, Джеймс (Anderson, James) (1739—1808)—II—170, 171.
Анна (Anne) (1665—1714)—II—160.
Арбутнот, Джордж (Arbuthnot, George) (1802—1865)—II—95.
Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — I—418; II—462.
Арнд, Карл (Arnd; Karl) (1788—1877)—I—394; II—351.
Арндт Карл — см. *Арнд Карл*.
Атвуд, Маттиас (Attwood, Matthias) (1779—1851)—II—83, 106.
Атвуд, Томас (Attwood, Thomas) (1783—1856)—II—83, 106.

Б

- Бальзак, Оноре, де* (Balzac, Honoré, de) (1799—1850)—I—38.
Баринг (Baring) — крупная банкирская фирма в Англии—II—79.
Бастиа, Фредерик (Bastiat, Frédéric) (1801—1850)—I—160, 374.
Бентинк, Джордж (Bentinck, George)—I—452.
Берноль Осборн, Ральф (Bernal Osborne, Ralph) (1808—1882)—I—145.
Бессемер, Генри (Bessemer, Henry) (1813—1898)—I—72.
Брайт, Джон (Bright, John) (1811—1889)—II—182.
Бриско, Джон (Briscoe, John) (конец XVII века)—II—151.
Бэббедж, Чарльз (Babbage, Charles) (1792—1871)—I—109, 119.
Бэзенкет, Джеймс Уотман (Bosanquet, James Whatman) (1804—1877)—I—402, 436.
Бэллерс, Джон (Bellers, John) (1651—1725)—I—309.

- Бюре, Эжен* (Buret, Eugène) (1811—1842)—II—366.
Бюш, Иоганн Георг (Büsch, Johann Georg) (1728—1800)—II—163.

В

- Верри, Пьетро* (Verri, Pietro) (1728—1797)—I—301.
Вест, Эдуард (West, Edward) (1782—1828)—I—260; II—213.
Вильсон, Джеймс (Wilson, James) (1805—1860)—I—481, 489; II—76—78, 85, 87, 95, 109, 124—129, 131—133.
Вильсон Паттен, Джон (Wilson Pat-ten, John) (1802—1892)—I—94.
Виссеринг, Симон (Vissering, Simon) (1818—1888)—I—344, 346.
Вольф, Юлиус (Wolf, Julius) (род. в 1862 г.)—I—14, 15, 18.
Вуд, Чарльз (Wood, Charles) (1800—1885)—II—99, 130—133.
Вэнсар, Пьер (Vinçard, Pierre) (1820—1882)—II—348.

Г

- Гамильтон, Роберт* (Hamilton, Robert) (1743—1829)—I—429.
Гарибальди, Джузеппе (Garibaldi, Giuseppe) (1807—1882)—I—19.
Гарней, Самуэль (Gurney, Samuel) (1786—1856)—I—446, 449, 452, 456; II—64, 70, 71, 84, 89, 90, 121.
Гаррингтон, Джеймс (Harrington, James) (1611—1677)—II—462.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich) (1770—1831)—I—47; II—165, 166, 340.
Гейд, Вильгельм (Heyd, Wilhelm) (1823—1906)—II—471.

Гейне, Генрих (Heine, Heinrich) (1797—1856)—II—462, 463.
Генрих VIII (Henry VIII) (1491—1547)—II—160.
Георг III (Georg III) (1738—1820)—I—431.
Герренишванд, Жан (Herrenschwand, Jean) (1728—1811)—II—348.
Глин, Джордж Гренфелл (Glyn, George Granfell) (1824—1887)—II—88.
Годскин, Томас (Hodgskin, Thomas) (1787—1869)—I—423.
Грег, Роберт Хайд (Greg, Robert Hyde) (1795—1875)—I—112, 113.
Грей, Джордж (Grey, George) (1799—1882)—I—93.

Д

Давенант, Чарльз (Davenant, Charles) (1656—1714)—II—214.
Данте, Алигьери (Dante, Alighieri) (1265—1321)—I—19.
Джевонс, Вильям Стэнли (Jevons, William Stanley) (1835—1882)—I—9.
Джилльбэрт, Джеймс Вильям (Gilbert, James William) (1794—1863)—I—368, 391, 440, 442; II—85, 89, 161.
Джонс, Ричард (Jones, Richard) (1790—1855)—I—286; II—319, 341.
Джонстон, Джеймс (Johnston, James) (1796—1855)—II—167, 168, 224.
Дизраэли, Бенджамин (Disraeli, Benjamin) (1804—1881)—I—452.
Домбаль, Кристоф Жозеф Александр Матье де (Dombasle, Christophe Joseph Alexandre Mathieu de) (1777—1843)—II—319, 375.
Доув, Патрик Эдуард (Dove, Patrick Edward) (1815—1873)—II—184, 190.
Дэр, Луи Франсуа Эжен (Daire, Louis François Eugène) (1798—1847)—II—347.
Дюро де ла Малль, Адольф Жюль Сезар Огюст (Dureau de la Malle, Adolphe Jules César Auguste) (1777—1857)—I—108.

З

Зомбарт, Вернер (Sombart, Werner) (1863—1941)—II—463—465.

И

Иаков I (Jakob I) (1566—1625)—II—160.

К

Кантильон, Ричард (Cantillon, Richard) (1680—1734)—II—345.
Кардуэлл, Эдуард (Cardwell, Edward) (1813—1886)—II—99.
Карл Великий (742—814)—II—146, 148, 348.
Карл II (Charles II) (1630—1685)—II—151, 160.
Катон, Марк Порций («Цензор») (234—149 гг. до н. э.)—I—359, 418; II—348.
Кернс, Джон Эллиот (Cairnes, John Elliot) (1823—1875)—I—417.
Кетле, Ламбер Адольф Жак (Quetelet, Lambert Adolphe Jacques) (1796—1874)—II—429.
Кинкейд, Джон (Kincaid, John) (1787—1862)—I—93.
Киннир, Дж. Г. (Kinnear, J. G.)—I—481, 482; II—69.
Киссельбах, Вильгельм (Kiesselbach, Wilhelm)—I—355.
Клэй, Вильям (Clay, William) (1794—1869)—II—95.
Коклен, Шарль (Coquelin, Charles) (1803—1852)—I—437.
Комт, Франсуа Шарль Луи (Comte, François Charles Louis) (1782—1837)—II—167, 168.
Корбет, Томас (Corbet, Thomas)—I—177, 182, 195, 224, 332.
Коттон, Вильям (Cotton, William) (1786—1866)—I—452.
Кэри, Генри Чарльз (Carey, Henry Charles) (1793—1879)—I—119, 160, 433; II—144, 170, 172, 334.

Л

Лавернь, Луи Габриэль Леонс (Lavergne, Louis Gabriel Léonce) (1809—1880)—II—181, 182.
Лексис, Вильгельм (Lexis, Wilhelm) (1837—1914)—I—8—10.
Ленге — см. *Лэнге*.
Либих, Юстус (Liebig, Justus) (1803—1873)—II—303, 330, 340, 377.
Лист, Фридрих (List, Friedrich) (1789—1846)—II—455.
Литэм, Вильям Генри (Leatham, William Henry) (1815—1889)—I—436.
Ло, Джон (Law, John) (1671—1729)—I—480; II—153.
Лойд, Самуэль Джонс (Lloyd, Samuel Jones), барон Оверстон (1796—1883)—I—439, 440, 456—458, 460, 462—464, 466—472; II—24, 51, 56, 57, 59, 61,

- 62, 79, 83, 93, 95, 97, 99, 100, 102, 108, 110, 111, 120.
Локк, Джон (Locke, John) (1632—1704)—I—382; II—173.
Лориа, Ахилл (Loria, Achille) (род. в 1857 г.)—I—15—19; II—460—465, 470.
Лэнг, Сэмюэль (Laing, Samuel) (1780—1868)—II—333.
Лэнге, Симон Никола Анри (Linguet, Simon Nicolas Henri) (1736—1794)—I—88; II—352.
Людовик XIV (Louis XIV) (1638—1715)—I—108.
Люзак, Эли (Lusac, Eli) (1723—1796)—I—346.
Лютер, Мартин (Luther, Martin) (1483—1546)—I—359, 375, 376, 428, 429; II—149, 161, 472.

М

- Магон* (VI в. до н. э.)—I—418.
Мак Куллох, Джон Рамсей (Mac Culloch, John Ramsey) (1789—1864)—I—65, 191, 240, 256.
Маколей, Томас Бабингтон (Macaulay, Thomas Babington) (1800—1859)—II—153.
Мальтус, Томас Роберт (Malthus, Thomas Robert) (1766—1834)—I—35, 38, 44, 47, 181, 205, 212, 430; II—198, 213, 225.
Маркс, Карл (Marx, Karl) (1818—1883)—I—1, 3—10, 12—21, 146, 189, 194, 195, 325, 466, 475; II—92, 155, 158, 459—467, 469.
Марон, Г. (Maron, H.)—II—371.
Маурер, Георг Людвиг (Maurer, Georg Ludwig) (1790—1872)—I—189.
Мёзер, Юстус (Möser, Justus) (1720—1794)—II—352.
Менгер, Карл (Menger, Karl) (1840—1921)—I—9.
Мишль, Джон Стюарт (Mill, John Stuart) (1806—1873)—I—423, 433; II—62, 102, 123, 448.
Мирабо, Виктор Рикетти (Mirabeau, Victor Riquetti) (1715—1789)—II—315.
Моммзен, Теодор (Mommsen, Theodor) (1817—1903)—I—355, 418; II—348.
Морган, Льюис Генри (Morgan, Lewis Henry) (1818—1881)—I—189.
Мортон, Джон Калмерс (Morton, John Chalmers) (1821—1888)—II—180, 181, 229.
Мунье, Л. (Mounier, L.)—II—371, 375.
Мур, Сэмюэль (Moore, Samuel) (1830—ок. 1912)—I—4.

- Мэнли, Томас* (Manley, Thomas) (1628—1690)—II—152.
Мэсси, Джозеф (Massie, Joseph) (ум. в 1784 г.)—I—361, 382, 389, 390, 393, 396, 408; II—374.
Мюллер, Адам Генрих (Müller, Adam Heinrich) (1779—1829)—I—387, 431, 432.

Н

- Нормэн, Джордж Уорд* (Norman, George Ward) (1793—1882)—I—453, 455, 464; II—95, 97.
Норт, Дедли (North, Dudley) (1641—1691)—II—162, 173.
Ньюмарч, Вильям (Newmarch, William) (1820—1882)—II—66, 69, 85—87, 103, 113, 114, 117, 118, 120, 126—133.
Ньюмэн, Сэмюэль Филиппс (Newman, Samuel Philipps) (1797—1842)—I—301.
Ньюмэн, Франсис Вильям (Newman, Francis William) (1805—1897)—II—144, 210, 333, 375.
Нэсмис, Джеймс (Nasmyth, James) (1808—1890)—I—100.

О

- Оверстон* — см. Лойд.
Ожье, Мари (Augier, Marie)—II—143, 162.
О'Коннор, Чарльз (O'Connor, Charles) (1804—1884)—I—419.
Опдайк, Джордж (Opdyke, George) (1805—1880)—I—394; II—223.
Оуэн, Роберт (Owen, Robert) (1771—1858)—II—155.

П

- Пальмер, Джон Хорсли* (Palmer, John Horsley) (1779—1858)—II—104, 105, 116.
Пальмерстон, Генри Джон Темпл (Palmerston, Henry John Temple) (1784—1865)—I—93; II—177.
Пармантье, Антуан Огюстен (Parmentier, Antoine Augustin) (1737—1813)—I—108.
Пасси, Ипполит Филибер (Passy, Hippolyte Philibert) (1793—1880)—II—329, 341, 344, 347, 351.
Патерсон, Вильям (Paterson, William) (1658—1719)—II—153.
Пеккер, Константан (Pecqueur, Constantin) (1801—1887)—II—158, 159.
Пеккер, Шарль — см. Пеккер, Константан.

- Перейра, Исаак* (Pereire, Isaac) (1806—1880)—I—480.
- Перейра, Якоб Эмиль* (Pereire Jakob Emile) (1800—1875)—II—155.
- Петти, Вильям* (Petty, William) (1623—1687)—I—382; II—4, 214, 345, 346.
- Пиль, Роберт* (Peel, Robert) (1788—1850)—II—93, 95.
- Пиндар* (522—443 гг. до н. э.)—I—420.
- Питт, Вильям* (Pitt, William), *Младший* (1759—1806)—I—429—431.
- Плмний Старший (Кай Плиний Секунд)* (23—79)—I—108.
- Поппе, Иоганн Генрих Мориц* (Poppe, Johann Heinrich Moritz) (1776—1854)—I—364.
- Прайс, Ричард* (Price, Richard) (1723—1791)—I—429—431.
- Прудон, Пьер Жозеф* (Proudhon, Pierre Joseph) (1809—1865)—I—39, 374—376, 385; II—157, 175, 410, 411.
- Пэттен* (Patten) — см. *Вильсон Паттен*.

Р

- Рамсей, Джордж* (Ramsay, George) (1800—1871)—I—38, 44, 300, 392, 393, 411, 412; II—327.
- Расселл, Джон* (Russell, John) (1792—1878)—I—452.
- Реден, Фридрих Вильгельм Отто Людви* (Reden, Friedrich Wilhelm Otto Ludwig) (1804—1857)—II—4.
- Рикардо, Давид* (Ricardo, David) (1772—1823)—I—8, 15, 37, 44, 55, 66, 112, 120, 191, 195, 212, 216—218, 240, 255, 256, 259—261, 267, 279, 351, 352, 467; II—92—95, 202, 203, 213, 226, 234, 236, 305, 316, 332, 379, 408, 421.
- Родбертус, Иоганн Карл* (Rodbertus, Johann Karl) (1805—1875)—I—8, 147; II—339, 364, 421.
- Роде, Сесиль Джон* (Rhodes, Cecil John) (1853—1902)—II—481.
- Ротшильд, Джеймс* (Rothschild, James) (1792—1868)—II—6.
- Рошер, Вильгельм* (Roscher, Wilhelm) (1817—1894)—I—241, 351, 433; II—391.
- Рубишон, Морис* (Rubichon, Maurice) (1766—1849)—II—180, 371, 375.

С

- Саймон, Джон* (Simon, John) (1816—1904)—I—95, 97, 99.
- Сениор, Нассау Вильям* (Senior, Nassau William) (1790—1864)—I—32, 44.

- Сен-Симон, Клод Анри* (Saint-Simon, Claude Henri) (1765—1825)—II—154, 155.
- Сименс, Карл Вильгельм* (Siemens, Karl Wilhelm) (1823—1883)—I—72.
- Сисмонди, Жан Шарль Леонард Симонд де* (Sismondi Jean Charles Léonard Simonde de) (1773—1842)—II—16, 366.
- Смит, Адам* (Smith, Adam) (1723—1790)—I—150, 204, 205, 212, 228, 242, 256, 351, 356, 359, 416, 431, 481; II—9—11, 165, 310, 327, 328, 332—335, 348, 392, 403, 408, 409, 412.
- Стюарт, Джеймс* (Steuart, James) (1712—1780)—I—395; II—347.
- Сэй, Жан Ватист* (Say, Jean Baptiste) (1767—1832)—I—301; II—408, 414.

Т

- Токвиль, Алексис Шарль Анри* (Tocqueville, Alexis Charles Henri) (1805—1859)—II—366.
- Томас, Сидней Джилькрист* (Thomas, Sidney Gilchrist) (1850—1885)—I—72.
- Торренс, Роберт* (Torrens, Robert) (1780—1864)—I—37, 38, 44, 112, 384; II—95.
- Тук, Томас* (Tooke, Thomas) (1774—1858)—I—384, 391, 401, 402, 436, 439, 453, 481—485, 489, 493, 499; II—24, 68, 84, 95, 102, 103, 116, 120, 371, 410.
- Тун, Альфонс* (Thun, Alphonse) (1853—1885)—II—471.
- Тьер, Луи Адольф* (Thiers, Louis Adolphe) (1797—1877)—II—175.
- Тэжкетт, Джон Дебелл* (Tuckett, John Debell) (ум. в 1864 г.)—II—151.
- Турго, Анн Роберт Жак* (Turgot, Anne Robert Jacques) (1727—1781)—II—173.

У

- Уолтон, Альфред* (Walton, Alfred) (1816—1883)—II—171.
- Уэбфилд, Эдуард Гиббон* (Wakefield, Edward Gibbon) (1796—1862)—II—315, 329.
- Уэст* — см. *Вест*.

Ф

- Фаусет, Генри* (Fawcett, Henry) (1833—1884)—II—180.
- Феллер, Фридрих Эрнст* (Feller, Friedrich Ernest) (1800—1859)—I—338.

- Фиреман, Петр* (Fireman, Peter) (род. в 1863 г.)—I—12—14, 21.
Форкад, Эжен (Forcade, Eugène) (1820—1869)—II—410, 411.
Фридрих II (Friedrich II) (1194—1250)—II—446.
Франсис, Джон (Francis, John) (1811—1882)—II—152, 154.
Фуггеры (Fugger)— крупнейшие немецкие купцы и банкиры XVI в.—II—471.
Фуллартон, Джон (Fullarton, John) (1780—1849)—I—440, 481, 489, 490, 492—494, 499, 500; II—1, 95.
Фурье, Франсуа Мари Шарль (Fourier, François Marie Charles) (1772—1837)—II—155, 316.

X

- Хардкасл, Даниэль* (Hardcastle, Daniel)—II—90, 162.
Хэббард, Джон Геллибранд (Hubbard, John Gellibrand) (1805—1889)—I—451; II—73, 89, 95—97, 123, 137.
Хорнер, Леонард (Horner, Leonard) (1785—1864)—I—92, 93, 100, 131, 134.
Хюльман, Карл Дитрих (Hüllmann, Karl Dietrich) (1765—1846)—I—344, 346; II—147.

Ч

- Чайльд, Джогай* (Child, Josiah) (1630—1699)—I—431; II—152, 153.
Чемберлен, Хью (Chamberlayne или Chamberlain, Hugh) (1664—1728)—II—151.

- Чомерс, Томас* (Chalmers, Thomas) (1780—1847)—I—264, 479.

III

- Шафтсбери* — см. *Эшли*.
Шербюлле, Антуан Элизе (Cherbuliez, Antoine Elisée) (1797—1869)—I—169.
Шмидт, Конрад (Schmidt, Conrad) (1863—1932)—I—10—12, 15, 17, 21; II—464, 465.
Шоу, Джордж Бернард (Shaw, George Bernard) (род. в 1856 г.)—I—9.
Шторх, Генрих (Storch, Heinrich) (1766—1835)—I—195; II—212, 392, 414, 419.

Э

- Энгельс, Фридрих* (Engels, Friedrich) (1820—1895)—I—15, 70, 78, 115, 127, 129, 132, 133, 146, 154, 161, 189, 245, 283, 325, 362, 363, 421, 422, 444, 453, 467, 476, 495—497; II—6, 9, 12, 30, 43, 60, 67, 77, 88, 95, 102, 103, 111, 117, 121, 123, 134, 155, 225, 259, 272, 283, 298, 334, 378, 463.
Эпикур (341—270 гг. до н. э.)—I—358; II—148.
Эшли, Антони Купер, граф Шафтсбери (Ashley, Antony Cooper, Earl of Shaftesbury) (1801—1885)—II—179.

Ю

- Юм, Давид* (Humes, David) (1711—1776)—I—408; II—93.
Юр, Эндрю (Ure, Andrew) (1778—1857)—I—83, 109, 420.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От Института Маркса — Энгельса — Ленина VII

Книга третья. ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ.

Часть вторая.

Отдел пятый. РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ. (Продолжение.)

Глава двадцать девятая. Составные части банкового капитала	1
Глава тридцатая. Денежный капитал и действительный капитал. I	15
Глава тридцать первая. Денежный капитал и действительный капитал. II. (Продолжение.)	35
1) Превращение денег в ссудный капитал	—
2) Превращение капитала или дохода в деньги, превращающиеся в ссудный капитал	43
Глава тридцать вторая. Денежный капитал и действительный капитал. III. (Окончание.)	46
Глава тридцать третья. Средства обращения при кредитной системе	63
Глава тридцать четвертая. Currency principle и английское банковое законодательство 1844 г.	92
Глава тридцать пятая. Благородный металл и вексельный курс.	112
I. Движение золотого запаса	—
II. Вексельный курс	122
Вексельный курс с Азией	124
Торговый баланс Англии	139
Глава тридцать шестая. Докапиталистические отношения.	142
Процент в средние века	160
Выгоды для церкви от запрещения процента	163

Отдел шестой. ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ.

Глава тридцать седьмая. Вводные замечания	164
Глава тридцать восьмая. Дифференциальная рента. Общие замечания	192
Глава тридцать девятая. Первая форма дифференциальной ренты (дифференциальная рента I)	202

Глава сороковая. <i>Вторая форма дифференциальной ренты (дифференциальная рента II)</i>	228
Глава сорок первая. <i>Дифференциальная рента II.—Первый случай: постоянная цена производства</i>	241
Глава сорок вторая. <i>Дифференциальная рента II.—Второй случай: понижающаяся цена производства</i>	250
Глава сорок третья. <i>Дифференциальная рента II.—Третий случай: повышающаяся цена производства</i>	268
Глава сорок четвертая. <i>Дифференциальная рента и с нау­ ждущей из возделываемых земель</i>	296
Глава сорок пятая. <i>Абсолютная земельная рента</i>	306
Глава сорок шестая. <i>Рента за строительные участки. Рента с рудников. Цена земли</i>	333
Глава сорок седьмая. <i>Генезис капиталистической земельной ренты</i>	343
I. Вводные замечания	—
II. Отработочная рента	351
III. Рента продуктами	356
IV. Денежная рента	359
V. Издольное хозяйство и крестьянская парцеллярная собствен­ ность	365

Отдел седьмой. ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ.

Глава сорок восьмая. <i>Триединая формула</i>	378
Глава сорок девятая. <i>К анализу процесса производства</i>	398
Глава пятидесятая. <i>Видимость, создаваемая конкуренцией</i>	420
Глава пятьдесят первая. <i>Отношения распределения и про­ изводственные отношения</i>	447
Глава пятьдесят вторая. <i>Классы</i>	455
ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «КАПИТАЛА»	457
I. Закон стоимости и норма прибыли	460
II. Биржа	478
<i>Указатель важнейших имен, упоминаемых в I и II частях XIX тома сочи­ нений К. Маркса и Ф. Энгельса</i>	482

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XIX, ч. 2-я. Госполитиздат, 1942 г.

★

Подготовитель Ф. Михалевский.

★

Слано в набор 3/У 1946 г. Подписано к печати 8/IV 1947 г. М-02701. Формат 68×100¹/₁₆.
Объем 34 п. л. Уч.-изд. л. 32. 40 000 зн. в 1 печ. листе. Тираж 30 тыс. Заказ № 620.
Цена 10 руб.

★

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфнига» ОГИЗа при
Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 20.